Джеймс Питер

Убийственно красиво

Посвящается Хелен

Предисловие

Считаю себя в неоплатном долгу перед недавно вышедшим в отставку главным суперинтендентом уголовного розыска Суссекса Дэйвом Гейлором. Он не только оказал бесценную помощь в работе над этой книгой, но и послужил прототипом главного героя, Роя Грейса. Более того, Дэйв неустанно читал и перечитывал рукопись и открыл для меня больше дверей в мир служителей закона Соединенного Королевства и зарубежья, чем я когда-либо смел надеяться.

Я также хочу выразить самую сердечную признательность многим другим сотрудникам суссекской полиции за их бесконечное терпение к моим назойливым расспросам, доброжелательность и готовность в любой момент прийти на помощь – особенно главному констеблю Кену Джонсу, любезно предоставившему мне полномочия наблюдать за ходом расследования, так сказать, изнутри. Горячую благодарность я испытываю к детективу-сержанту Полу Гастингсу, эксперту-криминалисту Джону Шоу, равно как к Рэю Пикэму и всем остальным сотрудникам научно-исследовательского отдела, чьи горячий энтузиазм и поддержка помогли придать форму основной части этого романа. Кроме того, огромное спасибо детективу-суперинтенденту Кевину Муру, инспектору Энди Парру, старшему суперинтенденту Питеру Коллу, детективу-сержанту холмсского отделения суссекской полиции Киту Халлету, консультанту аналитического отдела Брайану Куку, детективу-инспектору Уильяму Уорнеру и старшему следователю Стюарту Леонарду. Самые теплые чувства сохраню я и о сотрудничестве с детективом-констеблем Амандой Страуд и детективом-сержантом Луизой Пай из отдела семейных проблем и помощи несовершеннолетним, старшим следователем отдела особых расследований Тони Кейсом и консультантом службы высоких технологий Дэниэлом Сэлтером.

Мне ни за что не удалось бы обойтись без помощи коронера Эссекса доктора Питера Дина, патологоанатома доктора Найджела Киркэма и судебно-медицинского эксперта суссекского управления патологоанатома доктора Весны Джурович, а также на удивление веселой команды морга Брайтона и Хоува – Элси Суитмен, Шона Дидкотта и Виктора Финдона.

Помимо того, не могу не упомянуть о ценных советах Тони Моннингтона и Эдди Гриббла, помогавших мне разобраться в вопросах почвоведения и химии. От души благодарю Фила Хомана – моего наставника в управлении вертолетом, Сью Анселл – великолепного юриста, и конечно же Криса Уэбба, без которого я бы оказался как без рук, когда мой ноутбук похитили в аэропорту Женевы. Само собой, сердечное спасибо Иможен Ллойд-Уэббер, Анне-Лизе Линдеблад и Карине Коулман, читавших рукопись на разных стадиях и подаривших мне массу блестящих идей.

Я глубоко признателен моему чудесному агенту Кэрол Блейк за ее тяжелую, но весьма плодотворную работу и великолепные советы (и почти сверхъестественную трудоспособность!), а также Тони Малликену, Маргарет Виал, агентству «Мидас» и уж, конечно, совершенно фантастической команде моего издательства «Макмиллан». Все так охотно поддерживали меня и помогали, что я глубоко растроган. Прежде всего, мне хочется отметить Ричарда Чаркина, Дэвида Норта, Джоффа Даффилда, Анну Стокбридж, Бена Райта, Эда Рипли, Вивьен Нельсон, Лиз Джонсон, Кейтриону Роу, Клэр Раунд, Клэр Берн, Адама Хамфри, Мари Грей, Мишель Тейлор, Ричарда Эванса и моего гениального редактора Стеф Бирвирт – сокровище из сокровищ на все времена! Через Ла-Манш хочу крикнуть «Danke!» моим немецким издателям «Шерц» за их всеобъемлющую поддержку, в том числе Петеру Ломанну, Джулии Шейд, Андреа Энгену, Корделии Борхард, Бруно Бэку, Индре Хайнц и невольно внушающему трепет Андреа Дидриху – издателю, гиду и настоящему эксперту по шопингу!

Как обычно, благодарю своих верных собак Берти и Фиба: оба они, похоже, всегда чувствуют, когда я не прочь прогуляться… но еще не научились смешивать мне мартини!

Однако самая выдающаяся роль среди всех, кто помогал мне работать над книгой, безусловно, принадлежит моей любимой Хелен: сколько раз она вовремя подхватывала меня под локоть и побуждала двигаться вперед!

И наконец, благодарю своих читателей: спасибо вам за письма и теплые слова.

Питер Джеймс

Суссекс, Англия

scary@pavilion.co.uk

www.peterjames.com

1

Парадная дверь некогда богатого особняка с террасой открылась, и на залитую июньским солнцем улицу вышла длинноногая молодая женщина в коротком шелковом платье, которое, казалось, и обтягивает ее фигуру, и развевается вокруг. Она даже не догадывалась, что сегодня – последнее утро ее жизни.

Сто лет назад в эти высокие белые виллы, стоявшие почти вплотную к Брайтонскому приморскому бульвару, на выходные приезжали сливки лондонского общества: утонченные леди и джентльмены. Теперь же их мрачные, изъеденные солью фасады скрывали от посторонних глаз убогие меблирашки с крохотными дешевыми квартирками. Медные дверные молотки давно заменили панели домофонов, а беспрепятственно сыпавшийся из баков на тротуар мусор кружил на ветру прямо под аляповатыми рекламными щитами риелторских агентств, допустивших все это безобразие. У бровки тротуара стояли несколько машин, все как одна загаженные голубями и чайками.

Словно по контрасту, все в молодой женщине буквально излучало радость жизни и красоту: от беззаботной манеры встряхивать длинными светлыми волосами до золотистого средиземноморского загара и стройной, почти идеальных форм фигуры. Солнечные очки, браслет-змейка от Картье на запястье, свисающая с плеча сумочка от Ани Хиндмарш, а также легкий аромат «Исси Мияке», позволяющий даже в столь характерной для часа пик, насыщенной углекислым газом атмосфере оставаться сексуально привлекательной… Короче, это была девушка из тех, кто чувствует себя как дома везде: в бутике Бергдорфа Гудмена, в баре отеля «Шрегер» или на корме роскошной яхты в Сен-Тропе.

Неплохо для получающей ничтожную стипендию студентки юридического колледжа, которая, казалось бы, должна едва сводить концы с концами!

Однако Джейни Стреттон после смерти матери была слишком избалована отцом, чтобы всерьез относиться к самой мысли о *такой* необходимости. Ей легко удавалось зарабатывать деньги. Другое дело – иметь приличный доход благодаря выбранной ею карьере! Профессия юриста – по крайней мере, на начальном этапе – никаких жизненных благ не сулила. За плечами у Джейни было четыре года упорной учебы, и теперь ей предстояло пройти двухлетнюю стажировку в брайтонской юридической фирме присяжных поверенных в качестве помощницы адвоката, специализирующегося на разводах. Она получала от этого огромное удовольствие, несмотря на то, что некоторые дела, даже на ее взгляд, были слишком запутанными и… странноватыми.

Например, такие как вчера, когда к ним явился скромный семидесятилетний старикашка Берни Милсин в аккуратном сером костюме и тщательно повязанном галстуке. Джейни незаметно сидела в уголке кабинета и, как и ее тридцатипятилетний куратор Мартин Брум, делала заметки. По словам мистера Милсина, его супруга, будучи на три года старше, не желает кормить мужа, если он отказывается заниматься с ней оральным сексом. «Представляете, по три раза на дню! – жаловался он Мартину Бруму. – Это в моем-то возрасте! Да не могу я больше так резвиться: у меня артрит и жутко болят коленки, а этой гарпии все мало!»

Все, что могла сделать Джейни, – это не прыснуть со смеху. При этом она заметила, что Брум тоже едва сдерживается. Выходит, что чудить на белом свете способны не только мужчины. Похоже, странности бывают у обоих полов. Что ж, каждый день учишься чему-то новому и порой даже не понимаешь, где почерпнешь больше – в юридическом колледже Саутгемптонского университета или в обычной жизни.

Размышления Джейни, направлявшейся к своему красно-белому «мини-куперу», прервал писк мобильника, предупредившего о поступлении нового сообщения. Она посмотрела на дисплей.

«Сегодвеч. 20.30?»

Джейни улыбнулась и ответила кратким «целую». Затем, дождавшись, когда пройдет автобус и следовавшая вплотную за ним вереница машин, открыла дверцу «мини-купера» и несколько секунд сидела, собираясь с мыслями и думая о планах на день.

У ее кота Обжорика на спине появилась опухоль и теперь неуклонно растет. Джейни это совсем не нравилось, и она хотела отвезти его к ветеринару. Она наткнулась на Обжорика два года назад: оголодавший до предела бродяжка пытался залезть в один из ее мусорных баков. Джейни впустила кота в дом, и тот не изъявил ни малейшего намерения уходить. Может быть, из типично кошачьей независимости – мол, где хочу, там и живу, – а может, она сама его разбаловала. Но, черт возьми, Обжорик оказался ласковым и нежным созданием, а больше баловать ей было некого. Надо будет попробовать договориться сегодня на конец дня. Джейни прикинула, что если появится у ветеринара к половине седьмого, то у нее останется куча времени.

В обеденный перерыв надо купить поздравительную открытку и подарок отцу: в пятницу ему стукнет пятьдесят пять. Они не виделись уже месяц, поскольку папа мотался по делам в Штаты. Похоже, в последнее время он ездит в командировки все чаще, болтаясь, как потерянный, в поисках женщины, способной ему понравиться и заменить жену, а его дочери – мать. Отец никогда не говорил с ней об этом, но Джейни знала, насколько он одинок. К тому же он очень беспокоится о своем бизнесе, который, судя по всему, переживает не лучшие времена. И то, что они живут всего в пятидесяти милях друг от друга, положения не спасает.

Застегивая ремень безопасности, Джейни никоим образом не подозревала о направленных на нее с расстояния чуть более двухсот ярдов телескопических линзах цифровой фотокамеры «Пентакс», чье едва слышное пощелкивание тонуло в шуме моторов.

– Она выезжает, – сказал в трубку мобильника наблюдавший за девушкой мужчина.

– Ты уверен, что это она? – Стальной голос его собеседника прозвучал четко и отрывисто.

«Посмотреть на такую цыпочку – одно удовольствие», – подумал человек с «пентаксом». Даже через несколько дней круглосуточного наблюдения за Джейни – как у нее дома, так и повсюду, где она только бывала, – девчонка по-прежнему «била ниже пояса».

– Да, уверен, – буркнул он, хотя счел вопрос просто-напросто дурацким.

2

– Я в поезде! – проорал в мобильник сидевший рядом с Томом здоровенный жирный увалень с физиономией умственно отсталого младенца. – В поезде. В по-ез-де!.. Да-да, хреновая связь.

Тут поезд вошел в туннель.

– Твою мать! – буркнул Увалень.

Зажатый на скамье между ним справа и яростно строчившей что-то в блокноте девицей, источавшей тошнотворный приторно-сладкий запах духов слева, Том Брайс криво усмехнулся. Симпатичный тридцатишестилетний мужчина в шикарном костюме с приятным открытым лицом, в данный момент слегка осунувшимся от усталости, и спадающей на лоб темно-каштановой челкой, он то и дело ерзал в удушающей жаре вагона, утирая пот и чувствуя себя столь же неуютно, как приобретенный для жены букетик цветов в багажной сетке наверху. Температура в салоне зашкаливала за тридцать, но казалось, что гораздо жарче. В прошлом году Том ездил первым классом – в вагонах с кондиционером и не так плотно набитых, но сейчас приходилось экономить. Несмотря на то, что раз в неделю или около того он по-прежнему любил порадовать Келли цветами.

Полминуты спустя, стоило поезду вырваться из туннеля, Увалень снова нажал на кнопку мобильника, и кошмар возобновился.

– Только что проехали туннель! – проорал он так, словно они все еще находились там. – Да, мать твою, просто не верится! Неужто до сих пор никто не придумал такие провода или еще какую-нибудь хреновину, чтобы наладить нормальную связь? В туннеле, понимаешь? Кое-где в автомобильных туннелях она ведь уже есть, верно?

Том постарался отвлечься и сосредоточиться на электронной почте в ерзающем у него на коленях ноутбуке «Макинтош». Всего-навсего очередное паршивое завершение очередного паршивого дня в конторе. Ему надо было ответить более чем на сто писем, а их с каждой минутой становилось все больше. Он разбирал эти авгиевы конюшни каждый вечер, прежде чем отправиться в постель, – только это незыблемое правило помогало поддерживать рабочую форму на высоте. Какую-то часть составляли анекдоты (их Том собирался просмотреть позже), какую-то – не слишком благопристойные послания друзей со скабрезными картинками, которые он по опыту зарекся открывать в поезде: с тех самых пор,

как, сидя рядом с почтенной леди, имел неосторожность заглянуть в очередное послание, где оказалась обнаженная блондинка, с увлечением орально ублажавшая осла.

Поезд постукивал и позвякивал, раскачивался и трясся, мелко вибрировал, въезжая в очередной туннель по пути к Брайтону… В щели приоткрытых окон над головой со свистом задувал ветер, а стук колес, отражаясь от невидимых в темноте стен, создавал гулкое эхо. Неожиданно в вагоне запахло старыми носками и копотью. Висевший на крючке кейс начал раскачиваться, и Том нервно посмотрел вверх, проверяя, не собирается ли тот упасть. На пустой доске объявлений над головой толстой, неряшливого вида девицы в тесной юбке, читавшей журнал «Хит», кто-то коряво намалевал черной краской из баллончика: «ЧАЙКИ – ЗОСРАНКИ!»

Вполне в духе футбольных фанатов, подумал Том. Даже свои любимые ругательства не могут написать грамотно.

По его шее стекали струйки пота, проникая за воротник, и сшитая на заказ белая рубашка неприятно липла к коже. С каким бы наслаждением Том сейчас снял бы пиджак, распустил узел галстука, а заодно скинул слишком узкие черные туфли от Прады. Когда поезд наконец вырвался из очередного туннеля и он оторвал покрытое испариной лицо от монитора, воздух за окном мгновенно изменился: теперь он был напоен сладким и густым ароматом даунлендского разнотравья, а еще через несколько минут в нем появится и едва заметный привкус соли, принесенный ветром с Ла-Манша. После четырнадцати лет непрерывных разъездов Том мог с закрытыми глазами определить, когда приближается к дому.

Некоторое время он любовался из окна на проплывающие мимо поля, фермерские коттеджи, мощные опоры акведука и водохранилище, отдаленные пологие холмы, а затем вернулся к электронной почте. Том прочитал и удалил письмо от своего менеджера по продажам, затем ответил на жалобу – вот еще один важный клиент сердится, что заказ для летней рекламной кампании не поступил вовремя: на сей раз шариковые ручки с названием фирмы, а ранее – именные зонтики для гольфа. Весь его отдел заказов и доставки пребывал в полном беспорядке – отчасти из-за установки новой компьютерной программы, но в большей степени – из-за не способного разобраться в ней идиота. На уже довольно тесном рынке это наносило Тому серьезные убытки: два крупных клиента – бюро проката автомобилей «Авис» и компьютерная фирма «Эппл», – недолго думая, на одной неделе ушли к конкурентам.

Кошмар, да и только!

Бизнес скрипел по швам под тяжестью долгов, отчаянно требуя расширения поля деятельности и применения новых методов работы. Это было то же самое, что перезаложить дом. Он никогда бы не позволил Келли уговорить его сменить жилье – во всяком случае, не в тот момент, когда цены на рынке падают, а его бизнес переживает далеко не лучшие времена. Теперь Том изо всех сил старался сохранить платежеспособность. Фирма постепенно превращалась в убыточную. Однако, несмотря ни на какие увещевания, Келли, как безумная, продолжала сорить деньгами. Почти каждый день она покупала что-то новое (в основном по *eBay*[1]), а поскольку всякий раз считала это «выгодной сделкой», то не желала признавать себя мотовкой. Кроме того, возражала она мужу, он всегда покупает себе дорогие дизайнерские вещи – так за что корить ее?! Похоже, ее совершенно не волновало, что Том подыскивает себе одежду лишь на распродажах, да и то потому, что в его бизнесе внешность играет крайне важную роль.

Он настолько расстроился, что недавно даже разоткровенничался насчет несуразных трат жены с другом, лечившимся от тяжелой депрессии после долгого и мучительного развода. За водкой с мартини – напитком, коим Том за последние месяцы увлекался все

больше, – Брюс Уоттс поведал ему о существовании особого типа людей, по натуре не способных удержаться от безрассудного мотовства, но это лечится. Том подумал, не подхватила ли Келли слишком тяжелую форму этой «болезни» – и если да, как с этим бороться?

– Привет, Билл, это Рон! – тем временем снова завопил Увалень. – Да-да, верно, тот самый! Просто я подумал, что мне стоит по-быстрому рассказать тебе… Черт! Билл! Алло!

Том, не поворачивая головы, покосился на соседа. Судя по всему, его мобильник заглох. Вот уж смилостивился Господь! Иногда и в самом деле в него поверишь! И тут же послышалось пиликанье другого телефона.

«Да это же мой», – понял он, почувствовав вибрацию в кармане рубашки. Украдкой оглядевшись, Том достал его, посмотрел на определитель номера и закричал что было сил:

– Привет, дорогая! Я в поезде! В по-ез-де! Я опаздываю! – Он улыбнулся Увальню, наслаждаясь краткими мгновениями мести.

Пока он говорил с Келли, понизив голос до более цивилизованного тона, поезд затормозил на станции Престон-парк, последней остановке перед Брайтоном. Увалень, подхватив крошечную, дешевого вида пластиковую сумку и матерчатую тележку, вышел. Состав двинулся дальше, и лишь через несколько секунд после окончания разговора Том заметил на соседнем сиденье забытый компакт-диск.

Он подобрал его и осмотрел, пытаясь найти хоть что-нибудь, указывающее на имя владельца. Диск лежал в коробочке из дымчатого пластика – без каких-либо наклеек или надписей. Открыв ее, Том достал серебристый диск, перевернул его и тщательно изучил со всех сторон, но так ничего и не обнаружил. Что ж, он вставит его в свой компьютер, откроет и посмотрит, нет ли там чего полезного, а нет, так отдаст в бюро находок. Не то чтобы Увалень этого заслуживал…

По обе стороны железнодорожных путей постепенно поднимались высокие меловые утесы, затем тот, что слева, уступил место домам и парку. Еще несколько минут – и Том в Брайтоне. Времени возиться с компакт-диском уже не было, придется посмотреть его вечером.

Будь у Тома хотя бы малейшее представление, в какой кошмар эта чертова штуковина вскоре ввергнет его жизнь, он бы и пальцем к ней не притронулся!

3

Щурясь от низкого закатного солнца, Джейни в панике сверилась с часами на приборной доске «мини-купера» и тут же вперила взгляд в наручный браслет. 19.55. Боже!

– Обжорик, мы уже почти дома! – звенящим от волнения голосом бросила она, проклиная вечно забитую брайтонскую прибрежную автостраду и себя за то, что не выбрала другую дорогу. Затем отправила в рот подушечку жвачки.

В отличие от хозяйки, кот не намечал на сегодня никаких страстных свиданий и никуда не торопился. Он спокойно сидел в корзине-переноске на переднем сиденье машины, мрачно взирая на мир сквозь прутья решетки, – возможно, разнервничался, да и кому понравится ветеринарный осмотр? Джейни протянула руку, чтобы переноска не качалась, когда она слишком быстро свернула на свою улицу, и сбросила скорость, подыскивая место для парковки.

Она вернулась намного позже, чем рассчитывала – ее задержал шеф, – надо же, чтобы именно сегодня! Как нарочно подгадал! Пришлось помочь готовить материалы для завтрашнего разбирательства с клиентом по одному особенно каверзному делу о разводе.

Клиент был нахальным и самоуверенным, хотя и смазливым бездельником, женившимся на богатой наследнице и теперь рассчитывавшим отхватить от ее состояния изрядный куш. Джейни возненавидела его с того самого момента, как несколько месяцев назад впервые увидела в кабинете шефа: с ее точки зрения, это был типичный паразит, и девушка втайне надеялась, что он не получит ни пенни. Она никогда не делилась подобными соображениями с шефом, хотя и подозревала, что он испытывает те же самые чувства.

Потом Джейни больше получаса промариновали в приемной клиники, пока их с Обжориком наконец не впустили в кабинет ветеринара мистера Конти. Консультация не принесла ей особой радости. Кристиан Конти, молодой и довольно угрюмый для людей этой профессии, долго осматривал опухоль на спине кота, а затем ощупал все тельце. В итоге Конти попросил привезти Обжорика на следующий день для биопсии, и у Джейни от ужаса захватило дух: а вдруг доктор заподозрил, что опухоль – злокачественная?!

Доктор Конти, как мог, постарался развеять ее опасения и перечислил целый список других возможных заболеваний, но девушка все равно вышла от хирурга в самом угнетенном состоянии.

Заметив впереди маленький проем между двумя машинами, совсем рядом с ее дверью, Джейни затормозила и дала задний ход.

– Ты в порядке, Обжорик? Голодный?

За те два года, что кот прожил у нее, она привязалась к рыжевато-белому зверьку с пышными бакенбардами и зелеными глазами. Казалось, в этих глазах светится сама кошачья душа: вот он, вроде бы тихо мурлыча, спит на коленях у хозяйки перед телевизором и вдруг бросит на нее такой взгляд: совсем человеческий, взрослый, все понимающий… Как же был прав тот, кто сказал: «Иногда, играя со своим котом, я задумываюсь, а не он ли играет со мной?»

Джейни слегка подала назад, пытаясь занять свободное место, однако промахнулась. Пришлось попробовать еще раз. Что ж, не идеально, но все-таки сойдет. Закрыв люк на крыше, она подхватила переноску и вылезла из машины, чуть помедлив, чтобы еще раз уточнить время, словно каким-то чудом могла ошибиться. Увы, нет. Одна минута девятого!

На то, чтобы покормить Обжорика и переодеться, оставалось всего полчаса. А ведь у нее свидание с парнем, просто помешанным на пунктуальности! Перед встречей он всегда требовал точнейшего соблюдения ритуала: руки и ноги должны быть начисто выбриты, одни и те же точки слегка надушены «Исси Мияке», голова – вымыта привычными шампунем и кондиционером, косметика – только та, что он выбрал для нее сам… Даже волосы в низу живота ей полагалось стричь чуть ли не под корень – на «бразильский лад».

Он заранее предупреждал, какие платье и драгоценности надеть, даже в каком месте квартиры она обязана его дожидаться. С его появлением в жизни Джейни все изменилось – она всегда была независимой по натуре и не позволяла мужчинам собой вертеть. Но что-то в этом деспоте притягивало ее настолько неудержимо, что она была не в силах противиться. Это был ершистый уроженец Восточной Европы, мощного телосложения и обожавший ярко одеваться, в то время как все мужчины, с которыми Джейни когда-либо встречалась раньше, были слишком мягки и «цивилизованны». После всего трех свиданий девушка почувствовала, что угодила в рабскую зависимость: от одной мысли о нем ее бросало в жар.

Заперев «мини-купер» и повернув к дому, Джейни второпях даже не заметила единственную на улице машину, не загаженную голубями и чайками: блестящий черный «фольксваген-GTI» с тонированными стеклами, припаркованный чуть впереди. Сидевший на водительском месте и невидимый извне человек, не переставая наблюдать за ней в крошечный бинокль, достал мобильный телефон и набрал номер.

Вскоре после половины восьмого Том Брайс, миновав на своем спортивном серебристом «ауди-эстейте» теннисные корты, оказался в районе Хоув-парка – излюбленного места отдыха брайтонцев. Вот и сейчас здесь было полно народу: кто-то выгуливал собак или играл в спортивные игры, а кто-то просто лениво загорал на траве, наслаждаясь теплом этого долгого дня в самом начале июня.

Окна в машине были опущены, и в салоне витал ветерок, напоенный запахом недавно подстриженных газонов, прекрасно сочетавшийся с мягким голосом Гарри Конника-младшего, которого Том любил, а Келли считала не заслуживающим внимания. Впрочем, Синатра ей был тоже до лампочки. Она была органически не в силах воспринять хороший вокал, поскольку страстно обожала такие стили, как «хаус» и «гараж»: все эти таинственные пульсирующие звуки, каковые ему никогда не удавалось связать воедино.

Чем дольше они жили вместе, тем, казалось, меньше у них остается общего. За последнее время Том не мог вспомнить, чтобы им понравился один и тот же фильм, и «Джонатан Росс» по вечерам в пятницу был чуть ли не единственной телепрограммой, которую они постоянно смотрели вместе. Но они любили друг друга, в этом-то он не сомневался. К тому же дети – важнее *всего*.

Эти вечерние минуты Том ценил больше всего на свете: вернуться домой к обожаемой семье! И сейчас контраст между липкой духотой Лондона, а затем – мучениями в поезде и очарованием тихого брайтонского вечера казался особенно ощутимым.

Его душевный подъем достиг головокружительных вершин к тому моменту, когда он пересек чванливую Вудленд-Драйв, прозванную в городе Садком миллионеров с ее длинными рядами симпатичных, стоящих особняком домов; многие из них от дороги отделяли живая изгородь, а то и лесок. Келли мечтала когда-нибудь тут поселиться, но сейчас по финансовому положению семья Брайс пребывала не в той весовой категории. «И, судя по тому, как идут дела, скорее всего, там и застрянет», – хмуро подумал Том. Он продолжал ехать на запад, вдоль куда более скромной Голдстоун-Кресчент, по обе стороны застроенной аккуратными коттеджами на две семьи, а затем свернул направо на Верхнюю Виктория-авеню.

Никто точно не знал, почему ее называют «верхней», поскольку «нижней» Виктория-авеню в городе не было. Пожилой сосед Тома Лен Уэйнрайт, тайно прозванный им с Келли Жирафом, поскольку вымахал почти до семи футов, однажды в приступе не вполне здоровой эрудиции проорал через ограду, разделяющую их участки: должно быть, это потому, что улица ведет к вершине довольно крутого холма. Конечно, это было не самым толковым объяснением, но лучшего никто пока не придумал.

Верхняя Виктория-авеню располагалась в районе, построенном лет тридцать назад, но до сих пор выглядящем так, будто он еще не достиг зрелости. Платаны вдоль улицы по-прежнему смахивали на подросшие саженцы, а не настоящие деревья, красный кирпич двухэтажных коттеджей все так же блестел чистотой, деревянная, в тюдоровском стиле, отделка крыш не пострадала от нашествия червей и непогоды. Это была тихая улочка с кучкой магазинов на горке, где в основном жили сами владельцы – как правило, молодые пары с детишками. В отличие от Лена и Хильды Уэйнрайт, пенсионеров из Бирмингема, переехавших сюда по совету врача: мол, морской воздух будет полезен для астматички Хильды. Впрочем, Том придерживался мнения, что старушке было бы куда пользительнее не выкуривать по две пачки сигарет в день.

Он загнал свою «ауди» на стоянку рядом с ржавеющим «эспейсом» Келли, сунул в карман мобильник и вылез из машины, прихватив с собой кейс и букетик цветов. Газетный киоск напротив был еще открыт, как и маленький гимнастический зал, но в парикмахерской, скобяной лавке и риелторском агентстве жалюзи были опущены. Неподалеку на автобусной остановке, передавая друг другу сигарету, топтались две девочки-подростка, вырядившиеся

для вечерней дискотеки в такие короткие мини-юбки, что едва прикрывали ягодицы. На секунду задержав взгляд на их стройных ножках, Том тут же почувствовал себя старым развратником и поспешно отвернулся.

А затем он услышал, как открылась входная дверь, и голос Келли возбужденно прокричал:

– Папа вернулся!

Будучи бизнесменом, Том никогда не лез за словом в карман, но, попроси его кто-нибудь описать, что он испытывает каждый вечер по будням, когда приезжает домой и его радостно встречают самые близкие на свете люди, вряд ли сумел бы это сделать. Это был сплошной поток радости, гордости, чистой любви… Если бы он мог навеки запечатлеть хоть какое-то мгновение жизни, наверняка выбрал бы это: вот он стоит на пороге, детишки с радостным визгом крепко его обнимают, а их восточноевропейская овчарка Леди уже с надеждой на морде сжимает в зубах поводок, шлепая лапой по земле и бешено виляя хвостом. И тут навстречу выходит сияющая Келли…

Она и в самом деле стояла на пороге в брючках из денима и белой футболке, ее лицо, обрамленное светлыми кудряшками, освещала чудесная улыбка. Том вручил ей букет розовых, желтых и белых цветов.

Келли поступила так же, как всегда, когда он дарил ей цветы. Ее голубые глаза сверкнули от радости, секунду она повертела их в руках, восхищенно ахая, как будто это самый чудесный букет из всех, что она когда-либо видела. Затем она поднесла его к носу – маленькому, вздернутому носику, столь любимому Томом, – и понюхала их.

– Ого! Вы только посмотрите. Розы! Мои самые любимые цветы самых любимых расцветок. Ты такой заботливый, дорогой! – Она поцеловала мужа.

Сегодня поцелуй длился дольше обычного. Может быть, ночью ему повезет? «Или, прости господи, – подумал он, и на миг сердце екнуло от дурного предчувствия, – Келли готовит меня к известию о какой-нибудь очередной безумной новой покупке?»

Но когда Том вошел, она промолчала, а он не увидел ни одной упаковочной картонки или ящика, никаких «технических новинок» и прочих штучек-дрючек. Десять минут спустя, стянув пропотевший костюм, приняв душ и переодевшись в шорты и футболку, он вышел из ванной, и его неустойчивое настроение обрело ровное (пусть даже временное) стремление вверх.

Макс – семь лет, четырнадцать недель и три дня от роду – изображал Гарри Поттера: он был в каких-то несусветных резиновых браслетах и гордо щеголял сразу в двух натянутых одна на другую майках: белой с лозунгом «Отправим нищету в прошлое!» и черно-белой с антирасистским призывом «Встань и не сдавайся!».

Довольный тем, что Макс проявляет интерес к окружающему миру, пусть даже не понимая точного значения надписей, Том сидел в кресле у постели сына в комнатке с ярко-желтыми обоями и по второму разу читал ему вслух любимую книжку. Макс, свернувшись на постели клубком и высунув светловолосую растрепанную головенку из своего «гарри-поттеровского» облачения, с широко раскрытыми глазами жадно ловил каждое слово.

У четырехлетней Джессики болели зубы, и она вдруг закапризничала – естественно, никакие сказки или истории сейчас девчушку не интересовали. Ее жалобное похныкивание за стеной, похоже, не поддавалось никаким увещеваниям Келли.

Дочитав главу, Том чмокнул сына в нос и, пожелав ему спокойной ночи, поднял с пола сумку и поставил на полку рядом с игровой приставкой «Плэйстейшн». Потом выключил свет и еще раз послал Максу от двери воздушный поцелуй. Заглянув в розовую комнатку Джессики – настоящее царство Барби, – он увидел зареванную мордочку дочери. Келли, державшая на коленях «Груффало»[2], лишь беспомощно пожала плечами. Пару минут Том

пытался успокоить дочь сам, но столь же безуспешно. Келли сказала, что на утро записала ее на срочный прием к дантисту.

Том спустился вниз, осторожно проскользнув между двумя забытыми на ступеньках Барби и подъемным краном из конструктора «Лего» на кухню, где витал дразнящий аромат вкусного ужина, и едва не споткнулся о трехколесный велосипед Джессики. Леди, развалившись в корзине и сосредоточенно обгладывая кость размером с ногу динозавра, вновь с надеждой посмотрела на него и заискивающе дернула хвостом. Потом выпрыгнула из корзины, обошла комнату и, завалившись на спину, задрала лапы.

Почесав ее ногой, отчего Леди, глуповато, по-собачьи, улыбаясь, затрясла ушами, Том сказал:

– Попозже, старушка-приставушка, обещаю. Будет тебе прогулка. О'кей? Договорились?

Именно эта кухня окончательно повлияла на решение Келли купить дом. Предыдущие владельцы потратили на нее целое состояние: все из мрамора и рифленой стали, а уж Келли постепенно добавила чуть ли не все мыслимые и немыслимые приспособления, какие только мог позволить их трещавший по швам банковский счет.

В окно был виден маленький прямоугольный садик и посреди него – разбрызгивающий воду распылитель. Сейчас под водяным зонтиком нежился черный дрозд, подняв крыло и почесываясь клювом. На бельевой веревке висели крошечные, яркие детские одежки, под ними на траве лежал пластмассовый скутер. В крохотной теплице в конце сада росли посаженные самим Томом помидоры, малина, клубника и кабачки.

Он впервые попытался что-то вырастить собственными руками и теперь страшно гордился своими достижениями – пока что. Над оградой виднелась длинная, унылая физиономия Жирафа: сосед день-деньской торчал в саду, что-нибудь подстригая, пропалывая, сгребая листья, поливая; его долговязая фигура так и дергалась вверх-вниз, вверх-вниз, подобно старому усталому подъемному крану.

Затем Том в поисках чего-нибудь новенького окинул взглядом одну из стен, стараниями Макса и Джессики почти сплошь покрытую акварельными и карандашными рисунками. В отличие от Гарри Поттера Макс сходил с ума по автомобилям, и большинство его картин было посвящено какой-либо технике. На рисунках Джессики красовались какие-то странные люди и еще более странные животные, причем в небе всегда сияло яркое солнце. Обычно она была жизнерадостной девчушкой, и, увидев ее сегодня в слезах, Том очень расстроился. Вот и полюбоваться чем-нибудь новым не удалось.

Он сделал себе коктейль – водка «Полстар» с клюквенным соком, – добавив туда толченого льда из их шикарного американского холодильника – еще одной «выгодной сделки» Келли со встроенным в дверцу телеэкраном, – и перенес стакан в гостиную. Затем прикинул, не устроиться ли ему в музыкальном уголке, где все еще солнечно, или посидеть в саду на лавочке, но вместо этого решил немного посмотреть телевизор.

Взяв пульт, Том уселся в свое дорогущее откидное кресло, заказанное по Интернету исключительно для себя, перед самой последней экстравагантной «выгодной сделкой» Келли: огромным телевизором «Тошиба» с плоским экраном. Он занимал полстены и обошелся Тому в кошмарную сумму, хотя, надо признать, по нему было здорово смотреть спортивные программы. Как обычно, на экране возникла заставка «Потребительского канала QVC». Разумеется, подключенная к телевизору клавиатура Келли лежала рядышком – на диване.

Том перебрал несколько каналов, пока не наткнулся на «Симпсонов» и немного их посмотрел. Ему нравился этот сериал, а самым любимым персонажем был Гомер, поскольку он ему сочувствовал. Что бы этот бедолага ни делал, ему всегда крепко доставалось.

Прихлебывая коктейль, Том почувствовал, как ему становится легче. Он любил это кресло, эту комнату со столовой в одном конце и просторным музыкальным уголком – напротив. Любил развешанные повсюду фотографии детей и жены, абстрактные картины в рамках, зарисовки Дворцового пирса – в общем, «доступное искусство», нравившееся и ему, и Келли, – а также стеклянный шкафчик, набитый призами за победы в состязаниях по гольфу и крикету.

Наконец плач Джессики наверху стих. Том допил коктейль и делал себе новый, когда на кухню вошла Келли. Несмотря на усталое выражение лица, отсутствие косметики и рождение двоих детей, жена по-прежнему выглядела стройной и прекрасной.

– Ну и денек! – воскликнула она, драматически всплеснув руками. – Пожалуй, я тоже не прочь немножко выпить.

Это был хороший признак: от алкоголя она всегда становилась любвеобильной. К тому же Том весь день мечтал о близости с ней. Он проснулся в шесть утра, как обычно, возбужденный и, как обычно, навис над Келли в надежде на теплый прием. Увы! Том уже давно заподозрил, что у его супруги есть некая тайная кнопка, и стоит на нее нажать, как в спальню влетают дети, сводя на нет все его поползновения.

«В каком-то смысле моя жизнь катится по проторенной дорожке, – подумал он. – Постоянные проблемы на работе, постоянно растущие долги и постоянный голод в постели».

Пока Келли помешивала в горшочках жюльен из цыпленка, одновременно ловко управляясь с полной картошки тушильницей и регулируя температуру в духовке, Том, млея от восхищения, сделал ей большой коктейль: сам он ни за что не осилил бы столько дел сразу.

– Ну как, Джесс полегчало?

– Сегодня она была капризулей, только и всего. С ней все отлично. Я дала ей лекарство, которое снимет боль. Как прошел день?

– Лучше не спрашивай.

Келли обхватила лицо Тома ладонями и поцеловала.

– Когда у тебя в последний раз был удачный день?

– Прости, я и не думал жаловаться.

– Ну, так поговори об этом. В конце концов, я – твоя жена, со мной-то ты поделиться можешь!

Том благодарно взглянул на Келли и, прижав к себе, поцеловал в лоб.

– За ужином. Ты такая красивая. И с каждым днем становишься все прекраснее.

Келли с усмешкой покачала головой.

– Нет, все дело в твоем зрении – боюсь, это возрастное. – Она отступила на шаг и небрежным жестом очертила собственную фигуру. – Тебе это нравится?

– Что именно?

– Эти брючки.

Настроение у Тома моментально испортилось.

– Это что, обновка?

– Да, только сегодня доставили.

– Что-то они не похожи на новые.

– И не должны. Это от Стеллы Маккартни. Круто, верно?

– От дочери Пола?

– Да.

– Я думал, у нее дорогие вещи.

– Как правило, да, но… это была «выгодная сделка».

– Разумеется. – Он продолжал смешивать ей коктейль, не желая ссориться.

– Я пошарила в Интернете насчет отпуска и нашла очень симпатичный вариант. И еще выяснила, когда мама с папой смогут взять детей – первая неделя июля. Это подходит?

Том достал из кармана наладонник[3] и заглянул в календарь.

– На третьей неделе у нас выставка в «Олимпии», но начало июля подходит. Только это должно быть что-то по-настоящему дешевое. Может, нам поехать отдохнуть где-нибудь в Англии?

– Что ты! – воскликнула Келли. – Цены в Сети баснословно низкие! За неделю в Испании мы потратим куда меньше, чем если бы остались дома! Можешь заглянуть на кое-какие сайты: я их тебе записала. Посмотри после ужина. Подружка Холли с нашей улицы сумела отхватить недельный тур в Санта-Лючию всего за двести пятьдесят фунтов. Может, и впрямь стоит серьезно подумать о Карибах?

Том спрятал наладонник, обнял жену и поцеловал.

– Я подумал, что сегодня могу дать компьютеру отдохнуть и сосредоточиться на тебе.

Келли ответила на поцелуй.

– Терпеть не могу эту твою манеру уходить от темы! – Она лукаво улыбнулась. – И еще я хотела посмотреть программу Джейми Оливера. Ты его терпеть не можешь, и тебе будет куда интереснее провести эти полчаса наверху со своим драгоценным «ящиком».

– Куда бы ты хотела поехать больше всего, если бы мы могли себе это позволить? – спросил Том, передавая ей высокий бокал.

– Куда угодно, где нет вопящих детей.

– Ты и в самом деле не против оставить их? Не передумала? Уверена? – Прежде Келли никогда не соглашалась даже ненадолго расстаться с детьми.

– В данный момент я бы с удовольствием их продала, – засмеялась она и одним глотком осушила полбокала «Морского бриза».

Через час, вскоре после девяти, Том поднялся к себе в кабинетик с видом на улицу. Солнце еще не зашло: он обожал долгие летние вечера и с удовольствием подумал, что еще несколько недель они будут становиться все длиннее. Вдалеке – между двумя домами напротив – поблескивал маленький синий треугольник Ла-Манша. По небу стремительно пронеслась стайка жаворонков. С соседского двора долетел запах жареного мяса – настолько аппетитный, что в животе у Тома заурчало, даже несмотря на то, что он только что поужинал.

В гимнастическом зале какой-то бедняга из последних сил отжимался от скамейки, над ним нависал тренер. Это напомнило Тому, что помимо ежедневной короткой прогулки с Леди вокруг квартала он месяцами обходится без физической нагрузки.

Может быть, хотя бы в такую погоду стоит гулять с Леди подольше? Или снова заняться плаванием? Игра в гольф раз в неделю никак не влияла на его талию, а кроме того, Том терпеть не мог сборища мужчин с дряблыми пивными животиками в раздевалке гольф-клуба и с беспокойством осознавал, что и сам вот-вот обзаведется таким же. Словно мысленно отдавая себе приказ, он помял живот кулаками. *Погоди-погоди, к отпуску ты у меня как следует подтянешься!*

Прихлебывая уже третий коктейль, Том чувствовал приятную расслабленность, заботы сегодняшнего дня утонули в легком алкогольном тумане. Он поставил стакан рядом и нерешительно посмотрел на цифровую видеокамеру, прикрепленную к столу на высоком штативе, благодаря которой время от времени связывался с живущим в Австралии братом, затем включил ноутбук и открыл папку «Входящие». Почти тотчас же Том наткнулся на сообщение от своего бывшего шефа из «Мотивэйшн бизнес» Роба Кемпсона – они до сих пор поддерживали дружеские отношения:

«Том,
в темпе ознакомься с приложением!
Роб».

Вместо того, чтобы щелкнуть мышкой, Том достал из коробочки забытый Увальнем в поезде компакт-диск и вставил в компьютер. Тут же включилась антивирусная программа, но, когда «иконка» компакт-диска наконец возникла на мониторе, его по-прежнему нельзя было идентифицировать. Том дважды щелкнул мышкой.

Секунду спустя «рабочий стол» компьютера опустел, а на мониторе появилось маленькое окошко с сообщением:

«Подтвердите правильность адреса „Макинтоша".
Чтобы продолжить, щелкните „ДА", чтобы выйти из системы – „НЕТ"».

Решив, что это обычные проблемы совместимости систем «Виндоуз» и «Эппл-Макинтош», Том нажал «да». Через мгновение выскочила новая надпись:

«Добро пожаловать, абонент. Соединение устанавливается».

А следом за ней – логотип:

«СКАРАБ ПРОДАКШН».

Почти сразу он растворился, и на мониторе проступили очертания комнаты. Изображение было слегка зернистым, словно Том видел его через глазок камеры видеонаблюдения.

Это была довольно большая комната, на вид – женская, с маленькой двуспальной кроватью, накрытой стеганым одеялом и беспорядочно разбросанными по нему подушками, непритязательным ночным столиком, деревянным комодом в изножье постели, парой пушистых ковров на полу и закрытыми вертикальными жалюзи. Ее освещали две прикроватные лампы, еще одним источником света служила полуоткрытая дверь ванной. На стенах висела пара черно-белых фотографий «ню» работы Гельмута Ньютона. Напротив кровати стоял большой шкаф с зеркалом, в котором отражалась дверь, судя по всему ведущая в коридор.

Из ванной, поправляя одежду, вышла стройная молодая женщина и, явно нервничая, посмотрела на часы. Элегантная и красивая, с длинными светлыми волосами, одетая в облегающее черное платье с ниткой жемчуга на шее, она держала под мышкой сумочку с таким видом, словно собиралась на вечеринку. Она немного напомнила Тому Гвинет Пэлтроу, и на долю секунды ему даже показалось, что это она. Однако стоило девушке повернуть голову, и он увидел, что ошибся, хотя она была очень похожа на актрису.

Незнакомка присела на край постели и, к удивлению Тома, скинула туфли на высоком каблуке, а затем снова встала и принялась расстегивать платье.

Буквально через несколько секунд дверь у нее за спиной распахнулась, и в комнату вошел коренастый, мощного телосложения мужчина во всем черном вплоть до надвинутого на лицо капюшона. Закрыв дверь затянутой в перчатку рукой, он медленно направился к явно не подозревавшей о его присутствии женщине, тем временем расстегивавшей ожерелье.

Мужчина достал из-под черной кожаной куртки нечто блеснувшее в свете ламп, и Том ошарашенно подался к монитору, когда понял, что это такое: длинный и узкий стилет.

Настигнув женщину двумя быстрыми шагами, мужчина обхватил ее за горло и всадил стилет меж лопаток. Женщина ахнула от боли, и Том застыл на месте, не понимая, то ли это актерская игра, то ли все происходит на самом деле. Однако, когда мужчина выдернул стилет, лезвие было покрыто чем-то красным, весьма смахивавшим на кровь. Он ударил ее еще раз; затем – еще, и из ран фонтанами брызнули тугие алые струи.

Женщина упала на пол. Мужчина опустился на колени, сорвал с нее платье, полоснул по застежке лифчика ножом и, стянув его, грубо перевернул жертву на спину. Ее глаза закатились, большие груди свесились набок. Вспоров резинку черных колготок, он одним движением сдернул их и несколько секунд любовался восхитительным обнаженным телом… а затем всадил нож в живот чуть повыше стриженных «на бразильский лад» волосков.

Борясь с тошнотой, Том положил руку на клавиатуру, стремясь как можно скорее выйти из сайта, но болезненное любопытство заставляло смотреть дальше. Вдруг это и впрямь актриса, а нож – бутафорский, как и кровь, хлещущая у нее из живота? Мужчина продолжал с остервенением орудовать ножом.

Услышав звук открывающейся двери, Том чуть не подпрыгнул от испуга и резко обернулся. Перед ним стояла Келли с бокалом вина, явно навеселе.

– Ну что, милый, нашел что-нибудь интересненькое?

– Нет, – чуть дрожащим голосом пробормотал Том. – Ничего… нет… Я…

Она обняла его за шею, пролив несколько капель вина на компьютер.

– Ой, прос-с-сти, милый!

Том достал из кармана платок и вытер вино. Пока он этим занимался, Келли сунула свободную руку ему за пазуху и принялась теребить сосок.

– Я решила, что на сегодня ты поработал достаточно. Пошли в постельку.

– Через пять минут, – выдавил он. – Дай мне пять минут.

– Через пять минут я могу уже заснуть.

Том повернулся и поцеловал ее.

– Две минуты. О'кей?

– Одну! – заявила Келли и, слегка пошатываясь, вышла из кабинета.

– Я еще не выгуливал Леди.

– Днем она нагулялась вдосталь. С ней все в порядке – я ее уже выводила.

Он улыбнулся:

– Одна минута. О'кей?

Келли погрозила ему пальцем:

– Тридцать секунд!

Едва за женой закрылась дверь, Том поднял крышку компьютера.

На мониторе появилась надпись:

«Несанкционированный доступ. Соединение прерывается».

Несколько секунд Том сидел, лихорадочно пытаясь сообразить, что за чертовщину только что видел. Наверное, это реклама какого-нибудь детектива, это *должно быть* рекламой!

Тут дверь открылась вновь, и голос Келли произнес:

– Пятнадцать секунд – или я начну без тебя.

Это был лучший подарок на день рождения, полученный за всю ее жизнь – за все пятьдесят два года! Никогда прежде ничего подобного и близко не было, даже за сотни световых лет. Ни украшенный розовым бантом спортивный «MG», подаренный Доном на сорокалетие (роскошь, каковую он в общем-то не мог себе позволить); ни серебряные часы от Картье, полученные ею на пятидесятилетие (что, как ей было хорошо известно, тоже проделало изрядную брешь в его личном счете); ни прекрасный, тонкой работы браслет, врученный всего лишь накануне…

Ни даже неделя в санатории «Грейшотт-Холл», на которую скинулись ее сыновья Джулиус и Оливер; да, конечно, мальчики постарались на славу, но неужели они вообразили, будто у нее какие-то проблемы с весом?

Впрочем, что бы они там ни выдумали, при всех своих двенадцати стоунах[4] Хилари Дюпон буквально порхала по воздуху, точь-в-точь как сейчас, когда она с легкостью выскочила из парадного, позвякивая поводком Нерона и на разные лады задавая вслух один и тот же вопрос: «В сумке, мистер Уортинг? *В сумке?*»

Писхейвен, пригород, где жила Хилари, располагался в восточной части Брайтона и представлял собой обширное, плотно забитое бунгало и коттеджами, в основном построенными еще до Первой мировой войны, переплетение улиц, тянувшееся вдоль прибрежной автострады, проходившей по краю типичного для Южного Даунса величественного мелового утеса.

Широкая полоса фермерских угодий начиналась всего в нескольких сотнях ярдов от дома Хилари. Вздумай какой-нибудь любопытный сосед в то облачное июньское утро часов этак в десять случайно выглянуть в окошко, он бы увидел, как полная, но весьма привлекательная блондинка в старом халате поверх пятнистого трико и зеленых резиновых сапогах бодро скачет по дорожке, отчаянно жестикулируя и говоря сама с собой. Следом жирный черный Лабрадор зигзагами петлял от одного фонарного столба к другому, у каждого неукоснительно задирая лапу.

В конце улицы Хилари свернула налево, привычно придержала пса, пока мимо, рыча мотором, проезжал грузовичок службы доставки, и, перейдя дорогу, оказалась у ворот, за которыми открывалось поле, заросшее ярко-желтым рапсом. И пронзительным голосом, вполне способным без микрофона заглушить стадион Уэмбли, позвала Нерона, уже собравшегося было навалить кучу на чью-то подъездную дорожку:

– Нерон! Не сметь! Ко мне!

Пес поднял голову, увидел открытые ворота и весело затрусил к хозяйке, а затем собачьим галопом рванул вверх по холму и через несколько секунд исчез в зарослях рапса.

Хилари закрыла за собой ворота и вновь повторила:

– В сумке, мистер Уортинг? *В сумке?*

Она сияла, как начищенный медный таз, и конечно же успела сообщить и Дону, и Сидонии, и Джулиусу, и Оливеру, и матери эту *невероятную*, просто *сногсшибательную* новость: всего полчаса назад ей позвонил помощник главного режиссера Южного общества драматического искусства и уведомил, что миссис Хилари Дюпон назначена на роль леди Брэкнелл![5] Главную роль! Теперь она станет звездой!

Проведя двадцать пять лет на любительской сцене – главным образом, в составе брайтонской Малой театральной труппы – и всегда надеясь, что ее заметят и оценят, Хилари наконец добилась настоящего прорыва! Южное общество драматического искусства имело полупрофессиональный статус и каждое лето давало спектакли на открытом воздухе у стен Льюисского замка, а затем отправлялось в турне по всей Англии – вплоть до самого Корнуолла! Оно знаменито, о нем пишут в газетах, и ее талант непременно должны отметить. *Непременно!*

Разве что… Господи Боже, нервы начинают пошаливать. Когда-то Хилари уже играла в этой пьесе, правда, одну из мелких ролей, но по-прежнему наизусть помнила каждую реплику.

Поднимаясь по холму вдоль края поля, она, размахивая руками, выкрикнула фразу, которую считала самой драматичной и смешной во всей пьесе:

– *В сумке*, мистер Уортинг? Вас нашли *в сумке*?

Прямо над головой пролетел реактивный лайнер, заходящий на посадку в Гатуик, и Хилари пришлось немного повысить голос, чтобы слышать себя.

– В сумке, мистер Уортинг? Вас *нашли* в сумке?

Она продолжала идти, вновь и вновь повторяя реплику из пьесы, каждый раз меняя интонации и стараясь вспомнить, кому еще можно позвонить и похвастать своей удачей. Всего полтора месяца до премьеры! Немного же! Господи, сколько всего предстоит выучить!

Тут Хилари охватили сомнения. А вдруг у нее не получится?

Что, если она застынет столбом или хлопнется в обморок перед такой большой аудиторией? Это будет окончательный и бесповоротный провал!

Да нет, у нее все будет о'кей: как-нибудь сдюжит. В конце концов, она родилась в театральной семье. Это у нее в крови: ее дед и бабушка с материнской стороны были артистами мюзик-холла, прежде чем вышли в отставку и купили пансион у моря в Брайтоне.

Поднявшись на гребень холма, Хилари увидела впереди следующий, вытянувшийся приблизительно на милю, а по обе стороны от него – фермерские поля, кое-где затененные купами деревьев. А вот Нерон куда-то подевался. Подул сильный ветер, пригибая к земле стебли рапса и длинные ости пшеницы.

– Нерон, мальчик мой! – крикнула она, приложив ладони рупором ко рту. – Ко мне!

Почти сразу же Хилари заметила широкую проплешину в зарослях, где мелькнул хвост Нерона, – похоже, что-то мешало псу двигаться по прямой. Затем он выбрался на ровное место и бросился к хозяйке, в пасти у него болталось что-то белое.

Поначалу она подумала, что это кролик, и понадеялась, что бедняжка, по крайней мере, мертв. Хилари не вынесла бы, принеси пес к ее ногам, как он это любил делать, окровавленного, но еще живого зверька – визжащего и бьющегося в предсмертной агонии.

– Ну-ка, ну-ка, мальчик мой, что это у тебя? Фу! Фу!

И тут у нее отвисла челюсть. Не сводя глаз с находки Нерона, Хилари робко шагнула к ней, и ее затрясло от ужаса. А потом она пронзительно завизжала.

6

Рой Грейс не любил проводить пресс-конференции, но, прекрасно отдавая себе отчет в том, что полицейские – это наемные слуги общества, считал, что само общество имеет право на информацию. И ненавидел, когда журналисты плели небылицы. Мало того, у него складывалось впечатление, что эти типы в первую очередь заинтересованы вовсе не в том, чтобы донести до граждан правдивые сведения, а продать как можно больше газет и привлечь внимание максимального количества телезрителей и радиослушателей. Они, как сумасшедшие, гонялись за свежими новостями, а потом стряпали из них самые дикие истории – чем сенсационнее, тем лучше.

А если под рукой нет ничего этакого, то почему бы тогда не куснуть саму полицию? Мало что так будоражит публику, как пространные рассуждения о нерадивости полиции, где еще не перевелись расисты и грубияны. Впрочем, в последнее время особой популярностью у «акул пера» пользовались рискованные погони – тем более если британские граждане получали ранения, а то и гибли по неосторожности полицейских.

Как, например, вчера, когда во время преследования двух подозреваемых, удиравших от полиции на угнанной машине, оба беглеца рухнули с моста в реку и утонули[6].

Собственно, именно поэтому Грейс сейчас и стоял в конференц-зале за почти пустым столом, напротив которого далеко не всем присутствующим хватило стульев. За спиной суперинтендента красовалась большая роскошная грифельная доска с пятью резными полицейскими значками на синем фоне – под каждым из них был проставлен электронный адрес: www.crimestoppers.co.uk.

По его прикидкам, здесь толклось около сорока журналюг: газетчики, радио- и телерепортеры, фотографы, операторы и звукорежиссеры. В основном – знакомые все лица, за исключением нескольких новичков из местной прессы, в надежде на неожиданную удачу шакаливших на крупные издательские концерны. А еще – кучка ветеранов: старых, усталых и настолько утомленных всей этой возней, что им только бы свалить отсюда да рвануть в ближайший паб.

Рядом с Грейсом стояли замначальника уголовной полиции Элисон Воспер – женщина лет сорока пяти с привлекательным, хотя и слишком жестким лицом, что еще больше подчеркивал ежик светлых волос, – и его непосредственный шеф, старший детектив-суперинтендент Гэри Уэстон. Элисон присутствовала на конференции скорее ради показухи, чем по делу, ибо в данный момент замещала главу управления Джима Боуэна.

Уэстон, тридцатидевятилетний уроженец Манчестера, отличался спокойным, благодушным нравом и вдобавок обладал редкостным обаянием. С Грейсом они подружились еще в ту пору, когда вместе патрулировали улицы, и по сей день сохраняли теплые отношения. Несмотря на то, что Уэстон был ровесником Грейса, он довольно рано начал интересоваться политикой, всячески старался приобрести влиятельных друзей, твердо намереваясь дослужиться до главного констебля. Рой, испытывавший к нему уважение, но никак не зависть, охотно допускал, что со своими способностями и связями Гэри вполне может добиться назначения в Лондон.

Будучи ловким политиком, Гэри Уэстон скромно помалкивал, предоставив отдуваться Грейсу и с любопытством наблюдая, сможет ли детектив-суперинтендент завязнуть в дерьме еще глубже.

– Детектив-суперинтендент Грейс, – обратилась к Рою напористая молодая репортерша, незнакомая никому из присутствовавших полицейских. – Насколько я понимаю, в автомобильной аварии в Ньюхейвене пострадала женщина. А затем в аварии на брайтонской прибрежной автостраде был ранен пожилой джентльмен, а несколько минут спустя сброшен с мотоцикла офицер полиции. Не могли бы вы объяснить, по какой причине позволили продолжать преследование?

– Авария в Ньюхейвене произошла еще до того, как полиция прибыла на место, – тщательно подбирая слова, начал Грейс. – Сразу же после нее преступники угнали «лендровер», а затем в туннеле врезались в «тойоту», управляемую упомянутым вами пожилым джентльменом, и отобрали у него машину. Мы знали, что по крайней мере один из преследуемых вооружен и опасен и что жизнь ни в чем не повинного гражданина зависит от того, сможем ли мы их задержать. С моей точки зрения, упустить этих двоих было бы весьма опасно для общества, поэтому я принял решение продолжать погоню.

– Даже несмотря на то, что это могло привести к их гибели? – не унималась репортерша. – Что в итоге и случилось!

Ее тон взбесил Грейса, и он с трудом подавил сильное желание отбрить эту нахалку. Сказать, что погибшие были настоящими чудовищами, и то, что они утонули в грязной реке, – заслуженное возмездие за всех, кого они обманули и погубили. А то, чего доброго, благодаря какому-нибудь не в меру милосердному либеральному судье могли отделаться несколькими годами тюремной отсидки! Однако с этим сборищем хищников следовало

держать ухо востро, чтобы не дать им ни малейшего шанса превратить все это в очередную сенсацию.

– Причина их смерти будет установлена в обычном порядке в ходе дальнейшего расследования, – сказал он куда спокойнее, чем хотелось бы.

Его слова вызвали взрыв негодования, и отовсюду градом посыпались новые вопросы. Однако Грейс, взглянув на часы и с удовольствием убедившись, что минутная стрелка подошла к двенадцати, держался твердо.

– Простите, но на сегодня у нас время вышло, – решительно заявил он.

Вернувшись в свой маленький кабинет в Суссекс-Хаус, как именовалось главное управление уголовной полиции, располагавшееся в большом, недавно отремонтированном двухэтажном здании в стиле арт-деко, что было построено в 50-х для инфекционной клиники, Грейс уселся во вращающееся кресло. Поскольку чуть ли не всю мебель только недавно завезли и едва успели распаковать, он чувствовал себя здесь не в своей тарелке.

Рой немного поерзал в кресле, возясь с рычажками, чтобы подстроить его под себя, но получилось не бог весть что. Куда больше Грейс любил свой старый кабинет в брайтонском управлении. Комната была не в пример больше, а мебель хоть и обшарпанной, но удобной. К тому же здание располагалось в центре города, и там вечно царили шум и деловая суета. Новые же «апартаменты» находились на границе городской промзоны и казались ему бездушными. Чуть ли не мили бесконечных коридоров со свежевыкрашенными стенами, застеленных толстыми ковровыми дорожками, десятки забитых новенькой мебелью кабинетов, гнетущая тишина… и ни намека на столовую! Разжиться стаканчиком кофе можно было, лишь заварив его самому, либо купив в автомате. Негде раздобыть даже сандвич: для этого надо тащиться через дорогу к гипермаркету «ASDA». Сколько жертв во славу современного дизайна!

Полюбовавшись своей любимой коллекцией из трех десятков старинных зажигалок, разложенных на полке между столом и подоконником, Грейс с грустью подумал, что в последнее время он так занят, что не удается урвать и пары часов для давнего хобби: бродить по барахолкам в поисках чего-нибудь интересного. Некогда это увлечение разделяла с Роем и его жена Сэнди.

На стене у него за спиной висели большие круглые деревянные часы, запечатленные в художественном фильме «Полицейская работа» и купленные Сэнди на аукционе к двадцатишестилетию Грейса в их счастливые времена.

Чуть ниже, под стеклянным колпаком, покоилось чучело коричневой форели весом в семь фунтов шесть унций: его Рой прикупил в лавке старьевщика на Портобелло-роуд. Он поместил его под часами не случайно, – это позволяло, поучая новичков, наглядно иллюстрировать старую поговорку: мол, без труда не выловишь рыбку из пруда.

Остальную часть комнаты занимали телевизор, видеоплеер, круглый стол, четыре стула, растрепанные стопки бумаг, кожаная дорожная сумка с набором всего необходимого для осмотра места преступления и куча компьютерных дискет, доставшихся ему после повышения от предшественника.

На каждой – подробности нераскрытого убийства. Куда компактнее, чем коробок двадцать с пухлыми папками, а то и больше, которые в противном случае громоздились бы на полу, вываливались из шкафов или покрывались плесенью в сыром гараже того участка, на территории которого было совершено убийство. В папках были снимки с места преступления, отчеты экспертов, улики в пластиковых пакетиках, показания свидетелей, стенограммы с заседаний суда, рассортированные и аккуратно перевязанные цветными ленточками. В новые обязанности Грейса входило заново изучать нераскрытые убийства,

совершенные на территории графства, связываться с полицейским участком, занимавшимся тем или иным расследованием. Возможно, за прошедшие годы произошли какие-либо изменения, в результате которых дело можно было бы открыть заново.

Содержимое большинства папок Рой знал наизусть благодаря почти фотографической памяти, помогавшей ему сдавать экзамены и в школе, и в полицейском колледже. Для него там были не просто отнятые человеческие жизни – и убийцы, до сих пор гуляющие на свободе! Каждое нераскрытое дело задевало Грейса за живое: ведь семья убитого не могла смириться с потерей и похоронить прошлое, ибо тайна так и осталась нераскрытой и правосудие не восторжествовало. И он знал, что, копаясь в «висяках» тридцатилетней давности, он, возможно, дает этим людям последнюю надежду.

Правда, более-менее заметных успехов ему пока что удалось добиться только в деле Томми Литла – старейшим «висяком» Грейса. Двадцать семь лет назад пасмурным февральским днем одиннадцатилетний Томми вышел из школы и отправился домой. С тех пор его никто не видел. Единственной зацепкой на тот момент был старый микроавтобус «моррис», замеченный свидетелем, у которого хватило ума записать номер. Однако никакой связи между исчезновением мальчика и владельцем «морриса», чокнутого холостяка, уже имевшего неприятности с полицией за приставание к малолетним, не было установлено. И вот теперь, всего два месяца назад, по чистому совпадению микроавтобус снова возник в поле зрения Грейса, когда его нынешний владелец, коллекционер автомобильной старины, был остановлен за вождение в нетрезвом виде.

Шансов на то, что через столько лет экспертиза раскопает что-нибудь путное, практически не было. Тем не менее теперь, владея современными научными методами, в том числе анализом ДНК, специалисты полицейской лаборатории не без основания утверждали, что если человек когда-либо побывал в том или ином помещении – не важно, насколько давно, – то довольно быстро можно обнаружить подтверждающие это улики. Всего одна клеточка кожи, не попавшая в пылесос, волосок, ворсинка одежды… Возможно, нечто в сто раз меньшее булавочной головки, но след!

А у них был целый микроавтобус!

И подозреваемый был все еще жив.

Эксперты прочесали эту чертову машину чуть ли не с микроскопами, но пока что, как явствовало из прочитанного Грейсом отчета, не нашли ничего, что связывало бы «вышеупомянутое транспортное средство с пропавшим ребенком». Сотрудники отдела судебно-медицинской экспертизы нашли человеческий волос, но сравнительный анализ ДНК дал отрицательные результаты.

Тем не менее Грейс не сомневался, что, если он вооружится плоскогубцами и собственными руками разберет эту тачку до последнего винтика, что-нибудь обязательно отыщется.

Рой глотнул из бутылки минеральной воды и поморщился от ее вкуса, точнее, от полного отсутствия такового. Он пил эту преснятину, слегка отдававшую металлической стружкой, лишь в попытке избавиться от привычки выдувать по галлону кофе в день. Завинтив крышечку, детектив посмотрел на сгущавшиеся тяжелые плотные тучи, нависшие над серой плоской крышей магазина «ASDA», закрывавшего большую часть обзора, и подумал о завтрашнем дне.

Это был четверг, и его ждало свидание – не такое, как в последний раз, «вслепую», с Озабоченной Крольчихой Клодин, подобранной интернет-агентством, а настоящее, с прекрасной женщиной. Рой возлагал на него большие надежды и в то же время нервничал: как одеться, куда ее повести, сможет ли он поддержать интересный разговор?

И тотчас же вспомнил о Сэнди. Что бы она подумала о нем, если бы сейчас узнала, что у него свидание с другой? Рой знал, что после девяти лет разлуки мучиться подобными

угрызениями совести – абсурдно, но так уж он был устроен. Недаром он то и дело ломал голову над одними и теми же вопросами: где она, что с ней случилось, жива ли?

Сжав в кулаке пластиковую бутылочку с минеральной водой «Эвиан», Грейс сделал еще один долгий глоток и окинул взглядом казавшийся бесконечным столбец входящих сообщений на «рабочем столе» компьютера, затем покосился на пачку утренних газет. Как назло, сверху лежал местный «Аргус» с кричащим заголовком на первой полосе: «Полицейская погоня в Суссексе уносит две жизни».

Грейс сбросил газеты на пол и просмотрел последние сообщения, полученные по электронной почте. Он все еще никак не мог привыкнуть к новой поисковой системе «грин-скрин», введенной управлением: с его точки зрения, старая – «вэнтэдж» – была куда удобнее. Тем не менее, ему удалось отыскать список происшествий за минувшую ночь (обычно Рой именно с этого и начинал рабочий день, но сегодня пришлось спешно собираться на пресс-конференцию).

На сей раз он не обнаружил ничего интересного: типичный набор всякой мелочевки, характерной для брайтонских будней. Ограбления, квартирные кражи, угон машин, несколько аварий (по счастью, без жертв) и вызов с фермы где-то неподалеку от Писхейвена с просьбой обследовать некий «подозрительный объект». Короче говоря, никаких серьезных правонарушений, ничего из ряда вон выходящего.

Вот и отлично. Поскольку Роя не было на работе почти всю прошлую неделю (за исключением нескольких часов, проведенных за подготовкой материалов к судебному процессу над одним местным злодеем), то теперь ему требовалось несколько свободных дней, чтобы разгрести бумажные завалы.

Он подсоединил свой карманный «блэкберри» к настольному компьютеру и заглянул в дневник. Все еще пусто. Его секретарша Элинор Ходжсон – или «помощник руководителя», как теперь требовалось ее называть согласно новым правилам, введенным Комитетом по политкорректности, – стерла все его договоренности о предыдущих встречах, чтобы он мог сосредоточиться на предстоящем процессе и деле Майкла Харрисона. Впрочем, Грейс не сомневался, что вскоре дневник заполнится до отказа.

Почти сразу же в дверь постучали, и на пороге возникла Элинор. Чопорная и нервическая особа пятидесяти с небольшим, она, с точки зрения Грейса, являла собой хрестоматийную «дочь старой доброй Англии» из тех, кто собирается на чаепитиях у викария, хотя сам он не был ни на одном. После трех лет работы под его началом Элинор по-прежнему оставалась безупречно вежливой и скованной, будто вечно боялась чем-нибудь расстроить шефа. Рой никак не мог понять – почему?!

Элинор подошла к столу, держа пачку газет в вытянутой руке, словно боялась испачкаться.

– Э-э-э… Рой, – выдавила она, – я… э-э-э… это последние выпуски некоторых утренних газет. Я подумала – вдруг вам захочется их просмотреть?

– Что-нибудь новенькое?

– В основном то же самое. «Гардиан» цитирует Джулию Дрейк из Службы гражданского патрулирования.

– Я и не думал, что она будет с этим мешкать. Лицемерная корова, мать ее так!

Элинор вздрогнула, поморщилась и нервно улыбнулась.

– По-моему, чуть ли не все жаждут вашей крови.

Грейс посмотрел на бутылочку минералки, и ему вдруг нестерпимо захотелось кофе. А еще – сигарету. И опрокинуть стопочку «Гленфиддиша». Близилось время ленча, и хотя обычно Рой старался воздерживаться от выпивки до вечера, сейчас у него возникло явственное предчувствие, что сегодня это правило будет нарушено. Служба гражданского

патрулирования! Прелестно! Сколько часов своей жизни он угробит на это дурацкое разбирательство в ближайшие несколько месяцев! Рой знал, что все это неизбежно, и его непременно заставят доказывать, что он не верблюд, но получить столь скорое подтверждение тому оказалось на редкость противно.

Зазвонил телефон. Грейс снял трубку, не дожидаясь ухода Элинор, и услышал бодрый манчестерский говорок шефа.

– Отличная работа, Рой, – похвалил его Гэри Уэстон куда более начальственным тоном, чем обычно. – Ты хорошо держал себя в руках.

– Спасибо. Но теперь придется иметь дело с СГП.

– Разберемся. В три ты свободен?

– Да.

– Заходи ко мне – набросаем для них отчет.

Грейс поблагодарил его еще раз. Стоило ему положить трубку, как телефон зазвонил вновь. На сей раз звонили из диспетчерской – Бетти Маллет, на его памяти работавшая здесь всегда.

– Привет, Рой, как дела?

– Бывало и получше.

– У меня тут вызов из писхейвенского участка. Они просят прислать кого-нибудь из старших офицеров, чтобы, не мешкая, осмотреть место преступления. Ты сейчас свободен?

Грейс тихо застонал. Неужели нельзя было позвонить кому-нибудь другому?

– А что такое стряслось?

– Сегодня утром местная жительница выгуливала собаку на поле между Писхейвеном и деревней Пиддингоу. Собака ненадолго убежала, а вернулась с человеческой рукой в зубах. Туда выехала бригада экспертов с ищейками, и те обнаружили другие части тела, судя по всему, – свежие.

Как и все детективы, Грейс держал «полевую» сумку в полной готовности: защитный костюм, бахилы, перчатки, фонарь и массу прочего снаряжения.

– О'кей, – вздохнул он, с ненавистью (глаза бы мои тебя не видели!) глядя на стоявшую на полу сумку. – Назови мне точное место, и я буду там через двадцать минут.

7

Когда Прогноз шел по улице, над ним смеялись. Он чувствовал это спинным мозгом, так же как некоторые ощущают холод или сырость, а потому избегал смотреть в глаза кому бы то ни было.

Прогноз представлял, как они все останавливаются, пялятся на него, оборачиваются, тычут пальцем, перешептываются… но ему было плевать. Он давно привык. Так было все двадцать восемь лет, что Прогноз провел на этой планете, во всяком случае, сколько он помнил. Он ничуть не сомневался, что на прошлой планете все было по-другому, но они заблокировали ему память.

– В Вайкинге, Северном и Южном Атшире ветер юго-западный, четыре-пять футов в секунду, периодически усиливающийся до пяти-семи, – пробормотал он себе под нос, возмущенный тем, что его выдернули из конторы, лишив обеденного перерыва. – В Вайкинге сильный порывистый ветер до восьми, умеренные осадки. В Фортиз ожидаются вихревые смерчи пять-семь футов в секунду, на северо-западе от семи до девяти, возможны осадки от умеренных до сильных.

Прогноз говорил быстро, не особенно вникая в смысл собственных слов: все его мысли занимали алгоритмы для новой программы, которую он сейчас писал. Это сделает половину нынешней системы лишней, что многим не понравилось бы. Но тогда им не пришлось бы

выкидывать деньги налогоплательщиков на фуфленое компьютерное «железо», не понимая даже, чего от него ждать.

Жизнь – это извилистая дорожка, на каждом повороте учишься чему-нибудь новому, а потому должен во все врубаться с ходу. Кью из «Стар трек»[7] живо это просек: «Если боишься, что тебе могут расквасить нос, лучше сиди дома под кроватью. Здесь небезопасно, зато хватает сокровищ, чтобы удовлетворить любые желания: от скромных до огромных. Но робким тут не место».

Так размышлял Неробкий Прогноз, чапая по брайтонской Уэст-стрит, – тощий и неуклюжий, с рыхлым мучнистым лицом, несуразной прической и вечно нахмуренными в яростной сосредоточенности бровями за старомодными очками с огромными линзами. Одет он был под стать своей внешности: бежевый анорак, белая нейлоновая рубашка, вязаная жилетка неопределенного цвета, серые фланелевые брюки и закрытые сандалии. На спине у него висел рюкзачок с ленчем и ноутбуком. Прогноз шел размашистым шагом, как-то странно, по-птичьи выкидывая ноги вперед, но с таким решительным видом, словно ему приходилось преодолевать напор юго-западного ветра с Ла-Манша. Несмотря на возраст, он вполне мог сойти за нахального подростка.

– В Кромарти, Фортиз, Тайне и Доггере ветер северо-западный от семи до девяти, осадки от слабых до умеренных.

Прогноз продолжал цитировать вслух региональную сводку погоды для Британских островов, прослушанную им в шесть утра по Гринвичу. Он заучивал их наизусть с десяти лет – по четыре раза на дню, семь дней в неделю, поскольку полагал, что это – наилучший способ добраться из пункта А в пункт Б. Если всю дорогу повторять это «заклинание», то тогда не почувствуешь жар обжигающих кожу чужих взглядов.

А еще Прогноз выяснил, что это лучший способ отбить у других детей охоту смеяться над ним в школе. Не говоря уже о том, что многих учеников «Майл-Оук» погода и в самом деле интересовала. А он всегда точно знал, где дождь, где ветер, где солнышко светит.

Информация.

Информация – своего рода валюта. Зачем деньги, если ты владеешь информацией? Все дело в том, что большинство людей знать ничего не знают. Пустышки. Прах. Как и почти все вокруг. Вот почему им никогда не стать *избранными*.

Этому Прогноза научили родители. Ему было особенно не за что благодарить предков, но, по крайней мере, такое наследство он получил. Еще бы: когда в тебя столько лет вколачивают одно и то же… *Ты – особенный. Избранный Господом. Избранный, чтобы спастись.*

Впрочем, кое в чем родители ошибались. На самом деле это был не совсем Бог, но Прогноз давно оставил попытки донести до них истину. Это не стоило его усилий.

Спустившись к морю, он миновал игровую аркаду, затем повернул налево к Часовой башне на Уэст-стрит и, торопливо прошмыгнув мимо книжного магазина Уотерстоуна, китайского ресторанчика и аэроклуба, оказался у входа в роскошный «Гранд-отель», построенный еще в эпоху Регентства. Преодолев вращающуюся дверь, Прогноз вошел в вестибюль и направился к стойке администратора.

Молодая женщина в темном костюме, с пристегнутым к лацкану золотым беджиком, где было выгравировано лишь одно имя «Арлена», бросив на него удивленный взгляд, расцвела в дежурной улыбке.

– Чем я могу вам помочь?

Чтобы не смотреть ей в глаза, Прогноз уткнулся взглядом в деревянную стойку, сосредоточив внимание на пластиковом лотке с бланками заявок на выдачу кредитных карточек «Америкэн экспресс».

– Чем я могу вам помочь? – повторила Арлена.

– Мм… о'кей… – Прогноз еще пристальнее вгляделся в бланки, чувствуя, что, оказавшись здесь, прямо-таки закипает от раздражения. – Вы не подскажете, в каком номере остановился мистер Смит?

– Мистер Джонас Смит? – сверившись с компьютером, уточнила девушка.

– Мм… точно.

– Он вас ждет?

Да, мать твою, ждет, да еще как!

– Мм… да, ждет.

– Могу я узнать ваше имя, сэр? Я позвоню ему в номер.

– Джон Фрост.

– Одну минутку, мистер Фрост. – Девушка сняла трубку, набрала номер. – Вас спрашивает мистер Фрост. Могу я направить его к вам?… Спасибо. – Положив трубку, она вновь посмотрела на Прогноза. – Седьмой этаж, номер семь-один-четыре.

По-прежнему не отводя взгляда от стойки, он закусил нижнюю губу, кивнул и промычал:

– Мм… о'кей, хорошо.

Поднявшись на седьмой этаж, Прогноз прошел по коридору и постучал в дверь.

Ему открыл албанец, чье настоящее имя было Мик Лювич, хотя Прогноз должен был звать его Миком Брауном. С его точки зрения, это была идиотская игра, в которой все они, включая и его самого, должны были участвовать под вымышленными именами.

Албанец был хорошо накачанным бугаем лет тридцати с хвостиком, с самоуверенным выражением на узком и жестком лице и смазанными гелем торчащими, как иголки, короткими светлыми волосами. Он был одет в черную, с золотыми блестками майку, синие брюки и белые туфли, на шее посверкивала тяжелая золотая цепь. Его мощные, обнаженные до плеч руки сплошь покрывала татуировка. Он сосредоточенно жевал резинку маленькими острыми зубками, отчего Прогнозу сразу вспомнились пираньи, как-то виденные им в местном аквариуме.

– Мм, привет, – промычал он, уткнувшись взглядом в ковер «цвета нильской воды». – Я к мистеру Смиту.

Албанец, некогда зарабатывавший на жизнь незаконными боями без правил, но теперь успевший приобрести некий налет цивилизации, несколько секунд молча смотрел на него, продолжая жевать резинку с открытым ртом, а затем впустил в номер и быстро закрыл за ним дверь. Из холла сквозь дверной проем виднелась большая, пропахшая сигарным дымом комната, обставленная скверной имитацией плюшевой мебели эпохи Регентства. Безразлично ткнув пальцем в ее сторону, албанец повернулся к Прогнозу спиной и, плюхнувшись в кресло, уткнулся в телевизор, по которому транслировали футбольный матч.

Прогноз встречался с албанцем уже не впервые, но еще ни разу не слышал его голоса. Иногда он прикидывал, уж не глухонемой ли этот тип, однако сильно в этом сомневался. Сделав несколько шагов, он оказался в большой комнате, посреди которой на диване восседал жирный-прежирный мистер Смит: повернувшись спиной к французскому окну с видом на море, он пялился в мониторы сразу четырех компьютеров и грыз ноготь с таким ожесточением, будто это была цыплячья ножка.

Смит был одет в распахнутую чуть ли не до пупа гавайскую рубаху, из-под которой жирными валиками выпирала бледная безволосая плоть. Туго обтянутые синими слаксами ножищи по толщине могли соперничать с бревнами многолетних деревьев, зато крошечные босые ступни в бархатных шлепанцах от Гуччи с монограммой казались жеманно-кукольными. Голова, заросшая серебристо-седыми волосами, аккуратно стянутыми в хвостик,

вообще же как будто принадлежала человеку раз в двадцать меньше. У него было столько подбородков, что, пока Смит не открывал свой миниатюрный ротик и мышцы вокруг не складывались в невыносимую для Прогноза гримасу, нельзя было определить, где кончается лицо и начинается шея.

– Ну что, Джон, перекусить не желаешь? – поинтересовался Джонас Смит с сильным луизианским акцентом (впрочем, лишенным и тени южного тепла), указывая толстым, как сарделька, пальцем с обкусанным чуть ли не до мяса ногтем в сторону тележки из гостиничного обслуживания, заставленной тарелками с сандвичами и блюдами под алюминиевыми колпаками.

– Вообще-то у меня с собой сандвич, – не отрывая взгляда от края ковра, пробормотал Прогноз.

– Гм! Может, выпить хочешь? Так заказывай и садись.

– Спасибо. Мм… О'кей. Хорошо. Мне не хочется… мм… выпить. Я… – Прогноз посмотрел на часы.

– Тогда, мать твою, садись.

Чуть помявшись, Прогноз, сдерживая злость, поплелся к ближайшему креслу.

Американец, по-видимому решив на время оставить свой многострадальный ноготь в покое, вперил маленькие свинячьи глазки в Прогноза, который, сняв рюкзачок, присел на край кресла и теперь шарил глазами по ковру, словно отыскивал там некий несуществующий узор.

– Кока-колы? Кока-колы хочешь?

– Мм, вообще-то да… мм… – Прогноз вновь посмотрел на часы. – Мне надо вернуться к двум.

– Ты, мать твою, вернешься, когда я тебя отпущу.

Есть Прогнозу хотелось чертовски. Он подумал о сандвиче с тофу и фасолью в пластиковой коробке в рюкзаке. Вся беда была в том, что он терпеть не мог, когда на него смотрят во время еды. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза, что помогло остудить злость.

– В Фишере и Джерман-Байте ветер юго-западный, четыре-пять футов в секунду, легкие осадки. – Вновь открыв глаза, он заметил на столике у дивана стеклянную пепельницу с наполовину выкуренной потухшей сигарой.

– Что это было? – вскинул брови мистер Смит. – Что это ты сейчас нес?

– Прогноз погоды. Вдруг вам пригодится?

Американец, чье настоящее имя было Карл Веннер, уставился на придурка, отлично сознавая, что тот отчасти гений, а отчасти – недоделанная схема, где не хватает пары микрочипов. Дерзкий маленький засранец с кучей комплексов. Но он мог его контролировать, да что там – ему доводилось справляться с вещами и похлеще. Главное – помнить, что сейчас он полезен. А когда перестанет, скучать по нему не будет никто.

– Спасибо, что так быстро примчался, – холодно улыбнулся Веннер.

– Мм… я рад.

– Так вот, Джон, у нас проблема.

– О'кей, понял, – кивнул Прогноз.

В комнате повисла долгая пауза. Почувствовав спиной еще чье-то присутствие, Прогноз повернул голову: на пороге, привалясь к косяку и сложив руки на груди, стоял албанец. Рядом тотчас появились еще двое. Прогноз знал, что оба – русские, хотя их никогда друг другу не представляли.

Во время каждой встречи с Веннером они, казалось, вырастают из стен, но Прогноз так и не мог вообразить, каким образом они вписываются в общую картину. Тощие,

неулыбчивые, узколицые, коротко стриженные, в броских черных костюмах – скорее всего, нечто вроде деловых партнеров. В присутствии этой парочки он всегда чувствовал себя неуютно.

– Ты говорил, что наш сайт защищен от хакеров, – пробурчал мистер Смит. – Тогда, может быть, ты объяснишь нам с мистером Брауном, как вышло, что вчера вечером нас взломали?

– У нас целых пять файрволлов! Взломать наш сайт не под силу никому. У нас установлен автоматический сигнал тревоги. В случае несанкционированного доступа он включится через две минуты и разорвет соединение.

– Тогда как же произошел этот несанкционированный доступ?

– Пока не знаю, но работаю над этим. Во всяком случае, работал! – сердито вскинулся Прогноз. – Пока вы мне не позвонили и не вытащили сюда. Может быть, программу глючит!

– Джон, я одиннадцать лет возглавлял компьютерную сеть, следившую за Европой для американской военной разведки. И я отлично секу, когда глючит программа и когда кто-то наследил. Здесь я ищу следы. Пойди сюда и посмотри. – Веннер показал на один из мониторов.

Обойдя диван, Прогноз остановился напротив монитора. По нему вдоль и поперек бежали группы цифр, осуществляя процесс дешифровки. Одна группа литер мигала. Изучив монитор, он внимательно ознакомился с тремя другими. Потом вновь вернулся к первому с его ровным миганием.

– Мм, этому может быть ряд причин.

– Может, – нетерпеливо согласился американец. – Но я их исключил. Что оставляет нам лишь одну возможность – кто-то без доступа заполучил диск одного из абонентов. Поэтому мне от тебя нужно, чтобы ты раскопал мне имя и адрес абонента, потерявшего его, и того, кто его нашел.

– Я могу дать вам имя абонента – это можно установить по логину. А вот… мм… добраться до нашедшего его человека… мм… может оказаться не так-то просто.

– Если он смог найти нас, то и ты сможешь найти его. – Мистер Смит сложил руки на животе, и его губы расплылись в омерзительной ухмылке. – У тебя есть ресурсы. Так воспользуйся ими.

8

Рой Грейс в белом бумажном костюме с балахоном и защитных бахилах стоял посреди раскисшего от дождя поля по пояс в зарослях рапса. Дул пронизывающий ветер.

Некоторое время он отрешенно наблюдал, как муравей деловито перебирается через лежащую ладонью вниз женскую руку. Затем он опустился на колени и, отогнав мясную муху, понюхал плоть. Она ничем не пахла, а учитывая летнее влажное тепло, следовало предполагать, что их «находка» пробыла здесь менее двадцати четырех часов.

Давным-давно, когда только что переведенный в детективы Рой Грейс осматривал место преступления – двор церкви в центре Брайтона, где была изнасилована и задушена молодая женщина, – к нему пристала симпатичная рыженькая журналистка из «Аргуса», вертевшаяся возле полицейского кордона. Девицу интересовало, испытывает ли он во время расследования убийства какие-либо сильные чувства – скажем, гнев, негодование… или относится к этому просто как к повседневной работе – точно так же, как и любой другой служащий.

Несмотря на то, что тогда Грейс жил в счастливом браке с Сэнди, он получал удовольствие от этого похожего на легкий флирт разговора и признаваться, что расследует убийство впервые, вовсе не хотел. А потому, стараясь показаться настоящим мачо, он ответил: да, это работа, обыкновенная работа, где сантиментам нет места.

Теперь Рой вспомнил тот случай.

Это была ложь, он бравировал.

Правда же заключалась в том, что Грейс знал: в тот день, когда, осматривая жертву очередного убийства, он не почувствует душевного трепета и отнесется к делу как к надоевшей рутине, то уволится из полиции и займется чем-нибудь другим. Но до этого дня было еще далеко. Может быть, когда-нибудь это с ним и произойдет, как в свое время с отцом и многими другими ветеранами полиции. Но сейчас Роя, стоило ему оказаться на месте убийства, вновь захлестнули гнев и жалость.

А еще страх перед тем, что предстоит увидеть, и бременем ответственности, лежавшим у него на плечах, как у руководителя следственной бригады: осознание того, что у этой покойницы, кем бы она ни была, где-то есть родители, возможно, братья или сестры, муж или любовник, а то и дети… Одному из ее близких предстоит опознавать тело, и всем им, еще не оправившимся от потрясения и душевной боли, придется подвергнуться тягостным допросам.

Пальцы руки были тонкими и изящными, с ухоженными ногтями. Ярко-розовый лак сильно контрастировал с алебастрово-бледной кожей, за исключением длинной полоски темной запекшейся крови в разрезе, проходившем от подушечки большого пальца до запястья. Не исключено, что жертва все-таки пыталась сопротивляться.

«Кто она? – подумал Грейс. – Каким была человеком? И что привело ее к такой страшной смерти?»

В расследовании убийства важнее всего первые двадцать четыре часа, после чего оно постепенно сбавляет темп. А посему Грейс знал, что на несколько ближайших дней ради него забросит остальные дела и постарается раскопать о жертве как можно больше подробностей: все, что только удастся извлечь из данных медицинской экспертизы, осмотра ее дома, показаний семьи и друзей. Скорее всего, кончится тем, что он получит о ней куда лучшее представление, чем любой знавший ее при жизни.

Следствие придется вести напористо, временами – чуть ли не жестоко. Смерть напрочь срывает с человека все покровы, лишая его достоинства похлеще, чем препарирование в анатомичке: там обнажается только плоть. Полицейский, копаясь в прошлом жертвы, выворачивает наизнанку всю ее жизнь. И всегда есть навязчивое ощущение, что душа покойного может – всего лишь может! – наблюдать за ним.

– Рой, нам кажется, что рука взялась вон оттуда, – сказал незаметно возникший рядом с Грейсом Билл Барли, местный детектив-инспектор из управления Восточного Даунса, указывая затянутым в латекс пальцем в дальний конец окруженного полицейским кордоном поля, где сотрудники отдела судебно-медицинской экспертизы уже ставили белую квадратную палатку. В раздуваемом ветром защитном костюме толстяк казался еще крупнее.

Грейс огляделся. На противоположном краю поля, где он оставил свой «альфа-ромео», техники заметно прибавилось: пара патрульных машин, микроавтобусы проводника с собакой и полицейского фотографа, несколько машин без опознавательных знаков и, конечно же, возвышавшийся над всеми огромный трейлер отдела тяжких преступлений.

Черный микроавтобус коронера еще не появился. Прессе пока ничего не сообщали, но первые репортеры, несомненно, должны были вот-вот нагрянуть, точно рой навозных мух.

Барли был честным старым служакой лет пятидесяти, с отрывистым суссекским акцентом и румяным лицом, испещренным сеточкой лопнувших сосудов. Грейса приятно удивило, с какой скоростью он окружил рапсовое поле кордоном. Наихудший кошмар – приехать на место преступления, где неопытные новички уже втоптали большинство улик в землю. Похоже, детектив-инспектор полностью контролировал ситуацию.

Барли накрыл отсеченную руку куском плотной ткани и, поманив Грейса за собой, двинулся туда, где царило наибольшее оживление. Тот, стараясь ступать шаг в шаг, чтобы не натоптать лишнего, последовал за ним, каждые несколько секунд поглядывая на полицейскую овчарку, шнырявшую в зарослях рапса неподалеку от них. Едва они добрались до места, Грейс понял, в чем причина всеобщего возбуждения. Посреди небольшой проплешины в рядах посадок лежал большой куль, накрытый мятым куском черного пластика. Края его трепетали на ветру, а вокруг жужжали мясные мухи.

Грейс приветливо кивнул старому знакомцу, судмедэксперту Джо Тиндаллу. До недавних пор почти сорокалетний Тиндалл, с копной вечно спутанных волос и в очках с толстыми линзами, являл собой типичный образчик «сумасшедшего ученого», однако, влюбившись в девушку гораздо моложе, полностью преобразился. Теперь из-под защитного балахона виднелась наголо бритая голова и лицо, украшенное эспаньолкой и стильными прямоугольными очками с голубоватыми линзами. В таком виде Тиндалл больше походил на торговца наркотиками, чем на слугу закона.

– С добрым утречком, Рой! – со свойственным ему сарказмом приветствовал он Грейса. – Милости просим на наше новое действо «Тысяча и Одна Забота Утром в Среду в Писхейвене».

– Что, ходил за покупками? – усмехнулся Рой, кивая на черный пластик.

– Ты не поверишь, сколько интересного можно раздобыть, если повезет, – осклабился Тиндалл.

Затем встал на колени и очень медленно приподнял покрывало.

Рой Грейс прослужил в полиции девятнадцать лет, причем пятнадцать из них занимался расследованиями тяжких преступлений, в основном убийств. Несмотря на то, что вид любой жертвы каждый раз производил на него гнетущее впечатление, он лишь в редчайших случаях испытывал шок. Но то, что оказалось под куском черного пластика, лишило его дара речи.

Это был торс, явно принадлежавший молодой фигуристой женщине. Он был покрыт запекшейся кровью, лобковые волосы слиплись настолько, что было непонятно, какого они цвета. Чуть ли не каждый квадратный дюйм кожи был исколот каким-то острым инструментом – скорее всего, ножом, причем в припадке безумной ярости.

– Господи! – простонал Грейс.

Даже у Тиндалла, против обыкновения, не хватило духу отпустить шуточку.

– Тут поработал какой-то чокнутый ублюдок.

– Голову так и не нашли?

– Ищут.

– Патологоанатома вызвали?

Тиндалл отогнал пару мясных мух. Тут же налетело еще несколько, и Грейс сердито от них отмахнулся. Трупные, или мясные, мухи способны учуять разлагающуюся человеческую плоть аж за пять миль. Грейс их терпеть не мог. Однако порой и эти паразиты приносят пользу. Они откладывают яички, которые превращаются в личинок, те – в червей, а они, в свою очередь, – во взрослых мух. Этот процесс занимает всего несколько дней, поэтому при исследовании трупа, обнаруженного лишь через несколько недель, возможно более-менее точно прикинуть время смерти по числу поколений отложенных личинок.

– Джо, насколько я понимаю, кто-то все же вызвал патологоанатома?

Тиндалл кивнул.

– Билл.

– Надюшку?! – сразу оживился Грейс.

В управлении работали два патологоанатома, которых обычно посылали на место преступления в этой округе, поскольку они жили относительно недалеко. Больше всех любили Надюшку Де Санча, со скульптурной фигуркой испанку, происходившую из русского аристократического рода и вышедшую замуж за одного из ведущих британских пластических хирургов. Симпатии к Надюшке вызывало не только то, что она отлично справлялась с работой, от чего в значительной степени зависело раскрытие дела, но и ее на редкость привлекательная внешность. Почти в пятьдесят она легко могла сойти за сорокалетнюю, что служило предметом постоянных споров коллег: а не связана ли эта затянувшаяся молодость с мастерством ее супруга? Любопытство еще больше подпитывал тот факт, что Надюшка и зимой и летом неизменно носила свитера с высоким воротником.

– К счастью для нее – нет. Она терпеть не может расчлененку. Приедет доктор Теобальд. И полицейский медэксперт уже выехал.

– Ага, – кивнул Грейс, стараясь не выдать голосом разочарования.

Ни один патологоанатом не любит расчлененку, поскольку каждую колотую рану следует изучить досконально. На Надюшку Де Санча было не только приятно посмотреть, с ней было и приятно работать: склонность к легкому флирту, отличное чувство юмора и быстрые результаты в работе. В отличие от нее общаться с доктором Фрейзером Теобальдом было столь же «весело», как с его «клиентами». Вдобавок он был невыносимо медлительным, однако его скрупулезный подход к работе приносил несомненную пользу и никогда не вызывал нареканий.

Неожиданно Грейс краем глаза уловил шевеление стеблей рапса и, повернув голову, увидел подходившего к ним Теобальда в белом защитном балахоне и с большой сумкой через плечо.

– Всем доброе утро, – сказал патологоанатом и обменялся «латексными» рукопожатиями со всей троицей.

Доктору Теобальду, плотного сложения мужчине чуть ниже пяти футов двух дюймов с темными глазами-бусинками, усиками а-ля Адольф Гитлер, носом, достойным самолета «конкорд», и шапкой курчавых волос, было хорошо за пятьдесят. Для того чтобы отправиться на маскарад в виде вполне сносной копии Граучо Маркса[8], ему не хватало лишь большой толстой сигары. Впрочем, Грейс сильно сомневался, чтобы такой серьезный педант, как Теобальд, мог хотя бы помыслить об участии в чем-либо столь фривольном, как маскарад. О личной жизни доктора было известно лишь то, что он женат на преподавательнице микробиологии, а его излюбленный вид отдыха – плавание на ялике в одиночку.

– Ну что ж, детектив-суперинтендент Грейс, – произнес он, пристально разглядывая человеческие останки под хлопающим на ветру покрывалом. – Вы можете ввести меня в курс дела?

– Да, доктор Теобальд, – кивнул Грейс, в первые полчаса после встречи всегда старавшийся соблюдать формальности. – Пока что у нас есть расчлененный торс, предположительно молодой женщины, с множественными колотыми ранениями.

Он посмотрел на Барли, словно требуя подтверждения своих слов, и детектив-инспектор продолжил:

– Полиция Восточного Даунса была поднята по тревоге – сегодня утром нам позвонила выгуливавшая собаку женщина. Собака нашла человеческую руку, которую мы оставили на месте. – Детектив-инспектор указал, где именно. – Я окружил кордоном все окрестности и вызвал полицейских ищеек. Поиск позволил обнаружить эти останки, к каковым никто не прикасался, разве что я позволил приподнять край покрывала.

– Голову не нашли?

– Еще нет.

Патологоанатом опустился на колени, поставил сумку на землю и, осторожно приподняв край пластика, несколько минут молча изучал страшную находку.

– Нужно как можно скорее снять отпечатки пальцев и сделать анализ ДНК, – сказал Грейс. – Может быть, удастся ее опознать. – Он окинул взглядом ряд домиков, тянувшийся вдоль края поля. Приблизительно в миле за ними виднелась серая поверхность Ла-Манша, едва различимая на фоне такого же серого неба. Повернувшись к Барли, он продолжил: – Кроме того, необходимо срочно начать опрос местных жителей, от дома к дому: не заметил ли кто за последние пару дней чего-либо подозрительного? Проверьте, не пропадал ли кто без вести? Если нет, расширить район поисков до Брайтона, а понадобится – то и Суссекса. Билл, здесь есть камеры видеонаблюдения?

– Только в некоторых местных магазинах и небольших фирмах.

– Распорядись, чтобы они сохранили все пленки за последние семь дней.

– Будет сделано.

Грейс кивнул.

– Никаких соображений по поводу того, как сюда могли попасть останки? Следы шин есть?

– У нас есть только цепочка следов, судя по всему оставленных тяжелыми сапогами. Следы глубокие, – сказал Билл Барли, указывая на узкую полоску песка и рапса между двумя желтыми полицейскими лентами, растянутыми неподалеку.

Теобальд уже открыл свою сумку и теперь тщательно изучал окровавленную руку.

«Кто же она такая? – терзался догадками Грейс. – Почему ее убили? Как она сюда попала?» Он весь кипел от злости.

И не только!

А еще и от того, во что до сих пор отказывался верить: эта молодая женщина вполне могла повторить судьбу его жены. Девять лет назад Сэнди исчезла с лица земли, и поныне не удалось отыскать ни малейших ее следов. Ее запросто могли убить и где-то бросить. Убить и безжалостно расчленить. Если хочешь избавиться от трупа и быть уверенным, что он никогда и нипочем не будет найден, это легко – для этого существует масса способов.

И теперь это чувство всколыхнулось с новой силой. Кто-то не поленился по-мясницки разделать эту девушку и отрезать ей голову. Но если бы этот изверг действительно хотел, чтобы ее нельзя было опознать, он бы наверняка отрубил ей и руки. Так почему он этого не сделал?

Зачем он бросил труп посреди поля, где его наверняка быстро обнаружат, вместо того, чтобы где-нибудь надежно закопать?

«А вдруг, – подумал Грейс, – кто-то как раз и хочет, чтобы ее нашли?»

9

Келли, в лиловом спортивном костюме, сидела на полу гостиной с клавиатурой на коленях, опираясь спиной о диван и то и дело таская из картонного тубуса чипсы с солью и уксусом. Конечно, не самый полезный ленч для здоровья, усмехнулась она, но в них мало калорий, и это не повредит ее изящному силуэту.

Войдя в Интернет, Келли посмотрела на экран телевизора, где красовался лиловый хрустальный браслет от Сваровски, а затем дважды щелкнула клавишей, чтобы увеличить изображение. И с чувством вины подумала, как бы он подошел к ее нынешнему костюму. Немного великоват, а то и чуточку вульгарен. Но бижутерия от Сваровски для одежды обладала особым стилем, и Келли любила их продукцию. Первоначальная цена составляла 152 фунта, и самое щедрое предложение о надбавке к покупке пока не превышало десяти

семидесяти пяти. И это притом, что до конца аукциона остается всего три часа сорок две минуты!

Это же сущий пустяк! Келли быстро подняла ставку до двенадцати фунтов. Невеликая дыра в их бюджете. Достанься ей браслет за такую цену, через несколько недель она могла бы выставить его на торги дороже и получить прибыль!

Келли смотрела на экран еще несколько минут, однако никаких новых предложений не обнаружила. Ну что ж, и так неплохо. Взяв бутылку смирновской водки (одно из ее тайных увлечений, тщательно скрываемых от Тома под бельем в комоде в спальне) и открутив колпачок, она слегка отхлебнула. Это всего третья порция за утро, успокоила себя Келли, как-то упустив из виду, что это новая бутылка и она на треть пуста.

На улице шел проливной дождь. В комнату с поводком в зубах вошла Леди и, вздернув голову, заскулила.

– Хочешь прогуляться, дорогуша, да? Придется подождать, пока не кончится дождик. О'кей?

Собака заскулила еще громче.

Келли поставила бутылку и протянула к собаке руку. Леди завиляла хвостом, а потом неуклюже перевернулась на спину.

– Типичная женщина, да? – Хотя язык у Келли чуть заплетался, легкое опьянение разогнало ее полуденную тоску. – Просто хочешь, чтобы тебе почесали сосочки?

Она погладила собаке живот, обняв за шею, поцеловала в макушку и, вдыхая густой запах теплого меха, сказала:

– Я люблю тебя, Леди.

Услышав снаружи какой-то шум, Леди неожиданно вскочила и, зарычав, бросилась в холл. Тут же раздался громкий лай, а следом за ним – хлопок собачьей дверцы на кухне, означавший, что Леди выскочила в сад: несомненно, в погоне за какой-нибудь птицей, нагло посмевшей сесть на лужайку.

Предложение Келли по *eBay* до сих пор оставалось без ответа.

Когда-нибудь она проведет этот аукцион в режиме онлайн как следует. Пару недель назад в «Дейли мейл» была статья, которую Келли вырезала и бережно хранила, где рассказывалось о людях, сколотивших состояние на торговле по *eBay*. Она пыталась рассказать о ней Тому, но, похоже, он просто был не в состоянии ее понять. А ведь его любимая женушка изо всех сил пытается – правда, на свой лад – внести в семейный бюджет хотя бы пару лишних фунтов. Просто пока ей никак не везет. Ничего-ничего, она во всем разберется, и у нее получится.

Келли посмотрела на бутылку. Может быть, еще один глоточек, совсем крохотный?

Она закрыла глаза, терзаясь в раздумьях. «Что, черт возьми, со мной такое? С моей жизнью? Дурная наследственность?»

Келли вспомнила о родителях. Обожаемый отец, несмотря на все свои мечты, всего в пятьдесят восемь прикован к постели болезнью Паркинсона. Она, как наяву, увидела детство, когда он то и дело затевал всевозможные «грандиозные» прожекты, которые неизменно проваливал. Бывший брайтонский таксист, он занялся прокатом лимузинов и обанкротился. Тогда он купил лицензию на торговлю целебными напитками, сулившую несметное богатство. Это стоило семье дома.

Мать поддерживала семью, долгие трудные часы вкалывая продавщицей парфюмерного отдела в магазине аэропорта Гатуик, но, чтобы ухаживать за отцом, даже оттуда пришлось уволиться. Теперь они жили в Уайтхоуке, самом бедном районе Брайтона, в крошечной муниципальной квартирке, постоянно трепеща от страха перед вандалами, взломщиками и грабителями. Два дня назад, приехав навестить родителей, Келли всего на час оставила свой

старый «эспейс» на улице. И что же? Когда она вернулась, колпаки с колес исчезли, как по волшебству.

Она подумала, как познакомилась с Томом на совершеннолетии своей подружки по брайтонскому колледжу, готовившему учителей, и поразилась, насколько он походил на отца – того отца, какого хотела бы помнить: молодого симпатичного мужчину с мальчишеской улыбкой, невероятным обаянием, полного жажды жизни и энтузиазма. У Тома были не менее грандиозные планы преуспеть, однако, в отличие от ее отца, он все тщательно продумывал. Он хотел набраться опыта, поработав в самой успешной компании в своей области бизнеса, а потом открыть собственное дело.

И Келли верила в Тома. Ей казалось невозможным, что такой парень способен потерпеть фиаско. Он мгновенно понравился всем ее подругам, а родители его просто обожали. Келли влюбилась в него в тот же вечер, а спустя два дня они переспали в его квартирке на берегу Хоува, часами слушая компакт-диск Скотта Джоплина. С той поры они почти не расставались.

Первые несколько лет после свадьбы все шло просто великолепно. Том открыл свое дело, и все пошло успешно: сначала они переехали в квартиру побольше, а затем – в этот дом. Перемена к худшему случилась, когда после рождения Макса Келли ушла с работы учительницы начальных классов. Она затосковала, а потом надолго впала в апатию: врачи объясняли это послеродовой депрессией. Келли обнаружила, что весь день проводить дома с малышом – довольно непросто, когда Том рано утром уезжал в Лондон и возвращался домой только под вечер, обычно слишком усталый, чтобы хотя бы поговорить. Так будет не всегда, обещал он ей, но эти часы разлуки – их вклад в будущее.

Потом родилась Джессика, и период борьбы с одиночеством повторился. Только Том стал ишачить еще больше, а общаться с женой – еще меньше. Келли начала водить Макса в школу, обзавелась новыми подругами. Казалось, что у других женщин более удачливые мужья, одежда – моднее, машины – шикарнее, дома – роскошнее, и они куда круче проводят отпуска.

И все эти ее шалости с *eBay*, столь непонятные Тому, только оттого, что она страстно хочет ему помочь. Ну ладно, кое-какую мелочовку Келли покупает себе, но в основном занимается этим только для того, чтобы позже продать то или иное приобретение по Интернету к большей выгоде.

Однако пока что Келли не удалось сбыть ни одной вещи за цену даже близкую к той, которую заплатила она сама.

Для трат была и другая причина, скрываемая ею от Тома: интернет-аукцион позволял завуалировать пропажу из семейного бюджета сорока фунтов в неделю: именно во столько обходилось пристрастие Келли к водке.

Это было всего лишь временно, способ избавиться от стресса. Она твердила себе, что не алкоголичка, а просто переживает небольшой кризис, с которым надо как-то справляться. Словно стараясь убедить себя в этом, Келли взяла «Аргус» и открыла страницу с объявлениями о вакансиях. Это будет правильное решение – найти работу на полдня. По крайней мере, ей удастся сделать свой вклад в хозяйство. Кроме того, у нее появятся собственные деньги, позволящие время от времени купить водки: не то чтобы она была нужна Келли позарез, но изредка – приятно.

На кухне зазвонил оставленный там мобильный телефон.

Келли, чертыхнувшись, встала и нетвердой походкой направилась туда. Глянув на определитель номера, она увидела, что это ее лучшая подруга Линн Коттслоу.

– Привет, – чуть заплетающимся языком пробормотала она. – Как дела?

– Сижу в ресторане «Орсино». А тебя где носит?

– О, черт! – воскликнула Келли. – Ради бога, извини!

– С тобой все в порядке?

«Черт, черт, черт, черт!» – завопила про себя Келли. Совершенно вылетело из головы, что сегодня в час они собирались встретиться за ленчем. Она посмотрела на часы. Четверть второго!

– Келли, с тобой все о'кей?

– О'кей? Со мной? Совершенно! – поспешно выдохнула та.

10

Мрачный Том Брайс, закатав рукава рубашки и распустив узел галстука, сидел в узкой комнате, представлявшей собой совмещенные лондонский офис и демонстрационный зал фирмы «Брайс-Райт промоушинал мерчандайз лимитед». Он подрагивал от холода и уж в который раз собирался надеть пиджак. Проклятая английская погода! Вчера стояла почти невыносимая жара, а сегодня нос мерзнет.

Расположение офиса в центре придавало ему соответствующий статус, а комната, несмотря на относительно скромные размеры, благодаря высоким окнам и украшенному затейливой лепниной потолку выглядела элегантно и привлекательно. Здесь хватило места, чтобы поставить пять столов для сотрудников, сделать приемную, служившую одновременно демонстрационным залом, и крошечную кухоньку за перегородкой в дальнем конце.

Название компании придумала Келли. Поначалу оно показалось ему несколько кичливым, но в ответ жена возразила, что легко запоминается. «Брайс-Райт» занималась поставками «деловых» подарков и одежды с символикой различных компаний и клубов. В ее каталог входило все, начиная с шариковых ручек, калькуляторов, ковриков для мыши и настольных игрушек для руководящего состава до футболок, бейсбольных шапочек и прочей спортивной одежды.

Закончив брайтонский бизнес-колледж, Том некоторое время поработал в одной из крупнейших компаний в выбранной для себя области – «Мотивэйшн бизнес», а затем, десять лет назад, не без помощи Келли рискнул пуститься в самостоятельное плавание и открыть собственный бизнес. Поначалу он вел дела из своего кабинета и двух свободных комнат, но уже вскоре после рождения Макса накопил достаточно, чтобы снять офис в этом престижном, пусть и тесноватом доме в двух шагах от Бонд-стрит, а также складское помещение неподалеку от Брик-Лейн в Восточном Лондоне.

Первые шесть лет фирма процветала. Том оказался прирожденным коммерсантом, умел понравиться клиентам, и все виделось в розовом цвете. А потом шарахнуло 11 сентября, и телефон на два дня словно умер. И дальше, казалось, уже никогда не звонил с прежней настойчивостью.

У него работало четыре коммивояжера: двое – в Лондоне, один – на севере Англии и еще один – в Шотландии. Кроме того, в офисе постоянно находилась его секретарша Оливия, а также клерк-администратор Мэгги, отвечавшая за связи с клиентами и поиск заказов. Еще четверо работали на складе: рабочий-упаковщик, контролер качества и двое принимавших заказы диспетчеров. И вот тут возникала масса проблем – скорее всего, потому, что сам глава фирмы наведывался туда не особенно часто.

«Брайс-Райт» имела клиентскую базу высшего класса, в том числе и очень крупные фирмы. Том делал поставки «Витабиксу», «Ренджроверу», «Лигал энд дженерал иншуранс», «Нестле», «Грантс оф Сент-Джеймсиз», не говоря уже о массе более мелких заказчиков.

Первые несколько лет Том получал от работы истинное наслаждение и даже какое-то время не осознавал перемен после 11 сентября, но постепенно, особенно с началом очередного экономического кризиса и растущей конкуренции, его оборот достиг точки, где он уже не зарабатывал достаточно денег, чтобы покрывать собственные расходы. Клиенты

начали уходить к конкурентам, оставшиеся – снижать объем заказов, а несколько недавних срывов поставок привели к потере нескольких солидных фирм.

Поднос с входящей корреспонденцией у него на столе был завален счетами, некоторым из которых было больше шести недель. И в конце месяца Тому вновь придется подбивать сложный баланс между доходами и долгами, чтобы точно знать, что чеки на зарплату не вернутся из банка неоплаченными. И разумеется, как всегда, одной из статей расходов в этом уравнении послужит Келли.

Вместе с Максом и Джессикой она улыбалась с фотографии в маленькой серебряной рамке у него на столе: все трое весело смеялись, видимо, фотограф сказал что-то забавное. Это было отличное фото со слегка размытым изображением, придавшим им нечто неземное. Нежно глядя на жену, Том взмолился, чтобы она хотя бы на какое-то время воздержалась от неприятных сюрпризов.

Как он будет объясняться с Келли, если им придется продать дом и переехать в какое-нибудь местечко поскромнее? И куда? В квартиру? С каким лицом он объявит Максу и Джессике, что у них больше не будет сада?

Том посмотрел из окна второго этажа на струи дождя, стекающие по стеклам соседского дома напротив. Кондуит-стрит была узкой, и высокие здания придавали ей вид каменного ущелья. Даже в солнечные дни в офисе постоянно царил полумрак.

Глянув вниз, он увидел поток людей, спешащих на ленч, море зонтов и вереницу машин, такси и грузовиков, дожидающихся зеленого светофора на пересечении с Бонд-стрит. Особенно его внимание привлек новенький светло-коричневый «бентли-континентал». Едва их начали выпускать, Тому немедленно захотелось такой же, но в то время от столь дорогого приобретения его отделяло не меньшее расстояние, чем ограду его сада от Марса.

Он с отвращением впился зубами в сандвич с тунцом и сладкой кукурузой на ржаном хлебе: сочетание, от которого был отнюдь не в восторге. К тому же Том терпеть не мог грубые, «каравайные» семена, попадавшиеся в хлебе, но в то утро он наконец-то проснулся полный решимости перейти на более здоровую пищу, а в этой штуке, как предполагалось, низкое содержание жира и холестерина. Бедняга и сейчас предпочел бы свою обычную яичницу с беконом или чеддер с пикулями, но, когда Келли, лежа рядом с ним, ласково провела ладошкой по его животу и промурлыкала «мой пузанчик», это стало последней каплей.

Том глянул на первую страницу делового журнала «Промоушнз энд инсентивз» и прочел, что один из его конкурентов, чьи дела быстро шли в гору, готовится к выходу на фондовую биржу. «В чем их секрет? – удивился он. – Как, черт возьми, они ухитряются делать правильно то, что я делаю неверно?»

Том откусил еще один кусок сандвича и посмотрел на своего компьютерного техника Криса Уэбба – высокого, немногословного сорокалетнего мужчину с небрежной прической и серьгой, вызванного для устранения неполадок в компьютере; Крис обращался с Томом как с умственно отсталым ребенком. Вот и теперь с высокомерным видом копался отверткой во внутренностях его ноутбука. Каждые несколько секунд Том поглядывал на пустой монитор, почти не надеясь, что тот вернется к жизни.

И вдруг вспомнил об увиденном вчера вечером.

Он никак не мог выбросить из головы девушку, истыканную ножом, и от этого ему приснился такой кошмар, что он проснулся с криком в три часа ночи. Нет, это наверняка какой-то фильм или просто реклама.

Но почему-то все это выглядело чертовски реалистично.

– Старина, боюсь, вся твоя база данных накрылась напрочь! – жизнерадостно сообщил Крис Уэбб.

– Ну да, я тебе так и сказал, – кивнул Том. – Вот я и хочу, чтобы ты его перезагрузил.

Крис Уэбб вновь азартно полез в потроха машины, а Том, чувствуя себя без компьютера как без рук и не в силах сосредоточиться на журнале, уставился на стенд с образцами продукции своей компании. И вдруг подумал, что они выглядят какими-то… усталыми, залежавшимися и требуют замены.

Он внимательно оглядел витрину «Команды „Ягуар“»: анорак, бейсболка, рубашка-поло, шариковая ручка, брелок, водительские перчатки, галстук и бандана, – все с соответствующей символикой. И пришел к выводу, что все это давно пора заменить на более современные образцы дизайна из недавно выпущенной партии. Потом он повернулся к другой витрине: коврики для мыши, ручки, калькуляторы и зонтики с логотипом «Витабикс». Их тоже следовало обновить.

В комнату, увлеченно разговаривая по мобильному телефону, вошла Оливия, привлекательная девушка слегка за двадцать, вечно терзаемая «жуткими» любовными драмами. За ее пустующим столом сидел лучший коммивояжер компании Питер Чард в шикарном деловом костюме, с прилизанными волосами очень похожий на актера Леонардо Ди Каприо, поглощенный автомобильным журналом и одновременно уплетающий лапшу из картонной коробочки. Рядом с ним сидел уроженец Гонконга Саймон Вонг, спокойный, амбициозный тридцатилетний малый, увлеченно заполнявший бланк заказа. «Хоть заказик и скромный, однако клиент – новый, – подумал Том. – И то хлеб».

Зазвонил телефон. Оливия, не отрывая от уха мобильник, сделала вид, будто ничего не слышит. Питер и Саймон, похоже, решили последовать ее примеру. Ушедшей на ленч Мэгги не было на месте.

– Кто-нибудь возьмет эту гребаную трубку?! – возмущенно рявкнул Том.

Оливия с виноватым видом засеменила к своему столу.

– Так, расскажи-ка еще раз поточнее, как это произошло, – обратился Крис Уэбб к Тому таким тоном, словно имел дело с полным кретином.

Оба коммивояжера с любопытством уставились на шефа.

– Сегодня утром я открыл ноутбук в поезде, и он не загрузился. Сдох, – пояснил тот.

– Грузится он отлично, – возразил компьютерщик. – Но в нем стерты все данные, понимаешь? Именно поэтому у тебя открылся пустой монитор.

– Я не понимаю, – чуть слышно, чтобы никто из сотрудников не уловил ни слова, пробормотал Том.

– Старина, да тут и понимать-то нечего, – пожал плечами Крис. – Вся база данных стерта начисто.

– Это невозможно, – замотал головой Том. – В том смысле, что я ничего такого не делал.

– Либо ты подцепил вирус, либо к тебе залез хакер.

– Я думал, «макинтоши» никакие вирусы не цепляют.

– Надеюсь, ты не делал того, о чем я тебя предупреждал? Умоляю, скажи, что нет! Не подключал компьютер к офисному серверу?

– Нет.

– Что ж, повезло – иначе ты бы стер всю вашу базу данных.

– Стало быть, это все-таки вирус.

– *Что-то* там у тебя точно завелось. С винчестером все в порядке. Я просто не могу поверить, что ты совершил такую глупость – вставил туда найденный в поезде компакт-диск! Господи!

Том украдкой огляделся. Казалось, его сотрудники утратили к разговору всякий интерес.

– Что значит – глупость? Это ведь компьютер, так? Вот что это такое. В нем стоят все антивирусные программы – ты сам их устанавливал. Он воспроизводит компакт-диски. Он должен быть в состоянии воспроизвести *любой* компакт.

Уэбб помахал у него перед носом злополучным диском.

– Я просмотрел его – конечно, не на машине, которой он может причинить вред. Здесь стоит какая-то шпионская программа, которая запросто прочитает твои данные и напихает в твою систему бог знает какой дряни. Ты нашел его в поезде?

– Вчера вечером.

– И получил по заслугам за то, что не отдал его в бюро находок.

Иногда Тому бывало трудно поверить, что он платит этому типу, чтобы тот *помогал* ему.

– Большое спасибо. Я просто пытался помочь: думал, что смогу найти адрес, по которому его можно послать.

– Ну что ж, в следующий раз, когда такое случится, пришли его мне, и я просмотрю его за тебя. Кстати, между прочим, ты не открывал каких-нибудь незнакомых файлов?

– Нет.

– Ты уверен?

– Я никогда так не поступаю – ты ведь сам предупреждал меня давным-давно. Только те, что приходят от знакомых.

– Порно?

– Анекдоты, порно, обычные вещи.

– Предлагаю тебе в следующий раз, когда полезешь в Сеть, надевать резинку.

– Очень смешно!

– Я не шучу. Ты подхватил очень противный вирус, он крайне агрессивен. Вздумай ты подключиться сегодня утром к серверу компании, то стер бы все и у себя, и у своих коллег.

– Твою мать!

– Хорошо сказано, – кивнул Крис Уэбб. – Сам бы лучше не придумал.

– И как же мне теперь от него избавиться?

– Заплатив мне много денег.

– Замечательно!

– Или купи новый компьютер.

– Ты и впрямь знаешь, как утешить человека!

– Тебе были нужны факты? Я их изложил.

– Я не понимаю. Мне казалось, что «маки» не ловят вирусов.

– Обычно нет, но в Сети плавает куча всякого дерьма. Наверное, тебе просто не повезло. Но скорее всего, это с твоего компакта. Конечно, есть еще одна возможность. – Уэбб огляделся и, обнаружив свою чашку чаю, залпом допил ее.

– И что же это? – поинтересовался Том.

– Что над тобой кто-то очень жестоко подшутил. – Помолчав, Уэбб добавил: – А классный у тебя галстучек.

Том опустил голову: галстук как галстук, фирмы «Гермес»: серебристые лошадки на светло-лиловом фоне. Недавно купленный Келли по Интернету на очередном «выгодном» телеаукционе. Ее понятие об экономии.

– Да он у меня с распродажи, – буркнул он.

Около пяти пополудни, после изнурительного трехчасового осмотра, расчлененные останки молодой женщины в палатке на исхлестанном дождем рапсовом поле были изучены настолько скрупулезно, что, по мнению патологоанатома управления, их можно было отправлять в морг.

Используя крайне простой, но эффективный метод, доктор Теобальд прошелся липкой лентой по каждому квадратному дюйму тела жертвы в надежде обнаружить хотя бы мельчайшие фрагменты эпидермиса убийцы. И это ему удалось: пинцетом он осторожно извлек из ее лобковых волос несколько застрявших там чешуек и аккуратно разложил по пластиковым пакетикам для улик. Напоследок Теобальд тщательно проверил, не упущено ли что-либо как на теле покойной, так и на земле вокруг нее.

Разумеется, Грейс предпочел бы, чтобы патологоанатом отправился прямиком в морг и этим же вечером сделал вскрытие, что было обычной практикой, однако Теобальд с сожалением сообщил, что у него уже назначена аналогичная операция в Хэмпшире из-за сомнительного несчастного случая на яхте.

В идеале все подобные вскрытия должны делаться непосредственно на месте преступления, поскольку, перевозя останки, можно упустить из виду какую-нибудь существенную улику, порой незаметную невооруженным глазом. Но грязную, продуваемую всеми ветрами, раскисшую от дождя почву никак не назовешь идеальными условиями. Впрочем, трупы крайне редко находят там, где их удобно вскрывать и проводить экспертизу. Некоторые патологоанатомы предпочитают проводить на месте преступления как можно меньше времени и спешат вернуться в относительно приятную по сравнению с ним рабочую обстановку морга. Однако доктор Фрейзер Теобальд не принадлежал к их числу и в случае необходимости мог провести возле жертвы хоть всю ночь, прежде чем сообщить, что он наконец удовлетворен и останки готовы к перевозке в морг.

Грейс посмотрел на часы. Отчасти мысли его занимало завтрашнее свидание, и он втайне надеялся освободиться до закрытия магазинов. Рой знал, что поступает неправильно, но сколько лет сестра и все остальные уговаривали его вернуться к жизни! Впервые после исчезновения Сэнди он встретил женщину, которая его по-настоящему заинтересовала. Однако Роя беспокоило, что его гардероб вышел из моды и несколько пообтрепался, а значит, без покупки новой летней одежды не обойтись. Тут он постарался на время забыть о свидании и сосредоточиться на работе.

Увы, голову молодой женщины найти так и не удалось. Рой Грейс позвонил в управление, и несколько прибывших по его вызову полицейских микроавтобусов, набитых констеблями (в том числе и прошедших специальную подготовку), уже вели тщательное прочесывание местности. Непрестанный дождь осложнял поиски, и прибывшему на помощь вертолету пришлось сильно снизиться и описывать более широкие круги. Казалось, лишь овчаркам, продолжавшим работать неподалеку, никакой дождь не помеха. К ужасу фермера, владельца поля, команда из шестидесяти констеблей во флуоресцентных жилетах даже более яркого оттенка, чем рапс, методично вытаптывала каждый квадратный фут его урожая.

Большую часть времени Грейс провел за телефонными переговорами, координируя поиски, организуя рабочее место для следственной бригады, которую он намеревался собрать в отделе особо тяжких преступлений, запрашивая кодовое название для новой операции из компьютера суссекской полиции и собирая сведения обо всех молодых женщинах, пропавших без вести за последние несколько дней. Оказалось, что таковых предостаточно: одна – в радиусе пяти миль от Брайтона (наиболее вероятная жертва), три девушки – во всем Суссексе и еще шесть – на всем юго-востоке Англии.

Пока неразговорчивый доктор Теобальд не мог предложить ничего более существенного, кроме длинного русого волоса, после тщательных поисков извлеченного из

крашеных лобковых волос жертвы, и предположения, что жертве двадцать с небольшим, но, возможно, и чуть за тридцать.

Такому описанию соответствовали четыре из пропавших женщин.

Грейс хорошо знал печальную статистику: ежегодно в Англии пропадает без вести двести тридцать тысяч человек. Более девяноста процентов из них считаются таковыми по истечении тридцати дней. Более тридцати процентов из этих двухсот тридцати тысяч исчезают бесследно. Как правило, полиция немедленно принимает меры, лишь когда речь идет о детях и пожилых людях. На все остальные сообщения такого рода она реагирует как минимум через двадцать четыре часа, а обычно – и того позже, в зависимости от обстоятельств.

Каждое расследование подобного дела глубоко затрагивало душу Грейса, всякий раз, слыша эти страшные слова, он не мог не испытывать внутренней дрожи.

Сэнди считалась *пропавшей без вести*. Она исчезла с лица земли в свой тридцатый день рождения, чуть менее девяти лет назад, и с тех пор так и не объявилась.

Подтверждений тому, что большинство из этих семидесяти тысяч людей умерли, не существовало: человек может кануть в Лету по множеству причин. Как правило, из-за семейных неладов: то муж бросит жену, то, наоборот, дети сбегают от родителей, проблемы с психикой… Но *некоторые* – и Рой Грейс точно знал об этом – оказываются в этом списке по куда более жестоким причинам. Их либо убивают, либо, в более редких случаях, удерживают в заточении против воли. Такие злодеяния время от времени всплывают на свет как в Соединенном Королевстве, так и во всех других странах: людей держат в плену годами, а иногда – десятилетиями. Порой в приступах особо невыносимого отчаяния он представлял Сэнди прикованной цепями в подвале каким-нибудь маньяком.

Грейс все еще верил, что она жива и ни за что бы не ушла от него добровольно. За последние девять лет он обращался к такому количеству медиумов, что сбился со счету. Едва услышав о медиуме с хорошей репутацией, Рой мчался на встречу с ним. Какой бы ясновидящий ни выступал в Брайтоне, Грейс всегда сидел в зрительном зале.

И за все это время ни один из них не смог сказать, что вступал в контакт с его женой или получал от нее послание.

Грейс верил в медиумов даже больше, чем во врачей или ученых. Он обладал гибким умом и часто повторял про себя изречение Шерлока Холмса, одного из своих любимейших литературных персонажей: «Если отбросить все совершенно невозможное, то именно то, что останется – каким бы невероятным оно ни казалось, – и есть истина».

Размышления суперинтендента прервал писк мобильного телефона. Он посмотрел на дисплей, но номер был заблокирован – скорее всего, звонил кто-то из коллег, обычное дело для полицейских.

– Рой Грейс.

– Приветствую тебя, о мудрый старец, – произнес знакомый голос.

– Отвали, я занят, – с улыбкой отозвался Грейс.

После трех часов попыток поддерживать разговор с невыносимо неразговорчивым доктором Фрейзером Теобальдом было приятно услышать кого-нибудь живого. С детективом-сержантом Гленном Брэнсоном Роя связывала близкая дружба. Вот уже несколько лет они время от времени работали вместе, и Гленн был первым, кого Грейс затребовал в свою следственную бригаду отдела особо тяжких преступлений для раскрытия этого убийства.

– Сам отвали, старый пень. Пока ты расслабляешься за вторым стаканчиком бренди, я тут за тебя рву задницу. Чтоб ты подавился!

Неприятный вкус сандвича с сардинами и помидором – единственное, что Грейсу удалось проглотить за целый день, – казалось, все еще не выветрился у него изо рта.

– Вчера вечером посмотрел классный фильмец! «Серпико» с Аль Пачино! Он там играет «подсадного», который выкуривает продажных легавых из управления полиции Нью-Йорка. Видел когда-нибудь? – Брэнсон был настоящим киноманом.

– Лет тридцать назад, еще в колыбельке.

– Его сняли в семьдесят третьем году.

– Долго же фильмы доходят до твоей местной киношки! Что, съел?

– Сейчас помру со смеху. Тебе стоит посмотреть его еще разок – словишь крутой кайф! Кто-кто, но Аль Пачино – точно настоящий мужик!

– Спасибо за ценную информацию, Гленн, – сказал Грейс, отходя от палатки подальше от любопытных ушей патологоанатома, полицейского фотографа Мартина Пайла и Дэнниса Пондса, старшего офицера полиции Суссекса по связям с общественностью, который только что приехал и теперь с нетерпением ожидал, когда суперинтендент снабдит его информацией для прессы. Опыт подсказывал Рою, что на первой стадии расследования тяжкого преступления лучше всего открывать как можно меньше. Чем меньше пресса растрезвонит о достижениях полиции, жертве и месте обнаружения трупа, тем легче будет отбиваться от телефонных звонков свидетелей и тратить кучу времени на то, чтобы определить, кто из них – мнимый, а кто на самом деле обладает ценными сведениями.

В то же время полиция не могла отрицать пользы хороших отношений со средствами массовой информации, хотя из-за Грейса за последние пару недель они сильно ухудшились. В сегодняшних новостях его полоскали в связи с гибелью двух подозреваемых, а на прошлой неделе высекли за то, что в поисках убийцы он обратился за помощью к медиуму и публично признался в этом на суде.[6]

– Вообще-то я стою на холме под проливным дождем и слушаю твои бредни. Как именно это поможет нашему расследованию?

– Никак, но кто-то же должен заботиться о твоем просвещении. Ведь ты обычно смотришь такую чушь…

– Ничего подобного. Как насчет «Клуба отчаянных домохозяек»? По-моему, ничего.

– Только мне не рассказывай, сам с такой живу. Но у меня для тебя кое-что есть.

– Да? Неужели?

– Студентка юридического – клерк-стажер в адвокатской конторе. Как в воду канула. Мне только что сообщили.

– М-да, – с сарказмом протянул Грейс. – Какая потеря для общества!

– Знаешь, мужик, ты чокнутый.

– Нет, просто честный.

Как и большинство своих коллег, Рой Грейс не любил профессиональных юристов, особенно адвокатов по уголовным делам, для которых закон был всего лишь средством наживы. Полицейские каждый день рискуют жизнью, ловя преступников, а потом адвокаты отлично зарабатывают, находя лазейки в законе. Разумеется, Грейс прекрасно понимал, что любой незаконно арестованный человек имеет право на защиту. Как, впрочем, и то, что, в отличие от него, Гленн проработал в полиции не так уж долго, чтобы до тошноты насмотреться на мерзавцев, сумевших избежать наказания лишь благодаря хитроумным законникам-крючкотворам.

– Ладно, как бы то ни было, но сегодня она не вышла на работу. Одна из ее подружек заходила к ней домой. Ее там нет, и они чертовски обеспокоены.

– И что с того? Когда ее видели в последний раз?

– Вчера днем на работе. На сегодняшнее утро была назначена встреча с важным клиентом, а она так и не появилась. Даже не позвонила. Ее шеф говорит, что это не в ее привычках. Девушку зовут Джейни Стреттон.

– Гленн, у меня список еще из четырех имен. С чего ты вдруг так запал именно на нее? Что в ней такого особенного?

– Просто предчувствие.

– Джейни Стреттон?

– Да.

– Я внесу ее в список.

– Поставь на первое место.

Костюм Грейса промок насквозь, капли дождя стекали по лицу, и он отступил под прикрытие палатки.

– Но у нас по-прежнему нет головы, – продолжал он. – И сдается мне, что мы ее так и не найдем, причем по очень веской причине. Мы уже проверили ее отпечатки пальцев, результат – отрицательный. И отправили образцы для срочного анализа ДНК в хантингдонскую лабораторию, но на это уйдет пара дней.

– Я ее вычислил, – сказал Гленн Брэнсон. – Готов с тобой поспорить, и даже на деньги.

– Джейни Стреттон? – переспросил Грейс.

– Джейни Стреттон.

– Небось сейчас лежит в постельке со своим кобелем и за три штуки в час строчит прошение о помиловании для какого-нибудь бандюги.

– Нет, Рой, – упрямо повторил детектив-сержант. – Я уверен, что сегодня ты на нее уже вдоволь насмотрелся.

12

Том провел день в офисе нового крупного клиента, «Полстар водка», постепенно снижая расценки – и, разумеется, прибыль, – лишь бы не дать перехватить контракт конкурентам. Чувствуя себя еще более ущербным от того, что при нем не было столь нужного ноутбука, он в мрачном настроении распрощался, получив заказ на пятьдесят тысяч бокалов для мартини с гравировкой и серебряные подносы с логотипом; обычно Том взвинчивал на них цены и получал кругленькую сумму. Теперь же он был до безумия доволен тем, что это хотя бы покрывает его расходы. По крайней мере, это была удача, которой можно было похвастать в банке, однако Том с болью в душе то и дело вспоминал старую поговорку: «Фортуна – капризна, а фунт – смысл жизни».

Если повезет, подумал он, то эта сделка со временем может потянуть за собой более выгодные.

Вернувшись в офис вскоре после пяти, Том с облегчением убедился, что его ноутбук на месте и в порядке, хотя на это ушло семь часов работы весьма ценившего свое время Криса Уэбба, так что фирме пришлось выложить изрядную сумму. Меж тем при ее нынешнем положении Том Брайс с трудом мог позволить себе такие расходы. Стол Питера Чарда пустовал, Саймон Вонг разговаривал по телефону, Мэгги – тоже. Оливия принесла Тому на подпись пачку писем.

Разобравшись с ними, он подошел к Крису Уэббу, которому каким-то чудом удалось восстановить базу данных, и тот убедил его, что «макинтошу» позарез необходимы очередной апгрейд (уже им проделанный) и новая антивирусная программа – естественно, за дополнительную плату. Тем не менее, он по-прежнему никак не мог объяснить, откуда взялся вирус, стерший базу данных. Разве что с диска, найденного Томом в поезде, который Крис собирался прихватить с собой для дальнейшего анализа.

После его ухода Том провел полчаса, проверяя новые сообщения, поступившие по электронной почте. А затем из любопытства открыл «Интернет эксплорер» и вошел в раздел, где были указаны все сайты, на которые он заходил за последние двадцать четыре часа. Здесь оказались пара визитов в «Гугл», несколько – в «ask.co.uk» и один в «Рэйлтрек», когда ему накануне понадобилось расписание поездов. Был еще и один визит на сайт «Полстар водка», совершенный вчера, когда он желал получше подготовиться к сегодняшней встрече. А затем он увидел еще одну, совершенно незнакомую ему «иконку».

Это была длинная цепочка букв и слешей. Перед уходом Крис Уэбб настоятельно посоветовал ему не соваться на незнакомые сайты, но Том пользовался Интернетом уже много лет и довольно хорошо в нем разбирался. Он знал, что можно подцепить вирус, открыв прикрепленный файл, но ни за что не поверил бы, что можно подхватить его с веб-сайта. Другое дело – «куки»[9]. Он знал, что многие не слишком порядочные фирмы используют этот подлый трюк, когда ты заходишь на их сайт. «Куки» засядет в твоей системе и будет сообщать им обо всем, что ты впоследствии просматриваешь в Интернете. Таким образом они могут создать своего рода досье на индивидуальных клиентов в своей базе данных и понять, в каких товарах те заинтересованы. Но вирус? Невозможно.

Том подвел курсор к «иконке» и щелкнул мышкой.

Почти тотчас же на монитор выскочило сообщение:

«В доступе отказано. Несанкционированный логин».

– Том, тебе сегодня что-нибудь еще понадобится?

Он поднял голову. Возле стола нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Оливия с сумочкой под мышкой.

– Нет, спасибо, ничего.

Она расцвела в довольной улыбке.

– У меня жаркое свидание. Надо забежать в парикмахерскую.

– Желаю удачи!

– Он – директор по маркетингу сети крупных магазинов. Может быть, мы его чем-нибудь заинтересуем.

– Тогда вперед!

– Попробую.

Том вновь посмотрел на монитор и повторил попытку. Через мгновение появилась надпись:

«В доступе отказано. Несанкционированный логин».

Позже, тем же вечером – после большей, чем обычно, порции мартини, ужина и почти целой – вместо обычной пары бокалов – бутылки невероятно вкусного австралийского шардонне «Маргарет-Ривер», – Том поднялся в кабинет, открыл ноутбук, вошел в Интернет и принялся за работу. Новые сообщения приходили каждые несколько минут.

В двух письмах подряд он обнаружил пусть скромные, но повторные заказы, что его порадовало. Следующее послание было от директора по маркетингу одного из их крупнейших клиентов, лично благодарившего Тома за превосходно выполненную работу, позволившую с успехом провести 50-летний юбилей фирмы.

На все возрастающем душевном подъеме Том просмотрел остальные письма, некоторые откладывая «на потом», другие – стирая, на третьи – отвечая. А затем на мониторе возникло новое сообщение. Оно гласило:

«Уважаемый мистер Брайс!

Вчера вечером вы посетили веб-сайт, к чему не были уполномочены. Сейчас же вы попытались проникнуть на него вновь. Мы не любим непрошеных гостей. Если вы сообщите полиции о том, что видели, или попытаетесь проникнуть на сайт еще раз, то же, что случилось с вашим компьютером, произойдет с вашей женой Келли, сыном Максом и дочерью Джессикой. Посмотрите внимательно, а потом хорошенько подумайте.

Ваши друзья из „Скараб продакшн"».

Том едва успел дочитать, как текст исчез с монитора. А за ним начали исчезать и все остальные письма – так, словно они растворялись в кислоте.

Через минуту, а возможно, и меньше, пока он беспомощно хлопал глазами, слишком потрясенный, чтобы выключить ноутбук, все содержимое его компьютера пропало.

Том пробежался пальцами по клавиатуре. Ничего. Только пустой черный экран.

13

Старший офицер полиции Суссекса по связям с общественностью Дэннис Пондс получил от коллег кличку Проточный Пруд[10], скорее всего, не без оснований – слишком уж много служебной информации каким-то непостижимым образом становилось достоянием прессы, и в первую очередь подозрения падали на его отдел.

Бывший журналист, он больше походил на брокера из Сити, чем на газетчика. Слегка за сорок, с зачесанными назад черными волосами, на редкость косматыми бровями и неистребимой тягой к ярким костюмам, Пондс по мере возможностей пытался поддерживать хрупкое равновесие в отношениях между полицией и газетной братией.

Рой Грейс, поигрывая бутылочкой минералки, смотрел на него через стол с полным безразличием. Пондсу не доверяли многие полицейские, да и пресса всегда поглядывала на него с подозрением. Это была работа не из тех, где можно снискать лавры, а вот огрести шишек… Один полицейский пиарщик кончил в психиатрической клинике, другой, как хорошо помнил Грейс, день-деньской тянул виски из карманной фляжки.

Выложив на стол Грейса целую коллекцию утренних газет, Пондс теперь ерзал перед ним, нервно похрустывая суставами пальцев.

– Рой, по крайней мере, мы добились, чтобы это не попало на первую полосу, – извиняющимся тоном сказал он, приподнимая брови, смахивавшие на парочку вот-вот готовых взлететь ворон.

«Чушь, – подумал Грейс, – нам просто повезло, что сейчас все перемывают косточки принцу Чарльзу и его избраннице Камилле». Таковы уж нынешние времена: заметка об обезглавленном трупе заняла всего несколько строчек на внутренних полосах ряда газет, в большинстве же об этом не упоминалось и вовсе. Зато в лежавшей перед Грейсом «Дейли мейл» такой «лакомый кусочек», как репортаж «Полицейская погоня в Суссексе уносит две жизни», раскатали на целых полполосы, как, впрочем, чуть ли не в каждой национальной газете.

– Ты сделал все, что мог, – успокоил его Грейс, в отличие от многих коллег понимавший всю важность связей с общественностью.

– Ты тоже здорово провел пресс-конференцию, – похвалил его Проточный Пруд. – Лучшее, что у нас есть сегодня, – это история с расчлененкой. Я назначил пресс-конференцию на два. Ты согласен?

– Да я всей этой своре готов глотки перерезать! – буркнул Грейс.

– Ты не мог бы дать мне что-нибудь для них заранее?

Грейс задумчиво покрутил туда-сюда крышечку бутылки.

– Отпечатки пальцев нигде не проходили. Ждем из лаборатории анализ ДНК, а тем временем проверяем список пропавших без вести.

– Будем говорить, что головы нет?

– Я не хочу, чтобы пока об этом кто-нибудь знал. Просто скажу им, что тело сильно обезображено, и это затрудняет опознание.

– А мне-то казалось, что это я – спец вешать лапшу на уши.

– Ты оказался хорошим учителем, – улыбнулся Грейс.

Теперь брови Пондса походили на двух ворон в полете.

– Еще какие-нибудь зацепки есть?

– Брось, Дэннис. Сейчас ты говоришь как журналист.

– Я хочу кинуть им кость.

– Есть несколько возможных совпадений.

– Да, но я слышал, что, скорее всего, это девушка из Брайтона, какая-то стажерка юридического, разве не так?

– Где ты это услышал? – удивленно поинтересовался Грейс.

– Так, ходят слухи, – пожал плечами пиарщик.

– Что еще за слухи? Кто, черт возьми, тебе это выложил?

Пондс честными глазами уставился на детектива-суперинтендента.

– Мне сегодня звонили уже три журналиста.

Грейс вспомнил вчерашний разговор с Гленном Брэнсоном по мобильнику, когда тот высказал предположение относительно личности покойной. Может быть, его кто-то прослушивает? Но это практически невозможно – новые телефоны снабжены скремблерами, шифрующими все переговоры. Со стуком поставив минералку на стол, Грейс сердито буркнул:

– Кто, мать их так, им разболтал? Дэннис, кем бы эта погибшая девушка ни оказалась, у нее есть семья. Может быть, муж или мать, может, отец, дети… и все они ее любили. Мы не можем позволить себе делать такие предположения вслух.

– Я знаю, Рой. Но и прессе мы лгать не можем.

Как обычно, думая о Сэнди, Грейс сказал:

– Послушай, ты в состоянии уразуметь, что любой, у кого пропал без вести близкий человек, чья внешность хотя бы отдаленно напоминает убитую, не пропустит ни единой газеты или телепередачи, будет жадно ловить каждое слово, что скажут по радио? Мое дело – не внушать надежду, а ловить преступников.

Дэннис Пондс уже строчил в отрывном блокноте.

– Лучше не бывает! – возбужденно бросил он. – Отличная финальная фраза, просто бьет наповал! Я могу использовать это при подготовке пресс-релиза?

Несколько секунд Грейс молча смотрел на него. Типичный пиарщик – лишь бы «било наповал». Скорее всего, именно этого Пондс от него и добивался. Рой кивнул и посмотрел на часы, собираясь в оперативный отдел на планерку со своей бригадой. А затем надо на вскрытие, назначенное на десять.

Впрочем, существовала и еще одна причина, по которой ему так хотелось присутствовать на вскрытии. Это не имело никакого отношения к несчастной молодой женщине, чьи расчлененные останки теперь будет кромсать дальше еще и патологоанатом. Куда больше в морге его интересовала другая молодая женщина, с которой у него на сегодняшний вечер было назначено свидание.

Под горой бумаг у него на столе был припрятан «стильный» мужской журнал «FHM». Грейс надеялся выкроить сегодня утром хоть пару минут, чтобы пролистать его и присмотреть себе что-нибудь посовременнее. Гленн Брэнсон то и дело подшучивал над его одеждой, стрижкой, даже, черт побери, часами! Его верные старые «сейко», подаренные

Сэнди, сейчас и самому Рою казались слишком маленькими, слишком *вчерашними*, подавали о нем тревожные сигналы. Возможно, они даже неправильно показывали время.

Какого черта нужно выглядеть *круто*? Стоит ли стараться, когда тебе почти сороковник? Но тут Грейс подумал о Клио Мори, и у него в животе все задрожало от возбуждения. И он понял – да, постараться стоило, да еще как!

Ему показалось, что Дэннис Пондс никогда не заткнется, но Грейс стоически терпел, зная, что сейчас ему, как никогда, нужна поддержка пиарщика. Кроме того, Пондс разболтал довольно много любопытного о главном констебле, замначальника полиции Элисон Воспер, а потом намекнул, что главный суперинтендент Гэри Уэстон, непосредственный шеф Грейса, похоже, больше интересуется скачками и собачьими бегами, чем работой, и люди начинают это замечать и обсуждать.

Независимо от того, соответствовало ли это истине, то, что амбициозный шеф Грейса позволил подмокнуть своей репутации, было хуже некуда. По старой дружбе он был обязан как-то его предупредить, но как? А кроме того – в чем Рой не хотел себе сознаваться, – порой он сам слегка завидовал образу жизни Гэри Уэстона, его любящей семье, умению понравиться людям, легкому, почти без усилий, продвижению по службе… Он вспомнил кем-то сказанные слова: «Каждый раз, когда мой друг добивается успехов, во мне что-то умирает». Как ни печально, это соответствовало действительности.

Наконец Дэннис Пондс убрался восвояси. Едва за ним захлопнулась дверь, Грейс схватил журнал и принялся быстро его листать. Буквально через несколько минут мрачное настроение вернулось. На двадцати страницах – двадцать различных моделей мужской одежды! И которая же из них поможет ему на свидании выглядеть современным и… крутым? А какая выставит на посмешище?

Есть только один способ это выяснить, с грустью подумал он, заранее готовясь к тому, что его ждет серьезная «потеря лица».

14

Выйдя из кабинета, Грейс оказался на территории «помощников руководителя», которую Элинор делила еще с тремя коллегами. Работавшие здесь четыре женщины «прикрывали спину» всем старшим офицерам управления, кроме Гэри Уэстона, имевшего собственную личную помощницу.

Одной из причин неприязни Грейса к этому зданию было полное единообразие во всем. То ли потому, что в управлении совсем недавно сделали ремонт, то ли потому, что оно находилось практически за чертой города, здесь все выглядело каким-то вылизанным и стерильным. Ни выбоин, ни царапин на стенах, сделанных хулиганами, ни потертых ковров, ни покрытых застарелым слоем никотина потолков, какие увидишь в большинстве полицейских участков, ни треснувших стекол в окнах, разбитых стульев и обшарпанных столов – всей этой патины, нарастающей за долгие годы верной службы, придающей зданию характер и почти жилой вид, хотя, честно говоря, не всегда приятный.

На столе у Элинор стояла изящная китайская вазочка с пышным букетиком фиалок, фото ее четверых детей (но, что любопытно, ни одного фото мужа), наполовину решенная головоломка «судоку», вырванная из газеты, и пластиковая коробка с ленчем. На спинке стула висел аккуратно сложенный кардиган.

При виде Грейса она подняла голову и, как всегда, нервно улыбнулась. После нескольких лет совместной работы она взяла в привычку автоматически делать несколько определенных вещей – в частности, «чистить» его деловой дневник, когда он руководил расследованием очередного тяжкого преступления.

Элинор вкратце доложила, что избавила его от присутствия на целых трех заседаниях: внутридисциплинарного комитета, Общебританской комиссии по нераскрытым делам и по поводу утверждения списка команды регби полиции Суссекса.

Затем ему на мобильный позвонила Эмили Гейлор из брайтонского судебного отдела, его куратор по процессу Суреша Хоссейна, уведомившая, что сегодня его присутствия в суде точно не потребуется. Хоссейн был местным домовладельцем, обвинявшимся в убийстве конкурента.

Подхватив кейс с тщательно спрятанным там журналом, Грейс прошествовал по застеленному зеленым ковром большому залу, где трудились рядовые сотрудники. Слева, за прозрачной стеной, располагался просторный кабинет главного детектива-суперинтендента Гэри Уэстона. Было видно, как Гэри с деловым видом что-то диктует помощнице.

Дойдя до двери в конце коридора, Грейс поднес карточку-пропуск к серому глазу электронного замка «Интерфлекс» и, толкнув дверь, оказался в устланном серой ковровой дорожкой длинном тихом коридоре, где вкусно пахло свежей краской. Посреди большого, обитого красным фетром щита, озаглавленного «Операция „Лиссабон“», красовалась фотография бородатого мужчины восточного типа в окружении нескольких сделанных с разных точек и помеченных красными кружками снимков расположенного у подножия высоких скал каменистого пляжа местного курорта Бичи-Хэд. На этом месте у основания утеса был обнаружен неопознанный мертвый мужчина. Поначалу его приняли за очередного самоубийцу, пока вскрытие не показало, что со скалы его столкнули уже мертвым.

Грейс миновал следственный отдел, где над раскрытием особо тяжких преступлений работали оперативники, а затем дверь слева с табличкой «Руководитель бригады» – его личный кабинет до раскрытия дела. Прямо напротив нее находилась еще одна, озаглавленная «Оперативный штаб № 1», куда он и вошел.

Оперативные штабы № 1 и № 2 являли собой нервные центры, куда стекалась вся информация обо всех достижениях и неудачах. Несмотря на то, что матовые стекла окон располагались слишком высоко и сквозь них ничего не было видно, зал со свежевыкрашенными белыми стенами казался просторным и хорошо освещенным. Он, словно электростанция в миниатюре, излучал положительную энергию, и это была любимая комната Грейса во всем управлении. В других же здешних помещениях Рой начинал скучать по шумной атмосфере дежурок полицейского участка, где, можно сказать, и вырос.

Оперативный штаб был оформлен в футуристическом стиле – с тем же успехом здесь мог бы располагаться Центр управления полетами НАСА в Хьюстоне. L-образной формы комната делилась на три секции, в каждой из которых хватало места для длинного овального стола, где могли легко разместиться восемь человек, и массивные белые стенды с надписями «Операция „Баклан“», «Операция „Лиссабон“» и «Операция „Сугроб“». Все стенды сплошь покрывали фотографии с места преступления и диаграммы, показывающие, как продвигается следствие. Теперь здесь появился еще один, поставленный лишь вчера днем: «Соловей». Название для операции было выбрано наугад компьютером управления полиции графства для расследования дела об обезглавленной девушке.

В отличие от остальных кабинетов полицейского управления здесь ни на столах, ни на стенах не было ничего личного: ни семейных фотографий, ни постеров футбольных команд, ни объявлений о предстоящих спортивных матчах, ни карикатур. Решительно все предметы в зале, не считая мебели и оборудования, имели самое непосредственное отношение к текущему делу. Здесь даже не стоял привычный гомон шутливых перебранок – только тишина, свидетельствовавшая о полной сосредоточенности, негромкое жужжание телефонов и шелест листков бумаги, выползающих из деловито гудящих лазерных принтеров.

Каждой из бригад придавались как минимум офис-менеджер (обычно сержант или инспектор), системный оператор, следивший за работой оборудования, аналитик, координатор и наборщик. Грейс знал большинство этих людей, но все они были слишком заняты, чтобы отрывать их от дела ради обмена приветствиями.

Когда он направился к своей бригаде, никто даже не поднял головы, кроме детектива-сержанта Гленна Брэнсона, чернокожего верзилы под два метра ростом, с лысой, как метеорит, головой, дружески махнувшего ему рукой. Как обычно, он был облачен в один из своих любимых кричащих костюмов – на сей раз это был коричневый в меловую полоску, делающий его похожим больше на процветающего наркоторговца, чем на полицейского. Наряд дополняли белая рубашка со стоячим воротничком и галстук, выглядевший так, будто его разрисовывал шимпанзе-дальтоник, накурившийся крэка.

– Привет, старичок! – окликнул он Грейса голосом достаточно громким, чтобы заставить всех присутствующих на мгновение вскинуться.

Рой Грейс с легкой улыбкой оглядел свою бригаду. Большую часть этой восьмерки он утащил за собой, едва успев раскрыть последнее дело. Это означало, что у людей практически не было времени передохнуть, но вместе они являли собой отличную команду, и Грейсу очень не хотелось ее дробить.

Самой старшей по званию была детектив-сержант Белла Мой с жизнерадостным личиком под шапкой выкрашенных хной волос, в данный момент сосредоточенно печатавшая на компьютере. Возле клавиатуры, как всегда, стояла открытая коробочка конфет – на сей раз «Мальтесерз». Каждые несколько секунд правая рука Беллы, словно некое существо, живущее отдельной жизнью, отрывалась от клавиш, чтобы достать шоколадку и отправить ее в рот. Эта стройная женщина ела больше всех, кого Грейс когда-либо знал.

Рядом с ней сидел детектив-констебль Ник Николл – длинный, как жердь, парень лет тридцати с короткой стрижкой, на редкость добросовестный детектив и стремительный футбольный нападающий. Грейс постоянно уговаривал его заняться регби, считая, что он отлично подойдет для полицейской команды, президентом которой его пригласили стать будущей осенью.

Напротив него, перелистывая толстую пачку компьютерных распечаток, располагалась детектив-сержант Эмма Джейн Бутвуд, присоединившаяся к бригаде лишь во время последнего расследования. Симпатичная молодая женщина с длинными светлыми волосами и прекрасной фигурой, которую Грейс поначалу счел не слишком ценным кадром, Эмма Джейн быстро показала себя полезным приобретением, и он чувствовал, что, если она останется в полиции, ее ждет прекрасное будущее.

– Послушай, – обратился к нему Брэнсон, – пожалуй, вчера я дал маху. У меня новое предчувствие. Как мне убедить тебя, что оно верно? Тереза Уоллингтон.

– Кто это? – спросил Грейс.

– Девушка из Писхейвена. Помолвлена. Прошлой ночью не вернулась с девичника перед помолвкой.

От слов Брэнсона у Грейса все похолодело в душе.

– Рассказывай.

– Я говорил с ее женихом. Самым что ни на есть настоящим.

– Ну, не знаю, – нерешительно покачал головой Грейс.

Интуиция подсказывала ему, что делать какие-либо выводы слишком рано, но гасить энтузиазм Гленна Брэнсона очень не хотелось. Подойдя к стенду, он еще раз внимательно вгляделся в срочном порядке напечатанные по его приказу фотографии места преступления: крупный план отрубленной руки, изуродованный торс под черным пластиковым покрывалом…

– Поверь мне, Рой.

– Поверить? – переспросил Грейс, не отрывая глаз от снимков.

– Ну вот, опять ты за старое! – недовольно буркнул Брэнсон.

– За какое еще старое? – удивленно переспросил Грейс.

– То, что ты всегда со мной проделываешь, старичок. Отвечаешь вопросом на вопрос.

– Это потому, что мне всегда непонятно, что за чертовщину ты несешь!

– Ни фига себе!

– Скольких пропавших без вести женщин из нашего списка ты еще не исключил?

– Со вчерашнего дня – ни одной. Их по-прежнему пятеро, все – из Брайтона. Конечно, если брать всю страну, будет куда больше.

– Из лаборатории никаких новостей по ДНК? – спросил Грейс.

– Сегодня к шести они надеются окончательно выяснить, есть ли жертва в их базе данных, – вмешалась детектив Бутвуд.

Грейс посмотрел на часы. До морга добираться пятнадцать минут. Он быстро прикинул в уме. Согласно предположениям Фрейзера Теобальда, высказанным вчера на рапсовом поле, женщина умерла менее двадцати четырех часов назад. В том, что кто-то на денек отправляется в «самоволку», нет ничего необычного. Но двухдневное отсутствие уже начинает вызывать легкое беспокойство среди друзей, родственников и коллег по работе. Стало быть, сегодня вполне реально оставить в списке лишь тех, кто с наибольшей вероятностью может оказаться жертвой.

– У нас есть гипсовые отливки следов? – спросил Грейс Ника Николла.

– В работе.

– Мне не нужно «в работе», – чуть напряженно сказал Грейс. – Сегодня утром на планерке я говорил, что хочу, чтобы двое офицеров со слепками с утра начали обход всех магазинов одежды в этом районе и проверили, нет ли совпадений. Не исключено, что для такого дела некто специально мог разжиться подходящей обувкой. В этом случае покупателя могла заснять камера видеонаблюдения. Вряд ли в том районе много магазинов, торгующих сапогами. И попрошу, чтобы отчет был у меня на столе к началу шестичасовой оперативки.

Сержант Николл тотчас же схватил телефонную трубку.

– Заметь, она уже второй день не дает о себе знать, – не отставал от шефа Брэнсон.

– Кто? – рассеянно спросил Грейс.

– Тереза Уоллингтон. Она живет с женихом. Так чего ради ей куда-то деваться?

– А другие четверо из списка?

– Никто из них сегодня тоже не объявлялся, – нехотя признал Гленн.

Несмотря на то, что Брэнсону уже исполнился тридцать один год, в полиции он прослужил всего шесть лет, поначалу выбрав не слишком соответствующую его натуре работу вышибалы в ночном клубе.

Он очень нравился Грейсу: был умен и старателен, а кроме того, у него часто возникали удивительные предчувствия. Подобные предчувствия очень важны в полицейской работе, но у них есть и оборотная сторона – порой они приводят детектива к скоропалительным выводам, после чего он неосознанно начинает собирать улики, подстраивая их под свою версию. Так что время от времени Грейсу приходилось сдерживать энтузиазм Брэнсона ради его же собственного блага.

Однако в данный момент Брэнсон требовался Грейсу не только ради его предчувствий, и отнюдь не в стенах оперативного штаба.

– Не желаешь прокатиться со мной в морг?

Брэнсон уставился на него, насмешливо приподняв брови.

– Черт возьми, старичок, так это там у тебя проходят все свидания?

Грейс усмехнулся. Брэнсон был куда ближе к истине, чем мог бы предположить.

Том Брайс сидел в офисе Рона Спэкса – длинной и узкой комнатке на первом этаже маленького административного здания в заводском районе рядом с аэропортом Хитроу – настолько «рядом», что заходящий на посадку лайнер, казалось, вот-вот влетит прямо в окно и приземлится на столе. Однако им повезло – завывая двигателями и выпустив закрылки и шасси, самолет, словно тень огромной акулы, промелькнул чуть ли не в нескольких дюймах над крышей.

Выглядел офис весьма жалко: оклеенные коричневой тканью «под замшу» стены, увешанные постерами в рамках с рекламой научно-фантастических фильмов и «хорроров», бронзовый стол мест на двадцать, словно похищенный из тибетского храма, и крайне неудобные стулья с высокой прямой спинкой, несомненно, выбранные с таким расчетом, чтобы посетители долго не засиживались.

Бывший рок-промоутер Рон Спэкс, шестидесятилетний астматик, оставался одним из давних клиентов Тома. Голову его отнюдь не украшал парик-нашлепка, надетый набекрень, а зубы на морщинистой физиономии сияли слишком безупречной белизной, чтобы быть настоящими. Сидя напротив Тома, Спэкс, одетый в заношенную майку с изображением группы «Грейтфул Дэд», джинсы и сандалии, листал каталог «Брайс-Райт» и каждые несколько минут, наткнувшись на что-нибудь интересное, бормотал себе под нос «угу» и «ага».

Том прихлебывал кофе из крошечной чашечки и терпеливо ждал. «Грэвитрэйн дистрибьютинг» была одной из крупнейших распространителей DVD в стране. Золотой медальон на шее, перстни на пальцах, черный «феррари» на стоянке снаружи – все говорило о процветании Рона Спэкса.

Впрочем, он и сам уже несколько раз хвастал перед Томом, как начинал с лотка на Портобелло-роуд, толкая подержанные DVD, когда еще мало кто знал, что это такое. На самом деле Том подозревал, что подобную империю вряд ли можно было построить лишь на торговле пиратской продукцией, но его финансовое положение не позволяло слишком строго судить о моральных принципах клиентов. В прошлом Спэкс всегда делал крупные заказы и платил без задержки.

– Угу… – задумчиво промычал он. – Видишь ли, Том, мои клиенты не желают шиковать. У тебя в этом году нет ничего новенького?

– Подставки для пивных кружек в виде компакт-дисков – кажется, страница сорок два. Мы вам можем нашлепать их целую кучу.

– Ага… – пробурчал Спэкс, найдя нужную страницу, причем уже далеко не столь уверенно. – Угу… И во сколько обойдется стотысячный тираж – только хорошо бы не больше фунта за штуку, а?

Без компьютера Том растерялся. Ноутбук остался в офисе, вновь вверенный заботам Криса Уэбба. В нем было все, в том числе и прайс-лист на все его услуги, а без него он даже боялся прикинуть, на какие скидки сможет пойти, особенно учитывая размеры заказа.

– Я вам все пришлю. Сегодня же, по электронной почте.

– Но не выше фунта, угу? – проворчал Спэкс, открывая банку кока-колы. – Сдается мне, семьдесят пенсов – куда ближе к делу.

В этот момент в кармане у Тома зазвонил мобильник. Глянув на определитель, он увидел, что это Келли, и нажал на кнопку режима ожидания.

Цена в семьдесят пенсов за диск была абсолютно невозможной, это он знал наверняка – они и так обошлись бы ему дороже, но он решил не говорить об этом Спэксу сейчас.

– С моей точки зрения, это несколько маловато, – тактично возразил он.

– Ага… вот что… Меня интересует кое-что еще. Речь идет о двадцати пяти золотых «ролексах».

– Золотых «ролексах»? Настоящих?

– Я до дрянных подделок не опускаюсь. Разумеется, настоящих. Мне нужно, чтобы на них был отштампован логотип, и срочно. К середине следующей недели. Можешь назвать цену?

Том постарался не выдать удивления, особенно после заявления Спэкса, что шиковать тот не намерен. А теперь вдруг заговорил о часах стоимостью в тысячи. Тут телефон зазвонил снова.

Это снова была Келли, что обеспокоило Тома: обычно она просто присылала эсэмэску. Может быть, кто-то из ребят заболел?

– Вы не против, если я отвечу? – обратился он к Спэксу. – Это моя жена.

– Та, которой надо повиноваться, следует отвечать. Модель «Оустер» – это классический «ролекс», так ведь?

Том, знавший о классических «ролексах» примерно столько же, сколько о разведении цыплят в Андах, кивнул.

– Да, несомненно. – Он поднес телефон к уху. – Привет, дорогая.

Голос Келли звучал странно и как-то растерянно.

– Том, прости за беспокойство, но только что был звонок, который… меня напугал.

Встав и отойдя от Спэкса, Том заговорил потише:

– Дорогая, что случилось? Расскажи мне.

– Я ходила в парикмахерскую сделать маникюр. А через пять минут после возвращения кто-то позвонил. Мужской голос спросил, не я ли миссис Брайс, и я… ответила «да». Тогда он уточнил – Келли Брайс? Я вновь ответила, что да. И он положил трубку.

Снаружи стоял промозглый дождливый день, от кондиционера в комнате было совсем зябко, и тем не менее неожиданно Тома бросило в жар, а сердце словно стиснули жесткие ледяные пальцы.

Вчерашняя угроза, мелькнувшая у него перед глазами за те ничтожные секунды перед тем, как память его компьютера снова стерли? Неужели этот звонок как-то связан с посланием, полученным по электронной почте?

«Если вы сообщите полиции о том, что видели, или попытаетесь проникнуть на сайт еще раз, то же, что случилось с вашим компьютером, произойдет с вашей женой Келли, сыном Максом и дочерью Джессикой».

И это притом, что он даже не пытался связаться с полицией или снова заходить на этот проклятый сайт!

Том постарался придумать другое объяснение:

– А ты не пыталась ему перезвонить? Один-четыре-семь-один?

– Да. Сказали, что номер не определился.

– Дорогая, где ты сейчас?

– Дома.

Том посмотрел на часы и увидел, что рука дрожит. Было всего лишь начало первого.

– Послушай, скорее всего, это просто какая-то чепуха, наверное, обычная ошибка. Я даже не знаю. Может быть, проверка службы доставки заказов по *eBay* или что-нибудь в этом роде? Тут может быть масса причин. – Он старался, чтобы его голос звучал спокойно и уверенно, но сам даже не пытался поверить в сказанное. Перед его мысленным взором стояла лишь *та самая* комната, где прекрасную длинноволосую молодую женщину кромсал ножом незнакомец в черном. – Я сейчас на деловой встрече. Перезвоню сразу, как только смогу.

– Я люблю тебя, – всхлипнула Келли.

Быстро глянув на Спэка, вновь уткнувшегося в каталог, Том сказал:

– А я – тебя. Освобожусь через пять минут, самое большее – через десять.

– Женщины! – сочувственно произнес Спэк, когда он дал отбой. А когда Том кивнул, фыркнул: – Всегда своего добьются.

– Это уж точно, – согласился Том.

– Да, так вот: насчет этих «ролексов». Мне нужны расценки на двадцать пять мужских золотых часов «ролекс» с маленькой гравировкой. Срок исполнения – конец следующей недели.

В этот момент Том настолько волновался за Келли, что подумать о потенциальной стоимости заказа ему даже не пришло в голову.

– Гравировка? Какого типа?

– Микроточка. Совсем крошечная.

– Не беспокойтесь, я все выясню и тут же вам сообщу. И предоставлю максимальную скидку.

– Да уж будь любезен!

16

Стиль вождения Гленна Брэнсона всегда приводил Грейса в замешательство, но после того, как тот закончил курсы экстремального вождения для полицейских, как того требовали условия перевода в уголовную полицию, стал просто пугать до ужаса. Хуже того, коллега всегда настраивал магнитолу на какую-нибудь радиостанцию, передающую рэп, и врубал ее с такой громкостью, что Грейсу казалось: не иначе, как его голову засунули в кофемолку.

Пройденные курсы позволяли выпускникам участвовать в погонях на высоких скоростях, а потому, дабы блеснуть мастерством, Брэнсон выбрал единственную автостраду, где можно было без особого труда разогнаться по-настоящему. Это был прямой, как хребтина, отрезок двухполосного шоссе в полторы мили, тянувшийся на открытой сельской местности Даунленда от промзоны, где располагалось управление полиции, до центра Брайтона.

Он смахивал на трек для автогонок. Грейс видел дорогу на милю вперед: два плавных поворота, прямой участок, затем – крутой правый поворот, а еще через полмили – крутой левый поворот, где всего неделю назад произошла очередная авария со смертельным исходом. Рой посмотрел на мчавшийся им навстречу грузовик и покосился на Брэнсона в робкой надежде, что коллега понимает: скорее всего, они окажутся у головоломного правого поворота одновременно с этой махиной. Однако тот полностью сосредоточился на извилистом левом повороте, к которому они неумолимо приближались.

Стрелка спидометра показывала запрещенные девяносто пять миль в час и продолжала ползти вверх. Капельки дождя расплющивались о ветровое стекло.

– Секи, старичок! – проорал Брэнсон, перекрывая дикие вопли Джея-Зи. – Когда прижимаешься к разделительной, весь поворот – как на ладони, и можно срезать по прямой! Совсем как в «Формуле-один»!

Когда Брэнсон «срезал по прямой», Грейс лишь присвистнул сквозь зубы. Машина опасно раскачивалась. Его рубашка начала липнуть к телу.

Грузовик приближался.

Грейс проверил ремень безопасности и глянул на спидометр. Теперь полицейская «вектра» без опознавательных знаков делала сто десять миль в час. До поворота, резко нырявшего вправо почти под прямым углом, оставалось всего несколько сотен ярдов. Грейс хотел поинтересоваться у Гленна, не собирается ли тот слегка притормозить, но побоялся,

что сейчас любой разговор лишь отвлечет лихого водителя. На пологом холмике слева от дороги Грейс заметил двоих мужчин с тележками для гольфа.

Перед глазами встала жуткая картина: что, если свои последние мгновения на земле он проведет в виде отбивной котлеты в кузове полицейского аварийного «воксхолла», провонявшего гамбургерами, табаком и застарелым потом, после того как его вытащат сквозь разбитое ветровое стекло два старых пердуна в костюмчиках для гольфа под матерные вопли какого-то наглого рэпера, о котором он и слыхом не слыхивал.

– Так вот, насчет моего предчувствия, – сказал Брэнсон, «срезая по прямой» и в то же время задумчиво разглядывая передний бампер грузовика всего в сотне ярдов впереди.

Грейс обеими руками вцепился в обивку сиденья.

Нарушая все законы физики, «вектра» каким-то чудом вписывалась в поворот, продолжавший уходить вправо. Теперь впереди оставалось всего одно опасное место, после чего они должны были оказаться в зоне с ограничением скорости до сорока миль в час, когда можно будет вздохнуть спокойно.

– Я весь превратился в слух. В большие уши.

– Я слышу, как колотится твое сердце, – ухмыльнулся Брэнсон.

– Мне еще повезло, что оно вообще бьется. – Грейс приглушил магнитолу, и Брэнсон машинально сбросил скорость.

– Тереза Уоллингтон живет с женихом. Они планировали отметить помолвку в ресторане «Аль-Дуомо» во вторник вечером – в будни, поскольку он работает по скользящему графику. Пригласили родственников и друзей со всей страны.

Грейс промолчал, чувствуя, что, хотя теперь они и находятся в «спокойных водах» сорокамильной зоны, опасность еще не миновала. Пока Брэнсон излагал свою версию, одновременно вертя ручку настройки магнитолы, «вектра» продолжала лететь стрелой прямо навстречу приближающемуся автобусу. Грейс в панике уже собрался было схватиться за руль, но Брэнсон, казалось бы только что заметивший автобус, неторопливо свернул на левую полосу.

– И тут вдруг она не появляется, – продолжил он. – Ни телефонных звонков, ни записки.

– И что же? Думаешь, ее пришил жених?

– Я его вызвал на сегодня. Мне кажется, если его как следует помариновать в боксе, что-нибудь да выяснится.

«Боксом» в управлении называли небольшую комнату для допросов, которая просматривалась из соседней с помощью видеокамеры, и служила, главным образом, для снятия показаний с так называемых «податливых» свидетелей. Снимая их на пленку, детективы могли спокойно изучать их мимику и жесты, что позволяло составить общее представление о личности подозреваемого. Именно там Грейс предпочитал проводить первый допрос человека, который мог оказаться наиболее вероятным преступником, причем вовсе не обязательно мужа или любовника жертвы.

Человеку куда проще расслабиться и сболтнуть что-то лишнее, сидя в удобном красном кресле, нежели на жестком стуле с прямой спинкой в обшарпанном полицейском участке. В некоторых случаях пленку следует как можно быстрее передать для анализа психологу: на телеэкране «язык тела» гораздо красноречивее.

– Стало быть, от юристки-стажерки ты отказался? – насмешливо прищурился Грейс. – А я-то думал, ты на нее запал всерьез.

– Я поговорил с ее лучшей подругой. По ее словам, такое случалось и раньше – она без всяких объяснений исчезала на пару дней. С той единственной разницей, что никогда не прогуливала работу.

– То есть барышня со странностями?

– Похоже на то, – кивнул Брэнсон, вновь начиная крутить ручку настройки.

Интересно, подумал Грейс, заметил ли тот, что идущие впереди машины сбавляют скорость перед красным светофором – учитывая, что их «вектра» довольно быстро приближается к заднему бамперу мусоровоза? На сей раз он решил кое-что предпринять.

– ГЛЕНН!!!

Брэнсон послушно вдавил в пол педаль тормоза, и сзади тотчас же послышался пронзительный визг шин. Обернувшись, Грейс увидел, что в нескольких дюймах от них едва ползет маленькая красная машинка.

– Чем ты занимался на этих чертовых курсах? – ядовито осведомился он. – Или уже забыл? Или там выдают инструкции, написанные по Брайлю[11]?

– Отвали, – хмыкнул Брэнсон. – Знаешь что, ты не пассажир, а какой-то зануда. Тебя надо сажать на заднее сиденье.

Грейсу подумалось, что на заднем сиденье он и впрямь чувствовал бы себя куда спокойнее.

Брэнсон вновь завел заглохший мотор.

– Помнишь начало «Ограбления по-итальянски», где он въезжает на своем «феррари» в туннель и – бум?!

– В римейке?

– Нет, дурила, это все чушь. В оригинале. С Майклом Кейном.

– Я помню автобус в конце фильма. Висит на краю обрыва. То, как ты водишь, мне сразу это напомнило.

– Ну конечно! Сам-то ты водишь как старуха.

Грейс достал из кейса журнал «FHM».

– Ты не мог бы на секунду притормозить? Мне нужен твой совет.

Дождавшись зеленого сигнала, Брэнсон проехал еще немного и притормозил у автобусной остановки. Грейс молча протянул ему журнал.

Пролистав несколько страниц, Брэнсон окинул его странным взглядом:

– Ты никак решил податься в голубые? Или что?

– У меня свидание.

– С кем-нибудь из них?

– Очень умно. Сегодня у меня свидание, причем серьезное. Ты же у нас гуру суссекской полиции по части моды. Ну так вот, мне нужен твой совет.

Некоторое время Брэнсон рассматривал фотографии манекенщиков.

– Я уже говорил: тебе надо что-то сделать с прической.

– Тебе легко говорить – у тебя вообще нет волос.

– Я брею голову, чтобы смотреться круто.

– Какой из меня крутой?

– Я уже рассказывал тебе, что знаю классного стилиста. Ян Хэббин в «Точке». Тебе надо чего-нибудь посвежее: например, на висках – покороче, а на макушке – подлиннее. И смазать гелем.

– К восьми вечера я все равно ничего отрастить не успею. Зато у меня хватит времени что-нибудь прикупить.

Неожиданно Брэнсон тепло улыбнулся другу.

– Стало быть, у тебя это серьезно! Самая настоящая свиданка? Чертовски рад за тебя. – Он стиснул Рою плечо. – Слава богу, ты снова решил начать жить. И кто она? Я ее знаю?

– Может быть. – Реакция друга глубоко тронула Грейса.

– Кончай темнить. Так кто она? Случайно, не эта ваша Эмма Джейн? Годится!

– Нет, не она – слишком молода для меня.

– Тогда кто? Белла?

– Просто посоветуй, что надеть.

– Уж во всяком случае не эти отрепья, что на тебе сейчас.

– Да ладно! Ну так?…

– Куда ты ее ведешь?

– В «Латино» на Лейн. Итальянская кухня.

– Да это же любимая забегаловка моей старушки. Эри обожает «морской коктейль на гриле». – Брэнсон широко улыбнулся. – Ты там на нее здорово потратишься!

Грейс пожал плечами:

– А куда, по-твоему, мне ее вести? В «Макдоналдс»?

Пропустив шпильку мимо ушей, Брэнсон сказал:

– Обрати внимание на то, как она будет есть.

– С какой стати?

– По тому, как женщина ест, сразу ясно, какова она в постели.

– Что ж, посмотрю.

Брэнсон замолчал, медленно листая журнал.

– Для человека твоего возраста я бы не стал слишком молодиться.

– Спасибо.

Брэнсон указал на парня, одетого в свободный бежевый пиджак с белой футболкой, джинсы и коричневые туфли.

– Вот это ты и есть. Так и вижу тебя в этом прикиде. Мистер Крутой. Поезжай в «Луиджи» на Бонд-стрит, и они подберут тебе что-нибудь в этом духе.

– Не желаешь съездить со мной после морга – помочь выбрать что-нибудь?

– Только если потом у меня будет свидание с тобой.

В этот момент раздался громкий гудок клаксона. Обернувшись, оба увидела капот автобуса, стоявшего чуть ли не вплотную к «вектре».

Брэнсон переключил передачу и тронул с места. Через несколько минут, спустившись с эстакады, они миновали гигантский супермаркет «Сэйнсбери» и, подъехав к похоронному бюро, резко свернули налево в кованые железные ворота, приваренные к кирпичным колоннам с маленькой неприветливой табличкой «Городской морг Брайтона и Хоува».

Грейс никогда не тешил себя иллюзиями, что в этом мире все прекрасно, а посему вел замкнутый образ жизни. Но здесь, по крайней мере, зло не пыталось скрывать свою суть. Он вспомнил подслушанное где-то выражение: «Нет ничего банальней зла». Вот и здесь все было просто и буднично. Длинное одноэтажное здание, окруженное какой-то мрачной атмосферой с серой облицовкой под крошку и пандусом под козырьком для машин «скорой помощи».

Морг был перевалочной станцией для путешествия в один конец – на кладбище или печь крематория – для людей, умерших внезапно, в мучениях, либо скоропостижно, после таких болезней, как вирусный менингит, когда результаты вскрытия в дальнейшем могли пригодиться живым.

Обычно, въезжая в эти ворота, Грейс чувствовал, как его непроизвольно охватывает нервная дрожь, однако сегодня все было иначе.

Сегодня он ощущал душевный подъем. И отнюдь не потому, что им предстояло осматривать мертвое тело. Просто здесь работала одна женщина. Та самая, с которой у него на сегодня было назначено свидание.

Впрочем, сообщать Гленну Брэнсону об этом он не собирался.

17

Осторожно, боясь поцарапать «феррари» Рона Спэкса, Том задним ходом вывел свою «ауди» со стоянки и, озабоченно хмурясь, набрал номер Келли.

Стоило вспомнить об истыканной ножом женщине, как его бросало в холодный пот, однако эта жуткая картина по-прежнему так и стояла перед глазами. Это не могло быть ни чем иным, как фильмом! Это должен быть фильм! Ведь фильмов сотни, не мог же он видеть их все! Или рекламный ролик. В наше время можно запросто понаделать кучу спецэффектов. Ну конечно, это был фильм.

Это должен быть фильм.

Но Том знал, что сейчас он просто пытается сам себя успокоить. Издевательства над его компьютером, угрозы по электронной почте… Он поежился, словно над головой проплыла темная туча. Так что же за чертовщину он на самом деле видел во вторник вечером?

В трубке зазвучал голос Келли – к счастью, уже чуть повеселевший.

– Приветик, – прощебетала она.

– Дорогая! Извини, что так долго, просто это был очень важный клиент.

– Да нет, все в порядке. Дело, скорее всего, во мне самой. Просто это было… ну, знаешь… страшновато.

Пока Том ехал вдоль ряда фабрик и пакгаузов, на посадку зашел еще один самолет, и ему пришлось повысить голос:

– Расскажи как можно подробнее, что случилось.

– Обычный телефонный звонок. Мужчина спросил, не дом ли это Брайсов, потом – не я ли Келли Брайс, а когда я ответила утвердительно, сразу дал отбой.

– Знаешь, что это было? – спросил Том. – Судя по всему, какой-нибудь мошенник. В газетах чуть ли не каждый день о таких пишут: у них целая организация. Звонят людям, говорят, что они из банка и что им нужно уточнить кое-какие сведения. Например, просят подтвердить кучу разных подробностей об их доме, паролях, банковских счетах и кредитных карточках. Это вполне мог быть один из них, а тут – помехи на линии… Погодка-то та еще!

– Может быть. – Судя по голосу, Келли верила в это не больше, чем он сам. – У него был какой-то странный акцент.

– Что значит – странный?

– Не английский, а скорее европейский.

– И этот тип больше ничего не говорил?

– Нет.

– А ты не ждешь доставки какого-нибудь заказа?

– Н-не совсем, – слегка запнувшись, пробормотала Келли.

Твою мать! Наверняка опять что-нибудь «выгодно» прикупила!

– Дорогая, что значит «не совсем»?

– Торги еще не закончились.

Том даже не стал спрашивать, что это за чудо из чудес.

– Послушай, я постараюсь быть дома пораньше. Мне надо только заехать в офис за ноутбуком, с ним должны были уже разобраться.

– По-прежнему барахлит?

– Да, там прочно засела какая-то пакость и не хочет убираться. Как погода?

– Солнышко вышло.

– Тогда, может быть, если я успею вовремя, пожарим мясо с ребятами?

– Да, – неуверенно протянула Келли. – О'кей… может быть.

Выруливая на главную магистраль и озираясь в поисках указателя на Лондон на разворотном круге чуть впереди, Том подумал, что против обыкновения ответ жены прозвучал неуверенно и даже как-то уклончиво.

Всю дорогу домой, ползя, как черепаха, по всегда забитой машинами узкой автостраде М-4, ставшей еще теснее из-за проклятой автобусной линии, открытой с нелегкой руки зампремьера Джона Прескотта (сколько раз Тому хотелось поджарить мошонку этого напыщенного типа в раскаленном масле!), он ломал голову, зачем кому-то понадобилось звонить, а потом вешать трубку. Скорее всего, это был запутавшийся водитель службы доставки с очередным приобретением Келли. Все очень просто. И не о чем волноваться.

И тем не менее, Том места себе не находил, потому что Келли, Макса и Джессику любил до безумия.

Его родители погибли в аварии на автостраде М-1 из-за тумана, когда ему было двадцать. Единственные близкие родственники обосновались в Австралии. Брат Зак, пятью годами младше, так и не сумевший оправиться от потрясения, стал бомжом-наркоманом и жил на Бонди-Бич в Сиднее благодаря случайным заработкам, остальное время посвящая серфингу. Дядя с материнской стороны, осевший в Мельбурне, не видел племянника с десяти лет и даже не удосужился приехать на похороны его родителей. Поэтому Келли, Макс и Джессика были Тому милее всех на свете, и он души в них не чаял.

Когда автострада кончилась и началась Кромвель-роуд, его телефон зазвонил. Номер на определителе не высветился.

Том нажал на кнопку приема звонка.

– Алло?

– Это говорит Том Брайс? – произнес мужской голос с сильным восточноевропейским акцентом.

– Совершенно верно, – осторожно ответил Том.

В трубке запикали противные короткие гудки.

18

Останки мертвой женщины лежали на стальной тележке в прозекторской, упакованные в прозрачный пластик, словно замороженный кусок мяса из супермаркета.

Торс, а также обе ноги и рука, найденные на рапсовом поле, были разложены по отдельным пакетам: рука – в маленьком, а ноги – в пакетах побольше. Такая техника позволяла сохранить в максимальной неприкосновенности фрагменты эпидермиса и частички почвы, которые могли остаться под ногтями. Все вместе было обернуто большим куском целлофана.

Именно его сейчас доктор Фрейзер Теобальд осторожно разворачивал, с невыносимой медлительностью проверяя все – как под микроскопом, – что могло упасть с волос или кожи покойной и принадлежать не только ей, но и убийце.

Грейсу довелось побывать в этой комнате куда больше раз, чем хотелось бы. Впервые это произошло лет двадцать назад, когда он еще совсем зеленым новичком по долгу службы присутствовал на вскрытии. Рой до сих пор отлично помнил, какими глазами смотрел на лежавшее перед ним обнаженное тело упавшего с лестницы шестидесятилетнего мужчины, в котором, казалось, не сохранилось ничего человеческого. Это был просто мешок мяса и костей с двумя бирками – желтой и зеленой, – свисавшими с больших пальцев ног.

Когда прозектор сделал надрез на затылке вдоль линии волос и откинул кожу на лицо, обнажив череп, а патологоанатом, ловко приставив к нему дисковую пилу, приступил к трепанации, Рой повел себя именно так, как и большинство новичков до него – позеленел, а затем метнулся в туалет, где его вырвало.

С тех пор Грейса никогда не тошнило, но сама комната неизменно приводила его в уныние. Отчасти в этом был повинен запах дезинфектанта «тригена», казалось на долгие часы пропитывающего каждую пору кожи, а отчасти – проникавшего сквозь матовые стекла рассеянного света, создававшего здесь мертвенную, потустороннюю атмосферу. И всякий раз возникало чувство, что морг – это не конечная точка земного пути, а лишь место временной задержки на полпути между смертью и вечным покоем.

Тела усопших хранятся здесь до установления причины смерти, а в некоторых случаях – личности, после чего передаются представителю похоронного бюро для погребения. Иногда личность покойников так и остается неизвестной. Так, один из них, пожилой мужчина, хранился в морозильной камере уже почти год. Он был найден на скамейке в парке, но за ним никто так и не явился.

Порой, пребывая в мрачном настроении, Грейс подумывал, что однажды такое может произойти и с ним. У него не было ни жены, ни детей, ни родителей, только сестра, но что, если он переживет ее? Впрочем, Рой никогда на это особенно не рассчитывал – у него было достаточно проблем в жизни, хотя о смерти он вспоминал часто. Особенно здесь. Бывало, глядя на тело, лежавшее на тележке или в морозильной камере, он задумывался, сколько духов населяет это здание, и его сразу охватывал озноб.

Клио Мори, главный прозектор или, если уж пользоваться ее официальным званием, старший патологоанатом, помогла доктору Теобальду поднять большое внешнее покрывало, а затем осторожно сложить его для дальнейшей судебно-медицинской экспертизы, если исследование тела не даст никаких результатов. Иногда Грейс задерживал на ней взгляд. Даже в рабочем балахоне она выглядела невероятно привлекательной. Впрочем, подумал Грейс, наверное, эту точку зрения разделяет любой, кто ее когда-либо видел.

Затем доктор Теобальд, освободив торс от покрывала, приступил к нелегкой задаче: обмеру каждой из тридцати четырех колотых ран и записи полученных результатов.

Плоть выглядела бледнее, чем вчера, и, хотя большая ее часть, в том числе и груди, сплошь покрывали кровавые рваные раны, он заметил первые признаки трупного окоченения.

Центр комнаты занимали два стальных стола: один – приваренный к полу, другой, на котором лежали останки мертвой женщины, – на колесиках. Вдоль стены тянулись морозильные камеры с дверцами от пола до потолка, в углу – синий гидравлический подъемник. Стены покрывал серый кафель, по периметру комнаты бежал сточный желоб. Напротив морозильника – рядок раковин из нержавейки, в одной из них – свернутый кольцом желтый резиновый шланг. В дальнем конце – рабочая полка и шкафчик со стеклянными дверцами, набитый инструментами, упаковками батареек «дюраселл» и жутковатыми «сувенирами», на которые никто не претендовал – в основном извлеченными из жертв электрокардиостимуляторами.

Рядом на стене висел бланк, куда заносились имена покойных и все их данные: вес мозга, легких, сердца, печени, кишок и селезенки. Пока что там была заполнена лишь одна строка: «Неизв. женщина».

Сегодня эта просторная комната показалась Грейсу меньше обычного. Кроме Теобальда и Клио, здесь находились помощник Клио Даррен – приятный и неглупый двадцатилетний молодой человек с модной прической «иголочками», старший судмедэксперт Джо Тиндалл (он фотографировал каждую рану, приложив к ней линейку), Гленн Брэнсон и он сам.

Доктор Теобальд и двое сотрудников морга были облачены в синие форменные защитные костюмы и тяжелые прорезиненные фартуки, а на патологоанатоме – еще и маска, висевшая у самого подбородка. На остальных присутствующих были зеленые хирургические халаты с белыми манжетами и либо пластиковые бахилы, либо белые резиновые сапоги. Грейс посмотрел на Клио Мори, поймал ее взгляд, и от легкой, но достаточно откровенной улыбки молодой женщины все его существо затрепетало.

Рой почувствовал себя как возбужденный подросток. И тут же устыдился: в конце концов, сейчас он обязан полностью сосредоточиться на деле, но ничего не мог с собой поделать. Клио Мори отвлекала его, и это был несомненный факт.

Всего несколько дней назад у них уже было свидание. Впрочем, вряд ли это заслуживало такого названия: короткая встреча в пабе, ставшая еще короче, когда зазвонил мобильник и Роя срочно вызвали на работу.

Господи, подумал он, как же она хороша! Однако, сколько Грейс ни видел Клио, он никак не мог привыкнуть к несоответствию внешности этой прелестной длинноволосой и длинноногой блондинки лет тридцати и места ее работы. С такими данными Клио вполне могла бы стать моделью или актрисой, а с ее умом – добилась бы успеха чуть ли не на любом поприще. И вот, поди ж ты – работает в морге! Долгие часы круглосуточных дежурств. Постоянная готовность сорваться с места по вызову и мчаться куда угодно: на берег реки, к выгоревшему дотла сараю, к скрытой в лесной глуши могиле, где обнаружена очередная жертва… Возня с трупами, подготовка их к вскрытию, а затем – как можно более бережное и заботливое приведение этих останков в порядок (не важно, насколько они обгорели или разложились) для опознания родственниками. Мало того, Клио приходилось утешать этих несчастных, давать им надежду, что смерть любимого и близкого человека не была настолько мучительной, как кажется по виду тела.

Наблюдая за тем, как доктор Теобальд прижимает линейку к пятой колотой ране, прямо над пупком молодой женщины, Грейс ничуть не завидовал Клио и ее работе. К счастью, опознание тела можно произвести с помощью анализа ДНК: ни один родитель не вынес бы такого зрелища. Слишком уж хорошо Рой знал, насколько некоторым людям важно увидеть это собственными глазами. Часто, несмотря на все попытки их отговорить, любящие родные настаивают на этом, лишь бы им позволили сказать последнее прости.

Поставить точку.

Чего он, Грейс, лишен раз и навсегда. И это помогало ему понять таких людей. Без подобного завершения нет надежды жить, двигаться дальше. Вот почему после исчезновения Сэнди сам он застыл, как блуждающая душа в чистилище. На следующий день в Брайтон собирался приехать очередной молодой, но уже прославленный медиум, чтобы выступить перед ограниченной аудиторией в Холистическом[12] оздоровительном центре, и Грейс купил билет. Он подозревал, что, скорее всего, это опять ничего не даст, но ведь британская полиция и Интерпол уже использовали все возможные традиционные способы…

Клио вновь бросила на него взгляд, теплый и, несомненно, игривый. Осторожно покосившись на Брэнсона (не дай бог, заметит!), Грейс быстро подмигнул ей в ответ.

«Господи, как же она хороша!» – с тяжелым сердцем, чувствуя себя чертовски виноватым перед Сэнди, подумал он. Это было все равно как если бы многие годы он хранил ей верность, а тут, не выдержав, вдруг решил изменить.

Внезапно его мобильный телефон коротко пискнул, извещая о поступившем текстовом сообщении. Достав его из внутреннего кармана, Грейс посмотрел на дисплей. Звонил детектив-констебль Ник Николл.

«Тереза Уоллингтон исключается».

Грейс тут же протиснулся вдоль стены к Брэнсону и поманил в дальний конец комнаты.

– Похоже, тебе стоит еще поработать над своей техникой предчувствия, – вполголоса пробормотал он и сунул телефон под нос коллеге.

– Черт! А ведь я был так уверен… настольно уверен… – буркнул сержант с таким огорченным видом, что Грейсу даже стало его жаль.

– Гленн, в фильме «Семь» у Моргана Фримена тоже было предчувствие, которое не оправдалось, – успокаивающе похлопав друга по плечу, напомнил Грейс.

– Ты что, намекаешь, что это общая черта всех чернокожих легавых? – покосившись на него, спросил Брэнсон.

– Какое там, он же актер. – Грейс снова залюбовался Клио. Сейчас ее шелковистые волосы, слегка покачиваясь, частично прикрывали зеленую лямку фартука на шее. – Скорее, это общая черта лишь всех больших лысых горилл. – Он вновь дружески похлопал Брэнсона по плечу.

После чего перезвонил Нику с аппарата, стоявшего рядом на рабочей полке. Новые цифровые телефоны, которыми была оснащена полиция, были оборудованы скремблерами, шифрующими все переговоры, но обычные мобильники по-прежнему можно было прослушать, поэтому суперинтендент избегал звонить с них по каким-либо щекотливым вопросам.

– У нее возникли сомнения насчет свадьбы, вот она и задала стрекача, – пояснил Ник. – А теперь вернулась каяться.

– Как мило! – саркастически хмыкнул Грейс. – Я передам Гленну. Он любит слезливые истории со счастливым концом.

Ответом ему было молчание. «Котелок» у детектива-констебля Ника Николла варил что надо, но вот чувство юмора туда добавить забыли.

Они вновь прошлись по списку из четырех пропавших без вести женщин, и Грейс велел Николлу раздобыть любые материалы, пригодные для анализа ДНК каждой. Тот подробно доложил, как дюйм за дюймом продвигаются поиски головы и левой руки в районе обнаружения тела. Сам Грейс сильно сомневался, что они увенчаются успехом. Разве что им повезет с рукой, которую могла уволочь какая-нибудь собака или лисица. Но в то, что удастся найти голову, он не верил.

Затем Рой сделал еще один короткий звонок, чтобы узнать, как продвигается судебный процесс по делу Суреша Хоссейна – делу, ставшему для него глубоко личным. Процесс шел через пень-колоду: представитель прокуратуры наделал кучу грубых ошибок, да и сам Грейс повел себя не так, как следовало бы. Он свалял дурака, показав улику – ботинок, принадлежавший жертве, – медиуму, и пронюхавший об этом адвокат выставил его в суде на посмешище.

Тем временем доктор Теобальд продолжал свою работу – как обычно, мучительно медленно и методично. Обследование содержимого желудка покойной показало, что незадолго до смерти она ничего не ела, что в определенной степени помогало установить время убийства: скорее всего, ранним, а не поздним вечером, поскольку жертва не ужинала. Запах алкоголя тоже отсутствовал (а он бы обязательно сохранился даже после пары стопок), что свидетельствовало о том, что жертва, скорее всего, хотя и не обязательно, не посещала баров.

Приблизительно в половине первого, когда Грейс вновь отошел позвонить Дэннису Пондсу, чтобы получить подтверждение насчет назначенной на два пресс-конференции, к нему подскочил Гленн Брэнсон – с настолько ошарашенным видом, что его лицо казалось желтоватым.

– Рой, тебе лучше взглянуть на это самому!

Грейс, уже начавший было набирать номер, дал отбой и последовал за ним. Ему сразу бросилось в глаза, что все, окружившие прозекторский стол, застыли в потрясенном молчании. Подойдя поближе, Рой уловил омерзительную вонь экскрементов и кишечных газов.

Грудная клетка женщины была вскрыта, ее сердце, легкие и остальные жизненно важные органы – извлечены и лежали рядом, аккуратно разложенные по пакетам. Грейс знал, что после завершения экспертизы, в ходе которой тело превратится в пустую оболочку, их вернут на место.

На операционном подносе с металлической окантовкой, установленном чуть выше тела, в месиве из крови, экскрементов и слизи лежала похожая на длинную сосиску светло-коричневая трубка диаметром около дюйма. Доктор Теобальд, сделавший в ней надрез, стоял, растягивая пинцетами его края так, чтобы все могли видеть содержимое.

Патологоанатом повернулся к Грейсу – его и без того всегда мрачная усатая физиономия казалась почти зловещей. Он кивнул в сторону подноса.

– Рой, мне кажется, вам стоит на это взглянуть.

Анатомия никогда не была коньком Грейса, и порой, рассматривая органы трупа, он не сразу мог сориентироваться и понять, что это такое вообще. Он опустил глаза, пытаясь сообразить, что же ему подсунули на этот раз. Похоже, часть толстого кишечника, подумал Рой. Пока он приглядывался, доктор Теобальд растянул разрез еще шире, и Грейс увидел… нечто невероятное.

То, что уже видели все присутствующие в комнате.

То, что заставило его, не веря собственным глазам, сначала податься поближе, а затем застыть в состоянии глубочайшего шока.

Мгновение спустя Грейс резко отшатнулся, словно хотел убежать отсюда прочь.

– Господи! – хрипло пробормотал он и, закрыв глаза, почувствовал, как кровь отливает от головы. В животе забурлило. – О боже праведный!..

19

Это был толстый блестящий черный жук двух дюймов длиной с мохнатыми лапками и полосатой спинкой, чью голову украшал большой кривой рог.

Фрейзер Теобальд осторожно ухватил его пинцетом и поднял над столом, выставляя на всеобщее обозрение. Существо не шевелилось.

Грейс, относившийся к жукам, мягко говоря, без особого восторга, отступил еще на шаг. Он вообще на дух не выносил насекомых, всю жизнь боялся пауков, да и к жукам относился крайне настороженно. А этот был – о боже! – и в самом деле омерзительной тварью.

Рой глянул на Клио и уловил на миг промелькнувшую у нее на лице гримасу отвращения.

– Кто-нибудь знает, что это такое? – дрожащим голосом спросил Брэнсон, указывая на поднос и, таким образом, освобождая Грейса от необходимости задать этот заведомо нелепый вопрос самому.

– Разумеется, ее ректальный проход, – как само собой разумеющееся, ответил Теобальд, поднося жука к носу.

Кончики его длинных усов начали подрагивать так, точно вот-вот растопырятся на отдельные волоски на манер жучиных лапок. Брэнсон брезгливо отвернулся.

Патологоанатом глубоко втянул воздух.

– Формальдегид, – объявил он и протянул насекомое Грейсу, как бы прося подтверждения.

Поборов отвращение, детектив-суперинтендент тоже принюхался. И мгновенно уловил запах, напомнивший ему об уроках биологии в школе.

– Да, – согласился он и тоже взглянул на поднос.

– Потому-то я и не нашел его при визуальном обследовании – он был введен слишком глубоко.

Грейс оценивающе посмотрел на отсеченный доктором фрагмент прямой кишки – сфинктер мертвой молодой женщины.

– Фрейзер, как, по-вашему, он был введен до или после смерти?

– Трудно сказать.

Тогда Грейс задал вопрос, вертевшийся у всех на языке:

– Но зачем?

– А уж это предстоит выяснить вам, – развел руками Теобальд.

– Помните «Молчание ягнят»? – вмешался Брэнсон, стоявший в дальнем конце комнаты, опираясь на рабочую полку рядом с раковиной.

Еще бы! Грейс помнил очень хорошо. Он читал этот роман – одну из немногих книг, напугавших его по-настоящему, – и смотрел фильм.

– В горло всех жертв была вставлена куколка мотылька, – продолжал Брэнсон. – Мотылька «мертвая голова».

– Да, – кивнул Грейс, – это был своего рода автограф убийцы.

– Так, может быть, это автограф *нашего* убийцы?

Грейс уставился на жука, которого патологоанатом по-прежнему держал в поднятой руке. На секунду ему померещилось, что эта тварь все еще жива и подергивает лапками.

– Кто-нибудь знает, к какому виду принадлежит этот жук? – спросил он.

– Жук-олень? – предположила Клио Мори.

– Только не с таким рогом, – тут же возразил Даррен. – Я изучал энтомологию, это входит в нашу программу. Не припомню, чтобы нечто подобное водилось у нас. Думаю, эта тварь – нездешняя.

– Их кто-то импортирует? – удивился Грейс. – То есть кто-то не поленился заказать ее специально для того, чтобы засунуть кому-то в ректальный проход? Чего ради?

В комнате повисла долгая пауза. Наконец патологоанатом сунул насекомое в пластиковый пакетик и, приклеив ярлычок, надписал.

– Нам следует выяснить о нем все, что возможно, – сказал он.

Грейс задумался. В течение долгих лет ему приходилось читать очень много о менталитете преступников. Большинство убийств совершается в той местности, где живет преступник, как правило хорошо знающий свою жертву. Обычно это происходит спонтанно, так сказать «под влиянием момента». Однако среди преступников попадаются извращенцы, убивающие ради удовольствия, и хотя в итоге им не удается ускользнуть от поимки, порой, дабы придать ощущениям большую остроту, они не прочь поиграть с полицией в прятки.

Убийцы, оставляющие своеобразный фирменный знак, встречаются довольно часто. В насмешку, как издевательский вызов. *Вот вам зацепка! Так поймайте меня, тупые легавые, если, конечно, мозгов хватит!*

Грейс посмотрел на часы. Среди его знакомых был человек, способный объяснить – и, скорее всего, тотчас же, – что это за жук. Рой понятия не имел, поможет ли это расследованию, однако такого рода сведения могли натолкнуть на какую-нибудь интересную мысль.

– Нельзя допустить, чтобы об этом пронюхали газетчики, – обратился он к коллегам. – Режим полного радиомолчания, о'кей?

Все кивнули, прекрасно понимая ход его мыслей. Если в полиции вдруг раздастся телефонный звонок и некто представится убийцей, то, располагая информацией о столь необычном фирменном знаке, можно мгновенно распознать, их ли это клиент или очередная пустышка. Это позволило бы сэкономить кучу времени – часы, если не дни, упорной работы.

Грейс попросил Брэнсона позвонить в штаб и организовать проверку статистики по всей стране на предмет выявления всех случаев, когда на месте убийства находили жуков. А затем задал патологоанатому глупый вопрос. Он знал, что вопрос глупый, но, тем не менее, его требовалось задать.

– Жук был точно мертв, когда его ввели в жертву?

– Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь таскал в ректальном проходе собственный запас формальдегида, – впервые за весь день усмехнулся Теобальд и указал на маленький стеклянный флакон с густой на вид жидкостью. – Это – слизь со стенок кишечника. Здесь его следов нет.

Грейс кивнул и после нехитрых математических подсчетов пришел к выводу, что если он отправится в Лондон сразу же после окончания пресс-конференции, у него хватит времени показать жука человеку, который наверняка сможет его опознать.

20

– В Вайкинге ветер северо-западный, пять-шесть в секунду, постепенно ослабевающий до трех-четырех, осадки, – бормотал Прогноз. – В Северном и Южном Атшире ветер северозападный, осадки…

Он сидел за рулем своей машины – маленького, насквозь проржавевшего «фиата-панды». По радио какой-то зануда, сам толком не врубавшийся, что за ахинею несет, расписывал, как легко сделать по Сети покупку за чужой счет. В общем, сегодня во время поездки по дороге, тянувшейся вдоль Шорэмской гавани – коммерческого порта Брайтона и Хоува, – скверный прогноз погоды звучал вполне уместно.

Слева промелькнул Суссекский яхт-клуб, а за ним – ангар, справа – ряд домов с террасами. Прогноз вновь ехал к Джонасу Смиту, или, как его звали на самом деле, Карлу Веннеру. Этот толстяк начинал ему надоедать. Вообще-то он с ним связался, чтобы отомстить людям, на которых работал, тем, кто достал его по-настоящему. А теперь, видите ли, бросай все дела по первому свистку Веннера и лети к нему, поскольку этот самый чертов Веннер отказывается общаться по телефону или электронной почте, как все *нормальные* люди. А вдобавок вечно устраивает какие-то идиотские шпионские игры: опасаясь слежки, заставляет тащиться либо, как в прошлый раз, в отель, либо, как сейчас (что случается гораздо реже), к себе в офис.

Оставив позади домá и сухой док для ремонта яхт, Прогноз включил указатель правого поворота и, дождавшись просвета в потоке машин, так дал по газам, что мотор взвыл от неожиданной нагрузки. Теперь он катил по промышленной зоне Портелэйд-Юнитс. Отсюда было легко разглядеть здание, куда он держал путь: то самое, где на крыше стоял похожий на черное насекомое-мутанта вертолет – личный вертолет Веннера.

Миновав древний терминал, Прогноз затормозил на стоянке возле огромного современного ангара рядом с большим черным «мерседесом» – одной из тачек Веннера. Вывеска на стене ангара гласила: «Оушиэник & Оксидентл импорт/экспорт».

Прогноз выключил мотор, но еще некоторое время продолжал слушать «Радио файв лайв», раздумывая, не позвонить ли им по мобильнику и не поставить зануду на место. Однако время поджимало – скоро надо было возвращаться на работу. Бормоча про себя: «В Фортиз, Кромарти, Тайне и Доггере ветер северо-западный, семь-восемь в секунду…», он

вылез из машины, запер ее, методично проверил все дверцы и направился к боковому входу. Встав лицом к объективу камеры видеонаблюдения, он нажал на кнопку переговорного устройства.

Почти сразу зажужжал зуммер, и послышалось негромкое «клинк!», означавшее, что замок открылся. Прогноз толкнул тяжелую дверь и вошел в ангар размером с футбольное поле, заставленный массивными серыми контейнерами. Двое здоровяков в комбинезонах со славянскими физиономиями – один с татуированной бритой башкой, другой – с длинной черной гривой – посмотрели на него, кивнули (дескать, узнали) и вновь занялись контейнером, установленным на передвижном подъемнике.

Прогноз, успевший взломать защиту компьютерной системы компании и порыться в накладных, знал, что находится в этих контейнерах. Примерно половина из них содержала вполне легальные товары – в основном запчасти к сельхозтехнике и удобрения, зато другая… Угнанные экзотические машины для России и Среднего Востока, военное снаряжение для Сирии и Северной Кореи, просроченные лекарства для Нигерии…

Однако Прогноз не собирался сообщать Веннеру о своих открытиях. Все, чего он хотел, – это по-быстрому встретиться с ним, рассказать, что узнал, и вернуться на работу. А вечером у него свидание с Моной… на одном интересном чат-сайте в Интернете, уже третье по счету. Мона работала в американской компании «IT» в Бойзе, штат Айдахо, и беседовали они в основном о проблемах окружающей среды.

Самым крутым в Моне было то, что она тоже читала Роберта Энтона Уилсона, да и вообще у них было много общего. Она была согласна с Прогнозом, что очень скоро люди научатся загружать свои мозги в компьютеры и вести виртуальное существование, освободившись от всей этой бренной шелухи в виде биологической плоти.

Огромный грузовой лифт вознес его на второй этаж.

– В Фортиз и Доггере давление постепенно падает, – сообщил он поджидавшему его у дверей лифта Мику Брауну в сером спортивном костюме от Прады и белых туфлях.

Этот проклятый албанец никогда не слушал о погоде. Он не имел ни малейшего понятия, о чем глаголет Прогноз, да и плевать на это хотел. Некоторое время он жевал резинку – как обычно, с полуоткрытым ртом, выставив напоказ свои крошечные, но острые зубки и равнодушно глядя на Прогноза: его смущенное выражение лица, нечесаные патлы, мятую белую рубашку, бежевые брюки, нечищеные серые ботинки… Албанца интересовало лишь одно: нет ли у него при себе оружия. И вовсе не потому, что он в чем-либо подозревал этого чокнутого мистера Фроста, – просто ему за это платили, вот он и проверял всех подряд.

Фигура у Фроста была хлипкая, и выглядел он слабаком. Такого будет легко прибить, когда придет время. Но и кайфа никакого. Албанец предпочитал бойцов, потому как приятно немного поразвлечься, когда тебе пытаются дать сдачи, особенно бабы.

– Мобильник? – спросил он со своим утробным акцентом.

– Не захватил.

– Оставил? В машине или на работе?

– На работе, – солгал Прогноз. – Как мне и велели.

Прямо напротив лифта находилась массивная дверь с электронным замком и видеокамерой. Албанец достал карточку из кармана, прижал ее к замку и, толкнув тяжелую дверь, жестом пригласил Прогноза пройти внутрь.

Войдя, Фрост мгновенно уловил знакомую вонь застоялого сигарного дыма. Они зашли в маленькую, голую комнатку без окон, застеленную дешевым ковролином. Из мебели здесь был лишь старый металлический стол, по-видимому купленный на распродаже старого конторского оборудования, вращающееся кресло, плазменный телевизор на штативе, по

которому шел футбольный матч, и пять мониторов: один показывал пространство перед дверью офиса, а четыре других давали круговой обзор здания.

– Жди здесь, – приказал албанец и, пройдя в дальний конец офиса, скрылся за дверью.

Почти сразу Прогноз услышал возбужденные голоса. Веннер что-то кричал, но звук был слишком глухим, чтобы можно было разобрать слова.

Прогноз уставился на телеэкран. Было время ленча – еще одна причина для раздражения, он пропускает уже второй ленч на этой неделе только потому, что его выдергивает к себе Веннер. Прогноз опустил голову и, сосредоточив взгляд на крошечном кусочке фольги, застрявшем в волокнах ковра, стал раздумывать, как бы ему набраться смелости, чтобы объявить толстяку, что он больше не желает на него работать. Потом вновь глянул на экран и пожалел, что вместо этого дурацкого футбола не показывают «Стар трек». «Стар трек» придавал ему смелости и вдохновения. Время от времени он представлял себя в роли некоторых персонажей. Идти вперед, не ведая страха…

– Мм… – промычал Неробкий Прогноз, прочищая горло и по-прежнему размышляя, как бы набраться смелости.

Карл Веннер будет чертовски недоволен…

Его размышления прервал звук открывающейся двери и визгливый выкрик с луизианским акцентом:

– Чтоб глаза мои больше не видели эту гребаную маленькую сучку! Эта дрянь, мать ее так, меня укусила!

Через секунду из двери вылетела маленькая, до ужаса перепуганная девочка. Судя по всему, она была уроженкой Восточной Европы. Стройная фигурка, длинные каштановые волосы растрепаны, яркая помада размазана по подбородку… На ней были туфли на высоком каблуке, блузка с глубоким вырезом и мини-юбка – настолько короткая, что едва вписывалась в рамки приличий. Под правым глазом у нее набухал свежий рубец, вполне готовый вскоре превратиться в лиловый фингал, на левой скуле виднелся след от такого же удара, но здесь кожа лопнула и кровоточила, обе руки – сплошь в синяках.

Прогноз никак не дал бы ей больше двенадцати.

На секунду девочка посмотрела ему в глаза, словно собираясь взмолиться о помощи, но он поспешно отвернулся, вновь уставившись на кусочек фольги. Прогнозу было безумно жаль бедняжку, но он остро чувствовал свою беспомощность и от этого только еще сильнее захотел послать Веннера подальше. Впрочем, не раньше, чем тот ему заплатит.

Албанец заговорил с девочкой на непонятном Прогнозу языке. Та отозвалась возмущенно-визгливым тоном, слишком сварливым для ее юных лет, и вновь, обернувшись, с отчаянием посмотрела на Прогноза, но тот продолжал пялиться на ковер и что-то бормотать себе под нос.

Затем он почувствовал на плечах чью-то тяжелую лапу, и его обдало привычной сигарной вонью, смешанной с испариной и лишь чуть-чуть смягченной запахом одеколона «Ком де гарсон зом» (Прогноз знал это, поскольку недавно, коротая время перед полетом, запомнил ароматы всех одеколонов в магазине «дьюти-фри» Гатуикского аэропорта).

– Представляешь, Джон, ей, видите ли, не хочется в задницу! – негодующе пропыхтел Карл Веннер. – Что ты на это скажешь?!

Казалось, каждая складка его слоновьей туши трясется от ярости, на щеке красовалась свежая царапина. Его обычно безупречно уложенная серебристая шевелюра на сей раз была растрепана, а «хвост» почти вылез из-под резинки. Изумрудного цвета рубаха, лишившаяся половины пуговиц, неопрятно болталась на валиках бледного жира, нависавших над блестящим поясом. На побагровевшей от злости и возбуждения физиономии четко

проступали сухие пятна псориаза, которые Прогноз замечал и раньше. Толстяк дышал с таким свистом, словно его вот-вот хватит удар.

– Эта дрянь, видите ли, не любит, когда ее трахают в жопу! – издевательским тоном продолжал Веннер. – Поверить не могу!

Своего мнения на этот счет у Прогноза не было, а потому, чувствуя, как вся масса Карла Веннера поворачивает его вокруг своей оси, лишь пробормотал нечто неопределенное.

На секунду оба застыли, а затем Веннер свирепо зыркнул на мистера Брауна.

– Делай с этой сучкой все, что хочешь, а потом избавься от нее!

То, что его втянули в эту мерзость, по сути, заставили в ней участвовать, не входило в условия договора, но тогда Прогноз не понимал подлинной натуры своего работодателя – до тех пор, пока, будучи опытным хакером, не изучил прошлое Веннера, залезая в его личные файлы.

Впервые Прогноз столкнулся с Веннером в Интернете на чат-лайне для технарей, которые обменивались информацией и подсовывали друг другу всевозможные коварные головоломки. Веннер бросил ему вызов, поставив перед ним задачу, которая по тем временам считалась чисто гипотетической. Вопрос заключался в следующем: возможно ли разместить в Интернете веб-сайт таким образом, чтобы непосвященный никоим образом не сумел его обнаружить. У Прогноза такая система уже была, и он подумывал предложить ее британской разведке, но его чертовски напугала война с Ираком. В любом случае, он не доверял никаким правительственным учреждениям.

Веннер втащил его в свой похожий на пещеру офис, занимавший большую часть верхнего этажа ангара. Это было огромное и бездушное помещение без окон с таким же дешевым напольным покрытием, что и на охранном посту, и почти столь же скудно обставленное, не считая небольшой секции в глубине с несколькими набитыми компьютерами стойками, знакомыми Прогнозу от и до, поскольку он сам же их и монтировал.

Рабочий стол Веннера, где помимо четырех ноутбуков были только стеклянные пепельница с двумя сигарными окурками и ваза шоколадных батончиков, ничем не отличался от собрата по соседству. Рядом стояли старое кожаное кресло и длинный диван, обитый довольно потрепанной коричневой кожей. Прямо перед ним на полу валялись крошечные кружевные трусики. Над головой по металлической крыше ангара барабанил дождь.

Как всегда, словно из ниоткуда, материализовались двое молчаливых и неулыбчивых русских коллег Веннера и, заняв места по обе стороны толстяка, едва заметно кивнули Прогнозу.

– Слушай, а ведь она, мать ее, и впрямь цапнула меня до крови! Смотри! – Выдохнув густую струю сигарного дыма, Веннер показал ему толстый, как сарделька, указательный палец с обгрызенным ногтем.

Внимательно рассмотрев глубокие пунктирные отметины на первой фаланге, Прогноз нахмурился:

– Вам нужен укол против столбняка.

– Столбняка?

Прогноз, вперив взгляд в лежавшие на ковре трусики, начал раскачиваться взад-вперед, словно в трансе.

– Столбняка? – обеспокоенно переспросил американец.

По-прежнему пялясь на валявшиеся у него под носом трусики, Фрост медленно заговорил:

– Содержание бактерий в человеческой слюне в значительной степени превышает аналогичные показатели у любого другого животного. Именно поэтому оральные контакты

смертельно опасны. Вы представляете, сколько микроорганизмов обитает на слизистой оболочке человеческого рта?

– Нет.

– Более миллиона на квадратный миллиметр, – продолжая раскачиваться, сообщил Прогноз. – При этом свыше ста девяноста различных видов.

– Потрясающе. – Веннер с сомнением уставился на ранку. – Ну ладно, к делу! – Он возбужденно описал небольшой круг по комнате и потер жирные ладони. Судя по выражению лица, его настроение полностью изменилось, а интерес к бактериальной теме угас. – Ты раздобыл информацию?

– Мм… – Прогноз, по-прежнему раскачиваясь, не сводил глаз с трусиков. – А что… мм… с этой девочкой? Что с ней будет?

– Мик отвезет ее домой. А тебе-то что?

– Мм… нет, со мной… все о'кей.

– Ты принес то, о чем я просил? То, за что, мать твою, я плачу тебе деньги?

Расстегнув задний карман брюк, Прогноз достал маленький, сложенный вдвое листок в клеточку, вырванный из блокнота, и передал его Венеру. Тот утробно хмыкнул:

– Уверен на все сто?

– Да.

Похоже, такой ответ толстяка вполне устроил, ибо он, переваливаясь, как утка, направился к столу, чтобы его прочесть.

На листке был записан адрес Тома и Келли Брайс.

21

С точки зрения Роя Грейса, профессор Ларс Йоханссон больше походил на банкира международного класса, нежели на ученого, который в поисках редких насекомых провел большую часть жизни, ползая по пещерам, болотам и неприветливым джунглям всего земного шара. Во всяком случае, этот высоченный англичанин шведского происхождения, с аккуратно подстриженными светлыми волосами, в вечно съезжающих на кончик носа полукруглых очках в роговой оправе и облаченный в модный, но неброский костюм, производил впечатление человека, не слишком склонного отказываться от городского комфорта.

Он встретил Грейса, сидя за большим столом в своем захламленном кабинете на самом верхнем этаже лондонского Музея естественной истории в окружении стеклянных ящичков, пузырьков с редкими экспонатами, микроскопов, медицинских инструментов и весов. Рой усмехнулся: комната живо напоминала декорации к очередному фильму об Индиане Джонсе.

Они познакомились и подружились несколько лет назад на Международной конференции Ассоциации специалистов по раскрытию особо тяжких преступлений, ежегодно проходившей в различных американских городах, которую Грейс посещал постоянно. В обычных обстоятельствах он отправил бы к Иоханссону кого-нибудь из подчиненных, но знал, что сам получит ответы быстрее.

Энтомолог достал целлофановый пакетик с жуком из плотного, снабженного ярлычком пакета для улик и, оглядев его со всех сторон, спросил с легким шведским акцентом:

– Рой, он прошел дезинфекцию?

– Конечно.

– Стало быть, его можно оттуда вытащить?

– Совершенно верно.

Иоханссон осторожно извлек пинцетом двухдюймового жука и положил на блок гигроскопической бумаги. Пока он молча разглядывал насекомое сквозь большое

увеличительное стекло, Грейс с благодарностью прихлебывал кофе, грустно думая о так и не состоявшемся свидании с Клио, которое пришлось отменить, поскольку сначала надо было мчаться сюда, после чего предстояло вернуться в управление на необычно поздний инструктаж с членами бригады. Он так долго ждал этой встречи, что теперь, лишившись возможности увидеться с Клио, чувствовал сосущую пустоту внутри. Но во всяком случае, они договорились о новом свидании на субботу, то есть через два дня. Что ж, нет худа без добра: по крайней мере, он успеет решить вопрос с одеждой.

– Хороший образец, Рой, – одобрительно кивнул Иоханссон. – Очень хороший.

– Что ты можешь о нем сказать?

– Где именно ты его нашел?

Грейс объяснил, *где* именно, но энтомолог, к его чести, и глазом не моргнул.

– Тогда все сходится. Донельзя извращенно, но вполне понятно.

– Понятно? – переспросил Грейс. – Что тебе понятно?

– В частности, его местонахождение – по причинам, которые сейчас станут ясны и тебе. – Ларс хитро усмехнулся.

– Я весь внимание.

– Тебе прочесть лекцию по биологии для второго курса об этом маленьком приятеле? Или достаточно краткого описания?

– Изложи самую суть – мне придется пересказывать все это людям, еще менее восприимчивым, чем я.

Энтомолог хмыкнул:

– Его латинское название – Copris lunaris, и этот экземпляр более-менее достигает своей обычной длины, то есть примерно от пятнадцати до двадцати пяти миллиметров. Ареал распространения – Южная Европа и Северная Африка.

– Но у нас не водится нигде?

– Разве что в зоопарке.

Грейс нахмурился, обдумывая услышанное.

– Древние египтяне считали его священным, – продолжал профессор. – Также он известен как жук-навозник или скарабей.

И тут Грейса осенило.

– Навозник?!

– Это его самое распространенное название. Головой и передними лапками он сгребает навоз и лепит из него шарик, а потом катит в поисках подходящего места, где его можно закопать, чтобы вылупившееся потомство сразу получило пищевой запас.

– Замечательное лакомство, – фыркнул Грейс.

– Лично я предпочитаю шведские фрикадельки.

Рой на мгновение задумался.

– Стало быть, то, что его засунули в ректальный проход убитой женщины, имеет какой-то скрытый смысл?

– Весьма извращенно, но ты прав.

Под окном, завывая сиреной, промчалась патрульная машина.

– Думаю, будет логично предположить, что мы имеем дело с кем-то, придерживающимся совершенно иной системы ценностей, нежели наша, – морщась от отвращения, сказал Грейс. – Но, Ларс, какое отношение это имеет к Древнему Египту?

– Сейчас я тебе все распечатаю, это весьма любопытно.

– Это поможет мне найти убийцу?

– Несомненно. Во всяком случае, не каждому известно о символическом значении жука. На мой взгляд, именно из этого тебе и стоит исходить. Рой, ты никогда не был в Египте?

– Нет.

– Нет? – Профессор заметно оживился. – Если попадешь в Луксор, в Долину царей или в любой другой храм, то увидишь их изображения повсюду: скарабеи были неотъемлемой частью культуры Верхнего и Нижнего Египта. И конечно, им придавалось огромное значение в погребальных обрядах.

Пока Йоханссон искал в компьютере нужные сведения, Грейс отхлебнул еще кофе, прикидывая, что ему еще предстоит сегодня сделать.

Двадцать минут назад ему позвонила детектив-констебль Эмма Джейн Бутвуд и сообщила, что пришел отчет об анализе ДНК: ни в каких файлах данные жертвы не значатся. За последний час еще одну пропавшую женщину удалось вычеркнуть из списка. Образцы ДНК, взятые с вещей остальных, с курьером отправлены в лабораторию. Что ж, будем надеяться, что один из них совпадет. Если нет, то тогда придется немедленно расширять зону поисков.

Неожиданно принтер выплюнул лист бумаги буквально в паре дюймов от локтя Грейса, изрядно его напугав.

– Погребальные обряды?

– Да.

– Ларс, но каково в этих обрядах значение самого жука?

– Их клали в могильники как гарантию вечного возрождения.

Несколько минут Грейс осмысливал эту новость. С кем они имеют дело? С религиозным фанатиком? С обладателем извращенного чувства юмора? Это явно был человек образованный – во всяком случае, достаточно начитанный, чтобы иметь представление о культуре Древнего Египта… и чтобы ввести в анус покойной жука именно этого вида. Такое встретишь не часто.

– А где можно раздобыть скарабея в Англии? – спросил он. – Только в зоопарках?

– Нет, у нас есть – правда, немного, – импортеры, которые могут их достать. Не сомневаюсь, что их можно заказать по Интернету.

Грейс тут же взял на заметку, что нужно поручить кому-нибудь из подчиненных составить список таких торговцев по всей Англии и методично допросить каждого. А также пошарить в Интернете.

Энтомолог убрал жука обратно в пакетик.

– Рой, я могу тебе еще чем-нибудь помочь в этом деле?

– Уверен, что можешь, просто сейчас я не знаю, о чем спрашивать. Прости, что тебе пришлось из-за меня задержаться.

– Нет проблем. – Ларс Йоханссон кивнул на окно, за которым открывался прекрасный видна Эксибишн-роуд. – Наоборот, славный выдался вечерок. Ты возвращаешься в Суссекс?

Грейс кивнул.

– Тогда позволь тебя угостить – так сказать, на дорожку.

Грейс посмотрел на часы. Следующий экспресс до Брайтона отправлялся через сорок минут, и хотя он чувствовал настоятельную необходимость промочить горло, времени на выпивку практически не оставалось. Однако, учитывая, сколько раз профессор помогал ему в прошлом, отказаться было бы невежливо.

– Всего одну кружку, а потом мне пора бежать.

В итоге, полчаса спустя, сидя за вынесенным на улицу столиком возле битком набитого паба, Рой подумал: почему в его жизни все идет наперекосяк? Сегодня у него должно было

состояться свидание с одной из красивейших женщин на свете, а вместо этого он пьет вторую пинту теплого пива, прослушав за первой пятнадцатиминутную лекцию об особенностях пищеварительной системы скарабеев. Он знал: еще чуть-чуть – и стремительно пьянеющий Ларс Йоханссон разразится слезливым монологом о том, чем для мужчины чреват законный брак.

22

Как назло, в четверг вечером транспортный поток из Лондона оказался куда плотнее, чем обычно. Стояла прекрасная погода, и казалось, жители столицы в едином порыве решили рвануть на травку. Чтобы избежать этого ада и не стоять в пробках, Том обычно ездил поездом, но сегодня, чтобы добраться до офиса Рона Спэкса, а потом забрать на работе ноутбук, был вынужден взять машину.

Его планы вернуться домой пораньше и устроить вместе с домашними ужин в саду были разнесены в пух и прах Крисом Уэббом, с опозданием приехавшим разбираться с компьютером и вдобавок провозившимся с ним дольше, чем он рассчитывал. Крис закончил лишь около половины пятого, и это обрекло Тома на все радости путешествия в час пик.

Во время таких поездок он либо разговаривал по телефону, либо слушал радио: в Лондоне он обычно предпочитал Дэвида Превера со «Смуз эф-эм», «Радио-4» и «Джаз эф-эм». Но в этот вечер, помимо звонка Рону Спэксу, – чтобы сообщить, что его команда разбирается с расценками на «Ролексы-Оустер» (потенциально это был сказочный заказ), – он ехал в полном молчании наедине со своими мрачными мыслями.

«Это Том Брайс?»

Сильный восточноевропейский акцент.

Он вспомнил тревожный звонок Келли.

Какой акцент?

Не английский, а больше похожий на европейский.

Один и тот же человек?

«Вчера вечером вы посетили веб-сайт, к чему не были уполномочены. Сейчас же вы попытались проникнуть на него вновь. Мы не любим непрошеных гостей. Если вы сообщите полиции о том, что видели, или попытаетесь проникнуть на сайт еще раз, то же, что случилось с вашим компьютером, произойдет с вашей женой Келли, сыном Максом и дочерью Джессикой. Посмотрите внимательно, а потом хорошенько подумайте».

Том ничего не собирался сообщать полиции об увиденном во вторник вечером. Все-таки Интернет – это помойка, где можно найти все, что угодно, вплоть до эротики и порно. Либо ему попалась реклама нового ужастика, либо его занесло на крайне омерзительный сайт для каких-то извращенцев. Ну и пусть катятся подальше! Не его это дело – стучать властям на Всемирную помойку.

Однако электронное послание угрожающего содержания указывало на то, что с этим сайтом что-то не так.

Ближе к Южному Даунсу автострада стала чуть посвободнее, и движение оживилось. В полумиле слева, за лугом, Том уловил игру солнечных зайчиков. Поезд. На мгновение позабыв про тесноту и духоту, он позавидовал пассажирам, возвращавшимся домой с относительным комфортом. Впрочем, ему самому оставалось ехать всего минут пятнадцать, и он с нетерпением предвкушал большой стакан чего-нибудь покрепче.

Том, прищурившись, посмотрел сквозь ветровое стекло на низко висящий в кобальтовом небе ослепительный шар солнца. Впереди, за холмами, стоял его дом – его крепость. Однако он не чувствовал себя в безопасности: в глубине души ворочалось что-то тревожное, перемешивая все чувства в некий коктейль из скрытых страхов.

Ему не хотелось говорить Келли о точно таком же звонке. А может, напрасно? Ведь они всегда были так честны и открыты друг с другом. Разве что Келли только разнервничается еще больше. К тому же придется рассказать про компакт-диск.

И что тогда?

Угроза по электронной почте содержала четкое и ясное послание. *Если* он сообщит полиции. *Если* он вновь попытается залезть на их сайт.

Ничего подобного он делать не собирался. Стало быть, все будет в порядке.

Тогда к чему эти звонки? Наверное, подумал Том, это из-за того, что он свалял дурака, попытавшись проникнуть на сайт во второй раз.

Когда Том свернул на свою улицу и начал подниматься на холм, в голове у него зазвенел тревожный звоночек. Впереди виднелся старый коричневый «эспейс» Келли, припаркованный на обочине. А она обычно ставит машину в гараж. Так с какой стати машина стоит на улице?

Полминуты спустя, затормозив перед домом, он увидел, в чем дело. Чуть ли не всю площадку под навесом гаража занимал контейнер – таких здоровых он еще в жизни не видывал. В нем с легкостью поместился бы взрослый слон, да еще осталось место для парочки кошек.

Эта штуковина была даже выше двери гаража.

В обычный день парадная дверь распахнулась бы настежь, и оттуда ему навстречу выскочили Келли, Макс, Джессика и Леди. Вместо этого дверь приоткрылась лишь на несколько дюймов, и на пороге появилась одна Келли – в белой футболке, шортах и шлепанцах. Было слышно, как где-то в глубине дома возбужденно лает Леди. Детей видно не было.

– Он оказался немного больше, чем я думала, – вместо приветствия, хотя и весьма дружелюбным тоном сказала Келли. – Завтра приедут его устанавливать.

Несколько секунд Том, потеряв дар речи, молча смотрел на жену. Неожиданно Келли показалась ему такой уязвимой. Боится? Телефонного звонка или его?

– Что… что это такое? – наконец удалось выдавить ему.

– Я просто была обязана его купить, – тихо сказала Келли. – Честное слово, это обошлось так дешево…

Господи! Тому пришлось приложить изрядные усилия, чтобы не взорваться.

– Что это такое?

Келли слегка повела плечом и, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно равнодушнее, небрежно произнесла:

– Это? Всего лишь гриль.

Только теперь Том понял, почему она запнулась, когда он в телефонном разговоре предложил пожарить мясо.

– Понятно. И кого же ты собираешься жарить на «всего лишь гриле» таких размеров? Китов? Динозавров? Или тебя устроит всего лишь бычок породы «абердинский ангус»?

– Стоимость нового по прайс-листу – восемь тысяч фунтов, а я ухитрилась заполучить этот всего за три! – торжествующе воскликнула она.

Том отвернулся, отчаянно моля Господа не дать ему сорваться.

– Дорогая, я глазам своим не верю. У нас же есть абсолютно нормальный гриль.

– Он начал ржаветь.

– Даже если и так, то можно купить новенький в «Хоумбэйз» фунтов за семьдесят. Ты потратила три тысячи? И куда же, черт возьми, мы его поставим? Эта штуковина займет полсада!

– Нет, я не… он… не такой большой, как кажется. Ты увидишь, какой он классный!

– Тебе придется отправить его обратно, – буркнул Том и огляделся. – Где дети?

– Я сказала им, что, прежде чем вы увидитесь, мне надо будет с тобой поговорить. И предупредила, что папочка может быть не очень доволен. – Келли обняла его и поцеловала. – Послушай, я тебе еще не все сказала: хотела, чтобы это был сюрприз.

Господи боже, подумал Том, что еще? Неужели она хочет сообщить, что беременна?

– Я устроилась на работу!

И впервые за день Том улыбнулся совершенно искренне.

Через полчаса, после того как Том прочитал Джессике несколько страниц из «Кошки Поппи, что любила радугу», а Максу – главу из «Гарри Поттера и кубка огня» и полил растения в теплице, они с Келли устроились за деревянным столом на террасе с солидными порциями водки с мартини, любуясь садом в лучах заходящего солнца. Улегшаяся у их ног Леди усердно трудилась над косточкой.

За оградой, увитой посаженной Келли вистерией (что превращало сад в укромный уголок), виднелась макушка Лена Уэйнрайта, двигавшаяся в сторону сарая. Лен потратил кучу времени (чего Том никак не мог себе позволить), рассказывая, на какой стадии строительства находится этот пресловутый сарай. Правда, Том так и не понял, зачем он ему понадобился. Как-то раз Келли в шутку высказала предположение, что он задумал порешить жену и там ее закопать. Тогда это казалось смешным, но сейчас Тому было не до смеха.

В воздухе разливались летние ароматы, вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь вечерним щебетом птиц. Это было любимое время года Тома и время суток, когда он обычно приходил в себя и начинал наслаждаться жизнью. Но только не сегодня. Казалось, ничто не способно рассеять по-прежнему не отпускавший его смутный страх.

– Я не знал, что ты… решишься оставить детей ради работы, – сказал он.

– Джессика пойдет в детский сад, так что время у меня будет, – прихлебывая вино, пожала плечами Келли. – В Льюисе открылся новый отель, и мне предложили должность портье, гибкий график… Выхожу на работу в понедельник.

– Но почему отель? Ты же никогда там не работала. Почему бы не вернуться в школу, раз тебя так потянуло работать?

– Захотелось попробовать что-то другое. Мне обещали, что я научусь очень быстро. Там и делать-то особенно нечего. В основном придется сидеть за компьютером.

«Что даст тебе возможность день-деньской играть в свой любимый *eBay*», – подумал Том, но промолчал. Он отхлебнул из бокала и прикинул, что, если Келли будет зарабатывать достаточно, чтобы покрывать свои расходы, уже одно это принесет ощутимую пользу. Но три тысячи фунтов, снятых с ее кредитной карточки, чтобы рассчитаться за этот чудовищный гриль… Чтобы возместить такие расходы, ей потребуется несколько месяцев. А тем временем выплачивать взносы придется ему. Тут зазвонил мобильник, оставленный им в кабинете.

Они с Келли переглянулись, и Том заметил страх, промелькнувший в глазах жены. И подумал, не увидела ли она того же самого выражения и у него?

Торопливо поднявшись в кабинет, Том с облегчением увидел на определителе номер Криса Уэбба.

– Привет, старина, – поздоровался он. – Нашел на диске что-нибудь интересное?

– Нет! – чуть ли не прорычал компьютерщик. – И вряд ли когда-нибудь найду.

– Почему?

– Когда я вернулся домой, вся квартира была разгромлена. Кто-то прошерстил все подряд, и если я говорю «все», то, значит, так оно и есть. На уборку потребуется не меньше недели.

– Господи! И много забрали?

– Нет, – буркнул Крис. Наступила долгая пауза, в течение которой Том услышал щелчок зажигалки и вдох глубокой затяжки. – На самом деле, похоже, пропала только одна вещь.

– Какая?

– Твой компакт.

23

Элисон Воспер, замначальника полиции, была старшим офицером, представлявшим для Роя Грейса наивысшую инстанцию, перед которой он был обязан отчитываться. Обладая переменчивым нравом, она за долю секунды могла из милой ласковой кошечки превратиться в наводящую ужас пантеру. Несколько лет назад подчиненные наградили ее прозвищем Номер 27 в честь сладко-кислого блюда из меню китайского ресторанчика по соседству. Оно подходило Элисон как нельзя лучше, хотя Грейс считал, что, скорее всего, кличку пришла пора менять, поскольку не мог вспомнить, когда в последний раз видел шефиню в хорошем настроении.

И уж во всяком случае – не сегодня.

В пятницу, ровно в девять утра, он стоял на ворсистом ковре перед столом Воспер в ее кабинете, и под ложечкой сосало так же, как в детстве, когда его вызывали к директору школы. Казалось бы, человеку его возраста просто-напросто смешно трепетать перед начальством, но Элисон Воспер действовала на него именно так. Впрочем, и на всех остальных тоже, хотя и не каждый согласился бы это признать.

По каким-то неведомым ему причинам Номер 27 сочла необходимым лично выслушать его отчет о ходе расследования перед ежедневной пресс-конференцией, но докладывать было в общем-то не о чем. Прошло уже почти сорок восемь часов, а они по-прежнему не располагали ни именем жертвы, ни возможным подозреваемым.

За годы работы в полиции Грейс прекрасно усвоил, сколь огромное значение старшие офицеры придают тому, чтобы продемонстрировать общественности быстроту и эффективность своей работы. У Грейса часто возникало ощущение, что полицейское начальство преследует главным образом одну цель: выдать «великое немытое» за «мягкое и пушистое», ради чего готово засадить в тюрьму трижды невиновного (при этом имитируя бурную деятельность), но никак не признаться в набитой журналистами комнате, что расследование топчется на месте.

В отличие от современного, бездушного здания, куда его теперь перевели, большие шишки из главного полицейского управления Суссекса обосновались в симпатичном особняке времен королевы Анны в старинном пригороде Льюиса.

Великолепная обстановка в большинстве кабинетов начальства сохранилась с прежних времен, особенно потолочная роспись и тонкая лепнина. Кабинет Элисон Воспер, где царил безупречный порядок, располагался на первом этаже и был обставлен старинной мебелью. Здесь словно витал неистребимый дух величия и постоянства. Окна выходили на аккуратно подстриженный газон.

Всю середину комнаты занимал огромный письменный стол из полированного палисандра, где не было ничего, кроме большого черного блокнота, изящной хрустальной вазы с тремя пурпурными тюльпанами и фотографии в рамочке: муж Элисон и двое детей – мальчик и девочка. Ее супруг тоже служил в полиции и, хотя был на семь лет старше жены,

не дотягивал до нее на три чина. Картину, как всегда, довершала разложенная веером пачка утренних газет. К счастью, ни на одной из первых полос имя Грейса не упоминалось.

Сегодня утром замначальника полиции Элисон Воспер была не только груба, но и крайне холодна: это впечатление подчеркивала крахмальная блузка цвета льда с высоким воротником, сколотая на груди бриллиантовой брошью того же оттенка. Даже в аромате ее духов чувствовался ядовитый привкус.

Как обычно, Воспер не пригласила его сесть – техника, которую она отыгрывала на всех подчиненных, чтобы сделать встречу как можно более сжатой и информативной. Грейс рассказал ей обо всем, что произошло после вчерашнего инструктажа, закончившегося очень поздно. Единственная заметная реакция последовала, когда дело дошло до жука: она означала полное отвращение, из чего следовало, что под жестким панцирем Элисон Воспер все-таки есть нечто человеческое.

– Стало быть, из женщин, пропавших без вести за последние несколько дней, у нас есть три возможных кандидатки, – подытожила Элисон. У нее был монотонный мидлэндский акцент, отчего ее голос звучал еще жестче.

– Да, – кивнул Грейс. – Мы отправили с курьером взятые из их домов образцы на анализ ДНК в Хантингдон. В качестве особой любезности я попросил сделать все как можно быстрее. Мы ждем положительных результатов уже сегодня.

– А если их не будет?

– Тогда расширим круг поисков.

Зазвонил телефон. Элисон нажала на кнопку и, не отпуская ее, холодно бросила:

– Я занята. – После чего вновь обратила взгляд на детектива-суперинтендента. – Рой, ты знаешь, какая на тебе сейчас ответственность?

Грейс пожал плечами.

– Больше, чем в любом другом деле?

Элисон Воспер пристально и жестко посмотрела на него.

– Я думаю, мы оба это знаем.

Грейс вновь пожал плечами, гадая, что его ждет дальше, однако от ее слов ему стало не по себе.

Некоторое время Элисон задумчиво вертела на пальце золотое кольцо, и это, казалось, слегка умерило ее раздражение.

– Рой, тебе повезло, что до сих пор ты делал карьеру в одном графстве. Многих офицеров полиции необходимо постоянно переводить на новые места службы, если они хотят получить повышение. Например, таких, как я. Я выросла в Бирмингеме, но первые три года в полиции прослужила в Браме. Я побывала там повсюду: Нортумберленд, Ипсвич, Бристоль, Саутгемптон… Во времена твоего отца все было по-другому. Он ведь всю жизнь прослужил в Брайтоне, не так ли?

– Если, конечно, не считать Уортинга.

Элисон едва заметно улыбнулась. Уортинг находился всего в нескольких милях дальше по побережью. Затем ее лицо вновь окаменело.

– Насколько я слышала, твой отец был всеми любимым и уважаемым человеком. Однако далеко не все считают, что сын пошел в отца…

Конец фразы повис в воздухе, и Рой ощутил болезненный укол в сердце. Казалось, что его ударили копьем и теперь жизненная энергия вытекает из раны. Он смущенно посмотрел на Элисон и неожиданно почувствовал себя очень уязвимым.

– Я… я знаю, что у меня есть критики, – хрипло сказал он и вдруг понял – слишком поздно, – как жалко это прозвучало.

Элисон покачала головой, а затем, сняв обручальное кольцо, повертела его перед собой, словно желая этим сказать, что в мире нет ничего вечного и ей так же легко вышвырнуть Грейса из своей жизни, как бросить эту вещицу в мусорный бак.

– Рой, дело вовсе не в твоих критиках. Шефа беспокоит ущерб, нанесенный тобой полиции Суссекса. Пару недель назад ты едва не вызвал целую бурю, признав, что показывал улику медиуму, – и в итоге попал на первые полосы всех газет страны, выставив себя и всех нас на посмешище. Твоя вера в сверхъестественное лишила тебя уважения многих коллег. Потом ты допустил, чтобы двое подозреваемых погибли при попытке к бегству.

Грейс попытался возразить, считая, что Элисон совершенно не права, но она вскинула руку, не дав ему и слова сказать.

– И что происходит сейчас? Сейчас мы сорок восемь часов расследуем убийство, и вы не можете опознать жертву, у вас нет подозреваемого, все, что у вас есть, – это история дурацкого жучка, найденного на месте преступления.

Грейс начал злиться.

– Прости, но это нечестно, и ты это знаешь.

– Рой, мы не говорим о том, что честно, а что – нет! Мы говорим о том, что полицию перестали воспринимать как силу, способную защитить граждан!

– Те двое, что погибли в машине, были исчадиями ада и представляли собой смертельную опасность. Они прорывались через дорожные кордоны, угнали две машины, сбили офицера на мотоцикле… Что, нам надо было дать им уйти? И тогда гражданам спалось бы спокойнее? – Грейс сердито покачал головой.

– Вот что я тебе скажу, Рой… Мне все больше хочется перевести тебя в графство, где о твоих подвигах никто не слышал. Возможно, куда-нибудь на север. Куда-нибудь в такое место, где ты сможешь использовать свой опыт на полную катушку. Скажем, в Ньюкасл. Один из моих коллег спрашивал, не знаю ли я хорошего детектива, подходящего для одного очень щекотливого расследования, которое может занять несколько месяцев, а может, и целый год… На мой взгляд, ты отлично для этого подходишь.

– Ты, должно быть, шутишь! Здесь мой дом. Я не хочу никакого перевода. Если это случится, то не уверен, что я останусь в полиции.

– Тогда соберись, черт возьми, и сделай так, чтобы этого не случилось. Я привлекаю к этому уже начинающему остывать делу еще одного детектива, поскольку не верю, что ты справишься с ним так, как должно. Это – бывший детектив-инспектор из Столичной полиции[13], и мы повышаем его до твоего звания.

– Я его знаю?

– Его зовут Кэссиан Пью.

Грейс мысленно застонал. *Детектив-инспектор Кэссиан Пью* теперь станет *детективом-суперинтендентом Кэссианом Пью*. Грейс сталкивался с ним пару лет назад, когда Столичная полиция присылала подкрепление на время проведения конференции лейбористской партии, и вспоминал его с глубокой неприязнью.

– Он приедет сюда?

– Приступает к работе в понедельник. Мы выделили ему кабинет здесь. Есть возражения?

«Да!» – хотелось крикнуть ему. Голова кружилась. *Ну конечно, учительский любимчик!* Куда же еще она его посадит? Здесь идеальное место, здесь можно будет вести светские беседы – например, куда и как спровадить подальше этого осточертевшего Роя Грейса.

Однако Рою не оставалось ничего иного, кроме как сказать:

– Нет.

– Рой, твоя карта бита. О'кей?

Горло сдавило так, что у него хватило сил лишь кивнуть. Тут зазвонил его телефон, и Элисон знаком разрешила ответить.

Грейс отступил от стола Элисон и посмотрел на определитель. Звонили из отдела тяжких преступлений.

– Рой Грейс слушает.

Это был взбудораженный детектив-констебль Николл, радостно сообщивший ему: только что звонили из хантингдонской лаборатории. Анализ ДНК дал положительные результаты.

24

– Чувак, я не верю в твою музыку! – возмущался Брэнсон. – Все это хрень, полная хрень! Даже другого слова не подберу.

Они ехали на запад по длинному отрезку двухполосного шоссе. Слева тянулось заросшее травой взлетное поле старой, времен Второй мировой войны, авиабазы, ныне ставшей Шорэмским аэропортом, весьма популярным среди владельцев частных самолетов и пилотов коммерческих чартерных рейсов к Ла-Маншским островам и Саутгемптону.

Шорэм был самым западным пригородом Брайтона, и, когда он оставался у Грейса за спиной, он всегда ощущал странную смесь облегчения и утраты. Утраты, потому что Брайтон был для него родным домом, и в любом другом месте, совсем как моряк в незнакомых водах, он чувствовал себя слегка неуверенно. Облегчения, поскольку, пока Рой находился в пределах административного округа Брайтон и Хоув, на него неизменно давило бремя ответственности, а так он мог немного расслабиться.

После стольких лет работы в полиции подсознательно прикидывать, на что способен тот или иной человек – будь то прохожий или водитель машины, – стало для Грейса второй натурой. Он знал местный уголовный мирок как свои пять пальцев: всех торговцев наркотиками, большинство грабителей и взломщиков, отлично представлял, где и когда им следует быть, а когда их появление чревато неприятностями. Угроза Элисон Воспер перевести его на другое место службы была не чем иным, как самой настоящей глупостью. Подумать только – отправить все накопившиеся за двадцать лет знания и наработки псу под хвост!

Грейс решил вести машину сам, поскольку сейчас его нервы еще одного путешествия с выпендрежником Брэнсоном просто не выдержали бы. Теперь же он сомневался, что они выдержат упражнения сержанта с компакт-диск-плеером. Но Брэнсон и не думал успокаиваться.

– «Битлз»?! Черт подери! Да кто в наше время слушает «Битлз» в машине?!

– А вот мне нравится, – упрямо заявил Грейс. – Твоя беда в том, что ты не можешь отличить громкий шум от хорошей музыки. – Он остановил «альфа-ромео» на красный сигнал светофора на пересечении с Лэнсинг-Колледж-роуд. Свою машину Рой решил взять, так как давненько на ней не ездил, и аккумулятору требовалась хорошая подзарядка. Но, что еще важнее, будь машина полицейской, Брэнсону наверняка захотелось бы порулить, и отказ его бы обидел.

– Не ожидал от тебя такого! – продолжал кипятиться Гленн. – Ты просто не врубаешься в музыку! – И, внезапно сменив тему, указал на паб на другой стороне дороги. – «Суссекская дорога»! Мы сюда ходили с Эри. Здесь отлично готовят рыбу. Да, хорошо тогда посидели. – Затем сержант вновь вернулся к компакт-диск-плееру. – Дайдо!

– Чем тебе не нравится Дайдо?

Брэнсон пожал плечами.

– Ну, если ты любишь *такие* вещи… Я и понятия не имел, до чего ты унылый тип!

– Да, я люблю такие вещи.

– И… Господи, а это что такое? Тебе что, дали это как бесплатный подарок к журналу?

– Боб Берг, – пояснил Грейс, начиная раздражаться. – Представь себе, есть такой серьезный джазовый музыкант.

– Да, но он не черный.

– Понятно. Чтобы стать джазовым музыкантом, надо быть черным?

– Я этого не говорил.

– Говорил! Так или иначе, но он мертв – погиб несколько лет назад в автокатастрофе. Мне нравится его музыка. Потрясающий тенор-саксофонист. О'кей? Хочешь еще кого-нибудь порвать в клочья? Или поговорим о твоем предчувствии?

Брэнсон, упрямо набычившись, включил радио и принялся искать какую-нибудь рэп-станцию.

– Завтра я веду тебя покупать одежду, так? Заодно мы прикупим тебе хорошей музычки. Если во время свидания ты повезешь куда-нибудь девушку, а она захочет послушать музыку… бедняжка сразу полезет в бардачок искать твою пенсионную книжку.

Однако Грейс положил этой пикировке конец, предложив сосредоточиться на предстоявшей им задаче.

Сегодня нервы Роя были напряжены до предела: как от общения с Элисон Воспер, расстроившей его невероятно, так и от того, что ему предстояло примерно через час. Вообще-то он, ничуть не кривя душой, мог бы сказать, что любит в своей работе почти все, за исключением одного: сообщать людям о смерти их близких. Впрочем, за последние годы ему не приходилось заниматься этим слишком часто – для этого существовали сотрудники отдела семейных проблем, прошедшие специальную подготовку. Однако порой возникали ситуации – такие, как, например, нынешняя, – когда Грейс хотел присутствовать при этом лично, чтобы оценить реакцию, выудить как можно больше в эти первые, ключевые моменты первого потрясения. Гленна Брэнсона он взял с собой, сочтя, что это станет для него хорошей практикой.

Только-только потерявшие близкого человека люди ведут себя почти одинаково. Первые несколько часов они, испытав шок, полностью уязвимы и готовы рассказать абсолютно все. Однако вскоре начинают потихоньку отступать, а другие члены семьи смыкают вокруг них ряды. И если ты хочешь что-то узнать, времени терять нельзя, драгоценна каждая минута. Порой это жестоко, но почти всегда приносит результат, а иначе следствие может забуксовать на несколько недель, а то и месяцев. Жаль, что это известно и репортерам.

Узнав двух офицеров из отдела семейных проблем – детективов-констеблей Мэгги Кемпбелл и Ванессу Ритчи, сидевших в маленьком сером «вольво» без опознавательных знаков, припаркованном у края газона на подъездной дорожке возле ворот, – Грейс остановил «альфу» прямо напротив них. И сквозь ветровое стекло «вольво» тут же узрел две неприязненные физиономии.

– Черт возьми, старик! Как люди могут позволить себе такие хоромы? – проворчал Гленн, разглядывая железные ворота между двумя колоннами с каменными шарами поверху.

– В полиции они точно не служат, – отозвался Грейс.

Деньги никогда не играли важной роли в его жизни. Естественно, ему нравились красивые вещи, но он никогда не был на них помешан и обычно довольствовался малым. Вот Сэнди экономить умела отлично. Его всегда удивляла ее привычка загодя покупать рождественские поздравительные открытки на новогодних распродажах.

Но из этих сбережений Сэнди всегда ухитрялась выкроить деньги на какой-нибудь маленький «сюрпризик», как она их любила называть. За несколько первых лет их брака, когда Сэнди работала агентом бюро путешествий и могла ездить в отпуск со скидкой, она дважды скопила достаточно, чтобы семья смогла провести целых две недели за границей.

Но ни на какие сбережения со своего жалованья, даже со всеми надбавками за сверхурочные в бытность еще младшим офицером, Грейс не смог бы позволить себе ничего даже отдаленно похожего на представшее их глазам великолепие.

– Помнишь фильм «Великий Гэтсби»? – поинтересовался Брэнсон. – Режиссера Джека Клейтона, с Робертом Рэдфордом и Миа Фарроу?

Грейс кивнул, хотя помнил его довольно смутно, чуть ли не только название.

– Какой там у него был дворец, а? Точь-в-точь как этот.

Так оно и было: обрамленная деревьями, прямая, как стрела, дорожка в несколько сот ярдов заканчивалась круглой автостоянкой с отделанным камнем прудом посередине перед внушительного вида поместьем в мавританском стиле.

Грейс вновь кивнул и, краем глаза заметив, что дверцы «вольво» приоткрылись, подумал: «А вот и неприятности». Детективы-констебли вылезли из машины.

Мэгги Кемпбелл, темная шатенка слегка за тридцать, и Ванесса Ритчи, тощая рыжая дылда на пару лет старше с куда более жестким выражением лица и манерами, решительно направились к ним – обе в аккуратных, но мрачноватых гражданских костюмах.

– Рой, вчетвером нам туда никак нельзя, – заявила Ритчи. – Слишком много народу получится.

– Мы с Гленном войдем первыми и сообщим печальные новости. А когда я решу, что вы можете перенять эстафету, то позвоню вам.

Мэгги Кемпбелл нахмурилась, а Ритчи покачала головой.

– Так не делается, и ты это знаешь.

– Знаю, но именно так я хочу это провернуть.

– Провернуть?! – сердито вскинулась она. – Черт возьми, это тебе не какой-нибудь эксперимент. Так не делается.

– Не делается, Ванесса? Отцу совсем ни к чему знать, что его дочь нашли по частям, правда, без таких мелочей, как, например, голова! На окровавленном поле с навозным жуком в заднице! Вот так точно не делается!

Ритчи похлопала себя по груди.

– Этому нас и учили. Мы специалисты. Нам известны все тонкости отношений с понесшими тяжкую утрату.

Грейс пристально посмотрел на женщину.

– Я знаю обо всем, чему вас учили, и знаю вас обеих – я работал с вами раньше и уважаю. Это не имеет отношения к вашим способностям. Ваша подготовка позволяет вам помочь человеку взять себя в руки, но рано или поздно неизбежен полицейский допрос. Именно поэтому у меня свои причины первым сообщить ему эту новость, и, как руководитель расследования, правила устанавливаю я, о'кей? И мне нужны от вас не постные физиономии, а содействие. *Это* понятно?

Обе нехотя кивнули.

– Ты решил, до какой степени можно быть откровенным с отцом? – ехидно спросила Ванесса.

– Нет, я решил довериться инстинкту. Прежде чем вы войдете, я быстро введу вас в курс дела, хорошо?

Мэгги Кемпбелл криво ухмыльнулась. Детектив-констебль Ритчи неуверенно повела плечом, – мол, ладно, ты босс, будь по-твоему.

Грейс кивнул Брэнсону, тот нажал на кнопку звонка, и почти сразу ворота распахнулись. Они подъехали к дому. Грейс припарковался между двумя машинами: старым, довольно потрепанным «БМВ-7» и древним «субару-эстейт».

Едва они двинулись к дому, дверь открыл лощеного вида господин лет пятидесяти пяти с темными волосами, тронутыми на висках сединой, в белой рубашке без галстука с золотыми запонками, брюках от хорошего портного и начищенных до зеркального блеска черных туфлях. В руке он держал мобильный телефон.

– Детектив-суперинтендент Грейс? – с аристократическим акцентом осведомился он, неуверенно разглядывая полицейских. Голос звучал слегка невнятно, словно он цедил слова сквозь зубы. У него была приятная улыбка и печальные, словно затерянные в тумане, серо-голубые глаза.

– Мистер Дерек Стреттон? – спросил Грейс, одновременно с Брэнсоном доставая удостоверение.

– Как доехали? – поинтересовался Стреттон, впуская их в дом.

– Замечательно, – ответил Грейс. – Кажется, мы выбрали очень удачное время.

– Ужасная дорога – не могу понять, почему ее не перестроили в шоссе. Приехав ко мне, Джейни всегда часами приходит в себя.

Первое, на что обратил внимание Грейс, войдя в холл, – это насколько скудно он обставлен. Здесь были: чудесный длинный, покрытый затейливой инкрустацией стол, старинные комод и стулья, однако на полу – ни ковров, ни какого-либо иного покрытия. На стенах виднелись следы рам от картин, еще совсем недавно украшавших комнату.

Введя детективов в почти нищенского вида гостиную – два больших дивана на голом полу, а между ними вместо кофейного столик для пикников, – Дерек Стреттон, указав на голые стены и большие четырехугольные пятна (многие еще с крючочками, а некоторые – даже с маленькими гирляндами лампочек поверху), торопливо объяснил:

– Боюсь, пришлось избавиться от части фамильного серебра. Сделал несколько неудачных вложений…

Грейс сразу понял, откуда эти светлые пятна на стенах. Скорее всего, все ушло с аукциона. Стреттон выглядел таким подавленным, что Рой почувствовал к нему искреннее сочувствие, особенно учитывая ожидавшую беднягу еще более страшную новость.

– Моя домоправительца… – Стреттон беспомощно развел руками. – Э-э-э… не желаете ли чаю? Кофе?

У Грейса пересохло в горле.

– Если можно, чаю с молоком, без сахара.

– То же самое, пожалуйста, – попросил Брэнсон.

Стреттон вышел, а Грейс приблизился к одному из немногих уцелевших здесь предметов мебели – элегантному ломберному столику, заставленному фотографиями в рамках.

Среди них было фото двух пожилых людей – по-видимому, родителей хозяина, на другой был запечатлен сам Стреттон (слегка помоложе, с привлекательной женщиной, по-видимому его ровесницей). Рядом – снимок молодой женщины, как предположил Рой, погибшей Джейни. Здесь ей было лет семнадцать-восемнадцать. Очень симпатичная и ухоженная, в черном бархатном вечернем платье, с длинными светлыми волосами, зачесанными вверх и схваченными двумя бриллиантовыми заколками, и пышной серебристой горжеткой на шее. Она изрядно походила на актрису Гвинет Пэлтроу, но в ее улыбке не было никакого самодовольства, того, что Грейс определил бы как показуху, наносной шик.

Рядом – еще одно фото Джейни, на пару лет постарше. Девушка стояла на лыжном склоне в лиловом анораке и солнечных очках с очень серьезным, холодным выражением лица.

Грейс посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Он отвертелся от пресс-конференции, свалив на Дэнниса Пондса обязанность сообщить этой стае гиен, что теперь у них есть имя жертвы, и это произойдет почти одновременно с появлением его самого у Стреттона. Особенно важное значение Грейс придавал тому, чтобы Пондс разослал фото пропавшей девушки куда только возможно: установить, не было ли свидетелей, видевших ее в последние часы жизни. Если же у них не появится ничего нового, то о ее исчезновении сообщат в следующую среду в телепрограмме «Криминальный дозор».

Брэнсон расхаживал у камина. Там, на полке, стояли несколько поздравительных открыток. Грейс подошел и взял одну из них с забавным рисунком разодетого в пух и прах денди и надписью: «Моему необыкновенному папочке!» Раскрыв ее, он прочел:

«Моему любимому папуле! Тонны, тонны, тонны любви!!! Дж.».

Поставив открытку на место, Грейс остановился у высокого окна, откуда открывался великолепный вид на Хамбл-Ривер. Брэнсон встал рядом, и они принялись рассматривать целый лес мачт и парусов, казавшихся так близко, словно гавань находилась сразу за пределами поместья.

– Никогда не бывал на лодках или яхтах, – сказал Брэнсон. – Как-то мне на воде чертовски неуютно.

– Даже несмотря на то, что ты живешь у моря?

– Не совсем поэтому. – Тут зазвонил мобильник, и Гленн достал его. – Детектив Брэнсон. А, привет. Я с Роем, неподалеку от Саутгемптона. Будем в Брайтоне часа в два. Рой хочет провести инструктаж в шесть тридцать, так что всем быть на месте, о'кей? Да. Нам выделили в помощь людей, о которых он просил? Пока только одного? И кого? Мать вашу, да ты шутишь! Именно его! Не могу поверить, что этого… повесили на нас. Рой, мягко говоря, будет расстроен. Отсюда мы едем прямиком на ее квартиру, а Рой хочет, чтобы кто-нибудь съездил к ней на работу, поговорил с ее начальством и коллегами. О'кей. Да. В шесть тридцать. Договорились. – Он сунул телефон в карман. – Это Белла. Ты просил в помощь двух офицеров. Знаешь, кого они нам подсунули?

– Не представляю.

– Нормана Поттинга.

Грейс застонал.

– Господи, да ему давно пора на пенсию!

– Наши барышни – та же Белла – тоже не в восторге.

Детективу-сержанту Норману Поттингу уже перевалило за пятьдесят, хотя он пришел на службу довольно поздно. Это был полицейский старой школы: туповатый, хамоватый, далекий от политкорректности, как, скажем, от Сириуса, и совершенно не заинтересованный в продвижении по службе, поскольку всегда боялся ответственности. Однако до пятидесяти пяти в отставку не желал уходить ни в какую, опасаясь лишаться полной сержантской пенсии. Как правило, Поттинг предпочитал заниматься тем, что умел лучше всего, и называл это «глубинным бурением». То есть рутинной, методичной полицейской тягомотиной, раскапывая, наподобие крота, очередное дело, в надежде случайно, так сказать, «методом тыка», наткнуться на что-нибудь стоящее.

Лучшее, что можно было сказать о Нормане Поттинге, это что он хорошо вымуштрованная рабочая лошадка, способная рано или поздно принести результат. Однако он был чертовски зануден и имел милую привычку обливать помоями все, что видит.

– А я думал, этот хмырь работает в Гатуике в антитеррористической бригаде! – удивился Грейс.

– Видать, он там всех достал до печенок. Может, ребята окончательно дошли от его шуточек, – пожал плечами Брэнсон. – Белла говорит, что Поттинг курит жутко вонючую трубку. Ни она, ни Эмма Джейн не желают сидеть рядом с ним.

– Вот бедняжки…

Тут в комнату вошел Дерек Стреттон с подносом, на котором стояли три фарфоровые чашки и кувшинчик с молоком. Он опустил его на пластиковый стол, жестом предложил детективам располагаться на диване и уселся напротив.

– Детектив-суперинтендент, по телефону вы сказали, что у вас есть какие-то новости о Джейни, – с надеждой произнес он.

И вот тут-то Грейс искренне пожалел, что и впрямь не послал вместо себя Мэгги и Ванессу.

25

Все утро Том практически не работал, а лишь сидел за столом в кабинете, мрачно взирая на монитор компьютера с кучей накопившейся почты – по крайней мере, его ноутбук сейчас работал. Том ответил лишь на несколько звонков да тщательно составил прайс-лист на часы «Ролекс-Оустер» для Рона Спэкса. Все остальное время он размышлял.

Точнее, мучился в раздумьях.

Мысли теснились в голове, но без всякой связи.

Вчерашний звонок от Криса, сообщившего ему об ограблении.

«На самом деле, похоже, пропала только одна вещь… твой компакт-диск».

Стало быть, они побывали в домашнем офисе Криса Уэбба и разгромили его подчистую. Там было бы не сложно потерять компакт-диск – у Криса их целая куча.

А еще, подумал Том, кому-то очень не понравилось, что у него есть этот компакт, и они дважды обнулили его компьютер, чтобы вдолбить ему это подоступнее. Стало быть, теперь они вернули себе эту проклятую штуковину? Может быть, Крис Уэбб попытался ее просмотреть, и это их встревожило?

Если владелец диска – да хоть тот же Увалень из поезда – теперь получил его назад, то закончится ли дело на этом?

Может, он сегодня вечером вновь случайно встретит жирного болвана по дороге домой? Однако в этом Том сомневался: сколько лет он ни ездил этим маршрутом, так ни разу его и не видел. Кроме того, он не знал, как тогда поступит – либо потащит его в полицию, либо так перенервничает, что промолчит в тряпочку.

Он так ничего и не сказал об этом Келли. Лучше помалкивать, затаиться. Никаких звонков больше не было, что, как надеялся Том, означало для них одно: послание получено и усвоено.

Что усвоено – это уж точно.

26

– Мистер Стреттон, вчера агентство недвижимости, владеющее квартирой, которую снимает ваша дочь в Брайтоне, позволило нам ее осмотреть и взять пару принадлежащих девушке вещей для проведения анализа ДНК, – объяснял Грейс. – Мы взяли образец ее волос со щетки в ванной и жевательную резинку из мусорной корзины.

Дерек Стреттон, так и не сделав ни глотка, сидел, застыв с чашкой в руке, и неотрывно смотрел на него.

– Мы отправили эти образцы в полицейскую лабораторию в Хантингдоне и сегодня утром получили результаты. ДНК из жевательной резинки и волос принадлежат одному

человеку и полностью совпадают с ДНК жертвы убийства, обнаруженной нами в среду. Боюсь, сэр, что мы можем прийти к единственному возможному выводу: погибшая молодая леди – это ваша дочь Джейни.

В комнате надолго повисло молчание, и Грейсу на миг показалось, что сейчас Дерек Стреттон откинет голову назад и разразится гомерическим хохотом. Вместо этого он услышал, как чашка задрожала на блюдце, все громче и громче, пока хозяин дома не подался вперед и поставил ее на стол.

– Я… я понимаю, – хрипло выдавил он.

Стреттон вновь посмотрел на Грейса, потом – на Брэнсона. А затем медленно, как шезлонг, сложился пополам.

– Она – это все, что у меня есть на свете, – пробормотал он. – Пожалуйста, скажите, что это ошибка. Она должна сегодня приехать – у меня день рождения, и мы собирались на праздничный ужин. О боже. Я… я…

Грейс уставился прямо перед собой, избегая взгляда Брэнсона и отчаянно желая, чтобы сказанное им и в самом деле было ошибкой, неправдой… Однако он не мог добавить ни слова, облегчить хоть чем-нибудь страдания Стреттона.

– Я потерял жену… ее мать… три года назад. Рак. А теперь я потерял Джейни. Я…

– Сэр, а какой дочерью она была? – немного выждав, спросил Грейс. – То есть вы были близки?

– Мне говорили, что между отцом и дочерью всегда особые отношения, – после долгой паузы ответил Стреттон. – И у нас это действительно было так.

– Она была заботливой?

– Невероятно. Никогда не забывала поздравить с днем рождения… с Рождеством или Днем отца[14]. Она была… само совершенство… – Голос Стреттона становился все тише.

Грейс встал.

– У вас есть ее недавние фотографии? Я хочу поместить ее фото в розыск как можно скорее.

Стреттон вяло кивнул.

– И… вы не будете возражать, если мы осмотрим ее спальню?

– Вы хотите, чтобы я вас сопровождал или?…

– Мы справимся сами, – мягко сказал Грейс.

– На первом этаже… вторая дверь от лестницы направо.

Это была обычная комната молодой девушки, аккуратной и организованной. Вдоль диванных подушек рядком выстроены набивные игрушки, на стене – постер группы «Ю-ту», на туалетном столике – коллекция морских раковин. Книжные полки были заставлены преимущественно детскими книжками – в основном о приключениях храбрых девчонок, – однако с ними соседствовало несколько триллеров: Скотта Турроу, Джона Гришэма и еще нескольких американских писателей. На полу стояли шлепанцы, а с дверного крючка свисал старомодный халат.

Грейс и Брэнсон открыли все шкафы и перерыли всю одежду: белье, майки, блузки, свитерки, но не нашли ничего, даже отдаленно намекающего, в каком облике девушка могла предстать перед жестоким убийцей.

Затем Грейс, взяв бархатную коробочку для драгоценностей, откинул крышку. Внутри оказались изящные аметистовые серьги, серебряный браслет с брелоками, золотое колье и перстень-печатка с гербом. Рой закрыл крышку и задумчиво повертел коробочку в руке.

Через пятнадцать минут они спустились вниз. Казалось, за это время Дерек Стреттон не шелохнулся и не притронулся к чаю.

Грейс протянул ему коробочку и открыл крышку, показывая хозяину дома ее содержимое.

– Мистер Стреттон, это все принадлежит вашей дочери?

Бегло оглядев драгоценности, тот молча кивнул.

– Могу я одолжить у вас один из этих предметов? – спросил Грейс, не обращая внимания на удивленный взгляд Брэнсона. – Что-нибудь из того, что она недавно надевала.

– Лучше всего – перстень-печатку, – посоветовал Стреттон. – Это наш фамильный герб, и она носила его почти все время – до недавнего времени.

Грейс достал из кармана прихваченный с подобной целью целлофановый пакетик для улик и, обмотав руку платком, аккуратно опустил в него перстень.

– Мистер Стреттон, как по-вашему, могли у кого-нибудь быть причины желать зла вашей дочери?

– Ни у кого, – прошептал тот.

Усевшись напротив осиротевшего отца, Грейс подпер подбородок ладонями и, подавшись к нему, спросил:

– У нее был бойфренд?

– Нет, – уставившись в ковер, пробормотал Дерек Стреттон, – ничего такого, на что стоило бы обращать внимание.

– Но у нее был постоянный парень?

Стреттон посмотрел на Грейса, как будто пытаясь вернуть себе самообладание.

– Джейни была очень красивой девочкой с замечательным характером, и у нее никогда не было недостатка в поклонниках. Но она очень серьезно относилась к учебе. Не думаю, что у нее было много времени на развлечения.

– Она адвокат?

– Студентка юридического. Получила диплом Саутгемптонского университета и последние несколько лет изучала право в Гилдфордском юридическом колледже. Недавно она стала стажером – или как это сейчас называется? – в адвокатской конторе в Брайтоне.

– Вы поддерживали ее во время учебы?

– Как только мог. Правда, в последние несколько месяцев было немного трудновато. Некоторые сложности. Я…

Грейс сочувственно покивал.

– Сэр, не могли бы мы вернуться к ее поклонникам? Вы не знаете имени ее последнего кавалера?

Казалось, за прошедшие двадцать минут Дерек Стреттон постарел на столько же лет. Несколько секунд он задумчиво морщил лоб.

– Джастин Ремингтон – она встречалась с ним год или около того. Очень обаятельный молодой человек. Он… Джейни привозила его сюда несколько раз. Торгует недвижимостью в Лондоне. Мне он, в общем, понравился, но не думаю, чтобы интеллектуально ей соответствовал. – Стреттон грустно усмехнулся. – Джейни соображает… соображала, как никто. Лет с девяти ее уже было не оторвать от «скраббла»[15].

– А вы не знаете, где можно найти этого Джастина Ремингтона?

Некоторое время Стреттон, задумчиво прищурившись, молчал, а затем сказал:

– Он был фанатом тенниса… не думаю, что есть много таких игроков. Я знаю, что он играл в Лондоне… по-моему, где-то в Куинсе.

Рою Грейсу становилось все яснее, что больше ничего полезного он из этого человека не вытянет.

– Вам есть кому позвонить? – спросил он. – Родственник или друг, который бы мог приехать?

– Моя сестра Люси, – подумав, вяло сказал Стреттон. – Она живет не так уж далеко. Я ей позвоню. Она будет в ужасе.

– Сэр, почему бы вам не позвонить ей, пока мы здесь? – участливо предложил Брэнсон.

Они подождали, пока он поговорит, деликатно отойдя в самый дальний конец комнаты. Грейс слышал, как Стреттон всхлипывает, затем он ненадолго вышел, а вернувшись, вручил им продолговатый конверт из плотной коричневой бумаги.

– Я отобрал для вас несколько фото Джейни. Но хотел бы получить их обратно.

– Разумеется, – кивнул Грейс, отлично зная, что бедняга в ближайшие месяцы будет сам названивать им, чтобы вернуть карточки побыстрее, ибо в управлении их неминуемо запихнут куда-нибудь не туда.

– Люси уже выехала… моя сестра. Она будет здесь примерно через полчаса.

– Хотите, мы ее дождемся вместе с вами? – предложил Грейс.

– Нет, со мной будет все в порядке. Мне нужно время подумать. Я… я могу… могу я увидеть Джейни?

Грейс покосился на Брэнсона.

– Я бы не советовал, сэр.

– Мне очень нужно увидеть ее еще хотя бы раз. Понимаете? Попрощаться. – Стреттон с силой сжал плечо Грейса.

Рой понял, что из газет хозяин дома так и не узнал, что голова жертвы до сих пор не обнаружена, а сообщать ему об этом сейчас было явно неуместно. Он решил предоставить это двум дамам из отдела семейных отношений. Пусть Ванесса Ритчи и Мэгги Кемпбелл отрабатывают жалованье и средства, вложенные в их обучение.

– Здесь как раз неподалеку дежурят две женщины-детектива. Скоро они будут у вас и сумеют помочь.

– Спасибо. Для меня это много значит. – Стреттон печально усмехнулся. – Вы знаете, господа, я… я никогда не говорил о смерти с Джейни. Я даже понятия не имею, хотела бы она быть похороненной или кремированной. – В глазах у него мелькнуло затравленное выражение. – И конечно, ее кот… как его?… – Он почесал затылок. – Ах да, Обжорик! Джейни привозила его ко мне, когда надолго уезжала. Я даже не знаю… это все так…

– Они помогут вам во всем: собственно, для того они сюда и приедут.

– Понимаете, мне никогда не приходило в голову, что она может умереть.

Выйдя из дома, Грейс и Брэнсон зашагали к машине в таком угрюмом молчании, что не смели взглянуть друг на друга.

27

Сотрудник Службы гражданского патрулирования, в своей форме почти неотличимый от обычного констебля, стоял у входа в дом в Кемптауне, где Джейни Стреттон снимала квартиру, и записывал на планшетку фамилии всех входящих и выходящих. По сравнению с величественным, хотя и начинающим постепенно приходить в упадок отцовским поместьем эта улочка с обветшалыми террасными домиками, целым калейдоскопом рекламных щитов риелторских агентств, переполненными мусорными баками, дешевыми машинами и грузовичками куда больше соответствовала пристанищу бедной студентки.

В XIX веке Кемптаун был отделен от Брайтона тесным скоплением возвышавшихся на холме роскошных особняков эпохи Регентства с ипподромом и фантастическим видом на Ла-Манш. Однако мало-помалу, в течение второй половины следующего века, с появлением

муниципальных домов, кварталов высоток и нарастающим размыванием социальных границ между районами Кемптаун заразился тем же упадком, что уже давно пожирал Брайтон.

Припарковавшись в дальнем конце улицы и оглядевшись, Грейс увидел высокую квадратную громадину трейлера отдела тяжких преступлений: оказалось, что он втиснул свой «альфа-ромео» на свободное место всего в двух машинах от него. Подхватив кожаные сумки со снаряжением для осмотра места преступления, они с Брэнсоном двинулись к дому.

Было уже начало четвертого, и в животе у Грейса урчало от наспех проглоченных по дороге от Стреттона двух сандвичей с креветками, батончика «Марс» и банки кока-колы. Роя самого изрядно удивляло, что после столь драматической сцены у него сохранился аппетит: более того, он ощущал избыток жизненных сил и, казалось, насыщаясь, набивая желудок, лишний раз вновь доказывал себе, что еще не попал в мир иной. Теперь съеденное мстило за такое отношение.

Дул колючий соленый ветер, небо все гуще затягивали тучи. Над головой с пронзительным криком кружили чайки, возвещавший о распродаже плакат у магазина Мишон Макки опасно раскачивался на ветру. Грейс всегда любил этот приморский район Брайтона со старыми симпатичными домиками, обнесенными террасами. Стоило ему закрыть глаза и представить, что назойливая реклама риелторов и пластиковые домофоны исчезли, а на домах появился легкий слой свежей белой краски, как в воображении сразу возникали богатые, элегантно одетые лондонские щеголи, выходившие из этих парадных сотню лет назад и легкой походкой направлявшиеся либо к купальне на берегу моря, либо к одному из многочисленных кафе, либо просто совершающие променад вдоль набережной, дабы насладиться всеми городскими красотами, а заодно и продемонстрировать собственную персону.

Даже за недолгую жизнь Роя город изменился невероятно. Еще в его детстве такие улочки были вотчиной брайтонских домохозяек, сдававших прибрежные дома в аренду. Теперь же, всего через пару десятков лет, побывав в лапах земельных спекулянтов, все они превратились в клетушки и дешевые квартирки для студентов (оплата наличными, которые собирают специально нанятые громилы: не рассчитаешься вовремя – крепко пожалеешь).

Иногда, дождливыми воскресеньями, Грейс любил захаживать в местный музей полюбоваться гравюрами и акварелями с видами Брайтона в его лучшие дни: старой, огражденной цепями набережной, симпатичными кебами, лощеными джентльменами в шелковых цилиндрах, помахивающими тростями с серебряными набалдашниками… Иногда Рой пытался представить, как бы ему жилось в те времена, пока внезапно не вспоминал рассказы отца о том, что дантисты пользовались бормашинами с ножным приводом. И тогда ощущал радость и благодарность за то, что живет сегодня и сейчас, в двадцать первом веке, несмотря на то, что современное общество больно.

– Тоже мне вспомнил! – фыркнул Гленн Брэнсон.

– Мне нравится этот район Брайтона, – пожал плечами Грейс.

Брэнсон с удивлением воззрился на него.

– Серьезно? А по-моему, паршивее не бывает.

– Ты лишен чувства прекрасного.

– Эта часть города напоминает мне фильм «Брайтонская скала» с Дикки Аттенборо в роли Пинки.

– Помню такой. Я даже книгу читал.

– А что, есть такая книга?! – поразился Брэнсон.

– Господи, из какой пещеры ты выполз? – хмыкнул Грейс. – Грэм Грин. Это же один из его самых знаменитых романов. Опубликован в сороковом году.

– А, ну тогда все понятно, старичок. Ушедшее поколение!

– Да, да! Ты готов часами распинаться передо мной о том, какой ты знаток кино, а в душе – неотесанный обыватель!

Остановившись на секунду, Брэнсон показал на заколоченное окно, затем – на разъеденную солью краску над и под ним, на осыпавшуюся штукатурку…

– Что тут можно любить?

– Архитектуру. Сам *дух* этого места.

– Ха! Когда я работал вышибалой в ночном клубе за углом, то никакого духа не нашел здесь и в помине. Только кучу шлюх в темном переулке.

Подойдя к очкастому сотруднику Службы гражданского патрулирования у двери, они предъявили ему документы. Тот прилежно занес их имена в свой список – настолько медленно, что Грейсу еще не доводилось такого видеть. Служба гражданского партулирования создавалась, чтобы облегчить работу полиции. Сами же стражи порядка называли их *пластиковыми полисменами*, ибо те идеально подходили лишь для подобных мелочей.

– Вам надо подняться на второй этаж, – любезно подсказал сотрудник. – Лестницу и площадку уже проверили, но ничего пригодного для экспертизы не обнаружили.

«Прямо-таки ведущий из „Криминального дозора"!» – усмехнулся про себя Грейс.

Уже в подъезде дом показался Рою похожим на любую другую дешевую меблирашку, в каких ему не раз доводилось бывать: потертый ковер на полу, рекламные буклеты, торчащие из почтовых ящиков, осыпающаяся краска, отставшие обои, вонь вареной капусты, прикованный цепочкой велосипед в коридоре, крутая узкая лестница…

Поперек двери квартиры висела сине-желто-белая лента, служившая кордоном вокруг места преступления. Грейс и Брэнсон, достав из сумок белые защитные костюмы, натянули их, а затем и перчатки, бахилы и капюшоны. После этого Брэнсон постучал в дверь.

Почти сразу им открыл Джо Тиндалл – точно в таком же облачении, что и они. Сколько бы раз Грейсу ни приводилось видеть судмедэкспертов за работой, в своих белых одеяниях они напоминали ему тайных правительственных агентов из фантастических фильмов, устраняющих следы вторжения инопланетян. И сколько бы Рой в последнее время ни сталкивался с Тиндаллом, он все еще никак не мог привыкнуть к перемене внешности коллеги.

– Господи, Рой, приятные местечки для встреч мы с тобой выбираем, верно? – приветствовал его Тиндалл.

– Люблю порадовать свою бригаду, – с улыбкой отозвался Грейс.

– Это мы уже заметили.

Они вошли в маленькую прихожую, и Тиндалл закрыл за ними дверь. Фигура в белом, стоя на четвереньках, осматривала плинтус. Грейс заметил, что батарея отопления снята со стены. К моменту окончания осмотра то же самое произойдет со всеми батареями и частью обоев, а половина паркетин будет выдрана.

На полу по прямой, наподобие тропинки, была наклеена широкая полоска скотча, которой следовало придерживаться всем. В таких делах, как неприкосновенность места осмотра, Тиндалл был крайне методичен.

– Нашли что-нибудь интересное? – полюбопытствовал Грейс, разглядывая бело-рыжего кота, без всякой опаски подошедшего к нему.

– Все зависит от того, что ты считаешь *интересным*, – слегка усмехнулся Тиндалл. – Пятна крови на ковре в спальне, которые кто-то пытался оттереть. Пятна крови на полу и потолке. Ключи от «мини-купера», стоявшего у дома. Мы отбуксировали его на эвакуаторе – я не хочу, чтобы машину кто-то вел и уничтожил какую-нибудь улику.

– Хорошая мысль. – Грейс сразу пришел к выводу, что Джейни Стреттон приехала сюда не специально для того, чтобы встретиться с убийцей. По крайней мере, эту версию можно было исключить. Он опустился на колени и погладил кота. – Мы попросим кого-нибудь отвезти тебя к дедуле.

Тиндалл посмотрел на него как-то странно.

– Идем со мной.

– Должно быть, ты – Обжорик, – сказал Грейс коту, вспомнив разговор с Дереком Стреттоном.

Тот мяукнул, с надеждой глядя на него.

– Кто-нибудь его покормил?

– На кухне есть одна из этих новомодных автоматических штучек для кормежки домашних животных, – сказал Тиндалл.

Рой Грейс направился следом за экспертом. По контрасту с неприглядным внешним видом дома и внутренней обстановки подъезда квартира Джейни Стреттон была уютной и просторной, совершенно не нуждалась в ремонте и была обставлена хоть и недорого, но со вкусом. Тщательно натертый паркет в прихожей и гостиной был застелен белыми коврами. Белыми же были и все шторы и покрывала в комнате, а вся деревянная мебель – покрыта черным лаком, за исключением шести стульев из плексигласа вокруг обеденного стола. На стенах были развешаны черно-белые фото, среди которых Грейс заметил пару довольно эротичных ню.

У высокого окна с видом на залив стоял маленький изящный столик, где имели место ноутбук «Сони» и телефон с автоответчиком, на котором мигала лампочка.

Далее находилась миниатюрная кухня, соседствовавшая со столь же миниатюрной комнатой для гостей, а затем – весьма приличных размеров, очень по-женски обставленная спальня, где витал легкий аромат первоклассных духов, показавшийся Грейсу смутно знакомым. Было до странности больно осознавать, что еще недавно благоухавшая ими женщина уже мертва, оставив после себя лишь этот запах. Комнату от стены до стены покрывал белый ковер с большим, диаметром добрых два фута, багровым пятном посередине, вокруг него виднелось несколько пятен поменьше. Кровь… и ее кто-то безуспешно пытался соскрести.

Сквозь дверной проем Грейс увидел совмещенную с туалетом ванную. Он прошел через гостиную, осторожно обходя пятна крови, и заглянул внутрь. На полу возле ванны стояли пустое пластиковое ведро и швабра.

Его глаза обшаривали комнату, впитывая мельчайшие подробности, в то время как один из экспертов в поисках отпечатков пальцев деловито посыпал все поверхности дактилоскопическим порошком. Грейс оглядел маленький кедровый комод в изножье небольшой двуспальной кровати, разбросанные по ней подушки, высокое старинное зеркало в деревянной раме, опущенные жалюзи, две включенные прикроватные лампы и зеркальный шкаф напротив постели. На стене виднелись пятна крови, которые убийца даже не позаботился вытереть. А может быть, он просто сдался после неудачи с ковром… или его что-то вспугнуло во время уборки.

С другой стороны, ведро и швабра были совершенно чистыми.

Еще одна загадка.

В спальню вошел Обжорик и потерся о ногу Грейса. Тот машинально погладил кота, а затем, следуя примеру Тиндалла, смотревшего вверх, задрал голову и увидел зеркальный потолок.

– Несколько необычно, вам не кажется? – спросил эксперт.

– М-да, – покачал головой Брэнсон, – похоже, дамочка была с причудами.

Грейс фыркнул.

– А может, у нее была больная спина, и она только таким способом могла накладывать косметику.

– Тут еще кое-что из той же оперы, – добавил Тиндалл, открывая комод в изножье постели.

Заглянув внутрь, Грейс и Брэнсон застыли от изумления: ящик был почти доверху набит всевозможными приспособлениями, явно предназначенными для любителей секса в стиле «садо-мазо».

Даже не разбирая его содержимого, было видно кожаную плеть, наручники, резиновую маску, а также ряд других примечательных «штучек» вроде усеянного шипами собачьего ошейника, предназначенного отнюдь не для собак, катушки липкой ленты, бамбуковой трости и целого набора вибраторов.

Грейс присвистнул.

– По-моему, мы нашли ее коробочку с игрушками.

– Каждому свое, верно? – сказал Джо Тиндалл.

Опустившись на колени, Грейс всмотрелся в содержимое ящика более внимательно.

– Что-нибудь еще?

– Да, в прикроватном столике – около двадцати свежих номеров порножурналов. Серьезные, крутые фотки.

Грейс и Брэнсон пролистали несколько. Мужчины на женщинах, женщины на женщинах, мужчины на мужчинах и всевозможные групповые сцены… Наткнувшись на пару лесбийских сюжетов, Грейс, несмотря на обстоятельства, невольно ощутил легкий прилив возбуждения и с удивлением подумал, что, похоже, после стольких лет некие смутные желания наконец начинают возвращаться.

– И все это дерьмо можно считать *нормальным*? – скептически бросил Гленн Брэнсон.

– Я находил порнушку в столах многих мужчин и раньше, – пожал плечами Тиндалл. – Впрочем, у женщин – тоже, хотя и не так часто.

Грейс прошелся по квартире. Ему хотелось прочувствовать ее дух. Повсюду царила безупречная чистота. В унитазе был установлен свежий «туалетный утенок», раковина сверкала, рабочая часть электрической зубной щетки была прикрыта прозрачной пластиной, в шкафчике ванной – изрядный запас зубной пасты, мыла и всевозможных шампуней. Квартира была вылизана невероятно – во всяком случае, для студентки.

Рой мысленно сравнил ее здешнюю спальню со спальней в отцовском доме: с постером на стене, мягкими игрушками, коллекцией ракушек, книгами – представление о личности человека можно было создать именно по той комнате, но никак не этой.

Грейс вернулся в гостиную и, обернув ладонь носовым платком, нажал на кнопку повторного набора телефона. Через несколько гудков он услышал автоответчик адвокатской конторы, где работала Джейни. Тогда детектив набрал «1471», желая узнать номер последнего входящего звонка, но тот был заблокирован. Тогда Рой нажал на кнопку прослушивания сообщений на автоответчике. Кот вертелся рядом, но на сей раз Рой не откликнулся на его приставания, заметив фото Джейни в рамке рядом с аппаратом. На нем она была запечатлена в длинном вечернем платье на фоне здания, очень похожего на Глиндеборнскую оперу. Грейс отметил про себя, что на всех виденных им фотографиях она, казалось, старательно позировала. Из автоответчика послышалось шипение, а затем довольно блеклый женский голос произнес:

«О, э-э-э… привет, Джейни, это Сьюзан, секретарь мистера Брума. Сейчас среда, четверть двенадцатого. Мистер Брум ждал вас в офисе к восьми утра, чтобы закончить

подготовку материалов для судебного процесса. Будьте любезны, перезвоните мне, пожалуйста».

Грейс тщательно занес услышанное в блокнот.

Следующий звонок примерно такого же содержания (и от той же самой женщины) повторился два часа спустя, а затем в половине четвертого другой женский голос – явно моложе и куда более приятный – произнес:

«Привет, Джейни, это Верити. Немножко волнуюсь, что ты сегодня не появилась. С тобой все в порядке? Могу заскочить к тебе по дороге домой. Перезвони мне или оставь записку, хорошо?»

Часом позже позвонила женщина, говорившая наигранно-веселым тоном:

«Привет, Джейни, это Клэр. У меня для тебя кое-что есть. Свяжись со мной, пожалуйста».

Затем последовал звонок от Дерека Стреттона:

«Привет, Джейни, дорогая. Получил твою открытку! Огромное спасибо – это просто прелесть! Жду не дождусь увидеть тебя в пятницу. Заказал столик в твоем любимом ресторане, так что мы можем, так сказать, выйти в свет и насладиться рыбной кухней. Позвони мне, если захочешь. Люблю, люблю. Папа».

Далее из автоответчика прозвучал довольно неприятный мужской голос:

«Здравствуйте, мисс Стреттон. Меня зовут Даррен. Я беспокою вас от имени одного из городских благотворительных обществ по поводу небольшого пожертвования. Перезвоню вам снова».

Следом за ним: вновь веселая Клэр, только на сей раз чуточку огорченная.

«Привет, Джейни, это снова Клэр. Боюсь, ты не получила мою последнюю эсэмэску. Буду дозваниваться тебе на мобильный, потому что мое предложение касается сегодняшнего вечера».

Грейс нахмурился. *Сегодняшнего* вечера? Когда Джейни уже сутки была мертва?

В четверг последовало еще несколько звонков с работы. А потом: вновь от женщины по имени Клэр, только теперь сильно разгневанной. И еще один от отца – на сей раз обеспокоенного.

«Джейни, милая, мне звонили с твоей работы и сказали, что ты не появлялась со вторника. Они очень волнуются. С тобой все в порядке? Пожалуйста, позвони мне. Люблю тебя. Папа».

Закончив прослушивание, Грейс перемотал пленку назад и нашел первое сообщение Клэр.

«Привет, Джейни, это Клэр. У меня для тебя кое-что есть. Свяжись со мной, пожалуйста».

Этот звонок чем-то обеспокоил Грейса, хотя он и сам не мог сказать почему. Детектив проверил автоответчик на предмет того, не записывает ли аппарат номера входящих звонков автоматически. Увы, нет.

– Послушай, Гленн, – обратился он к Брэнсону, – из всех знакомых технарей у меня сейчас только ты. Можешь заглянуть в ее записную книжку в ноутбуке?

Детектив-сержант подошел к компьютеру и поднял крышку.

– Все зависит от того, хорошей девочкой она была или нет. Есть ли у нас пароль к… Отлично! Никакого пароля. – Он вытянул из-под стола легкое кресло и сел. – Тебе нужно имя?

– Клэр.

– Клэр… а дальше?

– Просто Клэр. – Читать имя Брэнсону по буквам Грейс посчитал излишним.

Пробежавшись пальцами по клавиатуре, тот несколько секунд молчал, а затем поднял голову.

– Здесь всего одна. Я попробовал писать имя по-разному.

– Там есть ее адрес?

– Нет, только номер телефона.

– О'кей, набери его.

Брэнсон, выполнив просьбу, передал трубку Грейсу, и буквально через несколько секунд в ней послышался деловитый мужской голос:

– Да, алло?

– Могу я поговорить с Клэр?

– Она на другой линии… кто ее спрашивает?

Грейс быстро прикинул: по дороге сюда они заехали в управление, чтобы запустить фотографии Джейни в работу, а заодно прихватить сумку Гленна. Прежде чем фото станет достоянием прессы, пройдет добрых пара часов, так что о ее смерти не знает никто, кроме полиции и близких родственников.

– Я звоню по поводу Джейни Стреттон, – наконец сказал он.

– О'кей, секунду. Сейчас она подойдет.

Несколько секунд Грейс слушал записанную на пленку «Весну» Вивальди, а затем уже знакомый голос Клэр произнес:

– Алло?

– Алло. Я отвечаю на ваше сообщение Джейни Стреттон, оставленное на ее автоответчике днем в среду.

– Будьте любезны, кто вы такой?

– Детектив-суперинтендент Грейс из уголовной полиции Суссекса.

В трубке запищали короткие гудки.

Грейс немедленно нажал на кнопку повторного вызова. Телефон на другом конце провода прозвонил несколько раз, а затем включился автоответчик.

– Простите, – скороговоркой прощебетал женский голос, – но в настоящее время никто не может ответить на ваш звонок…

– Черт подери! – прорычал Грейс, швыряя трубку.

Вызвав по рации Беллу, он продиктовал ей номер телефона Клэр и попросил срочно выяснить, по какому адресу он установлен, а затем позвонил своей помощнице Элинор и попросил перенести пресс-конференцию на более позднее время.

Дожидаясь ответа, он проверил электронную почту в карманном компьютере, особенно все, что касалось новостей о судебном процессе над Сурешем Хоссейном, и выяснил, что благодаря очередным проискам адвоката слушание его дела в который раз отложено.

Через пять минут Белла, как всегда исполнительная, связалась с ним по рации и продиктовала адрес рядом в вокзалом Хоува, добавив, что это всего в десяти минутах езды от Брайтона (если водитель трезв) и девяносто секунд – на патрульной машине с сиреной и мигалкой. Телефон был установлен в некой фирме под названием «БКЭ-247 лтд.», ничего Грейсу не говорившим.

Он повернулся к Брэнсону.

– Сунь ее компьютер себе в сумку – нам пора прокатиться. Мне неприятны люди, которые во время разговора со мной бросают трубку.

Тщательно пристегнувшись, Грейс попросил Брэнсона сделать то же самое, а затем, вдавив в пол педаль акселератора «альфа-ромео», погнал со всей скоростью, на какую только мог решиться: виляя в транспортном потоке, гудя клаксоном, мигая фарами и отчаянно жалея, что он не в патрульной машине.

Пока «альфа» по-черепашьи ползла в очереди перед третьим подряд красным светофором, все, о чем Грейс мог подумать, было: «Если я сейчас столкнусь с кем-нибудь – с кем бы то ни было, – то придется подыскивать себе квартирку где-нибудь в Ньюкасле».

Дом, расположенный по адресу, названному Беллой, оказался среди магазинов на улочке, тянувшейся на юг от станции Хоув. Обогнав какого-то неторопливого водителя на машине с левым рулем, Грейс промчался мимо забитой автомобилями мойки справа, затем чуть не столкнулся с еще одним тихоходом и, чудом проскользнув перед самым бампером такси, вырулил на привокзальную стоянку.

Он сразу увидел женщину лет тридцати в брючном костюме, торопливо выходящую из двери между облицованным кафелем магазином и газетным киоском. У нее была хорошая фигура, торчащие во все стороны рыжие волосы и обычное, ничем не примечательное лицом с обилием яркого грима. Она несла большой кожаный кейс для портфолио.

Еще до того, как колеса «альфы» перестали вращаться, Грейс выскочил из машины и, перебежав через дорогу, окликнул ее:

– Клэр!

Женщина обернулась, слишком напуганная, чтобы отрицать, кто она такая.

Грейс взмахнул у нее перед лицом удостоверением.

– В такое время заканчивать работу рановато, вам не кажется?

Ее отчаянный взгляд метнулся налево, потом – направо, словно в поисках пути к бегству.

– Я… я всего лишь… вышла за сандвичем.

Говорила она с резким акцентом, характерным для обитателей Восточного Лондона.

– Несколько минут назад мы разговаривали с вами по телефону… кажется, нас разъединили.

– Неужели? – уклончиво произнесла она. – Мы с вами?

– Да-да. И я решил, что будет проще вас навестить – сами знаете, какая сейчас телефонная связь.

Женщина, и не подумав улыбнуться шутке, мрачно уставилась на детектива.

– Не возражаете, если мы заглянем к вам в офис и побеседуем? – продолжал Грейс, краем глаза наблюдая за Брэнсоном, вышедшим из машины и неторопливо направлявшимся к ним.

У нее в глазах мелькнуло паническое выражение.

– Э-э-э… я… думаю, сначала мне стоит посоветоваться с моим деловым партнером.

– Предлагаю вам выбор, – угрюмо буркнул Грейс. – Либо мы договариваемся по-хорошему, либо – по-плохому. «По-хорошему» означает, что мы сейчас заходим к вам в офис и за чашечкой чая ведем нормальный разговор. «По-плохому»: я остаюсь здесь с вами, пока мой партнер съездит за ордером на обыск и вернется с шестью патрульными, которые разнесут вашу контору, мать ее так, до последней паркетины!

Грейс увидел, что испуг в ее глазах постепенно перерастает в страх.

– Все-таки, офицер, скажите хотя бы, в чем дело?

– Вы имеете в виду – помимо того, что я не люблю, когда, разговаривая со мной, бросают трубку?

Женщина покраснела, не зная, что ответить. Мимо, урча мотором, прополз автобус.

– Я вам точно скажу, в чем дело, – выждав минуту, проворчал Грейс. – Джейни Стреттон мертва.

Рука потрясенной женщины взлетела ко рту.

– Джейни?!

Грейс почувствовал, что сейчас самое подходящее время нажать на нее покрепче.

– Во вторник вечером какой-то маньяк исполосовал ее ножом, а потом прикончил и разделал, как мясник – коровью тушу. Вы видели репортаж об обезглавленном трупе, найденном в среду в Писхейвене?

Кровь отхлынула от лица женщины, отчего еще макияж стал ее более заметным. Она кивнула, теребя пальцами губы.

– То, что это – Джейни Стреттон, мы узнали только сегодня. Так теперь, может быть, вы все-таки не против побеседовать?

Офис фирмы «БКЭ-247 лтд.» занимал всего одну комнату с маленькой кухонькой на втором этаже. Окно выходило на улицу. Оглядев покрытые толстым слоем пурпурной краски самого омерзительного оттенка стены и цвета горохового супа ковер, Грейс подумал, что привести этот кошмар в порядок невозможно никакими усилиями.

Обстановка состояла из трех обыкновенных старых деревянных столов и такого же количества ободранных вращающихся кресел, а также четырех высоких серых шкафчиков для папок. Все это выглядело так, словно было куплено в одном из магазинов самого низкого пошиба, снабжающих такие конторки подобной дребеденью. Плюс к тому здесь был видавший виды дешевенький компакт-диск-плеер и под стать ему телевизор. Словно по контрасту, на каждом столе стояло по компьютеру последнего поколения и самые современные навороченные телефоны. Один из них звонил, однако Клэр не обращала на это внимания, – похоже, она и в самом деле была в шоке.

Детективы с кружками чая сидели в обтянутых искусственной кожей креслах перед ее столом. Хотя на коленях у Грейса лежал блокнот, главным образом он следил за выражением глаз собеседницы.

– Как ваше полное имя?

Рой заметил, как зрачки женщины на мгновение метнулись влево. Половина, отвечающая за работу мозга[16].

– Клэр Портер.

Грейс записал.

– Эта компания принадлежит вам?

– Да, мне и моему партнеру.

– А его как зовут?

Зрачки вновь дернулись влево, следовательно, Клэр не собиралась лгать насчет обоих имен, поскольку движение зрачка в эту сторону свидетельствует о том, что человек говорит правду. Если же они скользнут вправо…

– Барри Мэйсон.

Грейс на секунду задумался.

– «БКЭ-247 лимитед», – пробормотал он. – «Барри энд Клэр энтерпрайзис»?

Клэр покачала головой.

– Нет, но довольно близко.

Бросив блокнот на колени, Рой страстно протянул к ней руки.

– Ну, так, может, вы нам скажете? Поделитесь тайной?

И заметил, как зрачки дернулись вправо. Режим памяти!

Сейчас она пытается солгать поубедительнее!

Но тут Клэр неожиданно закрыла лицо руками.

– О, поверить не могу! Джейни… Она была такой милой девочкой. Я ее любила, как родную.

– В среду, в половине пятого вечера, вы оставили сообщение на ее домашнем автоответчике и сказали… – Грейс сделал паузу, отыскивая нужное место в блокноте: – «У меня для тебя кое-что есть. Свяжись со мной, пожалуйста». – Он помолчал. – Насчет чего вы звонили?

Клэр взглянула на него: зрачки вновь скользнули вправо, и Рой заметил, что она заметно встревожилась.

Тут мягко вмешался Брэнсон, играя классическую роль «хорошего полицейского» и оставляя «плохого» Грейсу.

– Клэр, вы вполне можете быть с нами откровенной. Скрытничать гораздо опаснее, чем сказать нам правду.

Его слова, казалось, достигли цели, ибо зрачки на этот раз описали полный круг, словно Клэр прикидывала, существует ли лучший выход из положения, и не могла его найти.

– Господи, Барри меня убьет. Это означает «Барри энд Клэр эскорт сервисез 247». О'кей?

Почти минуту Грейс сидел в ошеломленном молчании.

– Джейни Стреттон работала в эскорте? То есть была *проституткой?*

Внезапно ощетинившись, Клэр выпалила:

– Мы предоставляем эскорт одиноким мужчинам и женщинам! Всего-навсего партнеров, чтобы приятно провести вечер, и не более того. А вовсе никаких не *проституток*.

Грейс заметил, что ее зрачки по-прежнему сильно скошены вправо, – казалось, они сами по себе стараются сбежать в эту сторону насколько возможно.

– И все невинные, как овечки? – усмехнулся Грейс.

– Для нас – да, – пожала плечами Клэр.

– Да, да, да, эту песню я слышал уже тысячу раз, так что давайте не будем, о'кей? Если клиент желает достичь личной договоренности с молодой леди, то это вас не касается, так?

– Похоже, мне стоит позвонить своему адвокату, – секунду помолчав, процедила Клэр.

– Мне совершенно не до вашего мелкого бизнеса! – прорычал Грейс. – Но если еще и ваш адвокат начнет путаться у меня под ногами, я устрою вам рейд полиции нравов – просто так, в отместку! Я порву вас в клочья! Меня интересует только одно: я хочу найти убийцу Джейни. Помогите мне в этом, и я вас не трону. Надеюсь, мы друг друга поняли?

Клэр скорчила недовольную гримасу и неохотно кивнула.

– Сколько вы берете с ваших клиентов?

– Шестьдесят фунтов в час.

– И сколько из этого достается вам?

– Сорок процентов.

– А все остальное и дополнительный доход остается у девушек?

– Они оставляют себе чаевые! – словно оправдываясь, воскликнула Клэр.

– Да-да, конечно. С кем она была во вторник вечером?

Клэр повернулась к компьютеру и, несколько секунд пощелкав клавишами, проговорила:

– Антон.

– Антон? А как его фамилия?

– Понятия не имею.

– Вы не знаете фамилий своих клиентов?

– Только если они желают их сообщить.

– И сколько же из них это сделали?

– Очень мало. Да и то я не знаю, настоящие это фамилии или вымышленные.

Грейс почувствовал, что начинает злиться.

– Девушки идут к вам работать, и вы посылаете их встречаться с одинокими мужчинами. Вы удерживаете жирные комиссионные, при этом не удосужившись даже пальцем шевельнуть, чтобы узнать их имена?

– Мы всегда проверяем девушек, особенно во время первого свидания, – немного помолчав, принялась объяснять Клэр. – Мы звоним им каждые десять минут. У нас разработан особый шифр, и если им плохо, то всегда найдутся люди, готовые им помочь. Это было ее четвертое свидание с Антоном. Я и не беспокоилась: мне казалось, что к этому просто нет причин.

– А вас не беспокоило, что она была молодой, невинной студенткой, изучавшей юриспруденцию?

– У нас работает полно студенток. Им кажется, что это неплохой способ подработать к стипендии. Из-за Тони Блэра большинство студентов заканчивают университеты с такими долгами, что им приходится вкалывать годами, пытаясь расплатиться. А работа в эскорте предоставляет им альтернативу. Мне приятно, что мы тоже вносим свой вклад в помощь.

– Ну конечно! – с сарказмом пропел Грейс. – То есть все наличные идут… в благодарность за ваш альтруизм, а ее личные договоренности с Антоном-мясником вас не касаются. – Секунду он молчал, раздумывая, а затем спросил: – Сколько девушек на вас работает?

– Около тридцати. И десять юношей.

– У вас есть их фото?

– Да.

– Покажите мне фото Джейни.

Подойдя к шкафчику, Клэр достала оттуда папку и, вытащив фотографию в целлофановой обложке, протянула ее Грейсу.

Снимок ни в коей мере не походил ни на один из виденных им в квартире ее отца. Это была совсем другая Джейни Стреттон, сама Джейни-Ночь.

Девушка в соблазнительной позе лежала на ковре «под леопарда» в крошечных кожаных трусиках и распахнутой до пупа черной кружевной блузке, выставляя напоказ свой роскошный бюст.

Грейс передал фото Брэнсону.

– Просто *эскорт*, – издевательски подмигнул он Клэр. – Компаньонша скоротать вечерок, что-то вроде этого?

– Да-да, именно.

– Клэр, я примчался в этот город вовсе не потому, что преследовал какой-нибудь грузовик. Она участвовала во всех этих играх, так?

– Если даже и так, то мы об этом ничего не знали.

– Где вы размещаете рекламу?

– В журналах, в киосках, в Интернете…

Грейс кивнул.

– И откуда берутся большинство ваших клиентов?

– По-разному. Но вообще-то к нам потому и обращаются, что мы умеем держать язык на замке.

– А в каких журналах?

Некоторое время Клэр колебалась.

– С объявлениями о знакомствах, в туристских, в местной газете, ну и… парочке специализированных.

– Что значит – специализированных?

– В основном фетишистских, – после долгой паузы ответила Клэр. – Для тех, кто любит всякие необычные… штучки.

– Штучки? – переспросил Грейс.

Она пожала плечами.

– Вы не помните, каким образом Антон впервые о вас узнал?

Клэр открыла папку и достала карточку.

– Шестое мая. Антон. Еще я записала «сильный европейский акцент». Он сказал, что увидел рекламу в… – Клэр прищурилась, словно пытаясь разобрать собственный почерк, – в «Аргусе».

Местная газета.

Вновь зазвонил телефон, однако Клэр, по-прежнему не обращая на него внимания, продолжала просматривать свои пометки.

– Он захотел посмотреть фотографии некоторых девушек, и я отправила ему несколько по Интернету. А через полчаса он перезвонил и сказал, что не прочь повстречаться с Джейни… Так, есть ли у меня его номер?

Грейс резко выпрямился и увидел, что Брэнсон отреагировал точно так же.

– Есть?

– Я всегда беру у наших клиентов их номера для проверки – это заставляет их держаться начеку.

– Дайте мне его, пожалуйста.

Грейс записал номер под диктовку Клэр и тут же набрал его на своем мобильнике. В ответ прозвучал сигнал «абонент недоступен».

– Черт!.. Что еще вы можете рассказать об этом Антоне?

– Было бы что, рассказала. Вы думаете, что он… мог быть… именно тем, кто…

– Если он не был ее убийцей, то, во всяком случае, одним из последних, кто мог ее видеть. Ваши девушки отзваниваются вам после окончания свиданий?

– Порой – да. Все зависит от времени.

– А она не звонила вам во вторник вечером после встречи с Антоном?

– Нет.

– А вы звонили ей насчет другой встречи в среду?

– Да. – Клэр вновь уткнулась в свои пометки. – Другой джентльмен. Вам тоже понадобятся его имя и телефон?

Грейс кивнул.

– Мы должны его проверить.

– Вы обещаете вести себя деликатно?

– Я отправлю к нему своего самого деликатного сотрудника. – Грейс усмехнулся про себя, решив послать на это задание своего нового рекрута Нормана Поттинга.

Всем было известно, что сержант был столь же деликатен, как слон в посудной лавке.

29

Как обычно по пятницам, к четырем офис Тома начал пустеть. В Лондоне стоял прекрасный солнечный денек, а метеорологи обещали отличную погоду. Один за другим его сотрудники приводили свои столы в порядок, весело прощались и чуть ли не вприпрыжку скакали к двери.

Он завидовал их беспечным уик-эндам и сейчас старался припомнить, когда сам в последний раз в выходной чувствовал себя расслабленным и не думал о работе, не сидел за компьютером, нависнув над распечатками таблиц расходов и доходов, не всматривался беспокойно через плечо Келли на экран, перед которым она сидела с клавиатурой на полу гостиной.

Его окно было приоткрыто, несмотря на шум машин, и Том с удовольствием вдыхал теплый и ароматный ветерок. Может быть, сегодня удастся немного отрешиться от забот – если только позволят тучи, поднятые этим проклятым компакт-диском. То, что Келли нашла работу, просто отлично! Зарплату предложили так себе, но, по крайней мере, это должно было хоть отчасти покрыть стоимость ее новых приобретений. Впрочем, лишь до той поры, пока наличие работы не позволит ей тратить еще больше.

В четыре пятнадцать Том решил: «Черт с ним!» Если он выйдет прямо сейчас, то успеет на следующий экспресс на 16.36, который быстро и удобно домчит его домой как раз ко времени, когда будет приготовлено мясо на купленном ею чудовищном новом гриле.

При одной мысли о мясе Том покачал головой. Безумие. Впрочем, ему было интересно, как выглядит этот чертов гриль и как *любой* гриль может стоить почти пять тысяч фунтов.

В приступе расточительности – куда менее разорительной, чем у Келли, – вместо автобуса он взял такси до вокзала Виктория, где оказался всего за несколько минут до отхода поезда. Том схватил «Ивнинг стандард» с газетного лотка, швырнул деньги и, не дожидаясь сдачи, рванул по платформе, вскочив в вагон всего за пару секунд до отправления.

Исполненный решимостью отыскать Увальня, Том протолкался по всем вагонам, заглянув во все до единого купе переполненного поезда, однако безрезультатно. К тому времени, когда он закончил, с него ручьями тек пот – как от духоты, так и от усилий. Заметив одно из немногих пустующих мест, он достал из сумки ноутбук и интернет-карту, закинул сумку и пиджак в багажную сетку, а затем сел, положил ноутбук на колени и глянул на первую страницу газеты.

Тридцать погибших в Ираке во время взрыва.

Том просмотрел статью об очередной начиненной взрывчаткой машине с фанатиком-самоубийцей за рулем, взорвавшем целый отряд полиции. И с легким чувством вины внезапно осознал, что стал почти равнодушным к подобного рода репортажам. Их было так много, все время… К тому же сам он так и не успел составить собственное мнение насчет событий в Ираке. Ему были до лампочки Буш и Блэр, и каждый успешный теракт все больше вызывал у него сомнения в том, что после начала вторжения мир стал более спокойным и уютным. Порой, заглядывая в спальни детей, Том смотрел на них беспомощно и виновато, лишь сознавая, что именно он в ответе за их жизнь. Однако с точки зрения политиков, правящих миром, где малыши оказались по его милости, это не имело ни малейшего значения.

Том перевернул страницу и тотчас ощутил себя так, словно чья-то рука из иного измерения с силой стиснула его внутренности.

На третьей странице красовалась фотография молодой женщины, над которой шел заголовок:

«Обезглавленная жертва убийства опознана».

Это было *ее* лицо!

Лицо девушки, так напомнившей ему Гвинет Пэлтроу, когда он впервые увидел его у себя в кабинете во вторник вечером.

Это была *она*. На все сто. Том был абсолютно в этом уверен.

Он перевел взгляд на статью под фотографией.

«Сегодня полиция Суссекса подтвердила, что изуродованное тело молодой женщины, обнаруженное в среду на поле в районе Писхейвена, графство Восточный Суссекс, принадлежит пропавшей без вести студентке Джейни Стреттон, 23 года.

Старший офицер суссекского уголовного розыска, отвечающий за проведение расследования, детектив-суперинтендент Рой Грейс заявил: „Это одно из самых жестоких убийств, с которым мне довелось столкнуться за двадцать лет работы в полиции. Джейни Стреттон была скромной, трудолюбивой и всеми любимой молодой женщиной. Мы делаем все возможное, чтобы отыскать ее убийцу".

Дерек Стреттон, убитый горем отец девушки, в своем кратком заявлении, написанном в его прибрежном поместье возле Саутгемптона стоимостью 3 миллиона, написал: „Джейни была самой замечательной дочерью из всех, какую только может пожелать отец, и она оказывала мне огромную поддержку с тех пор, как моя жена и ее мать скончалась. Я умоляю полицию поймать убийцу как можно скорее, прежде чем он смог бы погубить еще одну невинную жизнь"».

Том перевел взгляд на лицо Джейни. И тотчас же у него в памяти всплыли слова из электронного послания с угрозами:

«Если вы сообщите полиции о том, что видели, или попытаетесь проникнуть на сайт еще раз, то же, что случилось с вашим компьютером, произойдет с вашей женой Келли, сыном Максом и дочерью Джессикой…»

Том нервно огляделся, но никто из пассажиров не обращал на него внимания. Молодой человек, сидящий напротив, был полностью поглощен портативным компакт-диск-плеером – Том даже слышал ритм из его наушников: раздражающий, какой-то царапающий звук, слишком тихий, чтобы уловить мелодию, но тем не менее перекрывавший стук колес поезда. Двое других соседей читали газеты, женщина – захватанный томик «Кода да Винчи»[17], а человек в полосатом костюме работал на ноутбуке.

Том перевел взгляд на фотографию. Существует ли возможность, что он ошибся и это не она? Хотя бы малейшая?

Нет, не существует. *Это была она*.

«И что же, черт возьми, мне теперь делать?» – подумал Том.

30

В половине седьмого Рой Грейс, Гленн Брэнсон и остальные члены следственной бригады – в том числе и «новичок» детектив-сержант Норман Поттинг – сидели за большим прямоугольным столом в конференц-зале напротив оперативного штаба № 1 отдела тяжких преступлений, выделенного для проведения операции «Соловей».

До Грейса отлично доносилась вонь табака, пропитавшая одежду Нормана Поттинга. Старый служака был облачен в коричневый костюм, разве что лет двадцать назад способный сойти за приличный, белую рубашку, похоже выглаженную им самим (причем явно нестрезва), зеленый галстук и тяжелые черные ботинки. Это был переживший три брака самоуверенный и весьма вспыльчивый ветеран с узким подвижным лицом, покрытым сеточкой лопнувших сосудов, по-рыбьи выпяченными губами, скрывавшими прокуренные зубы, и стыдливо прикрываемой плешью.

Грейс, тщательно избегая смотреть присутствующим в глаза, формально представил им Нормана Поттинга.

– Приятно поработать в команде, – отозвался Поттинг громким хриплым голосом. В его речи явственно чувствовался девонский акцент. – Особенно с такими милыми молодыми леди. – Он подмигнул Белле и Эмме Джейн.

Грейс, поморщившись, начал оперативку, поскольку время поджимало: ему нужно было уйти по возможности в семь хотя бы на пару часов. Пробежав глазами заметки, подготовленные Беллой и Элинор, он объявил:

– Сейчас шесть тридцать, пятница, третье июня. Это наша вторая встреча по операции «Соловей» – расследование убийства ранее неизвестной женщины, ныне опознанной как Джейн… Джейни Сьюзан Аманда Стреттон, проводимая на второй день после обнаружения ее останков. Сейчас я изложу все, что нам известно по данному поводу.

Несколько минут Грейс подробно рассказывал о событиях, позволивших найти обезглавленный труп Джейни, а затем – и жука во время вскрытия. Здесь его перебил Норман Поттинг:

– Рой, помнишь, несколько лет назад в газетах писали о голливудских звездах, которые засовывают себе в задницы всякие цветочки и прочее?

– Спасибо, Норман, не думаю, что здесь есть какая-то связь.

– Бывает, смотришь на такого и ни сном ни духом не ведаешь, что он – педик. Там таких полно.

– Спасибо, Норман, – твердо сказал Грейс, пытаясь поставить его на место.

Он уже собирался перейти к рассказу о тайной жизни Джейни Стреттон, но тут поднял руку Гленн Брэнсон.

– Рой, в машине ты мне говорил о символическом значении скарабеев. Думаю, было бы полезно поделиться этим с коллегами.

– Да, я собирался это сделать. Если кратко, то в древнеегипетской мифологии жуку-скарабею поклонялись под именем Хепри, что дословно переводится как «тот, кто приходит в бытие» или «тот, кто приходит вперед с земли». Египтяне были солнцепоклонниками. Согласно их представлениям, катящий перед собой шарик навоза жук-скарабей являлся олицетворением Хепри, каждый день толкающего перед собой солнце – то есть солнечный шар – по небу с востока на запад. Поэтому они считали Хепри одной из ипостасей бога солнца Ра. В итоге скарабей стал важным символом творения, воскрешения и вечной жизни в религиозной мифологии Древнего Египта.

– Ты смотри! – покачал головой Норман Поттинг. – Эти египтяне были башковитыми ребятами. В том смысле, как им удалось построить эти пирамиды? Никогда бы не поверил, чтобы черномазые… нет, за ними надо смотреть в оба.

Грейс, поморщившись, покосился на Гленна Брэнсона, а затем сердито уставился на Поттинга, удивляясь, как такой тип ухитрился столько лет прослужить в полиции и до сих пор не оказаться перед трибуналом за оскобительные высказывания сексуального или расистского толка.

– Норман, подобные выражения здесь абсолютно неприемлемы, и я категорически запрещаю пользоваться ими на оперативках.

Поттинг собрался было что-то сказать, однако, подумав, решил воздержаться и с хмурым видом уткнулся в бумаги.

– Рой, как по-твоему, какое отношение этот символизм имеет к нашему случаю? – спросил Ник Николл.

– Пока что никакого, но надеюсь, что кто-нибудь из вас, гениев, сумеет догадаться, – улыбнулся ему Грейс и продолжил, поведав, как сегодня днем они с Брэнсоном разузнали о тайной жизни Джейни Стреттон и получили имя первого подозреваемого. Антон.

Было уже установлено, что номер Антона, данный Грейсу Клэр, принадлежит «одноразовому» телефону и засечь его невозможно.

Грейс сделал паузу, чтобы выпить воды.

– Ладно, теперь – о наших ресурсах. Полицейское управление Восточного Даунса охотно согласилось предоставить нам людские резервы. Мы начали поиски в районе, где в среду утром были обнаружены торс и конечности, но за последние сорок восемь часов существенно его расширили. Я привлек к работе отряд подводных пловцов суссекской полиции, и сейчас они прочесывают все местные реки, озера и прочие водоемы. Также я потребовал начать воздушное патрулирование с вертолета.

Грейс продолжал вести инструктаж. Определил периодичность оперативок: ежедневно в 8.30 утра и 6.30 вечера. Сообщил, что группа компьютерщиков в Холмсе трудится со среды не покладая рук. Огласил план «Стратегия расследования», куда входили и контакты с отделом по связям с общественностью, особо подчеркнув необходимость держать обнаружение жука в тайне от прессы. Обсудил с бригадой свое намерение привлечь к расследованию убийства очередной выпуск программы «Криминальный дозор», выходящий в эфир на следующей неделе.

Эмма Джейн подняла руку.

– Будем ли мы раскрывать сведения о тайной жизни Джейни Стреттон широкой публике?

Как раз над этим Грейс и ломал голову. Взять того же Дерека Стреттона: убитый горем отец, уже немолодой, бизнес, того и гляди, пойдет под откос… Как подобная новость подействует на беднягу? И имеет ли смысл вообще делать эти сведения всеобщим достоянием? Побудит ли это кого-нибудь из бывших клиентов Джейни обратиться к ним с какой-нибудь важной зацепкой? Возможно, хотя и вряд ли – все же на такой звонок решится не каждый. Подобная публикация в огромной степени подхлестнет интерес прессы, которая раструбит об этом на каждом углу, – вдруг кто-нибудь что-то вспомнит и сообщит в полицию? Может быть, официант или бармен, видевший Джейни и Антона вместе?

– В настоящее время с отцом Джейни находятся двое офицеров из отдела семейных проблем, детективы-констебли Доннингтон и Ритчи, – ответил Грейс Эмме Джейн. – Сначала я обсужу этот вопрос с ними, но мне кажется, что сделать это стоит. Если только они не будут на сто процентов убеждены, что на данной стадии это окажется для мистера Стреттона страшным ударом, мы опубликуем эту информацию.

Следующий вопрос – судебно-медицинская экспертиза. Грейс доложил, что, помимо жука, иных сюрпризов в ходе вскрытия обнаружено не было, за исключением одного: никаких следов сексуального насилия. Перед ним лежал отчет доктора Фрейзера Теобальда, но зачитывать собравшимся несколько страниц, напичканных медицинской терминологией, не было нужды. «То, что ей отрезали голову, шансов на выживание не прибавило», – подумал он.

– Больше всего в настоящий момент меня заботит жук-скарабей, – сказал Грейс. – Никто не обнаружил другого убийства, где на месте преступления был найден жук?

– В апреле на Уимблдонской пустоши была обнаружена убитая женщина, – оживился Ник. – Двадцать шесть лет, и тоже без головы. На ней был серебряный браслет с брелоками, не опознанный никем из членов ее семьи. Я получил по электронной почте его изображение. Вот распечатка. – Он протянул листок бумаги Грейсу. – В этом убийстве следы сексуального насилия тоже отсутствуют. И оно тоже не раскрыто.

Грейс посмотрел на крошечного серебряного жучка, свисавшего с браслета, и тут же узнал его – это был скарабей.

– Хорошая работа, – одобрительно кивнул он. – Больше ничего?

– Столичники – единственные, кто пока откликнулся, – развел руками Ник.

Грейс вновь взглянул на фотографию.

– У меня такое предчувствие, что будут и другие. Мы можем получить копию этого дела?

Ник заглянул в свои записи.

– Расследование ведет детектив-инспектор Дикинсон. Он предложил мне встретиться с ним или с любым из нас.

– Несколько странная готовность к сотрудничеству для Столичной полиции, – цинично заметил Грейс. Тамошние полицейские старательно изображали высшую касту служителей закона, считали себя лучшими из лучших и не слишком стремились помогать провинциальным коллегам, с которыми обычно вели себя довольно надменно. – Ты сможешь договориться с ним о встрече на завтра в первой половине дня?

– Вообще-то мне выступать в футбольном матче за полицию Суссекса, но смогу.

– Сейчас июнь, и футбольный сезон кончился, все перешли на крикет, – нравоучительным тоном сказал Грейс. – А кроме того, у нас есть отец, которому я лично поведал сегодня, что его дочь была жестоко убита. Вряд ли он будет в восторге, если узнает, что наше расследование откладывается из-за какого-то долбаного футбольного матча.

Детектив-констебль покраснел.

– Нет, сэр… то есть Рой.

Отчитавшись по всем вопросам, Грейс подвел общий итог:

– В настоящее время мы точно установили место, где было совершено убийство Джейни Стреттон. Белла и Ник провели опрос всех ее соседей, и он продолжается. Пока что у меня есть две версии: либо это дело рук психически ненормального человека, либо не исключено, что мы столкнулись с серийным убийцей, оставляющим свой автограф. Мы ожидаем новых сведений от Столичной полиции относительно другого убийства, где тоже был обнаружен жук-скарабей, чтобы выяснить, не связаны ли они между собой. Наш «клиент» мог разделаться уже по крайней мере с двумя молодыми женщинами, и с нашей стороны будет логичным предположить, что на этом он не остановится.

Затем Грейс опросил членов бригады, есть ли у них что сообщить.

Поттинг рассказал, что большую часть дня провел в адвокатской конторе, где Джейни Стреттон проходила стажировку. Он побеседовал с ее шефом, Мартином Брумом, с которым Грейс однажды сталкивался в ходе судебного процесса об избиении, произошедшем во время очень скандального дела о разводе, и с несколькими ее коллегами. Все отзывались о Джейни как о доброжелательной, отзывчивой и трудолюбивой молодой женщине.

«Интересно, есть ли у нас у всех своя „темная сторона“?» – подумал Грейс.

– Я попросил нам в помощь еще одного члена бригады, – объявил он. – И хочу, чтобы кто-нибудь из отдела высоких технологий досконально проверил ее ноутбук. – Затем он повернулся к детективу-констеблю Бутвуд. – Эмма Джейн, прости, что втравливаю тебя в это дело, но будь добра, организуй проверку всех камер видеонаблюдения в районе Брайтона на вечер вторника. Ты можешь получить помощника. Искать надо вот эту молодую леди. – Он постучал пальцем по фотографии Джейни Стреттон, запущенной в прессу. – Она отправилась на свое четвертое свидание с человеком, назвавшимся Антоном. Кто-нибудь должен был их видеть. – Затем он повернулся к детективу-констеблю Николлу. – Ник, прошу тебя сколотить поисковую группу и обойти с этим фото каждый ресторан, бар и паб Брайтона и Хоува, чтобы выяснить, не видел ли кто их. О'кей?

Верзила понятливо кивнул.

– Белла, отец Джейни Стреттон сказал мне, что ее последнего бойфренда зовут Джастин Ремингтон – торговец недвижимостью из Лондона. Найди и поговори с ним.

Девушка кивнула.

– Эмма Джейн, как у тебя дела с импортерами тропических насекомых?

– На территории Соединенного Королевства я обнаружила целых шестнадцать. Некоторые работают только через Интернет, но мне удалось разыскать семерых производителей. Один, из Бромли, в Южном Лондоне, весьма меня заинтересовал: всего десять дней назад он получил заказ на поставку скарабеев от мужчины с восточноевропейским акцентом.

– Потрясающе! – воскликнул Грейс. – И?…

– Я договорилась с ним о встрече на завтра.

– Я поеду с тобой.

Грейс заглянул в свои заметки.

– Норман, мы конфисковали из квартиры жертвы автоответчик. Его проверили наши технари. Я хочу, чтобы ты проверил всю полученную ими информацию.

– Есть там какие-нибудь миленькие птички?

– Если тебе кто-нибудь попадется, непременно пришлю подмогу.

– Меня заинтересовало это эскорт-агентство, коль скоро у них в картотеке красотки под стать Джейни Стреттон.

Грейс промолчал, поскольку эта плоская шуточка, собственно, и не требовала ответа.

– Собираемся все здесь в восемь тридцать утра, – объявил он. – Простите, что испортил вам выходные.

Особенно он избегал встречаться взглядом с Гленном Брэнсоном, чью жену его частые сверхурочные доставали больше, чем кого бы то ни было. Впрочем, подумал Грейс, никто его сюда за уши не тянул. Поступив на службу в полицию Ее Величества, ты получаешь от королевы жалованье, а взамен посвящаешь этой работе всю жизнь.

О'кей, все это не обязательно указано в контракте, но такова была реальность. И если ты мечтаешь о спокойной жизни, здесь тебе ее не видать.

31

В Брайтоне задувало сильнее, чем в Лондоне, однако воздух прогрелся достаточно, чтобы не отказываться от задуманного ужина на свежем воздухе.

Из встроенного в гриль компакт-диск-плеера доносились «Гёрлз элауд», в такт им мигали огоньки светомузыки. Джессика, с развевающимися длинными волосами, в мешковатых джинсах, черном топике и усыпанных блестками туфлях, на пару с Келли, в коротких белых брюках, полосатой мужской рубашке и босиком, отплясывали на лужайке, дико изгибаясь, хохоча и явно получая огромное удовольствие.

Взлохмаченный Макс, в плотных серых шортах и еще более плотном свитере, продолжал изучать гриль с таким видом, будто это был космический корабль, ненароком приземлившийся у них на заднем дворе. На что, собственно, гриль и походил.

Это была довольно причудливая конструкция в футуристическом стиле из нержавеющей стали, блестящего алюминия и какого-то черного, похожего на мрамор материала футов восьми длиной, занимавшая изрядную часть сада. Вдобавок к ней придавались четыре на редкость удобных складных стула. Конструкция походила на бар в одном из гипермодных лондонских отелей, где Том иногда встречался с клиентами выпить, чем на устройство для жарки сосисок.

В этот вечер Жираф проходил мимо их ограды раз двадцать: Том то и дело натыкался взглядом на торчавшую среди зелени макушку Лена Уэйнрайта, отчаянно старавшегося привлечь его внимание и завести длинную беседу о его новом приобретении. Однако сегодня у Тома не было настроения для пустой болтовни.

– Пап, а для чего вот это? – указывая на цифровой дисплей и стараясь перекричать музыку, спросил Макс.

Поставив бокал розового вина, Том принялся листать английский раздел инструкции по пользованию грилем толщиной с телефонный справочник Лондона.

– Мне кажется, он показывает температуру мяса внутри духовки.

Макс открыл и закрыл рот, как он всегда делал, когда его что-то поражало, а затем озадаченно нахмурился.

– А как он это делает?

Том открыл духовку и указал на палочку датчика.

– В ней находится сенсор, который определяет внутреннюю температуру. Точь-в-точь как термометр.

– Ого! – На секунду глаза Макса вспыхнули, но потом он вновь посерьезнел и отступил на несколько шагов. – Малость великоват, правда?

– Есть такое дело, – согласился Том.

– Мама сказала, что мы можем переехать, тогда нам понадобится сад побольше, так что лучше бы гриль не был таким здоровым.

– Серьезно? – удивился Том.

– Она говорит, что точно. Не хочешь поиграть со мной в гонки?

– Мне пора приниматься за готовку – мы скоро садимся ужинать. Ты не голоден?

Макс приоткрыл рот – он всегда решал для себя любой вопрос тщательно, даже такой простой, как этот. Том любил в нем это качество. Пока что казалось, что безрассудства матери он не унаследовал.

– Мм… да, наверное, я скоро проголодаюсь.

– Правда? – улыбнулся Том и потрепал сына по взъерошенной макушке.

Макс увернулся.

– Ты растреплешь мне все волосы!

– Думаешь?

Тот с серьезным видом кивнул.

– Хм, а мне-то казалось, ты решил устроить там птичье гнездо.

Макс глянул на него еще более серьезно.

– По-моему, ты пьян!

Том удивленно уставился на него.

– Пьян? Я пьян?

– Ты пьешь уже третий бокал вина.

– Ты что, считал?

– Нам рассказывали в школе, что нельзя пить слишком много вина.

Том пришел в еще большее изумление. Неужто теперь в школах посылают детей домой шпионить за тем, сколько пьют родители?

– Кто это сказал, Макс?

– Одна женщина.

– Это кто-то из учителей?

Макс покачал головой.

– Наша диетонистка.

Том почуял сладкий аромат жареного мяса, доносившийся с одного из соседских участков. Он все еще разбирался с инструкцией, пытаясь понять, как зажигается газовая духовка.

– Диетонистка?

– Она рассказывала нам, чем полезно питаться.

Только теперь до Тома дошло, кого имел в виду сын.

– Ты хотел сказать – диетолог?

После нескольких секунд глубокого раздумья Макс кивнул.

– Мы не можем сыграть в гонки, прежде чем ты начнешь готовить? Всего один маленький заезд?

Наконец Том обнаружил нужную кнопку. В инструкции говорилось, что после включения агрегат должен двадцать минут прогреться. Келли и Джессика продолжали танцевать под новую песню.

– Один заезд.

– Обещаешь, что не выиграешь? – хитро прищурился Макс.

– Это было бы нечестно, тебе не кажется? – усмехнулся Том, идя следом за ним к дому. – Так или иначе, мне тебя не обставить – ты всегда выигрываешь.

Макс весело рассмеялся и, не дожидаясь отца, помчался наверх к себе в комнату, а Том заглянул на кухню, чтобы мельком взглянуть на новости, а заодно – допить бутылку. И понял, что Макс ошибся, если только Келли не помогала. Это был не третий бокал, а четвертый. И в понедельник он собирался позвонить классному руководителю Макса и поинтересоваться, какого черта тот подбивает учеников подсчитывать, сколько пьют их родители.

Но когда Том поднимался по лестнице – осторожно, чтобы не пролить вино, у него в голове возникла бесконечно более важная мысль. Он остановился на верхней площадке, размышляя.

– Пап, ты можешь выбрать любую машинку, но только не зеленую, о'кей? – окликнул его Макс. – Чур, зеленая моя!

– Хорошо, – отозвался он. – Зеленая – твоя.

Первую игру Макс выиграл запросто. Сидя на полу в комнате сына и сжимая в руке пульт дистанционного управления, Том никак не мог соредоточиться на игре. Он врезался в ограждение на первом же повороте во втором заезде, затем пропустил следующий, лишившись колес и сделав кульбит на финише.

За прошедшие два часа – с тех пор как он увидел фотографию Джейни Стреттон в «Ивнинг стандард», а потом дома по шестичасовым новостям, – в голове у него творилась мешанина.

Просто он больше не мог игнорировать случившееся. Не говоря уже о том, что вирус, стерший все в его компьютере, указывал на то, что этот человек – или люди – настроены весьма серьезно.

Стало быть, и их угрозы были серьезными.

Но была ли у него какая-либо серьезная информация для полиции? Все, что он видел, – это как в течение пары минут молодую женщину убивает ножом какой-то тип в балахоне. Каким образом это может чем-то помочь следствию?

И стоит ли это того, чтобы рисковать жизнью семьи?

Том вновь и вновь мысленно прокручивал самые разные доводы. И каждый раз приходил к неизбежному выводу: да, эти сведения могут помочь полиции. Иначе чего ради в его адрес посылались такие угрозы?

Он понял, что должен обсудить это с Келли. Поверит ли она, что он сунул компакт-диск в компьютер с самыми невинными намерениями?

А вдруг Келли будет против обращения в полицию? Что тогда? Как подавить муки совести?

Всю жизнь Том восхищался настоящими героями прошлого и современности – мужчинами и женщинами, всегда готовыми противостоять тому, что считали несправедливым. Добиться своего и не позволить сбросить себя со счетов.

Несколько секунд Том наблюдал за Максом: глаза возбужденно горят, пальцы ловко управляются с кнопками пульта, его машина несется по трассе… Снаружи доносились музыка и счастливый смех Джессики.

Что бы они сказали по этому поводу?

Имеет ли он право поставить их жизни под угрозу в угоду собственным принципам? Как бы в такой ситуации поступил его отец?

Господи, именно в такие моменты Тому отчаянно не хватало родителей. Если бы можно прийти к ним и попросить совета, насколько бы легче ему было.

Он подумал об отце – скромном человеке, работавшем менеджером по продажам в немецкой компании, производившей промышленные щетки. Высокий, мягкий человек, служка в местной англиканской церкви, посвящавший работе каждый божий день, за что и получивший от того же Бога награду: в сорок четыре года ему отсекло голову задними дверями молочного грузовика на шоссе М-1.

Отец, несомненно, воспитал бы его достойным христианином и гражданином и попытался бы убедить его сообщить властям и об увиденном, и об угрозах. Однако Том никогда не смог бы разделить отцовскую веру в Господа.

И тогда он решил поговорить с Келли. Уж чего-чего, а здравого смысла у нее в избытке. Как она скажет, так он и поступит.

32

Грубо намалеванное от руки объявление, приклеенное скотчем к стеклянной дверной панели, гласило: «Брент Маккензи. Всемирно известный ясновидящий. Только сегодня вечером!» Поперек красовалась широкая желтая флюоресцентная полоска с надписью: «Извините, все билеты проданы!»

Снаружи здание отнюдь не выглядело многообещающе. Грейс ожидал увидеть большой просторный зал, однако выяснилось, что брайтонский Холистический центр занимает всего лишь помещение маленького углового магазина, выкрашенного в ядовито-розовый цвет.

Сразу за дверью стояла растрепанная женщина сорока с небольшим в черном халате поверх серого трико и проверяла билеты. Грейс достал из кармана бумажник и, покопавшись там, извлек билет, купленный несколькими неделями раньше.

Он волновался. Где-то глубоко внутри его сотрясала нервная дрожь, казалось, в какой-то степени лишавшая его природного достоинства. То же самое происходило всякий раз, когда он отправлялся к медиуму, ясновидцу или любому другому экстрасенсу. Предвкушение. Страстная надежда, что *этот*, может быть, чем-то отличается от других и наконец-то, после почти девяти лет ожидания, сможет дать ему ответ.

Либо послание от Сэнди, либо ее местонахождение, либо еще какой-нибудь знак.

Хоть что-нибудь, способное подсказать, жива Сэнди или мертва. Для Грейса это было самое важное. Разумеется, какой бы ответ он ни получил, это потянет за собой массу других вопросов, но сначала… сначала, прошу вас, ответьте мне на этот.

Может быть, как раз сегодня?

Грейс предъявил билет и по узкой лестнице начал подниматься наверх следом за тремя нервно переговаривавшимися девушками. Они походили на сестер: самая младшая – еще подросток, самой старшей – лет двадцать пять. Миновав некрашеную дверь с надписью «Тише, идет сеанс терапии», он оказался в комнате, вдоль стен которой было расставлено штук двадцать разнокалиберных пластиковых стульев, оставлявших в середине небольшое пространство, по-видимому и предназначенное для ясновидящего. Окна закрывали синие жалюзи, на стенах висели полочки с цветочными горшками и пейзаж с видом Прованса.

Большинство мест было уже занято. Две молодые девушки пришли со своей матерью, пожилой дамой с рыхлым, похожим на пудинг лицом, в мешковатом вязаном свитере, которая, похоже, едва сдерживала слезы. Рядом с ней сидела длинноволосая матрона лет семидесяти в цветастой блузке, юбке из денима и очках размером с маску ныряльщика.

Грейс нашел свободное место рядом с двумя мужчинами лет тридцати в джинсах и футболках. Один из них, с огромным брюхом и курчавыми волосами, напомнивший Рою комика Кена Додда, тупо пялился в пространство и жевал резинку. Второй, значительно худее, обильно потел и гордо сжимал в кулаке банку пепси-колы, словно это придавало ему какой-то особый статус. До Грейса донеслись обрывки их разговора: они обсуждали электрические отвертки.

В зал вошли очередные мать с дочкой и заняли два оставшихся свободных стула, как раз рядом с ним. От тощей, как вешалка, дочки в черных брюках и красной блузке попахивало чем-то, показавшимся Грейсу освежителем для туалета. Мать, в похожем облачении, выглядела как смоделированный на компьютере образ дочери – какой та станет лет этак через двадцать. Грейс был знаком с этой техникой: ее активно использовали при поисках пропавших без вести. Год назад он проделал то же самое с фотографией Сэнди и был поражен тем, насколько может измениться человек всего за восемь лет.

В комнате царила атмосфера ожидания. Грейс смотрел на окружавшие его лица, гадая, почему эти люди сюда явились: некоторые потому, предположил он, что недавно лишились кого-то из близких, но большинство, скорее всего, просто потерянные души в поисках проводника. И все они выложили по десять фунтов, чтобы встретиться с совершенно незнакомым человеком с полным отсутствием знаний в области медицины или социологии в надежде услышать от него нечто такое, что могло в корне изменить их жизненную позицию.

Нечто такое, что им бы могли передать духи с помощью «энергетического канала», доступного Бренту Маккензи. Как он сам утверждал. Грейс таких насмотрелся.

И тем не менее, продолжал возвращаться за новыми впечатлениями.

Это было сродни наркотику: еще всего лишь один укол, а потом бросаю. Но конечно, он никогда не остановится, пока не узнает всей правды об исчезновении Сэнди. Может быть, сегодня духи подскажут Бренту Маккензи, может быть, ясновидцу удастся то, что не удалось до него никому, и он сумеет извлечь их послание из эфира.

Рой Грейс прекрасно отдавал себе отчет, как он рискует репутацией, открыто проявляя интерес к медиумам и ясновидцам, но он был далеко не единственным офицером полиции в Соединенном Королевстве, которые регулярно с ними консультировались. И, не обращая внимания на слова циников, Грейс верил в сверхъестественные силы – просто у него не оставалось иного выбора. В детстве ему множество раз доводилось видеть духа, точнее, двух.

Каждое лето он неделю гостил у дяди и тети в их коттедже в Бембридже на острове Уайт. Из высокого окна на верхнем этаже огромного дома напротив ему частенько приветливо махали две милейшие пожилые леди. И только годы спустя, побывав в Бембридже после долго отсутствия, Рой узнал, что дом пустует уже более сорока лет, а

махавшие ему две пожилые леди покончили с собой еще в 1947 году. И это вовсе не было игрой воображения, поскольку их видели и другие, в том числе его дядя и тетя.

В зале наступила тишина, даже двое соседей Грейса прекратили свои разговоры об электрических отвертках. Было ровно без четверти восемь. У себя за спиной он услышал шипение газа и легкий щелчок открываемой за кольцо жестяной банки. У кого-то пискнул мобильник, возвещая о поступившей эсэмэске, и он увидел, как пожилая матрона с макраме, смущенно покраснев, быстро достала телефон из сумочки и отключила его.

Наконец появился медиум, больше всего смахивавший на человека, ищущего мужской туалет в пабе. Лет сорока на вид, ростом добрых шесть футов, он был одет в мешковатую оранжевую футболку с бусами на шее, свободные брюки и блестящие белые кроссовки. У него были коротко подстриженные волосы, давненько не бритые щеки, сломанный боксерский нос и огромное пивное брюхо. Грейс с интересом отметил, что на запястье у него поблескивают довольно дорогие часы. Несколько секунд ясновидец, похоже, не замечал, что вошел в переполненную комнату, и Грейс даже усомнился, тот ли он, за кого себя выдает.

А затем, глядя на жалюзи, Брент Маккензи заговорил. У него оказался тонкий и неверный голосок, слишком высокий для человека таких размеров, но очень искренний.

– Сегодня я не стану пользоваться воспоминаниями, – начал он. – Я собираюсь полностью выложиться ради всех вас. Сегодня у меня будет для каждого из вас послание, обещаю.

Грейс огляделся: вокруг море молчаливых лиц, застывших в напряженном ожидании.

– Моя первая весть предназначена для присутствующей здесь леди по имени Бренда. – Ясновидец обернулся и обвел взглядом комнату. Дама с рыхлым лицом вскинула руку. – Ах, Бренда, милая моя, вот ты где! Не ошибусь ли я, если скажу, что это был неизбежный поступок в твоей жизни?

Подумав секунду, женщина с энтузиазмом закивала.

– Да, именно так мне и говорят духи. Это серьезный шаг, верно?

Бренда по очереди посмотрела на своих дочерей, словно ища поддержки. Обе нахмурились. После чего Бренда вновь воззрилась на медиума.

– Нет.

Наступило неловкое молчание. Через несколько секунд медиум сказал:

– Мне было ниспослано, что это более серьезный шаг, чем ты осознаешь в данный момент. Но тебе не стоит волноваться на этот счет: ты поступила верно. – Маккензи кивнул ей, а затем, закрыв глаза, сделал шаг назад.

Грейс наблюдал за этим человеком, чувствуя за него неловкость. Это была типичная уловка медиумов: по-новому истолковывать свои слова, когда они не вызывают ожидаемого отклика.

– У меня есть послание для Маргарет, – сообщил Брент Маккензи, открыв глаза и вновь обшаривая взглядом комнату.

Руку подняла удивительно похожая на мышку низенькая женщина, которую Грейс раньше не заметил.

– Дорогая моя, говорит ли тебе о чем-нибудь имя Айви?

Та покачала головой.

– О'кей. А как насчет Ирландии? Слово «Ирландия» что-нибудь для тебя означает?

Маргарет замотала головой еще пуще.

– Духи очень благосклонны к Ирландии. Я думаю, скоро ты туда отправишься, даже если сейчас этого не знаешь. Мне передают, что ты уедешь в Корк и там встретишь того, кто навеки изменит твою жизнь.

Ответом ему было лишь недоуменное пожатие плечами.

– Я еще вызову тебя, Маргарет, – пообещал ясновидец. – Меня прервали – иногда мир духов очень груб и неласков, и, когда у них для кого-то срочное послание, они теряют терпение. У меня послание для Роя.

Грейс почувствовал жалящий удар, словно сунул палец в электрическую розетку. Брент Маккензи шагнул к нему, глядя на него жестким взглядом. Он почувствовал, как его лицо загорелось, а самообладание исчезло, и уставился на медиума, чувствуя себя растерянным и беспомощным.

– Я был знаком с одним джентльменом и думаю, что он мог быть твоим отцом. Он показывал мне значок, который носил. Это что-нибудь означает?

«Возможно, – подумал Грейс, – но я не собираюсь давать тебе никаких подсказок. Я плачу́, чтобы ты рассказывал МНЕ». Рой молча уставился в пустоту.

– Он показывал мне свой шлем. Полагаю, до своей кончины он был офицером полиции. Он ведь скончался?

Грейс нехотя кивнул.

– Он рассказывал мне, что гордится тобой, но сейчас у тебя трудное время. Кто-то мешает твоей карьере. Он показывал мне женщину… с короткими светлыми волосами? Ее зовут… Веспа? Как мотороллер?

На сей раз Грейс испытал потрясение. *Элисон Воспер?* Ему отчаянно захотелось поговорить с этим человеком, спросить его о Сэнди, но не хватило смелости. К тому же давать ему подсказку не имело смысла. Собирается ли Брент Маккензи сообщить ему что-нибудь о Сэнди? Некое послание от отца о ней?

– Рой, твой отец мне кое-что показывает. Это маленькое насекомое… очень похожее на жука. Я слышу его не очень четко. – Ясновидец обхватил голову руками, повернулся вокруг своей оси, затем – еще раз. – Прости, но я его потерял. Успел только услышать, что это может что-то спасти.

Глядя на него, Грейс внезапно вновь обрел смелость.

– Он сказал, что именно оно может спасти?

– Прости, Рой, но я его потерял. – Медиум повернулся к очередному зрителю. – У меня послание для Берни.

Но Грейс уже его не слушал – он напряженно размышлял. Этот человек четко попал сразу в две точки. Его отец и жук. *Он сказал, что тот может что-то спасти.*

Ничего, он припрет этого ясновидца к стенке после выступления, и не важно, насколько тот устанет, выжмет из него как можно больше.

Что имел в виду этот тип? Что, черт побери, жук может спасти? Его карьеру? Или чью-то жизнь?

Однако после окончания выступления Грейсу даже не пришлось напрягаться, чтобы припереть Брента Маккензи к стенке. Ясновидец, в накинутом поверх футболки длинном анораке, сам дожидался его у подножия лестницы.

– Вы Рой, не так ли? – спросил он.

Грейс кивнул.

– Обычно я так не поступаю, но не могли бы мы перекинуться парой слов наедине?

– Да, конечно.

Они вошли в маленькую комнату, всю обстановку которой составляли лишь стол, пара стульев и несколько десятков белых свечей, и ясновидец закрыл за ним дверь. В тесноте Маккензи казался еще больше.

– Послушайте, я хотел извиниться, сеанс прошел не очень удачно, – не присаживаясь, начал он. – Мне не хотелось слишком много трепаться в зале, перед целой толпой народу, понимаете? Некоторые вещи заслуживают, так сказать, обсуждения в приватной обстановке. Со мной такое случается не слишком часто, но насчет вас у меня возникло очень нехорошее чувство. Я говорю о виденном мной жуке – никак не могу выбросить его из головы. Я видел таких на древних египетских фресках.

Грейс вздернул голову.

– Скарабей?

– Точно. Жук-скарабей.

– Да, это имеет смысл, – кивнул Грейс.

Медиум бросил на него странный взгляд.

– Имеет смысл?

– Это связано с моей работой. Вообще-то я не могу обсуждать такие вещи.

– Да никак вы легавый?

– А что, заметно?

– Да я сам десять лет оттрубил в манчестерской уголовке, – улыбнулся ясновидец.

– Серьезно?

– Серьезно. Но это долгая история, оставим ее на другой раз. Все дело в том, старина, что мне передали: вам грозит большая опасность, связанная с этим самым скарабеем. Так что посматривайте по сторонам повнимательнее.

33

Пока Том разобрался, каким образом включается гриль, детям давно было пора в постель. К тому времени, когда он поджарил им сосиски и бургеры, Джессика уже спала, да и Макс начинал клевать носом.

Самому же Тому, изрядно перебравшему розового вина, еще предстояло закончить составление сметы на гравировку микроскопического логотипа для двадцати пяти часов «Ролекс-Оустер» и отправить ее электронной почтой Рону Спэксу. Гигант-дистрибьютор DVD подтвердил полную серьезность своих намерений сделать заказ, и Том обещал, что он получит смету не позднее сегодяшнего вечера. Что ж, наконец он нашел законный источник заработка, позволяющий Спэку сэкономить, а ему – получить на этом заказе около тридцати пяти тысяч фунтов. Не слишком выгодная сделка, но на данный момент – огромная помощь для его бизнеса… и жизни его семьи.

Том с нежностью посмотрел на Келли, лежавшую перед телевизором и смотревшую, как Джонатан Росс берет интервью у некой рок-звезды, о которой он и слыхом не слыхивал. Леди, как обычно, сидела у двери с поводком в зубах.

Он тяжело поднялся по лестнице, цепляясь за перила, словно карабкался на Эверест, и приоткрыл дверь спальни Джессики. Свет уличного фонаря проникал в комнату, отбрасывая тени. Девочка крепко спала лицом к нему, обняв большого мягкого медвежонка. Когда она делала вдох, раздавалось нечто вроде «хис-с-с», а выдох звучал как громкое «пфт».

У Тома защемило в груди, да так, будто прихватило сердце. На мгновение он оцепенел, словно вся Вселенная вдруг застыла. Это была его дочь. Его дитя. Его творение, принесенное им в этот мир. Его собственный *маленький человечек*.

Джессика.

Господи, как же Том ее любил! Каждую клеточку! Говорят, у родителей есть свой любимчик, но он мог честно сказать, что в их семье такого не было.

Он послал Максу воздушный поцелуй, закрыл дверь и с камнем на душе направился в кабинет окончательно подводить итоги для Рона Спэкса.

Проверив все расчеты – дважды! – и отправив сообщение по электронной почте, Том вновь спустился вниз. Джонатан Росс в телевизоре продолжал нести привычную чушь. Келли уже спала, рядом с ней на полу стоял пустой винный бокал, а на диване валялся недоеденный шоколадный батончик.

После того, как они уложили детей, Том рассказал ей, как сунул нос на чужой веб-сайт, о последовавшей за этим электронной почте и о том, как сегодня вечером фотография Джейни Стреттон появилась в газетах.

Они вместе посмотрели десятичасовые известия, увидели страшные останки несчастной молодой женщины возле Писхейвена, цепь полицейских поисковиков и прослушали обращение детектива-суперинтендента Роя Грейса из управления полиции ко всем, кому что-нибудь известно о погибшей.

Реакция Келли удивила Тома невероятно. Он думал, что знает ее гораздо лучше, чем оказалось, и не сомневался: на первое место она поставит безопасность семьи, особенно после того, как он рассказал ей об угрожающих посланиях по электронной почте.

Для принятия решения Келли потребовалась всего пара минут.

– Представь, что такое бы случилось с Джессикой в двадцать лет, – сказала она. – Поставь нас на место родителей, отчаянно добивающихся правосудия. А теперь, зная все это, представь, что ты – свидетель, и, возможно, единственный. Позвонив в полицию, ты не только поможешь поймать убийцу и прекратить его злодеяния, но и облегчить страдания родственников жертв. Чувствуешь разницу? Вообрази только нашу Джессику, убитую маньяком, которого можно было бы остановить, если бы у кого-то хватило смелости обратиться к властям.

Том вышел на кухню, взял бутылку своего любимого виски «Боумор» и налил себе солидную порцию. Несколько часов назад он принял решение, которое, с точки зрения Келли, и должен был принять.

Но тогда Том не сомневался, что Келли категорически потребует поставить на первое место интересы семьи. Безопаснее же всего было ничего не предпринимать вовсе. Вместо этого она была абсолютно убеждена, что он должен пойти в полицию, невзирая ни на какие последствия.

Сидя на высоком табурете, Том посмотрел на свое отражение в оконном стекле. Он увидел, как сгорбившийся под бременем забот мужчина поднес стакан виски к губам… отпил… поставил его на место…

И прочитал на лице этого мужчины полное отчаяние.

Допив виски, Том вернулся в гостиную и разбудил Келли.

Они говорили еще долго, пока, наконец, не выдохлись. Том попытался заснуть, но и в три часа по-прежнему не мог сомкнуть глаз… в четыре – тоже. Ворочался с боку на бок. Вертелся. Мучился от головной боли.

Сегодня они еще были в безопасности и могли не бояться угроз. Келли считала, что полиция способна их защитить. Том отнюдь не разделял ее уверенности.

Светало. В пять он услышал шуршание шин, тихий скрип тормозов, позвякивание молочных бутылок. В ближайший час или около того дети будут беситься, забегать к ним в спальню, прыгать на кровать… Суббота. Его любимый день недели.

Келли сказала, что он может заявить в полицию конфиденциально и там отнесутся к этому с пониманием. Как кто-нибудь узнает, что он с ними разговаривал?

– Милый, с тобой все о'кей? – неожиданно спросила она.

– Все еще не сплю, – вздохнул Том. – Так и не удалось.

– Мне тоже.

Он вытянул руку, нащупал ее ладонь, легонько сжал. Келли ответила тем же.

– Я люблю тебя, – сказал Том.

– И я люблю тебя… Ты принял решение?

Помолчав несколько секунд, он тихо ответил:

– Да.

34

Рой Грейс тоже промучился бессонницей. В голове, не давая покоя, вертелась масса рабочих подробностей по операции «Соловей». Как и слова Брента Маккензи: «Все дело в том, старина, что мне передали: вам грозит большая опасность, связанная с этим самым скарабеем. Так что посматривайте по сторонам повнимательнее».

Что он имел в виду? Может быть, медиум всего лишь уловил ауру опасного насекомого, в последнее время занимавшего все мысли Роя?

Затем Грейс вновь подумал о Джейни Стреттон. Он отрешился от всех эмоций ее несчастного отца: за годы службы в полиции детектив стал относиться к таким вещам довольно жестко. Возможно, даже жестче, чем следовало, но это был единственный способ рассматривать факты беспристрастно. Грейс постоянно размышлял о том, что с ней сотворили. Какой был смысл отрезать ей голову, но оставлять руку? Разве что это являлось своего рода посланием? Но кому? Полиции? Или это маньяк, прихвативший ее в виде трофея?

И при чем здесь жук-скарабей?

Может быть, убийца хотел или хотела… блеснуть эрудицией?

А затем Грейс с неприязнью вспомнил о предупреждении Элисон Воспер, прекрасно осознавая, что теперь для него это дело, так сказать, салун «Последний шанс». Чтобы сохранить работу и остаться в Брайтоне, ему требовалось найти убийцу и при этом не влипнуть в какую-нибудь очередную историю. Никаких газетных заголовков о легавых-оккультистах! Никаких «невинных жертв» во время погони!

Тут, черт подери, придется ступать по яичной скорлупе.

Пройти по воде и то, пожалуй, легче!

К шести утра Грейсу надоело слушать предрассветный птичий хор, позвякивание молочных бутылок, отдаленный лай собак и предаваться тяжелым раздумьям.

Он откинул покрывало, спустил ноги с постели и немного посидел, протирая слегка припухшие спросонья глаза и покачивая гудящей после такой веселой ночки головой. Ведь и часа толком не проспал. А сегодня вечером у него свидание. Самое настоящее свидание.

Грейс знал, что это тоже одна из причин, не дававших ему уснуть. Возбудился, как сопливый подросток, но ничего не мог с собой поделать. И даже припомнить, когда в последний раз испытывал нечто подобное.

Он подошел к окну, слегка раздвинул занавески и выглянул наружу. Похоже, денек намечался что надо – небо походило на огромный темно-синий холст художника, не тронутый ни единым мазком. Вокруг царило спокойствие. По мокрой от росы лужайке неуклюже разгуливал огромный черный дрозд, выискивая в траве червяков. Грейс полюбовался устроенным Сэнди дзен-буддистским водяным садиком овальной формы, окруженным

большими плоскими камнями. Затем окинул взглядом все растения, посаженные ею по краям лужайки. Многие из них засохли, а те, что выжили, без ухода до безобразия разрослись.

Грейс понятия не имел, как ухаживать за зеленью, – этим всегда занималась Сэнди. Но он с удовольствием помогал ей создавать свой собственный сад на скучном прямоугольном участке земли площадью в одну восьмую акра. Он копал там, где она велела, таскал мешки с удобрениями и торфом, сажал, поливал, полол, всячески готовый угодить любимой жене.

Они были очень счастливы, пока вили «гнездышко», закладывая фундамент на будущее, притираясь друг к другу.

Сад, созданный Сэнди и так ею любимый, теперь пребывал в запустении. Даже лужайка перед домом заросла сорняками и приобрела какой-то «взъерошенный» вид, и Грейс чувствовал себя виноватым, порой представляя, как огорчилась бы Сэнди, вернись она вдруг.

Субботние утра. Он вспомнил, как выходил на свою раннюю пробежку, а вернувшись, приносил Сэнди «Дейли мейл» и миндальный круассан из пекарни на Черч-роуд.

Грейс раздвинул шторы, и комнату затопил поток света. И неожиданно, впервые за последние девять лет, он увидел комнату другими глазами.

Он увидел женскую спальню, всю розовую, как бонбоньерка. Туалетный столик красного дерева Викторианской эпохи, по дешевке купленный ими на распродаже на Гарднер-стрит, был сплошь заставлен исключительно женскими вещицами: щетками для волос, расческами, пузырьками с косметикой, духами… Здесь же стояла фотография, где были запечатлены Сэнди в вечернем платье и он сам в черном парадном костюме и галстуке рядом с капитаном «Ночного дозора», сделанная во время единственного морского круиза, в котором им довелось побывать.

Он увидел ее шлепанцы, по-прежнему стоявшие на полу, ночную рубашку, висевшую рядом с постелью, и неожиданно подумал: «Во что превратила бы эту комнату любая другая женщина, приведи я ее сюда?»

Какими фантазиями расцветила бы ее Клио?

И Грейс понял, что подобные мысли до сих пор не приходили ему в голову. Этот дом словно застыл во времени. Все оставалось точно в таком же виде, как и во вторник 26 июля, когда Сэнди словно в воду канула.

Он помнил все до последней мелочи.

В тридцатый день рождения Роя Сэнди разбудила его: принесла поднос с маленьким тортиком, где горела единственная свеча, бокалом шампанского и самой обыкновенной поздравительной открыткой. Он тогда вскрыл ее подарки, а потом они занялись любовью.

Он вышел из дому позже обычного, в четверть десятого, и приехал в управление после половины десятого, опоздав на инструктаж по делу об убийстве байкера из «Ангелов ада», выловленного из Шорэмской гавани со связанными за спиной руками и прикрученным цепью к ногам грузом. Он обещал Сэнди вернуться домой пораньше, чтобы отпраздновать день рождения с друзьями – тогда это был его лучший друг Дик Поуп, тоже детектив, и его жена Лесли, с которой Сэнди прекрасно ладила. Однако день выдался изнурительным, и Рой приехал домой почти на два часа позже, чем собирался. Сэнди нигде не оказалось.

Сначала он решил, что таким образом она показывает, как рассердилась на опоздание. В доме, как всегда, царил порядок, только ее машина и сумочка бесследно исчезли. Никаких следов борьбы Грейс не заметил.

Через сутки ее старенький «фольксваген-гольф» был обнаружен на стоянке в аэропорту Гатуик. В день исчезновения Сэнди с ее кредитной карточкой было проведено две операции: один платеж – в аптеке Бута, другой – на бензоколонке «Теско». Она не взяла с собой никаких вещей.

Соседи на их тихой улочке, выходящей на море, ничего не видели. По одну сторону их дома жила на редкость дружелюбная греческая семья – владельцы пары кафе, – но они тогда были в отпуске. Соседка слева, пожилая вдова, была туговата на ухо. Она засыпала, включив телевизор на полную катушку. Вот и сейчас, в четверть седьмого утра, Рой слышал, как у нее надрывается какой-то американский полицейский сериал. Вдова тоже ничего не видела.

Грейс спустился на кухню, прикидывая, чем заняться в первую очередь: заварить чашечку чаю или совершить пробежку. Его золотая рыбка, как обычно, бессмысленно кружила вдоль стенок аквариума.

– С добрым утречком, Марлон! – благодушно бросил Грейс. – Совершаешь свой утренний заплыв? Ты как, не голоден?

Марлон пару раз открыл и закрыл рот. Разговорчивостью рыбка не отличалась.

Грейс наполнил чайник, поставил его на плиту и, усевшись за стол, огляделся, пытаясь определить, какие следы пребывания Сэнди остались в этой комнате. Почти все, за исключением серебристого холодильника, было красных тонов. Духовка и посудомоечная машина, рукоятки белых шкафчиков, каминная полка, дверные ручки – все было красным. Даже поверхность кухонного стола и та в красно-белую клетку. Все выбирала Сэнди. В то время это был самый модный цвет, но сейчас все казалось немного устаревшим. Керамические поверхности были сильно поцарапаны, кое-где дверцы шкафчиков разболтались, краска облупилась и потемнела. …

Грейс знал, что в квартире ему жилось бы лучше. В этом доме они никогда не обретут покоя: он сам, Марлон и дух Сэнди.

Он открыл дверь шкафчика под раковиной, пригнулся, нашел рулон черных мешков для мусора и оторвал один. Затем снял с полки фотографию, где были изображены они с Сэнди, и некоторое время смотрел на нее. Она была сделана незнакомым человеком фотоаппаратом Грейса во время их медового месяца. В верхнем правом углу виднелся вулкан Везувий. Они с Сэнди, потные после тяжелого подъема, оба – в футболках, стояли на фоне кратера, частично скрытого серым облаком пепла.

Рой поставил фото в мусорный мешок и застыл, словно ожидая, что вот-вот ударит молния и сразит его наповал. Ничего не произошло.

Разве что накатило жгучее чувство вины. Что, если сегодня вечером все сложится хорошо и кончится тем, что после ужина в ресторане он привезет сюда Клио Мори?

Он понял, что должен убрать все, слишком явно напоминавшее о Сэнди. И это был для него огромный шаг вперед. Семимильный.

Так, может быть, для этого пришло время?

Однако, немного подумав, Грейс достал фотографию из мешка и поставил ее обратно на полку. Дом без фотографий выглядел бы как-то странно. Следовало убрать только *личные* вещи Сэнди.

В спальне он посмотрел на ее гребень. На зубцах, по-прежнему оставались ее длинные светлые волосы. Рой вытащил один, подержал, и на сердце внезапно потяжелело. Он выпустил его из пальцев и, чувствуя комок в горле, долго смотрел, как тонкая золотистая ниточка медленно опускается на ковер. Затем поднес гребень к носу и понюхал, но запаха Сэнди больше не было, только скучная сухая пыль.

Грейс положил гребень в мешок, вслед за ним – все ее вещи с туалетного столика и из ванной, а затем отнес в свободную комнату, где хранил всякий хлам, и поставил рядом с пустым чемоданом, коробкой из-под ноутбука и несколькими старыми рулонами цветной фольги для обертки рождественских подарков.

Потом переоделся в шорты, майку и кроссовки, сунул в карман сложенную пятифунтовую банкноту и отправился на пробежку.

Следуя обычному маршруту, Грейс вскоре оказался на Кингсуэй – широкой улице, тянувшейся вдоль побережья Хоува. По одну сторону стояли дома, приблизительно полмили спустя уступавшие место длинным кварталам особняков и отелей – современных, викторианских, эпохи Регентства, – занимавших всю береговую полосу. Напротив располагались две лодочные станции и игровая площадка, лужайки, а потом начинался приморский бульвар со стайками пляжных домиков, за ними – галечный пляж, через милю к востоку кончавшийся остатками старого пирса.

Здесь было почти безлюдно, и Грейс почувствовал себя так, словно в его распоряжении вдруг оказался весь город. Рой любил бывать на воздухе так рано по уик-эндам, ибо это давало ощущение, что он опередил всех. Был отлив, и в небе над водой уже висел поднявшийся из моря красноватый шар восходящего солнца. По отливной полосе неторопливо шагал человек, водя из стороны в сторону металлоискателем. Вдали на горизонте крошечной точкой виднелся контейнеровоз – из-за расстояния казалось, что эта махина почти недвижима.

Навстречу Грейсу, урча мотором, медленно полз мусорщик, загребавший елозящими по сторонам щетками обычные для пятничной ночи отбросы: смятые обертки от гамбургеров, банки из-под кока-колы, окурки сигарет, а иногда – и шприцы.

Грейс остановился у бровки бульвара неподалеку от свернувшегося калачиком на скамейке пьянчуги и сделал несколько приседаний, глубоко вдыхая привычный и любимый морской запах: соленый аромат моря с изрядной примесью ржавчины и смолы, старых канатов и гниющей рыбы – одним словом, то, что леди, сдававшие приморские особняки в Брайтоне, в своих рекламных брошюрах именовали *озоном*.

Затем Грейс начал свою обычную шестимильную пробежку: от стоянки для яхт и обратно. На последней миле он всегда сворачивал в глубь города, направляясь к оживленной торговой Черч-роуд в Хоуве, где в круглосуточной бакалейной лавке обычно покупал молоко и газету, а порой и привлекший его внимание журнал. Может, сегодня утром он купит еще один журнал мод, что-нибудь вроде «Арены», и почерпнет парочку новых идей насчет того, что надеть вечером.

Истекая потом, Грейс остановился у двери магазина, отчасти взбодренный пробежкой, а отчасти – утомленный бессонной ночью. Сделав положенное количество приседаний, он вошел в магазин и направился к журнальному стенду. Ему мгновенно бросился в глаза заголовок на первой полосе утреннего номера «Аргуса».

«„ЗАГАДКА ЖУКА" В ДЕЛЕ ОБ УБИЙСТВЕ БРАЙТОНСКОЙ СТУДЕНТКИ-ЮРИСТКИ»

Кипя от злости, Грейс схватил газету. Под заголовком красовался снимок Джейни Стреттон, разосланный им вчера по всем СМИ, а чуть пониже в тексте – врезка с маленьким фото жука-скарабея.

«Управление уголовной полиции Суссекса отказывается подтвердить или опровергнуть, способен ли редкий жук-скарабей, не обитающий на Британских островах, оказаться ключом к разгадке убийства Джейни Стреттон. Когда наш корреспондент осведомился, правда ли, что упомянутое насекомое было обнаружено во время вскрытия, проводившегося доктором Фрейзером Теобальдом, глава следственной бригады детектив-суперинтендент Рой Грейс из полиции Брайтона и Хоува оказался не доступен для комментариев…»

Грейс уставился на статью, чувствуя, как злость превращается в бешеную ярость. *Недоступен для комментариев?* Да никто, мать их так, не спрашивал у него никаких комментариев! А ведь он яснее ясного дал всем понять, чтобы в прессу о находке жука не просочилось ни слова!

В таком случае кто, черт возьми, допустил утечку?

Около половины восьмого, приняв душ, позавтракав овсянкой и, несмотря на субботу, облачившись в темный костюм, белую рубашку и галстук (никогда не знаешь, что принесет новый день и с кем доведется встречаться), Грейс примчался в оперативный штаб № 1 отдела тяжких преступлений в таком отвратительном настроении, что был готов спустить шкуру с первого встречного.

Бригада в полном составе дожидалась шефа, и по выражению лиц подчиненных Грейс понял, что сегодняшний «Аргус» видели все.

На тот случай, если кто и упустил этот выпуск, он швырнул газету на стол и вместо приветствия грозно вопросил:

– О'кей, мать вашу, чья это работа?

Гленн Брэнсон, Ник Николл, Белла Мой, Эмма Джейн Бутвуд, Норман Поттинг и остальные, не спуская с него глаз, дружно промолчали.

Грейс обвиняющее посмотрел на Нормана Поттинга, как на первого вероятного подозреваемого.

– Какие-нибудь соображения по этому поводу, Норман?

– Автор этой пачкотни – молодой журналюга Кевин Спинелла, – сердито прорычал тот. – От это засранца всегда только одна головная боль, верно?

Неожиданно Грейс понял, что в припадке ярости забыл взглянуть на фамилию автора статьи. А все потому, что устал, не мог заставить себя работать на полную катушку после бессонной ночи. Длительная пробежка обычно освежала его, но в этот момент он чувствовал себя выжатым досуха и страшно хотел крепкого кофе. Тем более, что аромат этого напитка, мучительно щекоча ноздри, поднимался сразу из нескольких стаканчиков на столе.

Кевин Спинелла был в газете новичком: молодой, ретивый и не слишком опытный криминальный репортер, быстро создавший себе репутацию за счет суссекской полиции. Грейсу и раньше доводилось сталкиваться с этим щелкопером. Как, впрочем, и большинству его коллег.

– Ладно, Норман, первая твоя задача на сегодня – взять этого щенка за шкирку и вытрясти из него, где он раздобыл эти сведения.

Детектив-сержант, скорчив недовольную гримасу, отхлебнул кофе.

– Он наверняка упрется и завизжит, что защищает свои источники информации, – заявил тот с уверенностью, лишь еще больше разозлившей Грейса.

Он почувствовал, что едва сдерживает желание заорать на Поттинга, поскольку вся беда заключалась в том, что сержант, скорее всего, прав.

– Проблема в том, Рой, – вмешался Брэнсон, – что в поисках недостающей головы жертвы у нас задействована, наверное, сотня спецагентов. Это мог быть один из них. Или кто-нибудь из судмедэкспертизы. Или из конторы коронера. Или из морга.

Грейс понимал, что крыть ему нечем. Все дело было в серьезности преступления. И всем было безумно интересно, как у них идут дела, – уж такова человеческая натура. Достаточно было одному-единственному болтуну что-нибудь случайно ляпнуть – и слух разнесся бы в считаные минуты.

Но какой же ущерб это могло нанести следствию! Если уже не нанесло!

По-прежнему хмурясь, Грейс взял со стола подготовленный Беллой Мой и Эммой Джейн Бутвуд бюллетень, пополняемый новыми сведениями дважды в день в ходе операции, но тут его отвлек Норман.

– Знаешь, Рой, кажется, я придумал, как нам прищучить этого самого Кевина Спинеллу.

– Например? – поинтересовался Грейс.

– Ну… до меня доходили слухи, что почти наверняка он – педик… в общем, ты меня понял.

С упавшим сердцем Грейс почувствовал, что на этом Норман не остановится.

– Мы здесь пользуемся словом «голубой».

– Совершенно верно, друг мой.

Грейс с изумлением уставился на него, не веря, что Норман Поттинг настолько далек от реального мира.

– И чем же именно это нам поможет?

Достав из кармана пиджака вересковую трубку с изрядно изгрызенным мундштуком, Поттинг сложил губы в куриную гузку и хитро прищурился.

– Интересно, как отнесется главный редактор «Аргуса» – так сказать, рупора Брайтона и Хоува, – к тому, если узнает, что у него работает педик?

Грейс не верил своим ушам.

– Видишь ли, Норман, поскольку в Брайтоне и Хоуве обитает самое большое по численности сообщество «голубых» чуть ли не во всем Соединенном Королевстве, то, полагаю, он будет только рад, если из этих ребят у него будет состоять вся редакция.

Поттинг повернулся к Эмме Джейн, многозначительно ей подмигнул и, потыкав себя большим пальцем в грудь, заявил:

– Видишь, милашка, как вам повезло, что *настоящие мужики* еще не все перевелись. Вот с такими и надо иметь дело.

– Как только встречу такое чудо, то так и поступлю, – отрезала та.

– Норман, – сказал Грейс, – твоя лексика здесь совершенно неприемлема. Сразу после оперативки будь любезен зайти ко мне в кабинет. – И, обращаясь к остальным членам бригады, продолжил: – О'кей, давайте сосредоточимся. У нас с Эммой Джейн сегодня в одиннадцать встреча с импортером насекомых в Бромли. Норман, ты весь день посвящаешь Спинелле и прослушиванию автоответчика Джейни Стреттон…

Зачитывая список заданий на сегодня для каждого члена бригады, он не без удовольствия подумал, что сумеет выкроить часовое «окошко», чтобы встретиться с Гленном в центре Брайтона и всерьез заняться покупкой одежды.

И постарался хотя бы на время избавиться от чувства вины. Да, сейчас все его помыслы должна занимать Джейни Стреттон, но, черт возьми, может он хоть иногда позволить себе поблажку после стольких-то лет этой адской работы?

А затем, словно черная туча, затмившая небо, ему вновь пришла в голову мысль о Сэнди. Она всегда незримо присутствовала рядом с ним. Казалось, ему постоянно требовалось ее одобрение во всем, что бы он ни делал. Грейс пристыженно подумал, как всего пару часов назад запихнул ее вещи в черный пластиковый мешок для мусора. Неужели лишь на тот случай, если он привезет сегодня вечером домой Клио Мори?

Или просто попытался избавиться от прошлого, чтобы расчистить дорогу будущему?

Скоро, едва у него появится свободная минутка, он отправится к торговцу недвижимостью и выставит этот чертов дом на продажу.

Даже сама мысль об этом словно снимала тяжкое бремя с его плеч.

Зазвонил мобильник Гленна Брэнсона. Сержант вопросительно глянул на Грейса, и тот кивком разрешил ответить.

– Оперативный штаб номер один, сержант Брэнсон. Чем могу вам помочь?

– Знаете, почему большинство мужиков помирают раньше своих жен? – неожиданно спросил Норман Поттинг.

Все замотали головой. Грейс, старательно прислушивавшийся к разговору Брэнсона, мучительно напрягся, заранее готовясь к тому, что должно было последовать.

– Потому что бабы входят во вкус! – хмыкнул Поттинг и заржал.

Все женщины дружно издали громкий стон. Гленн Брэнсон прижал телефон к уху покрепче, а второе прикрыл ладонью, пытаясь блокировать звук.

Поттинг, единственный, кому его шуточка показалась смешной, продолжал хихикать, не в силах угомониться.

– Спасибо, Норман, – сказал Грейс.

– У меня в запасе еще полным-полно, – с гордостью заявил сержант.

– Готов поспорить, – кивнул Грейс. – Однако сейчас четверть девятого субботнего утра. Может, ты поделишься с нами своими запасами чуть попозже, после того как мы арестуем убийцу?

– Отличный план, – малость поразмыслив, кивнул Поттинг. – А знаешь, Рой, у тебя с юмором тоже все в порядке.

Грейс подозрительно уставился на сержанта. Порой было трудно понять, то ли он тайком над тобой издевается, то ли и в самом деле непроходимый тупица. По своим прошлым встречам с детективом-сержантом он сделал вывод, что тут имеет место и то и другое.

Брэнсон, сегодня вырядившийся в дорогую на вид кожаную куртку без воротника поверх черной футболки, записывал в блокнот какой-то номер.

– Через десять минут, – кивнул он. – Я вам перезвоню. Нет, не волнуйтесь. Абсолютно. Спасибо.

Неожиданно все замолчали, пристально глядя на него.

– Возможно, еще одна зацепка, – сказал тот, завершив разговор.

– Что-нибудь интересное? – тут же спросил Грейс.

– Звонил мужчина, причем из таксофона, поскольку по домашнему телефону говорить боялся. Толком побеседовать мы не успели, потому что его вдруг обеспокоила какая-то машина, припарковавшаяся неподалеку от телефонной будки, и ему захотелось взглянуть на нее поближе. Я должен перезвонить ему ровно через десять минут. – Брэнсон посмотрел на часы: массивный стальной квадрат – предмет его великой гордости и мучений окружающих. Сержант на полном серьезе утверждал, что такие часы (купленные им в одном из брайтонских «стильных» магазинов) надевают русские подводные пловцы, уходя на задание. По его словам, это были самые большие часы на свете. Грейсу и впрямь доводилось видеть напольные часы с циферблатами поменьше.

С того момента, когда в среду днем было опубликовано сообщение об убийстве, им позвонили свыше двухсот пятидесяти человек. Все их сообщения были тщательно проверены, но это ничего не дало. Теперь же, после этой гадкой статьи о скарабее в сегодняшнем «Аргусе», – несомненно, завтра эту заметку перепечатают все национальные газеты – количество звонков, скорее всего, угрожающе возрастет, и им придется пролить семь потов, чтобы отделить полезную информацию от «липы».

– Очередной трепач или что-то стоящее? – спросил Грейс.

– Видишь ли, он утверждает, что, по его мнению, был свидетелем убийства Джейни Стреттон.

36

Грейс сидел за рулем «форда-мондео» без опознавательных знаков, а рядом с ним на пассажирском сиденье – Эмма Джейн Бутвуд в костюме цвета морской волны и бледно-голубой блузке и давала указания, куда ехать, то и дело сверяясь с распечатанной из Интернета картой, лежавшей у нее на коленях поверх большого коричневого конверта.

В обычных обстоятельствах Грейс использовал бы часовую поездку на машине, чтобы иметь возможность получше узнать младшего члена своей бригады, но сегодяшним утром у него и так хватало тем для размышлений (причем злость на Нормана Поттинга занимала среди них лишь ничтожное место), а посему разговор не клеился. Эмма Джейн немного рассказала о себе: что у ее отца рекламное агентство в Истборне и что несколько лет назад ее младший брат перенес кровоизлияние в мозг. Достаточно, чтобы за молодой амбициозной сотрудницей, каковой ее все воспринимали в офисе, Грейс увидел живого человека. Зато из шефа Эмме Джейн почти ничего вытянуть не удалось, и после нескольких попыток вызвать его на откровенный разговор она бросила это занятие.

Грейс вел машину, удерживая скорость семьдесят пять миль в час, двигаясь против часовой стрелки по автостраде М-25. Он терпеть не мог этой дороги – всегда настолько запруженной транспортом, что обозленные водители в итоге окрестили ее «самой большой парковочной стоянкой в мире». Однако в субботу утром машин было немного, и они двигались без всякой суеты. После чудесного рассвета погода начала меняться: небо постепенно приобретало зловещий угольный оттенок. В ветровое стекло ударило несколько капелек дождя – впрочем, слишком мелких, чтобы включать «дворники». Грейс почти их не заметил, поскольку вел на автопилоте и мысли его занимало совсем другое.

Джейни Стреттон убили вечером во вторник, размышлял он, а сейчас – утро субботы. У них по-прежнему нет ни ее головы, ни мотива убийства, ни подозреваемого.

И, черт возьми, ни единой зацепки.

Не говоря уже о том, что Элисон Воспер злорадно предупредила, что в понедельник это ничтожество, детектив-инспектор Кэссиан Пью из Столичной полиции, присоединится к суссекскому уголовному розыску в том же звании, что и он сам. Грейс не сомневался, что его шефиня ждет не дождется, чтобы он, Рой, еще раз где-нибудь оступился, и тогда его можно будет быстренько отстранить от дела и заменить Пью с его блестящими светлыми волосиками, ангельскими голубыми глазками и голоском проникновенным, как сверло дантиста.

Элисон Воспер была в достаточной степени расположена к своему новому протеже, – а именно как такового Грейс его и воспринимал, – чтобы помочь быстро заработать очки. А что может быть лучше, чем раскрытое дело об убийстве наподобие этого, в расследовании которого нынешняя бригада не продвинулась ни на йоту?

Что озадачивало Грейса больше всего, так это дикий способ убийства (почти наверняка это дело рук маньяка), а также полное отсутствие каких-либо признаков сексуального насилия. Не нарвались ли они на очередного шизофреника вроде йоркширского потрошителя Питера Сатклиффа, якобы слышавшего глас божий, призывавший его убивать проституток?

Или у Джейни Стреттон появился смертельный враг?

Ее последний бойфренд Джастин Ремингтон явно был потенциальным подозреваемым, но, судя по тому, что говорил о нем отец Джейни, вряд ли был убийцей. Белла Мой хорошо разбиралась в людях, и Грейс надеялся, что у него появится куда более ясное представление об этом человеке после того, как она его допросит. Это должно произойти сегодня, если, конечно, Белла сумеет его отыскать. Возникни у нее хотя бы тень подозрения, что с ним что-то не так, он отправится взглянуть на бывшего бойфренда Джейни сам. Но если, как он сильно подозревал, это не Джастин Ремингтон, то тогда кто? И почему? Где убийца сейчас? Где-то притаился, собираясь нанести новый удар?

Вчера вечером, после разговора с Брентом Маккензи, Грейс купил на ходу немного рыбы и чипсов с мелко порезанным луком, прихватил всю эту снедь с собой в почти опустевший оперативный штаб № 1 и, запивая ее чаем из автомата, уничтожил все до последней крошки, пока корпел над материалами по делу, распечатанными для него их наборщицей Ханной Локсли.

Рой долго сидел за столом, разглядывая фото Джейни Стреттон, а потом повернулся к двум большим белым стендам. К одному была пришпилена кнопками карта окрестностей Писхейвена с красными кружками, отмечавшими места, где были обнаружены рука и безголовый торс. Помимо карты, там были фотографии трупа на месте преступления и еще пара сделанных во время вскрытия, на одной из них – жук в ректальном проходе. Теперь, представив всю картину в мельчайших подробностях, Грейс невольно содрогнулся от отвращения.

Джейни, что же с тобой случилось во вторник вечером? И кто такой Антон? Это он с тобой так разделался?

Он вспомнил Дерека Стреттона. Свыше девяноста пяти процентов всех убийств в Англии совершаются либо членами семьи жертвы, либо хорошо знавшими ее людьми. Может быть, когда вчера они с Гленном Брэнсоном приезжали к отцу Джейни, то упустили какую-нибудь мелочь? Нечто, способное намекнуть, что это он прикончил собственную дочь? Ничего невозможного нет – это Грейс понял за годы службы в полиции давно. Однако Стреттон выглядел искренне опечаленным отцом, совсем потерявшим голову от горя. От него не исходило ауры человека, только что кого-то убившего.

Рация пробудилась к жизни. Теперь они находились за пределами досягаемости радиоволн суссекской полиции и перешли в зону контроля графства Бромли. Было слышно, как диспетчер вызывает машину на место дорожной аварии. Эмма Джейн приглушила звук.

– Почти добрались, – сказала она. – Сворачивайте здесь, а потом – на вторую улицу налево.

Неожиданно, словно небо все утро копило ливень, над машиной словно разверзлись хляби небесные. На ветровое стекло обрушился мощный поток воды, крупные капли затанцевали на капоте и крыше «форда», гремя, точно мелкие камешки. Грейс поспешил включить «дворники», и они заелозили по ветровому стеклу: сначала медленно, а затем – все быстрее, пока потоки не превратились в тусклую пленку. На некоторое время, пока стекло не очистилось окончательно, Грейсу пришлось сбросить скорость.

– Любишь насекомых? – спросил он.

Девушка скорчила гримаску.

– Вообще-то нет. А вы?

– Тоже не без ума от них, – признался Рой.

Следуя ее указаниям, он свернул налево – на улицу застройки конца 30-х, совсем не похожую на его собственную. Те же коттеджики на две семьи, а впечатление совершенно иное. В дальнем конце улицы виднелась маленькая постройка явно не жилого типа, а дальше дорога ныряла под железнодорожный мост. За мостом вновь потянулись домики, вскоре сменившиеся рядами магазинов.

– Это здесь, – сказала Эмма Джейн.

Грейс сбросил скорость, отыскивая место для парковки у края тротуара. Булочная… аптека… лавка старьевщика, окруженная всякой рухлядью вроде обшарпанной мебели, расставленной прямо на мостовой… медицинский центр, за ним – магазин спорттоваров… Наконец показалось нечто похожее на зоомагазин, поскольку витрина была заполнена множеством маленьких пустых клеточек. Вывеска над дверью гласила: «Эрридж и Робинсон – импорт и доставка».

Они припарковали машину чуть дальше по улице и помчались к магазину: Эмма Джейн держала над головой большой коричневый конверт. Грейс с ходу ворвался в дверь, отчего висевший над притолокой колокольчик издал громкое «пин-н-г!».

Почти мгновенно в нос ударил тяжелый запах – острая, едкая вонь с легкой примесью опилок. Они оказались в тускло освещенном тесном пространстве, от пола до потолка

заставленном клетушками с ультрафиолетовой подсветкой, где, судя по всему, и содержали насекомых. Заглянув в ближайшую – всего в нескольких дюймах от его носа, – Грейс увидел пару коричневых жуков-рогачей. Это были очень крупные особи – слишком крупные и оказавшиеся слишком близко, чтобы он чувствовал себя спокойно. Грейс отступил на пару шагов и, утирая мокрое от дождя лицо, хмуро посмотрел на коллегу, словно желая этим сказать: «Что за чертовщина? Куда ты меня приволокла?»

Тут он увидел паука, точнее, его волосатую черно-желтую лапку, за которой не замедлили последовать и остальные: они пересекли всю клетку тремя быстрыми шагами. Паук был огромен: с вытянутыми конечностями и теперь явственно видимая на свету, эта тварь запросто заполнила бы обеденную тарелку.

Эмма Джейн так же пристально наблюдала за ним, и, судя по всему, чувствовала себя весьма неуютно. Те же самые ощущения испытывал и Грейс. Чем больше он оглядывался вокруг, тем больше замечал крошечных глазок и похожих на шевелящиеся антенны усиков. От вони тошнило так, что он с трудом сдерживал рвотные позывы.

Тут распахнулась внутренняя дверь, и появился низенький тощий человечек лет пятидесяти в коричневом комбинезоне и белой, застегнутой под горло рубашке без галстука. У него были маленькие настороженные глазки, скрытые под массивными кустистыми бровями, похожими на пару шевелящихся волосатых гусениц.

– Чем могу вам помочь? – спросил он тонким визгливым голоском, в котором проскальзывали явно агрессивные нотки.

– Вы – Джордж Эрридж?

Ответ прозвучал как-то неуверенно и растянуто:

– Да-а-а…

– Я – детектив-констебль Бутвуд, – представилась Эмма Джейн. – Мы с вами вчера говорили по телефону. А это – детектив-суперинтендент Грейс из суссекского управления полиции.

Грейс предъявил свое удостоверение. Человечек, нервно подергиваясь и шевеля бровями, впился в него с таким видом, словно хотел прочесть все до последней буквы.

– Угу, – наконец промычал он. – Все верно. – И выжидательно уставился на полицейских.

Достав из конверта цветную фотографию, Эмма Джейн протянула ее Эрриджу.

– Мы ищем поставщика, который мог бы раздобыть это создание для заказчика в Англии.

Джордж Эрридж, лишь мельком взглянув на фотографию, тотчас заявил:

– Copris lunaris.

– Вы импортируете тропических насекомых? – спросил Грейс.

Человечек принял оскорбленный вид.

– Не только тропических, но и европейских, паназиатских, австралийских… на самом деле со всего мира.

– Могло ли случиться так, чтобы это насекомое ввезли в страну вы?

– Обычно у меня всегда есть запас. Не желаете взглянуть?

Несмотря на то, что у Грейса был сильный соблазн отказаться, он кивнул:

– Да, конечно.

Человечек провел их в дверь, откуда появился сам, и они оказались с сарае в добрую сотню футов длиной. Как и прихожая магазина, она была от пола до потолка заполнена клетками. Здесь стояла еще более невыносимая вонь, освещение оставалось столь же тусклым.

– Здесь мы держим тараканов, – с ноткой гордости пояснил он. – Мы поставляем довольно много фармацевтической промышленности для опытов.

Грейс, всегда ненавидевший тараканов, резко остановился и вгляделся в клетку, где ползало около двадцати этих коричневых тварей. Его передернуло.

– Одно из самых живучих существ на планете, – с гордостью объявил человечек. – Вы знаете, что, если таракану оторвать голову, он способен прожить еще около пятнадцати дней? И по-прежнему будет приходить к первоначальному источнику пищи… правда, питаться, конечно, не сможет.

Эмма Джейн громко сглотнула.

– Я этого не знал, – скромно сказал Грейс и чуть не добавил: «Спасибо, что со мной поделился».

– Они переживут ядерную катастрофу. Они закончили процесс эволюции сотни тысяч лет назад. Разве можно такое сказать о человеческой расе?

Грейс посмотрел на него, не зная, что и ответить. Затем они с Эммой Джейн проследовали за ним в еще более длинный сарай. На полпути Джордж Эрридж остановился и, указав на маленькую клеточку, кивнул.

– Вот мы и пришли. Copris lunaris.

Несколько секунд Рой Грейс всматривался в полутьму клетки, пока не заметил одного из жуков со знакомыми полосками – тот не шевелился.

– Можно узнать, почему вас интересуют именно эти жуки? – полюбопытствовал Эрридж.

Грейсу настолько хотелось выложить ему все начистоту, чтобы увидеть его выражение лица, что он сдержался лишь с большим трудом.

– Не могу раскрыть вам всех обстоятельств, но один из таких жуков был найден на месте преступления. Нам бы хотелось получить от вас список всех клиентов, купивших за последнее время хотя бы одного.

Джордж Эрридж задумался, яростно шевеля своими бровями-гусеницами.

– За последние несколько месяцев – только один. Вообще-то на них не слишком большой спрос, разве что какой-нибудь коллекционер или новый музей. В общем, заказчиков на них немного.

– И кто же этот клиент? – спросил Грейс.

Эрридж засунул руки глубоко в карманы комбинезона и с силой упер язык в нижнюю губу.

– Хм… Странный малый… с таким, знаете, восточноевропейским акцентом. Позвонил пару недель назад и очень настойчиво поинтересовался, нет ли у меня в запасе Copris lunaris. Сказал, что ему нужно шесть особей.

– Шесть?! – в ужасе переспросил Грейс.

И тут же подумал: «Еще шесть убийств в том же духе?!»

– Да.

– Живых или мертвых?

Эрридж удивленно посмотрел на него.

– Разумеется, живых.

– Кому вы обычно поставляете товар?

– Как я уже говорил, фармацевтической промышленности, музеям естественной истории, частным коллекционерам, иногда – кинокомпаниям: например, недавно продал Би-би-си тарантула для какой-то программы. Выдам вам один торговый секрет: насекомых гораздо легче контролировать, чем других животных. Вам нужен смирный таракан – суньте

его часа на четыре в холодильник. Нужен агрессивный – подержите несколько секунд на сковородке, разогретой на слабом огне.

– Возьму на заметку, – пообещал Грейс.

– Правильно, – неожиданно серьезно ответил Эрридж. – Вот так с ними и надо. Видите ли, они не чувствуют боли. Во всяком случае, не так, как мы.

– Что ж, им повезло.

– Это уж точно!

– Какие приметы вам запомнились в человеке, купившем у вас шесть штук? – спросила Эмма Джейн.

– Не знаю я никаких примет! – мгновенно, словно защищаясь, вскинулся Эрридж. – Я заношу в архив только постоянных заказчиков.

– Значит, прежде вы с этим человеком дел не имели? – продолжала она.

– Нет.

– Но вы с ним встречались? – вмешался Грейс.

– Нет. Он позвонил, спросил, есть ли у меня эти жуки, и сказал, что пришлет за ними кого-нибудь. Он прислал мини-кеб, и водитель рассчитался наличными.

– Из какой-нибудь местной фирмы?

– Не знаю. Я не пользуюсь мини-кебами, потому что не могу себе этого позволить.

Неожиданно мобильник Грейса коротко пискнул, а затем завибрировал. Извинившись, он отвернулся от эксперта по насекомым и ответил на звонок:

– Детектив-суперинтендент Грейс.

Это оказался Брэнсон.

– Здорово, старичок! Чем занимаемся?

– Шопингом, – огрызнулся Грейс. – Выбираю тебе подарок ко дню рождения. Что случилось?

– Парень, звонивший мне во время оперативки… ну, тот параноик из телефонной будки, утверждавший, что он был свидетелем убийства Джейни Стреттон…

– Ну-ну?

– Так вот, он говорит, что видел это в своем компьютере после того, как вставил туда найденный в поезде компакт-диск.

– И он даст нам на него взглянуть?

– Как раз над этим я сейчас и работаю.

37

Заглядывать в чужой компьютер – это то же самое, что копаться в чужой душе. Детектив-сержант Джон Рай был в этом глубоко убежден, ибо у него с лихвой хватало опыта для подобных заключений. Он уже давно потерял счет компьютерам, попадавшим к нему на экспертизу за последние семь лет, – наверняка, как он недавно прикинул, более нескольких сотен. Вот и сегодня он имел дело с очередной машиной – ноутбуком фирмы «Макинтош» с 15-дюймовым монитором, выпущенным около года назад.

Джону еще никогда не попадался компьютер, способный хоть что-нибудь утаить от него и его коллег. Преступники любой специализации – взломщики, мошенники, угонщики машин, педофилы – все почему-то считают, что если удалить содержимое жесткого диска, то все будет шито-крыто. Они не понимают одного: такой вещи, как «стереть информацию с жесткого диска», просто не существует. Программы, имевшиеся в распоряжении Джона Рая, могли восстановить чуть не каждый байт удаленных с диска данных и уловить «цифровой

след» любой компьютерной системы, какой бы сложной она ни была и невзирая на степень сложности защиты.

В данный момент, сидя за своим рабочим столом в отделе высоких технологий, он фактически заглядывал в душу человека по имени Том Брайс. И у него не было иного выхода, как потратить на это все выходные, поскольку Брайс – не подозреваемый, а лишь потенциальный свидетель – требовал вернуть ноутбук в понедельник утром, поскольку это – его рабочий инструмент.

Джон Рай гордился (причем не без оснований) тем, что, покопавшись часок-другой в чьем-нибудь компьютере, он уже знал о владельце больше, чем его жена. Само собой, большинство компьютеров, попадавших к нему на экспертизу, принадлежали мужчинам, а не женщинам.

Отдел высоких технологий занимал просторное помещение на первом этаже Суссекс-Хаус. Для стороннего наблюдателя этот отдел в общем-то ничем не отличался от прочих отделов управления полиции. Он представлял собой внушительных размеров зал, разделенный на множество рабочих секций с длинными столами: на одних возвышались корпуса серверов, на других были разложены детали и блоки разобранных компьютеров. За одним из столов под большими часами сидел Джо Муди – крупный мужчина в джинсах, футболке и стянутыми в «хвост» волосами, – занося в каталог физиономии еще более глупых, чем обычно, молодых вандалов, у которых хватило ума запечатлеть себя на цифровую камеру во время поджога угнанной ими машины.

Часть зала была отделена от основного помещения перегородкой; там вовсю кипела работа над операцией «Глазго» – чуть ли не самым крупным расследованием по делу о производстве детской порнографии за последние два года, которое должно было вот-вот завершиться полным разгромом самой разветвленной сети в Европе. Перегородка была установлена, чтобы собранные бригадой улики случайно не смешались с материалами остальных сотрудников. Сегодня там работали четверо, и Рай им очень не завидовал. Последние два года беднягам приходилось день за днем проводить все рабочее время, разглядывая тошнотворные половые акты с участием детишек. Работа Джона Рая главным образом заключалась в выявлении педофилов, и ничто не могло погасить ненависти, охватывавшей его каждый раз при виде подобных «картинок». Господи, сколько же на свете психов! Много, очень много, можете не сомневаться.

Жалюзи на окнах были опущены, чтобы лишний раз не любоваться зданием блока предварительного заключения – зрелищем довольно мрачным, а уж под дождем и вовсе вгонявшим в депрессию. Но сегодня в офисе стояла, по крайней мере, сносная температура: летом здесь обычно было нестерпимо жарко и душно, а эти чертовы окна не открывались.

В свои тридцать восемь лет Джон Рай ухитрился сохранить мальчишескую улыбку. Это был крепкий, жилистый мужчина с задиристой физиономией и слегка редеющими, подстриженными «ежиком» волосами. Он был одет в белую рубашку с коротким рукавом, темно-синие брюки и черные ботинки. Все вместе это напоминало некую форму, но по рабочим дням Джон предпочитал одеваться именно так. Впрочем, для него не имело значения, что сегодня суббота, то есть по идее выходной.

Рай всегда интересовался технологиями и всякими мудреными приборами, и, когда десять лет назад произошел настоящий «компьютерный взрыв», он увидел, какую массу новых возможностей они дают преступникам и как скудно оснащена полиция, чтобы с этим бороться. Тогда же он пришел к выводу, что самое надежное и стабильное подразделение в полиции – отдел высоких технологий, не говоря уже о том, что с опытом и послужным списком найти хорошую работу на «гражданке» будет легче легкого.

Рай уже даже перестал пытаться убедить свою жену Надин, что эта сумасшедшая работа – лишь временная и не продлится вечно. А может быть, ей просто надоело слушать его

увещевания. Он окинул взглядом других коллег, тоже работавших сегодня, и подумал, что у многих из них дома дела идут наперекосяк.

Вся беда заключалась в том, что отдел был просто-напросто завален работой как минимум месяцев на девять вперед. Нуждавшихся в экспертизе компьютеров было столько, что им частенько приходилось привлекать на помощь дополнительные ресурсы. Джон подозревал, что начальство предпочитает тратить выделяемые полиции деньги на то, чтобы сделать ее работу более зрелищной для окружающих: вкладывать их «в улицу», хватать грабителей, взломщиков, торговцев наркотиками – короче, делать на этом хорошую статистику. А к отделу высоких технологий относится как к чему-то необходимому, но совершенно не способному прибавить суссекской полиции выигрышных очков.

Многие из его отдела были настоящими компьютерными маньяками, принятыми на работу не из рядов полиции: кое-кто прямиком из университетов, другие – из технических отделов промышленных фирм и местного административного аппарата. Так, в рабочем отсеке прямо перед его столом сидел самый чокнутый из всех – Энди Гидни.

Двадцативосьмилетний Гидни вообще отличался многими странностями. Тощий, как палка, бледный, как дитя подземелья, незнакомое со свежим воздухом. Судя по всему, стригся он сам, а одежду и очки, скорее всего, приобрел в день закрытия благотворительной распродажи для бедных. Тем не менее, несмотря на свои заморочки и абсолютно асоциальное поведение, этот тип был блестящим работником и, насколько было известно Джону Раю, самым умным во всем отделе. Он свободно знал несколько языков, в том числе и русский, и перед ним еще ни разу не устоял ни один пароль.

Вообще-то для того, чтобы залезть в компьютер, им никакого пароля не требовалось, потому что полицейские программы позволяли проникнуть туда, так сказать, черным ходом. Однако порой над некоторыми защищенными паролем зип-файлами приходилось изрядно поломать голову. Большую часть прошлой недели Энди проработал над одним из таких особенно «упорных» файлов, конфискованных у хакера, подозреваемого во взломе сразу нескольких тщательно охраняемых банковских сайтов. Он наотрез отказывался сдаться и отправить компьютер специалисту по дешифровке.

Короче говоря, Джон Рай не испытывал ни малейших симпатий к Гидни, однако восхищался его упорством и способностями. Он давно пришел к выводу, что сотрудники его отдела весьма отличаются от «бензиновоголовых» легавых из дорожной полиции, где он прослужил почти десять лет из двадцати. В дорожной полиции сплошь и рядом видишь довольно неприятные сцены, а то и душераздирающие трагедии. Но здесь, в отделе высоких технологий, темные стороны человеческой натуры были видны во всей красе.

Джон Рай начал с того, с чего начинал каждую экспертизу – вынес компьютер со склада вещественных доказательств, где деревянные стеллажи ломились от конфискованных компьютеров, так или иначе связанных с преступлениями и упакованных в блестящие прозрачные пластиковые мешки для улик, снабженные ярлыками. Некоторые из них находились здесь уже довольно давно. Несколько больших пластмассовых контейнеров были настолько набиты ноутбуками, мониторами и системными блоками, что их содержимое порой пересыпалось через край.

Поставив ноутбук Тома Брайса на рабочий стол, Джон Рай снял винты с кожуха и достал жесткий диск, который осторожно подсоединил к высокой четырехугольной стальной коробке со стеклянной передней стенкой. Этот прибор назывался «фастблок» и служил для изготовления точной копии жесткого диска для экспертизы.

После завершения процесса Рай вновь собрал компьютер, отнес его обратно на стол, подключил к сети и принялся за работу. По привычке он начал с поисковой команды «Баффи». Безрезультатно. Тогда он попробовал «Стар трек». Вновь ничего. Хоть это и не доказывало, что Том Брайс – не педофил, но в значительной степени снимало с него

подозрения. Дело в том, что за последние несколько лет отдел обнаружил любопытный факт: высокий процент педофилов являлся поклонниками фильмов «Баффи – истребительница вампиров» и «Стар трек». Стоит найти в компьютере и то и другое – считайте, что прозвенел тревожный звоночек.

Джон работал быстро и методично. Он просмотрел папку с фотографиями – главным образом симпатичной курчавой блондинки с двумя детишками: девочкой и мальчиком. Дети снимались регулярно: начиная с нескольких дней после рождения по настоящее время, когда девочке исполнилось года четыре, а мальчику – семь. Нормальные семейные фото. Никаких поводов для тревоги.

Затем Джон перешел к личным папкам Брайса, однако не нашел ничего заслуживающего внимания. Тогда он пошел назад, в прошлый год, заглядывая на интересовавший Брайса интернет-адрес. Там были десятки порносайтов, что было характерно для любого обследованного им «мужского» компьютера, но помимо нескольких лесбийских сайтов ничто не наводило на мысль, что хозяин данного ноутбука – извращенец.

Но затем Джон наткнулся на нечто весьма его озадачившее. Сначала он подумал, что это следы вируса, но потом понял, что это код для некой самоустанавливающейся шпионской системы. Ее дизайн что-то ему напоминал, но Джон не смог сразу вспомнить что. Он проследил за ним очень тщательно, не пропуская ни единой ссылки. И увидел, что программа недавно генерировала имя и пароль пользователя. Джон попытался их открыть, но они были стерты, и он понял, что его поиски заблокированы.

Джон обернулся. У него за спиной, в наушниках компакт-диск-плеера, за компьютером сидел Энди Гидни: физиономия сосредоточена, пальцы бегают по клавиатуре с грациозностью пианиста. Детектив-сержант встал и, подойдя к коллеге, похлопал его по плечу.

– Энди, требуется помощь. Ты не мог бы отвлечься на несколько минут и попробовать найти пароль и имя пользователя, чтобы я пролез через файрволл?

Не говоря ни слова, компьютерный маньяк вразвалочку пересек комнату и уселся за стол Джона. Тот тем временем сходил за кофе и, вернувшись пять минут спустя, увидел, что Энди вернулся за собственный стол.

– Господи боже, там же пароль из восьми цифр, – небрежно, словно разговаривая с идиотом, бросил тот. – Это может занять несколько дней.

Шеф отдела высоких технологий сел за стол, снял пластиковую крышку со стаканчика кофе и поставил его на безопасном расстоянии от компьютера. Затем вновь прошелся по следам, оставленным шпионской системой, и тут неожиданно вспомнил, где видел этот дизайн!

Вспомнил совершенно точно!

Через несколько минут он был на складе вещественных доказательств, осторожно снимая со стеллажа упакованный в матовый пластик с надписью «Полицейская улика» настольный компьютер и сервер, доставленные в управление всего несколько недель назад.

38

– Да прекрати же! Господи, мы невероятно опаздываем! Джессика, ложись в постель прямо сейчас! – прикрикнул Том Брайс на дочь, бегом скатившуюся по лестнице в своей розовой ночной рубашке в третий, а то и в четвертый раз.

Его нервы были на пределе.

– Папа-а-а-а-а-а! – позвал его сверху Макс.

– Макс, замолчи! Иди спать!

– Не-е-е-т!

Том, готовый к выходу и одетый в черный пиджак от Армани, белую рубашку, свободные синие брюки и замшевые туфли от Гуччи, расхаживал по гостиной, то и дело прикладываясь к большому стакану водки с мартини.

– Келли! Черт возьми, что ты там копаешься? И где, черт возьми, эта девчонка?

– Будет с минуты на минуту! – крикнула та в ответ. – Я иду. – Затем, еще громче: – Джессика, немедленно вернись!

– Папа, мне не нравится Мэнди. Почему нельзя было пригласить Холли?

– Джессика! Немедленно вернись!

– Холли уже занята, – объяснил Том дочери. – Понимаешь? В любом случае, Мэнди очень милая девушка! Чем она тебе не приглянулась?

Джессика, в таких же, как и у брата, резиновых «гарри-поттеровских» браслетах – розовом и желтом, – плюхнулась на диван, схватила пульт и начала переключать телевизор с канала на канал. Отобрав пульт, Том выключил телевизор.

– Наверх, милая барышня!

– Мэнди только и делает, что треплется по телефону со своим приятелем.

– У нее свой мобильник, и она может делать с ним что ей вздумается, – возразил Том.

Джессика, разрумянившаяся после ванны, откинула назад волосы и совсем по-взрослому вздернула подбородок:

– Они говорят о *сексе*.

– Джессика, во-первых, подслушивать чужие разговоры неприлично. А во-вторых, пока она здесь дежурит, ты должна спать в постельке. Так что какая разница, о чем они говорят?

– А вот такая! – надула губы дочь.

Стуча каблучками, по лестнице сбежала Келли, и Том невольно отвлекся. Выглядела она потрясающе и благоухала новыми духами от Гуччи, недавно купленными ей Томом, считавшим, что они делают ее еще сексуальнее. На ней было плотно облегающее короткое черное платье, что подчеркивало ее стройную фигуру и длинные ноги, на шее висел большой серебряный «древнеримский» медальон.

Идеальный вид для сегодняшнего вечера, особенно если учесть, что их пригласили на ужин к новому клиенту, на которого Том отчаянно старался произвести впечатление.

Келли с подозрением посмотрела на мужа:

– Уже выпиваешь?

– Для храбрости.

Она неодобрительно покачала головой.

– Я думала, ты сегодня сядешь за руль, чтобы сэкономить деньги на такси. – Затем Келли повернулась к Джессике и резким тоном приказала: – Марш наверх и в постель, или завтра никакого телевизора! Я не шучу.

Джессика мрачно посмотрела на мать, затем – на отца, похоже собираясь что-то сказать, но передумала и нарочито медленно зашлепала вверх по лестнице.

– Когда мы туда приедем, я позволю себе всего бокал вина, а потом перейду на минералку, – пообещал Том и, подойдя к Келли, крепко обнял ее и чмокнул в лоб. – Ты выглядишь сногсшибательно.

– Ты тоже неплохо, – промурлыкала она. – Тебе всегда шли белые рубашки.

Джессика продолжала подниматься по лестнице. Том прикоснулся губами к мочке уха Келли.

– Так и хочется затащить тебя в постель.

– Что ж, придется подождать. Я не смогу стащить все это и потом одеваться по новой.

Позвонили в дверь. Хлопнула крышка собачьей дверцы, и Леди с громким лаем ворвалась в гостиную.

Келли пошла открывать, а Том, оставшись в гостиной, допил коктейль. Алкоголь уже начал действовать, поднимая настроение и придавая уверенности в себе.

Когда появилась Мэнди, у него чуть не отвисла челюсть. Дочь подружки и бывшей одноклассницы Келли, Мэнди иногда – точнее, несколько раз за последние три года – оставалась присмотреть за детьми. Том замечал лишь постепенное превращение маленькой девочки в нечто почти взрослое. Однако сегодня она являла собой – иначе и не скажешь – живое воплощение секса.

В свои семнадцать, может, и все восемнадцать эта миниатюрная блондинка с потрясающей фигурой, по большей части открытой для обозрения, поразительно напоминала Бритни Спирз[18]. Она была одета в почти прозрачный, усыпанный блестками топик, крошечную мини-юбку и лакированные сапожки, доходившие почти до бедер. Лицо покрывал тщательно наведенный макияж, ногти отсвечивали серебром, а чехольчик висевшего на шее мобильника явно отдавал дурным вкусом. Короче, сплошная показуха!

И ее родители позволяют ей присматривать за детьми в таком виде? Том с тяжелым сердцем подумал, что, не дай бог, еще лет десять – и, возможно, Джессика тоже вырядится в подобный прикид.

– Добрый вечер, мистер Брайс, – небрежно бросила Мэнди.

– Как дела, Мэнди?

– Да вроде ничего. Скоро у нас экзамены, так что малость запарилась.

– Потому и одеваешься так, чтобы не запариться? – добродушно усмехнулся Том.

Так и не поняв шутки, девушка с серьезным видом кивнула.

– Верно. – И неожиданно добавила: – А я уже сдала на права.

– Блестяще! Сплошные успехи.

– Правда, с третьего раза. Мама обещала иногда давать мне машину, у нее новенькая «тойота».

– Очень благородно с ее стороны, – пробормотал Том, мысленно приказав себе стараться пореже думать о тех временах, когда Макс и Джессика подрастут.

В комнату вернулась Келли.

– Мэнди, мы вернемся около половины двенадцатого или чуть позже. Возражений нет?

– Нет, конечно. Желаю удачно повеселиться.

Том поднял пустой бокал, бросил на девушку долгий и слегка порочный взгляд и понял, что его уже немного повело. Надо быть поосторожнее. Филип Ангелидис занимал весьма высокое место в списке богатеев газеты «Санди таймс», и его личное состояние оценивалось в двести пятьдесят миллионов фунтов. Он владел целой бизнес-империей, куда входили фармацевтическая компания, сеть автомагазинов и туристических агентств, строительная фирма и очень успешная линия по производству спортивных товаров – во всех этих областях услуги «Брайс–Райт» оказались бы вполне к месту.

Том познакомился с ним, как и со многими своими потенциальными клиентами, в гольф-клубе. Судя по всему, Ангелидис владел очень внушительным загородным поместьем в получасе езды от Брайтона, и сегодняшнее приглашение могло стать для Тома настоящим спасательным кругом. За исключением того, что сегодня у него совершенно не было настроения куда-то ехать.

С того момента, как Том побывал в управлении полиции в Холлингбери, где рассказал свою историю высокому чернокожему детективу-сержанту, он не находил себе места. Даже несмотря на то, что этот самый Брэнсон воспринял его рассказ совершенно серьезно и

заверил, что сведения останутся конфиденциальными. Тем не менее, Том крайне разнервничался, когда сержант попросил его одолжить на выходные ноутбук, чтобы попытаться отыскать в нем какие-либо следы чужого воздействия. Однако пришлось уступить, и, хотя его по-прежнему обуревали некие сомнения, Келли продолжала уверять его, что он все делает правильно.

По той же причине сегодня Том играл в гольф просто отвратительно, как никогда в жизни. Он просто не мог сосредоточиться на игре. То́му было страшно – так страшно, словно его окружала непроглядная, таящая множество неведомых опасностей тьма. Он не мог заставить себя не думать о возможных последствиях своего поступка, о том, что может произойти с женой и детьми.

И о том, что, возможно, он совершил самую чудовищную ошибку в жизни.

39

– Водку с тоником, пожалуйста, – попросила Клио Мори.

Официант повернулся к Рою Грейсу.

– Мне «Перони», – сказал Грейс и сразу передумал, решив, что ему нужно что-нибудь покрепче пива, хотя он и ведет машину. – Нет, приготовьте мне большой «Гленфиддиш».

Они сидели за столиком «Латино» – итальянского ресторана неподалеку от побережья. Грейс мог выбрать более новый и модный ресторан вроде «Отель дю Вен», более шикарный вроде «Бланш-Хауса» – в городе было достаточно ресторанов, где он никогда не бывал с Сэнди.

Так почему же он выбрал тот, который так любили они оба?

Грейс не был уверен в ответе. Возможно, потому, что место было хорошо ему знакомо, и он думал, что здесь будет чувствовать себя уютно. Или же это была еще одна попытка заставить призрак Сэнди успокоиться?

Среди персонала Грейс узнал несколько знакомых лиц, а двое вроде бы даже помнили его (хотя, вероятно, забыли имя) и приветствовали, как давно потерянного друга. Субботним вечером в ресторане было многолюдно, и в девять – позже, чем Грейс планировал появиться здесь, – все столики были уже заняты.

Инструктаж в половине седьмого продлился дольше, чем он предвидел, а после ему пришлось задержаться, доделывая дела, хотя за весь день произошло только одно важное событие.

Белла отследила предыдущего бойфренда Джейни Стреттон, Джастина Ремингтона, и выяснила, что он сегодня утром прилетел из Таиланда, где проводил медовый месяц. Она повидалась с ним и теперь придерживалась мнения, подкрепленного визовыми штампами в паспорте Ремингтона, что его можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

Поход детектива-констебля Николла по барам, пабам и клубам Брайтона и Хоува пока ничего не дал. Похоже, первую ниточку обнаружил Джон Рай из отдела высоких технологий.

Изучение детективом-сержантом Раем компьютера, принадлежащего свидетелю, который утром сделал заявление Брэнсону, показало, что этот свидетель – очевидно, невольно – проследовал весьма сложной линией связи к серверу в Албании. Та же линия, те же исходные адреса были найдены в компьютере, изъятом у подозреваемого по крупному делу о детской порнографии, который также недавно изучал детектив-сержант Рай. Владелец этого компьютера, Реджиналд д'Эт, уже значился в списке сексуальных правонарушителей, будучи в прошлом осужденным за насилие и торговлю детской порнографией.

Д'Эт, ныне ключевой свидетель в деле, подготовляемом против русского синдиката, оперирующего в Великобритании, постоянно находился в укрытии, которым обеспечила его программа защиты свидетелей. Грейс провел целый час после инструктажа за телефонным разговором с дежурной отдела защиты, сначала вежливо, потом теряя терпение в попытке

убедить ее соединить его с кем-то, кто может дать санкцию на сообщение ему адреса Реджи д'Эта. В итоге ему пришлось удовольствоваться ворчливым обещанием дежурной, что кто-то позвонит ему в десять утра.

Клио, сидевшая по другую сторону столика, выглядела просто ослепительно. Пламя свечей мерцало в ее волосах, а глаза приобрели цвет льда, освещенного солнцем. Ее духи причиняли Грейсу танталовы муки. Их аромат пересиливал аппетитные запахи горячего оливкового масла, жареного чеснока и рыбы, доносившиеся из кухни, и Грейс вдыхал его, возбуждаясь все сильнее.

Откровенно говоря, его привлекало в Клио решительно все – вздернутый нос, похожие на розовый бутон губы, ямочка на подбородке, модный кремовый жакет, серая шелковая кофточка с низким вырезом, прозрачный шарф вокруг стройной шеи, стильные серьги. Он обратил внимание на кольца на ее пальцах – золотой перстень с гербовой печаткой, причудливое старинное кольцо с большим рубином, окруженным бриллиантами, и современное с квадратным бледно-голубым камнем.

Клио являла собой классический тип английской красоты. И сейчас она обедала с ним в ресторане! Официанты и другие посетители глазели на нее.

Мешало только одно: Грейс внезапно обнаружил, что ему абсолютно нечего ей сказать.

Казалось, будто кто-то проник в его мозг и удалил оттуда все мысли. Улыбаясь Клио и пытаясь придумать фразу, которая не звучала бы совсем безумно, Грейс протянул руку за хлебом и опрокинул пустой бокал, который упал на ее тарелку и разбился.

Он почувствовал, что краснеет. Клио быстро подобрала осколки, прежде чем вмешался официант.

– Прошу прощения, – извинился Грейс.

– Бокалы бьются к счастью, – отозвалась Клио.

– Я думал, их бьют на греческой свадьбе.

– Это тарелки бьют на греческой, а бокалы – на еврейской.

Ему нравился ее голос – такой мелодичный и в то же время уверенный. Этот голос принадлежал к иному миру, нежели тот, откуда вышел Грейс – миру частных школ, денег, привилегий, высшего общества. Она была слишком шикарной, чтобы работать в морге. Впрочем, Джейни Стреттон тоже вышла не из низов, судя по ее отчему дому, однако занята была в более чем сомнительном бизнесе.

Может быть, когда растешь в роскоши, то волей-неволей приобретаешь внешний лоск. Скотт Фицджеральд, которого любил Грейс, писал, что богатые – всегда другие. Хотя, возможно, они не были такими уж «другими»…

– Я… э-э-э… мне нравятся твои кольца, – запинаясь, произнес Грейс.

Это было все, что он смог придумать.

Клио выглядела искренне довольной, демонстрируя ему один за другим свои элегантные наманикюренные пальцы.

– А ты не носишь кольцо? – спросила она и тут же покраснела, поняв, что наступила на больное место. – Прости, это бестактно с моей стороны.

Грейс покачал головой.

– Я никогда не носил кольцо. – Он едва не добавил «когда был женат», но сообразил, что формально все еще является женатым.

Принесли напитки. Грейс поднял бокал и чокнулся с Клио.

– Твое здоровье, – сказал он, ободренный ее улыбкой. – Ты неплохо выглядишь, хоть и работаешь в морге.

– Спасибо за комплимент. – Клио сделала глоток. – Ты тоже выглядишь вполне сносно – для копа.

Грейс усмехнулся, хотя уже второй раз за день подумал, что его теперешняя одежда едва ли может кого-то украсить. Первый раз это произошло в сверхмодном магазине «Луиджи», куда его затащил Гленн. Детектив-сержант снимал товар с полок, как обезумевший покупатель в первый день январской распродажи, и то и дело заталкивал Грейса в примерочную.

Этим вечером он облачился в одежду, которую Брэнсон специально подобрал для сегодняшнего свидания: коричневый замшевый блузон от Джеспера Конрана, самую дорогую черную футболку, какую он когда-либо покупал, бежевые брюки от Дольче и Габбаны, невероятно дорогой ремень, легкие коричневые туфли и даже новые желтые носки.

В итоге Грейс обзавелся новым гардеробом на каждый случай. Счет составил более двух с половиной тысяч фунтов. За всю свою жизнь он не тратил в магазине одежды более сотни.

Хотя за последние годы он вообще почти не покупал никакой одежды. В конце концов, то, что ему не понравится, можно поменять.

– Для копа? Это я тоже должен воспринять как комплимент? – с усмешкой спросил Грейс.

Клио улыбнулась:

– Если хочешь.

Грейс небрежно (как он надеялся) пожал плечами:

– Просто нацепил несколько тряпок.

Клио посмотрела на его правое плечо:

– Ярлык с ценой – часть дизайна?

Грейс хлопнул себя по плечу левой рукой и ухватил кусочек картона, прикрепленного к жесткой нитке. Под насмешливым взглядом Клио он провел пальцем по нитке, скрывающейся за воротником пиджака, проклиная свою беспечность.

– Конечно, часть дизайна, – кивнул он. – Она придает пиджакам… э-э-э… новизну.

Клио засмеялась, и он невольно последовал ее примеру. Его нервозность исчезла, а голова внезапно наполнилась мыслями, которыми хотелось поделиться с очаровательной собеседницей. Но она заговорила первая, едва Грейс оторвал ярлык и, скомкав, бросил его в пепельницу.

– Я любопытная, Рой, – сказала Клио, помешивая напиток в бокале. – Я имею в виду то, что произошло с твоей женой. Скажи, если я сую нос не в свое дело.

Поколебавшись, Грейс полез в карман за сигаретами. Вообще-то он бросил курить, но бывали моменты – как сейчас, – когда ему нужно было выкурить сигарету.

Появился официант с двумя меню – плотными, сложенными вдвое картами. Грейс положил свое меню на стол, даже не заглянув в него, и Клио сделала то же самое.

– Нет, ты никуда не суешь нос. – Он помедлил, толком не зная, с чего начать. – Я всегда говорил об этом открыто – может, даже слишком. Понимаешь, я просто хочу, чтобы люди знали… Вдруг в один прекрасный день это всколыхнет чью-нибудь память?

– Как ее звали?

– Сэнди. – Грейс подвинул пачку Клио, но она покачала головой.

Он достал сигарету.

– Правда то, что… что говорят люди? Она просто исчезла?

– В мой тридцатый день рождения. – Грейс помолчал, пытаясь справиться с нахлынувшей болью.

– В твой тридцатый день рождения?

– Я отправился на работу. Вечером мы собирались пойти куда-нибудь пообедать с друзьями – отпраздновать юбилей. Сэнди была в прекрасном настроении, мы планировали летние каникулы – она хотела побывать на итальянских озерах. Когда я вернулся вечером, то не застал ее дома.

– Она взяла свои вещи?

– Ее машина и сумочка исчезли. – Грейс прикурил сигарету от зажигалки «Зиппо», которую подарила ему Сэнди, и сделал большой глоток из бокала.

Разговор о Сэнди казался неподходящим для свидания. В то же время ему хотелось быть честным с Клио – рассказать ей обо всем как можно подробнее. Не только о Сэнди, но и о всей своей жизни. Что-то внушало ему, что с Клио он может быть более откровенным, чем с кем бы то ни было.

Грейс затянулся сигаретой, выпустив облачко дыма. Она оказалась чертовски вкусной.

– Машина и сумочка? – нахмурившись, переспросила Клио. – Их потом нашли?

– Машину нашли следующим вечером на краткосрочной стоянке у аэропорта Гатуик. Но она так и не воспользовалась ни одной из своих кредитных карточек. Последние операции были произведены утром в день ее исчезновения – одна в «Бутсе» на семь фунтов пятьдесят пенсов, а другая в местном гараже «Теско» на шестнадцать фунтов сорок два пенса.

– Больше она ничего не взяла? Ни одежды, ни других вещей?

– Ничего.

– Как насчет камер слежения?

– Тогда здесь их было не так много. Единственная пленка, которую мы раздобыли, была снята во дворе гаража «Теско». Сэнди была одна и выглядела прекрасно. Старый кассир сказал, что запомнил ее, так как всегда запоминает хорошеньких женщин. Он немного поболтал с ней – по его словам, она не казалась озабоченной или расстроенной.

– Не думаю, что женщина может просто так бросить прежнюю жизнь и сжечь за собой все, – заметила Клио. – Если только… – Она не договорила.

– Если только? – подсказал Грейс.

– Если только не решила сбежать от мужа-тирана. – Клио улыбнулась и добавила: – Ты не производишь на меня такое впечатление.

– Думаю, ее родители в глубине души не сомневаются, что я похоронил ее под полом погреба.

– Серьезно?

Он допил виски.

– Очевидно, им кажется, что все прочие варианты исчерпаны.

– Они тебя обвиняли?

– Нет, они славные люди и не поступили бы так. Но я вижу это по их лицам. Иногда они приглашают меня на воскресный ленч, якобы для того, чтобы не терять связь, а в действительности, чтобы быть в курсе дела. Но мне нечего им рассказать, и я замечаю, как они смотрят на меня, словно спрашивают: «Сколько еще ты сможешь лгать нам о Сэнди?»

– Это ужасно. – Клио поежилась.

Грейс смотрел на сверкающие браслеты на ее запястье, думая, какой великолепный вкус она проявляет во всем.

– Сэнди была их единственным ребенком – ее исчезновение разрушило их жизнь. На работе я сталкивался с подобными ситуациями. Людям необходимо за что-то цепляться – сосредотачивать на чем-то свои эмоции. – Он снова затянулся сигаретой и стряхнул пепел в

пепельницу, возле ярлыка с ценой. – Ну, довольно обо мне. Я хочу услышать о тебе. Расскажи мне о другой Клио Мори.

– О другой?

– О той, в которую ты перевоплощаешься, уходя из морга.

– Еще рановато, – улыбнулась она. – Я пока что не покончила с тобой.

Увидев, что Клио тоже допила свой бокал, Грейс подозвал официанта и заказал еще по одной порции.

– Прошу прощения, – сказал он, – но теперь твоя очередь отвечать на вопрос.

Клио скорчила гримасу, заставившую его усмехнуться.

– Я хочу знать, – продолжал Грейс, – почему самая красивая женщина в мире служит в морге, выполняя самую ужасную в мире работу.

– Я была медсестрой – у меня диплом Саутгемптонского университета, – но не слишком хорошей. Не знаю – возможно, мне не хватало терпения. Потом я проработала пару недель в морге местной больницы и обнаружила – просто почувствовала, – что это единственное место, где я могу что-то изменить. Ты когда-нибудь читал Чон-цзе?[19]

– Я всего лишь тупоголовый коп с брайтонских переулков и никогда не читаю мудреных книг. Кто он такой?

– Китайский даоистский философ.

– Ну конечно. Как глупо с моей стороны забыть.

Клио опустила пальцы в лед на дне бокала и брызнула в Грейса каплей воды.

– Не будь таким ужасным!

– Я вовсе не ужасный. Так что говорил этот Чон-цзе?

– Он сказал: «То, что гусеница называет концом света, мастер называет бабочкой».

– Значит, ты превращаешь трупы в бабочек?

– Пытаюсь.

Они последними покинули ресторан. Грейс так был поглощен разговором с Клио и так пьян, что не заметил, как предыдущие клиенты ушли полчаса назад и как официанты терпеливо ждут их ухода.

Клио потянулась к счету, но Грейс перехватил его.

– О'кей, – сказала она. – В следующий раз плачу я.

– Договорились, – отозвался он, бросая свою карточку и надеясь, что на ней еще остался какой-то кредит.

Через несколько минут они вышли на пронизывающий ветер. Грейс придержал дверцу такси для Клио и сел сам, с трудом преодолевая головокружение.

Он уже не помнил, сколько они выпили. Две бутылки вина, потом самбуку…

Грейс положил руку на спинку сиденья, и Клио придвинулась к нему.

– Было хорошо… – пробормотал он.

Ее губы прижались к его губам. Они были удивительно мягкие. Казалось, прошло всего несколько секунд, когда такси затормозило у дома Клио в фешенебельном районе Норт-Лейнс в центре города. Сквозь пары алкоголя Грейс разглядел дом, переделанный из старого промышленного здания. Кругом было полно рекламы.

Он попросил водителя подождать и вышел вместе с Клио к воротам. Их губы вновь соединились. Не вполне твердо стоя на ногах, Грейс прижимал ее к себе, гладил длинные шелковистые волосы, вдыхал аромат духов…

Он сел в такси, и не прошло и минуты, как раздался звонок мобильника.

Грейс долго возился с кнопками. Сообщение было от Клио и содержало только одну букву – «Х».

40

Келли сидела молча – оранжевый свет уличных фонарей падал на ее лицо, когда Том вел «ауди» по лондонским улицам назад в Брайтон. Тихо работало радио, и он слышал песню Луи Армстронга «У нас есть все время в мире», которая всегда его волновала. Том прибавил громкость, стараясь не заснуть и оставаться трезвым. Часы показывали четверть второго.

Вечер в доме Филипа Ангелидиса прошел неплохо, но атмосфера казалась неестественной. Несколько лет назад Том и Келли присоединились к «Нэшнл траст»[20] и привыкли посещать по воскресеньям шикарные дома, но большинство из них все-таки не дотягивали до елизаветинских хором[21], в которых они побывали этим вечером.

Шестнадцать человек сидели вокруг антикварного обеденного стола, поглощая яства и напитки, которыми их обносила целая свита чопорных слуг. Ангелидис заставлял каждого гостя угадывать место происхождения, сорт винограда и год сначала белого, потом красного вина.

Жена магната, Каро Ангелидис, была, вероятно, самой высокомерной женщиной из всех, с которой Том когда-либо имел несчастье сидеть рядом, а женщина справа, чье имя он позабыл, была немногим лучше. Они говорили исключительно о лошадях – начиная от соревнований и кончая охотой. Он не помнил, чтобы одна из них за весь вечер задала ему хотя бы незначительный вопрос о нем самом.

Тем временем мужчина справа от Келли похвалялся своим умом, а изрядно нализавшийся банкир слева постоянно клал руку ей на ногу и пытался залезть под юбку.

Остальные гости были также несомненно богаты и из абсолютно другой социальной среды, нежели Том и Келли, никогда не пробовавшие изысканных и дорогих вин. Тома особенно раздражало то, как неловкие ответы Келли забавляли их хозяина. То́му так и не представился шанс вовлечь его в деловой разговор. Сидя за рулем, он размышлял о том, почему Филип Ангелидис вообще пригласил их. Неужели только для того, чтобы покрасоваться?

Впрочем, сам Том не подкачал. Ему удалось поддерживать беседу с двумя женщинами по обеим сторонам от него, невзирая на нулевые знания о мире лошадей, если не считать ежегодных страстей по поводу «Грэнд нэшнл»[22]. И он, по крайней мере, угадал, хотя и чисто случайно, что красное вино было французским.

– Что за жуткая компания, – внезапно заговорила Келли. – В любой ситуации предпочту наших друзей. Они хотя бы реальные люди.

– Думаю, мне удастся наладить неплохой бизнес с Ангелидисом.

– Хотя дом великолепный, – добавила Келли после паузы.

– Тебе бы хотелось жить в таком огромном доме?

– Почему бы и нет – со столькими слугами? – Помолчав, она вздохнула: – Когда-нибудь у нас будет такой дом. Я верю в тебя.

Том нашел руку Келли и сжал ее, продолжая вести машину одной рукой. Оба погрузились в молчание, возвращаясь домой – к реальности.

Решение Тома пойти в полицию нависало над ним мрачной тенью. Конечно, он поступил правильно. Какой у него был выбор – разве он мог бы жить с таким грузом на совести? Они приняли решение вместе, как подобает мужу и жене…

Свернув влево на почти пустую дорогу, Том освободил руку и начал подъем на холм. Спустившись в долину, он повернул на Голдстоун – Кресчент, а потом на их улицу. Въехав под навес для автомобиля, Том выключил мотор и вылез из машины. Келли осталась пристегнутой на своем сиденье. Держа палец на электронном замке, Том ждал, пока жена

выйдет, но она не двигалась с места. Он посмотрел на автомобили, припаркованные по обеим сторонам дороги и хорошо освещенные уличными фонарями. Его глаза обшаривали тени. Что он ищет? Внезапное движение? Одинокую фигуру в стоящей машине?

«Параноик!» – обругал себя Том и открыл дверцу Келли.

– Дом, милый дом! – пробормотала она, но не шевельнулась.

Том посмотрел на нее, думая, не заснула ли она, но ее глаза были открыты и глядели прямо перед собой.

– Что с тобой, дорогая?

Келли бросила на него странный взгляд.

– Мы дома, знаю, – сказала она.

Том нахмурился. Такие моменты становились все более частыми. Он не мог их объяснить, но каждый раз Келли на несколько секунд словно удалялась из этого мира в свой собственный. Когда Том в прошлый раз вывел ее из такого состояния, она сердито сказала, что иногда ей нужно «пространство» (подразумевая время). Но Келли иногда выбирала для этого чертовски странное место.

Вскоре она отстегнула ремень и вылезла из машины. Том запер «ауди», подошел к входной двери, вставил ключ, повернул его и вежливо шагнул в сторону, пропуская жену.

Телевизор работал на полную мощность. Господи, подумал Том, неужели Мэнди не соображает, что дети спят? Потом он огляделся, удивляясь, что Леди не залаяла и не выбежала их приветствовать.

Келли заглянула в гостиную.

– Привет, Мэнди, мы вернулись. Хорошо провела вечер? Пожалуйста, приглуши звук.

Ответ няни утонул в грохоте телевизора.

Том вошел в гостиную. Так как он вел машину, то пил очень мало, и теперь ему хотелось глотнуть чего-нибудь перед сном. Но лучше сначала отвезти Мэнди домой. Туда добрая пара миль, так что глупо рисковать.

На экране визжала девочка, над которой склонилась чья-то жуткая тень. Мэнди лежала на диване – на ковре валялись журнал для подростков, несколько конфетных оберток, пустая коробка из-под пиццы и банка кока-колы. Не отрывая глаз от экрана, Мэнди шарила левой рукой по ковру в поисках пульта, но была на несколько дюймов в стороне от цели.

Когда девочка на экране завопила еще громче, Том поднял с пола пульт и выключил звук.

– Все в порядке, Мэнди?

Юная няня, удивленная внезапной тишиной, зевнула и улыбнулась.

– Да, мистер Брайс. Дети вели себя хорошо. Но я немного беспокоюсь из-за Леди.

– Почему? – спросила Келли.

– Она какая-то странная, – ответила Мэнди, садясь и надевая ботинки. – Обычно она приходит и сидит со мной, а сегодня не хочет вылезать из корзины.

Встревоженные Том и Келли пошли в кухню. Леди, свернувшись в корзине, даже бровью не повела. Келли присела на корточки и погладила ее по голове.

– Леди, дорогая, что с тобой?

Мэнди вошла следом за ними.

– Недавно она выпила много воды.

– Вероятно, заболела. – Том увидел половину засохшей пиццы на столе и рядом с ножом и вилкой упаковку растаявшего карамельного мороженого с отвинченной крышкой.

Наклонившись, он тоже погладил овчарку и спросил, чувствуя внезапную сонливость: – Ты заболела, Леди? Паршиво себя чувствуешь?

Келли поднялась.

– Давай посмотрим, станет ли ей утром лучше. Если нет, придется вызвать ветеринара.

Том мрачно представил себе солидный счет, но понимал, что ничего не поделаешь. Он любил собаку – она была членом его семьи, частью его жизни.

– Хороший план, – одобрил он.

Келли рассчиталась с няней, потом сказала Тому, что отвезет Мэнди домой.

– Сам отвезу, – отозвался Том. – Не зря же я отказывался от прекрасных вин.

– Я тоже пила мало, а ты достаточно просидел за рулем. Выпей и отдохни.

Его не понадобилось долго уговаривать.

Том налил себе арманьяка, плюхнулся на диван, щелкнул пультом, переключив фильм ужасов, который смотрела Мэнди, на старое комедийное шоу «Овсянка» и посмотрел немного на Ронни Баркера[23] в тюрьме, а потом переключился на американский футбол. Услышав звуки закрывающейся входной двери и заводящегося мотора «ауди», он сделал глоток и ощутил блаженное тепло.

Том смотрел на темную жидкость в стакане, думая, в чем разница между ним и Ангелидисом. Какие качества сделали Ангелидиса финансовым гением, а его – неудачником? Везение? Гены? Безжалостность?

Келли выехала на улицу, болтая с Мэнди. Даже если бы она более внимательно смотрела в зеркало заднего вида, то все равно не заметила бы, что за ними следует автомобиль.

Он держался позади более чем на сотню ярдов и ехал с выключенными фарами.

41

Рой Грейс, сидя в покачивающемся такси, уставился на единственную букву на дисплее мобильника. «Х»… Ему с трудом удавалось сфокусировать зрение, а его эмоции, несмотря на опьянение – или благодаря ему, – пребывали в беспорядке. Сквозь треск помех по радио слышался голос звонившего в программу телефонного общения со слушателями, бранивший Тони Блэра и Национальную службу здоровья. Грейс посмотрел на часы. Десять минут второго.

Он все еще ощущал губы Клио на своих губах, а в машине и на его одежде оставался запах ее духов. Господи, как же она прекрасна! Если бы Клио пригласила его домой, стал бы он…

Грейс знал ответ, но она его не пригласила.

Он сделал глубокий вдох, но на сей раз ощутил только запах пластика в кабине.

«У моей матери рак, ее голова раскалывается, а меня заставляют четыре часа ждать врача!» – негодовал мужчина по радио.

– Просто жуть, верно? – сказал водитель.

– Ужасно, – рассеянно отозвался Грейс, сосредоточившись на клавиатуре мобильника.

– Приятную леди вы подвозили. По-моему, я где-то ее встречал.

– Большинство встречает ее уже после смерти.

– Да неужто? – усмехнулся шофер. – Она что, ангел?

– Вот именно. – Грейс дважды нажал кнопку «Х», потом отправил сообщение.

Когда через несколько минут он добрался домой, то был разочарован, не получив ответа.

42

Том вздрогнул и проснулся от шума в ушах и не сразу сообразил, где находится. При виде мчавшихся на телеэкране мотоциклов он понял, что шум исходит оттуда.

Оглядевшись в поисках пульта, Том увидел на ковре пустой стакан из-под бренди. Значит, он заснул. Сколько же сейчас времени?

Часы показывали десять минут пятого. Быть не может! Том посмотрел на свои часы. 4.09.

Мотоциклы неслись по дороге, в которой он узнал силверстоунскую. Том был там на корпоративном празднике пару лет назад и несколько раз на состязаниях Гран-при Британии. Мотоциклы притормаживали, въезжая в рощу. Найдя пульт, он выключил телевизор и медленно поднялся, чувствуя ломоту во всем теле.

Почему Келли не разбудила его, когда вернулась? Том отнес стакан в кухню и с трудом заставил себя одолеть лестницу. Идя по площадке на цыпочках, чтобы никого не разбудить – хотя мотогонки, вероятно, уже это сделали, – он открыл дверь спальни и сразу почувствовал неладное.

Портьеры были раздвинуты, и серый предрассветный свет демонстрировал пустую кровать.

Келли не было.

Когда одному из детей снился дурной сон, Келли иногда ложилась рядом на несколько часов. Думая, что она поступила так и сейчас, Том заглянул в обе детские, но жены не оказалось ни в одной из них.

Обругав себя за тупость, он сбежал вниз, открыл входную дверь и уставился на автомобильный навес. Под ним было пусто.

Для большей уверенности Том вышел на тротуар и огляделся на случай, если Келли припарковала «ауди» на улице и заснула в кабине. Но нигде не было никаких признаков машины.

Том снова посмотрел на часы, пытаясь определить, когда он заснул. В котором часу Келли повезла Мэнди домой? Было около половины второго. Два с половиной часа назад. Столько времени на поездку в две мили туда и обратно?

Внутри закрутился ледяной водоворот страха. Может, с ней произошел несчастный случай? Но если так, разве ему не позвонили бы из полиции?

Или Келли снова отключилась где-то в темноте, думая о своем? Но ведь она должна была понимать, что он будет волноваться.

Впрочем, частью проблемы Келли было то, что она иногда совершала абсолютно иррациональные поступки, не думая о последствиях. Разумеется, сознательно Келли никогда бы не подвергла опасности детей, но она зачастую просто об этом не задумывалась. Например, однажды она заказала по компьютеру недельную путевку в пансионат как раз на то время, когда он собирался в Германию на ярмарку. Келли не подумала о том, что будет с детьми.

Была еще пара случаев, когда Келли просто исчезала – один раз на целый день, а другой – более чем на сутки. Оба раза Том был в отчаянии, обзванивал все больницы на юге Англии и даже подозревал, что жена сбежала к любовнику. Но Келли появлялась, очевидно сознавая, что ему приходилось брать выходной день, чтобы присматривать за детьми, и объясняя, что ей внезапно понадобилось «пространство».

Том вспомнил, как подобное настроение нашло на нее в машине у дома. Неужели сейчас происходит то же самое?

Взяв в спальне беспроводной телефон, он набрал номер ее мобильника, но услышал его сигнал внизу и отключил связь. Она оставила мобильник дома.

Том сел на кровать и задумался. Он очень любил Келли, несмотря на ее выходки. Конечно, у них случались разногласия, но вместе им было вполне комфортно. Ему нравилось наблюдать за ней этим вечером во время обеда. Келли, как и он, оказалась в этом гадючьем гнезде, где все чужое, но не склонила голову, охотно приняла вызов и беседовала со своими соседями за столом о муже и его бизнесе.

Том подумал о нотках зависти в голосе жены, когда он спросил ее, хотелось бы ей жить в таком большом доме, как у Ангелидисов.

«Почему бы и нет – со столькими слугами? Когда-нибудь у нас будет такой дом. Я верю в тебя».

Ему еще не хватило смелости сообщить ей, что им, вероятно, скоро придется продать этот дом и обзавестись жилищем поскромнее. Он не знал, как это сделать, не хотел видеть боль, которую причинят его слова, а более всего не хотел выглядеть перед женой неудачником.

«Господи, где же ты, дорогая?»

Том начал ходить взад-вперед. Может быть, позвонить родителям Мэнди Моррисон и спросить, привезла ли Келли ее домой? Но если бы девушка не вернулась, они бы наверняка позвонили сами.

Не раздеваясь, Том лег на кровать, прислушиваясь, не раздастся ли на улице звук мотора, но слышал лишь раннее пение птиц. Через несколько минут, несмотря на раннее время, он все-таки позвонил Моррисонам. Сонный отец Мэнди заверил его, что дочь доставили домой примерно без четверти два.

Поблагодарив его, Том позвонил в справочную и спросил номер Королевской больницы Суссекса. Усталый женский голос в отделении неотложной помощи сообщил, что за последние несколько часов к ним не поступала женщина по имени Келли.

Узнав в справочной номер суссекской полиции, он позвонил туда. Ему ответили, что у них нет сведений о дорожно-транспортном происшествии с участием его жены или их машины.

Том не знал, что делать.

43

Это было только второе ночное дежурство Уэнди Солтер. Будучи женщиной-констеблем на испытательном сроке после окончания три недели назад полицейского колледжа в Эшфорде, графство Кент, она должна была отслужить почти два года, прежде чем стать полноправным полицейским, как ее коллега. Констебль Фил Тейлор, которому не хватало нескольких недель до тридцати семи лет, быстро вел полицейскую «вектру», включив мигалку, но в сирене на пустой дороге не было надобности.

Они находились менее чем в миле от главного управления уголовной полиции – Суссекс-Хаус, проехав поперек почти весь Брайтон и Хоув за две минуты, после того как получили срочный вызов и едва успели разобраться с пьяным спором из-за счета в ночном клубе «Искейп» на брайтонском побережье, перешедшем в драку.

Поездка через город на максимальной скорости возбуждала Уэнди. Многие полицейские чувствовали то же самое. Выражение лица Тейлора свидетельствовало, что он принадлежит к их числу.

Было четверть пятого утра, и Уэнди, глядя в ветровое стекло, видела серые полосы рассвета на черном балдахине ночного неба. Испуганный кролик мелькнул в свете фар и исчез под капотом. Уэнди со страхом ожидала толчка, но его, к счастью, не последовало.

– Чертов камикадзе! – обругал кролика Фил Тейлор.

– Я думала, ты его не заметил.

– Я читал, что какой-то тип в Америке опубликовал книгу о том, как лучше всего давить попадающихся на дороге.

– Такое могло быть только в Америке. – Уэнди никогда не была там, и ее представления об этой стране складывались под влиянием калифорнийских безумств, о которых она читала или которые видела по телевизору при деятельном участии Майкла Мура[24].

Справа от них тянулся лес, а слева уходил вниз крутой склон – прямо к огням Брайтона и Хоува. Повернув направо, они увидели впереди багровое сияние.

На момент Уэнди подумала, что это восход солнца, но вспомнила, что они едут почти прямиком на запад. Сияние становилось все ярче, а потом она почувствовала едкий запах горелой краски, резины и винила.

Тейлор затормозил на коротком расстоянии от горящего автомобиля, который находился на гудронированной стоянке в красивом месте с великолепной панорамой. Но все, что могла видеть констебль Уэнди Солтер, отстегнув ремень и выйдя из машины, был густой удушливый дым, который сильный ветер направлял ей в лицо, заставляя слезиться глаза. Она отвернулась и закашлялась, а потом побежала вместе с коллегой к горящему автомобилю, пока их не остановил жар.

Вдалеке послышался вой сирены. Вероятно, пожарная команда, подумала Уэнди. Запах стал невыносимым, а огонь бушевал подобно адскому пламени.

Большинство оконных стекол уже выгорело, и Уэнди с облегчением увидела, что машина пуста. Это был универсал, и, подойдя спереди, она узнала решетку радиатора.

– «Ауди»! – крикнула Уэнди Тейлору.

– Судя по решетке, недавняя модель.

– Знаю. Новая «А-4».

Тейлор одобрительно посмотрел на нее.

– Небось помешана на автомобилях?

– Не настолько, как тот, кто это сделал, – отозвалась она.

– Наверняка мальчишки. Чертовы ублюдки! Угнали чью-то новую тачку, а потом подожгли. Больше некому.

44

В воскресенье утром Рой Грейс проснулся в половине седьмого от звона будильника, с пересохшим ртом и жуткой головной болью. Две капсулы парацетамола, которые он принял в пять утра с пинтой воды, произвели примерно такой же эффект, как первая пара несколькими часами ранее, то есть практически нулевой.

Грейс нажал кнопку, заставив звонок временно умолкнуть, но его сменило громкое чириканье птицы за окном, назойливое, как застрявший компакт-диск. Свет проникал сквозь широкую щель в занавесях, которые он толком не задернул.

«Сколько же я выпил вчера вечером?»

С трудом собравшись с мыслями, Грейс потянулся к мобильнику. Но сообщений от Клио не было.

Их едва ли следовало ожидать, так как она, вероятно, еще крепко спала, но в тот момент логика не была его сильной стороной, учитывая стук в голове, чертову птицу за окном и сознание того, что ему предстоит тяжелый рабочий день.

Грейс закрыл глаза, вспоминая. Боже, как прекрасна была Клио! Он подумал об их долгом поцелуе в такси, пытаясь сообразить, кто был инициатором. Вроде бы первый шаг сделала она.

Им овладело мучительное желание видеть ее, говорить с ней. Внезапно ему показалось, что он ощущает ее запах. Грейс поднес руку к носу. Да! Должно быть, аромат сохранился с

тех пор, как он сидел в такси, обнимая ее. Грейс долго держал запястье около носа, вдыхая мускусный запах и чувствуя, как в его сердце шевелится то, что он считал давно умершим.

Потом он ощутил угрызения совести – Сэнди! – но выбросил их из головы, решив не позволять им портить этот момент.

Грейс снова посмотрел на часы – его мозг нехотя начинал функционировать. В половине девятого инструктаж. Потом он вспомнил, что должен забрать машину.

Если он встанет сейчас, то как раз успеет добежать до подземного паркинга, где оставил «альфу» вчера вечером. Свежий воздух прочистил бы голову, но тело утверждало, что нуждается не в пробежке, а еще в восьми часах сна. Грейс плотно зажмурил глаза, пытаясь таким образом раздавить пронизывающую боль в голове, игнорировать нахальную птицу, которую охотно бы застрелил, и позволить себе еще немного сладостных мыслей о Клио Мори.

Казалось, прошло всего несколько секунд, когда будильник зазвонил снова. Грейс неохотно встал с кровати, раздвинул портьеры и голым отправился в ванную почистить зубы. Лицо, смотревшее на него из зеркала над раковиной, отнюдь не являло собой приятное зрелище.

Рой Грейс никогда не был тщеславным, но до недавнего времени считал себя если не молодым, то моложавым, и если не красивым, то вполне симпатичным с голубыми глазами (как у Пола Ньюмена[25], говорила Сэнди) и коротким сломанным носом. Лицо же, которое он видел перед собой теперь, казалось, принадлежит незнакомому пожилому мужчине со сморщенным лбом, дряблым подбородком и мешками под глазами размером с устричные раковины.

Грейс подумал, что человек преждевременно стареет не из-за пива, сигарет, фастфуда или напряженного рабочего графика, а из-за силы тяжести, которая с каждым днем понемногу уменьшает рост и расслабляет кожу, оттягивая ее вниз. Полжизни человек борется с ней, но она всегда одерживает верх. Должно быть, именно сила тяжести захлопывает крышку гроба, а если прах развевают в воздухе, постепенно прибивает к земле каждую его крупинку.

Иногда Грейса беспокоило, что его мысли становятся все более мрачными. Возможно, его сестра права, и он слишком много времени проводит в одиночестве? Но в конце концов, он уже должен был к этому привыкнуть.

Конечно, Грейс не представлял себе, что будет вести такую жизнь, когда семнадцать лет назад сделал предложение Сэнди теплым сентябрьским днем на краю Дворцового пирса, предупредив ее, что в случае отказа прыгнет в воду. Она улыбнулась своей очаровательной ласковой улыбкой, откинула с глаз прядь светлых волос и ответила – с типичным для нее юмором висельника, – что было бы куда лучшим испытанием их любви, если бы он привел ее на мыс Бичи-Хэд.

Грейс налил стакан горячей воды, морщась от вкуса фтора во рту, который этим утром казался сильнее обычного. «Пей больше простой воды», – постоянно твердил ему в спортзале его инструктор по фитнесу. Он пытался, но кофе с молоком и виски были куда вкуснее. Да и собственная внешность его не беспокоила.

До встречи с Клио.

Годы, прошедшие после исчезновения Сэнди, явились для него тяжким бременем. Полицейскую работу легкой не назовешь, но большинству копов, по крайней мере, было с кем поговорить дома по окончании смены. А Марлон, хотя и был неплохим компаньоном, для бесед не годился.

Грейс надел костюм для бега трусцой, оставил Марлону завтрак на случай, если позабудет сделать это потом, и вышел на пустынную улицу. Было прохладное летнее утро с

чистым небом, обещающим прекрасный день. Внезапно, несмотря на похмелье и недосыпание, Грейс почувствовал прилив энергии и быстро зашагал по улице.

Рой Грейс проживал в Хоуве – жилом районе, который до недавнего времени считался самостоятельным городом, хотя и непосредственно примыкающим к Брайтону. Ныне оба являлись объединенным городом Брайтон и Хоув. По слухам, греческое слово, от которого произошло название «Хоув», означало «кладбище».

Это было не так уж неуместно, так как Хоув выглядел тихим и спокойным рядом с шумным суетливым Брайтоном. Граница между ними начиналась у моря, в месте, отмеченном обелиском в память о павших на войне и цветной линией поперек набережной, но дальше становилась все более неопределенной, идя зигзагом к северу прямо через дома.

Скромная трехспальная половина двухквартирного дома, принадлежащая Грейсу, находилась на улице, выходящей на Кингсуэй – широкую дорогу, тянущуюся вдоль берега моря. Он пересек ее, затем побежал по влажной траве лужаек мимо детской площадки и двух заводей Хоувской лагуны, куда отец, любивший изготовлять модели моторных лодок, приводил его в детстве, позволяя орудовать пультом дистанционного управления.

Лагуна, казавшаяся юному Грейсу огромной, теперь выглядела маленькой и высыхающей. Ржавые качели, горка, нуждающаяся в краске, и все тот же киоск с мороженым придавали месту жалкий вид. Лодки по-прежнему запирали на ночь – в меньшей заводи плавали несколько уток, а на краю большей восседала группа лебедей.

Обогнув заводи, Грейс вышел на набережную, такую же пустынную, как вчера в то же время, и прошел мимо ряда голубых кабинок с душем. Пейзаж слева от него начал меняться. Сначала там тянулся ряд унылых жилых домов послевоенной постройки, но вслед за развлекательным центром «Король Альфред» их сменила куда более привлекательная эспланада зданий эпохи Регентства, в основном белых, с эркерами и террасами. Многие из них ранее служили местом отдыха богатых лондонцев, приезжавших на уик-энды, но ныне, как и большинство домов в этом городе с его заоблачными ценами на недвижимость, были переделаны в многоквартирные здания и отели.

Спустя несколько минут, приблизившись к границе между Брайтоном и Хоувом, Грейс увидел впереди справа торчащие из воды ржавые сваи – все, что осталось от Западного причала, некогда такого же оживленного, как находящийся в полумиле к востоку Дворцовый пирс.

Отец Грейса, заядлый рыболов, часто водил его на Дворцовый пирс, спускаясь на рыбачью площадку в дальнем конце, откуда во второй половине субботнего дня – во время перерыва футбольного сезона, когда «Альбион» играл в других местах, – они возвращались домой с солидным уловом, состоящим из мерлангов, лещей, камбалы, а если повезет, палтусов и даже окуней, в зависимости от течения и погоды.

Но не рыбалка служила главной приманкой на пирс для маленького Роя, а разнообразные аттракционы – автодром, поезд-призрак и особенно деревянные машины с застекленным передом, содержащие движущиеся картинки. Рой постоянно просил у отца несколько пенни для своего любимого аттракциона – «Дома с привидениями», – бросал их в щель и жадно наблюдал за появлением скелетов, призраков и самой Смерти в черном плаще с капюшоном и с косой в руке.

Когда энергия Грейса начала понемногу иссякать, слева появилось уродливое здание 60-х годов – развлекательный центр «Кингсуэст», абсолютно не гармонирующий с другими строениями побережья. В нескольких сотнях ярдов от него виднелся красивый фасад отеля «Старый корабль». Взбежав по лестнице на верхнюю набережную, он снова пересек почти пустую дорогу, миновал отель, свернул на автостоянку и посмотрел на часы.

Проклятие! Грейс понял, что плохо рассчитал время. Если он собирается начать инструктаж ровно в половине девятого – а это было важно для морального духа его

команды, – то у него остается меньше получаса, чтобы добраться домой, переодеться и снова выйти.

Теперь Грейс испытывал мучительную жажду, но у него не было времени даже подумать о том, чтобы остановиться и купить бутылку воды. Он вставил в щель контрольной машины билет и кредитную карточку, потом сбежал по бетонным ступенькам на тот ярус, где оставил машину, морщась от запаха мочи и удивляясь, почему лестница каждого автопаркинга, которым ему приходится пользоваться, оказывается еще и общественным туалетом.

45

Ровно в 8.29 Грейс приближался к оперативному штабу № 1, доедая завтрак – плитку «Марса» из торгового автомата и держа в руке чашку горячего кофе.

Быстро дожевав «Марс», он сунул в рот мятную жвачку, чтобы замаскировать оставшийся со вчерашнего вечера запах алкоголя, и уже собирался войти в комнату, когда услышал позади шаги.

– Ну, старина, как прошло свидание?

Обернувшись, Грейс увидел Гленна Брэнсона в блестящем, как зеркало, кожаном пиджаке и с чашкой капучино, пена от которого белела вокруг его рта, как седые усы.

– Прекрасно, – ответил Грейс.

– Прекрасно? И это все?

Грейс усмехнулся, жуя резинку.

– Ну, возможно, более чем прекрасно.

– Ты сам не знаешь?

– Пытаюсь вспомнить – я слишком много выпил.

– Но ты с ней переспал?

– Это было свидание не такого рода.

Брэнсон озадаченно посмотрел на него.

– Иногда ты меня удивляешь! Я думал, это цель любого свидания. – Он широко усмехнулся. – Потом я потребую подробный отчет. Как ей понравился твой наряд?

Грейс взглянул на часы и увидел, что уже больше половины девятого.

– Она только сказала, что у моего костюмера странное чувство юмора. – Он открыл дверь и вошел в комнату.

Брэнсон следовал за ним по пятам.

– Да неужели? Ты серьезно? Ну и ну!

Вся команда уже сидела вокруг стола, одетая весьма небрежно, за исключением Нормана Поттинга, который явился в лучшем воскресном облачении – бежевом костюме с ярким галстуком и еще более ярким носовым платком, торчащим из нагрудного кармана.

Грейс тоже оделся обычно, отчасти потому, что было воскресенье, отчасти из-за того, что чертовски устал, но в основном из-за предстоящего свидания с молодой леди – его крестницей Джей Сомерс, перед которой ему не хотелось выглядеть занудным старпером в костюме.

Поэтому Грейс надел кое-что из купленного вчера – белую футболку, джинсы, которые были тугими в промежности, но которые, как заверил его Гленн Брэнсон, «выглядели клево», ботинки на шнурках, похожие на футбольные бутсы и тоже, по-видимому, «клевые», и легкую хлопчатобумажную куртку.

Родители Джей Сомерс, Майкл и Виктория, были полицейскими и ближайшими друзьями Грейса и Сэнди, поддерживавшими его в тяжкие месяцы после исчезновения жены, да и в

последующие годы. С их четырьмя детьми в возрасте от двух до одиннадцати лет они стали для него почти второй семьей.

В прошлое воскресенье Грейс собирался повести Джей в Чессингтонский зоопарк, так как ей хотелось посмотреть жирафа, но через полчаса после их выхода из дому его вызвали на место убийства. Поэтому он обещал сходить с ней в зоопарк в это воскресенье.

Грейсу очень нравилась Джей. Ему всегда хотелось иметь такую дочь – хорошенькую, смышленую, интересующуюся абсолютно всем, – и он надеялся, что не разочарует ее вторично. Помимо всего прочего, это пошатнуло бы ее веру в надежность взрослых.

Первым пунктом на повестке дня был Реджинальд д'Эт – сексуальный правонарушитель, чей компьютер был изъят. Грейс сообщил команде, что детектив-сержант Рай из отдела высоких технологий обнаружил в этом компьютере несколько линий связи, идентичных с найденными в компьютере, принадлежащем Тому Брайсу. Эти линии могли привести к интернет-сайту, где, как считал Грейс после изнурительного допроса Тома, тот, по всей вероятности, видел убийство.

Грейс также сообщил, что в десять утра ждет звонка от кого-то из отдела защиты свидетелей с адресом д'Эта. Он поручил Норману и Нику сопровождать его по этому адресу, так как, по какой-то необъяснимой причине, испытывал дурное предчувствие относительно предстоящего разговора и считал, что подкрепление не помешает. Ник Николл доложил, что продолжал обход баров, пабов и клубов Брайтона до поздней ночи с фотографией Джейни Стреттон, но все еще безрезультатно.

Норман поведал о проверке клиентов эскортного агентства «БКЭ-247 лтд.». Пока ему не удалось найти ни одного, который бы признал знакомство с Джейни и соответствовал личности мужчины по имени Антон.

– Но, – добавил он, – я обнаружил кое-что в другом эскортном агентстве. Похоже, мисс Стреттон была зарегистрирована в обоих.

Норман продемонстрировал другую, еще менее пристойную фотографию Джейни Стреттон, чем та, которую Грейс видел в офисе «БКЭ-247 лтд.». Девушка была изображена полностью обнаженной, за исключением прикрытых сосков, в черных сапогах из лакированной кожи и утыканных гвоздями кожаных нарукавниках, с одной рукой на бедре и другой, размахивающей «кошкой-девятихвосткой».

Грейс был удивлен такой эффективностью Поттинга. Возможно, он недооценивал его.

– Где ты это раздобыл?

– В Интернете, – ответил Поттинг. – Я проверил всех девушек, предлагаемых местными агентствами, и узнал лицо.

Грейсу казалось, что поиски в Интернете немного чересчур для детектива старой школы типа Поттинга.

– Ты меня впечатлил, Норман, – сказал он, интересуясь про себя, были ли поиски Поттинга в агентствах, предоставляющих девиц, связаны исключительно с расследованием.

– Спасибо, Рой, – слегка покраснев, отозвался детектив-сержант, похотливо подмигнув Эмме Джейн, которая тут же занялась бумажной работой.

Помимо их рабочего стола, помещение почти пустовало, но с каждой минутой приходили все новые люди и усаживались у двух других столов. Преступность не считалась с уик-эндами.

Эмма Джейн отчиталась о задании, полученном вчера от Грейса. Она связалась со всеми фирмами мини-такси в районе Бромли в поисках водителя, который погрузил ящик скарабеев у Эрриджа и Робинсона, но пока не добилась успеха.

Их прервало громкое звучание рэпа. Это был новый звонок мобильника Брэнсона.

– Прошу прощения, – виновато сказал он. – Мой мальчишка установил.

Поднеся телефон к уху, Брэнсон отошел от стола.

– Что я могу сделать для вас, мистер Брайс? – услышал Грейс его голос. – Простите, связь плохо работает… Говорите, ваша жена не вернулась домой прошлой ночью? Ее все еще нет? Можете дать описание машины, которую она вела?

Брэнсон вернулся к столу, сел и начал записывать.

– Хорошо, сэр. Я проверю в дорожной полиции. «Ауди А-4»-универсал, спортивная модель. Позвоню вам по этому номеру.

– Ты сказал «ауди»-универсал? – спросил Ник Николл, когда Брэнсон отключил телефон.

– Да. А что?

Николл напечатал что-то на клавиатуре своего компьютера и посмотрел на монитор.

– Да, – сказал он. – Так я и думал.

Грейс устремил на него вопросительный взгляд.

– В половине пятого утра, – объяснил Николл, все еще глядя на экран, – «ауди»-универсал был найден горящим на Дитчлинг-Бикон. Номера выгорели дотла.

Лицо Брэнсона выразило глубокое беспокойство.

46

Джессика в розовом халате сидела на корточках на кухонном полу, поглаживая сонную Леди. Макс, стоя над сестрой в майке с Гарри Поттером, надетой задом наперед, произнес серьезным тоном, словно был ведущим авторитетом в таких делах:

– Сегодня воскресенье. Думаю, у нее воскресное утреннее валяние в постели! – Через несколько минут он переключил внимание на мультик по телевизору.

– Она не умрет, папа? – спросила Джессика.

Том, не спавший ни минуты, небритый, растрепанный, босой, в футболке и джинсах, опустился на колени и обнял дочь.

– Нет, дорогая, – ответил он дрожащим голосом. – Она просто приболела – подхватила какой-то вирус или что-то еще. Если ей не станет легче через час или два, мы вызовем ветеринара.

Том позвонил родителям Келли и всем близким друзьям на случай, если она осталась ночевать у кого-то из них. Он позвонил даже сестре Келли Марте, живущей в Шотландии. Но никто ее не видел и ничего о ней не слышал. Том не знал, кому еще звонить и что делать дальше.

Джессика поцеловала Леди в морду.

– Я люблю тебя, Леди. Мы тебя вылечим.

Собака не прореагировала.

Макс тоже присел на корточки и прижался лицом к груди овчарки.

– Мы все любим тебя, Леди. Ты должна встать, иначе пропустишь завтрак.

Том внезапно сообразил, что никто из них не завтракал. Было половина десятого.

– Когда мама вернется, она поможет Леди, – заявила Джессика.

– Конечно, – отозвался Том. – Должно быть, вы проголодались, ребята. Что вы хотите – французские тосты?

Келли всегда готовила детям французские тосты по воскресеньям.

– Ты их пережариваешь, – сказал Макс.

Поднявшись, он взял пульт и начал переключать каналы.

– Постараюсь не пережарить.

– А почему мама не может поджарить тосты?

– Обязательно поджарит. Я просто могу приготовить несколько штук, пока она не вернулась.

– Я не голоден, – сердито сказал Макс.

– Хотите хлопья?

– Ты их тоже пережариваешь, папа, – сказала Джессика, подражая брату.

– А мы не можем сегодня пойти на пляж? – спросил Макс. – Мама говорила, что пойдем, если будет хорошая погода. Вроде бы она хорошая, верно?

Том посмотрел в окно. Голубое небо обещало прекрасный летний день.

– Посмотрим.

Лицо Макса вытянулось.

– Она обещала!

– В самом деле?

– Да!

– Ну, мы спросим ее, когда она придет домой, что она хочет сегодня делать, ладно?

– Она, наверно, просто захочет выпить водки, – сказала Джессика, не поднимая взгляд.

Том не был уверен, что расслышал правильно.

– Что ты сказала, дорогая?

Девочка продолжала гладить собаку.

– Джессика, что ты сказала?

– Я видела, как она эта делала.

– Что делала?

– Я обещала не говорить.

Том нахмурился.

– Не говорить о чем?

– Ни о чем.

В дверь позвонили.

Макс выбежал в прихожую, возбужденно крича:

– Мама вернулась!

Джессика вскочила и побежала за братом. Том последовал за ними.

Макс открыл входную дверь и с мрачным удивлением уставился на высокого чернокожего мужчину в блестящем кожаном пиджаке и голубых брюках, стоящего на пороге. Джессика застыла, как вкопанная.

То́му не понравилось выражение лица детектива.

Гленн Брэнсон присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с Джессикой.

– Привет, – поздоровался он.

Девочка метнулась в кухню. Макс не двигался с места, продолжая в упор глядеть на посетителя.

– Могу я поговорить с вами? – обратился Брэнсон к Тому.

– Да, конечно. – Том жестом пригласил его войти.

Брэнсон посмотрел на Макса.

– Как дела?

– Леди не просыпается, – пожаловался мальчик.

– Леди?

– Наша собака, – объяснил Том. – Думаю, она заболела.

– Понятно.

Макс никак не уходил.

– Почему бы тебе не взять хлопьев для себя и сестры? – предложил Том.

Макс нехотя повернулся и поплелся в кухню. Том закрыл входную дверь.

– У вас есть новости? – Он все еще был озадачен словами Джессики о водке. Что имела в виду дочь?

– Мы нашли «ауди»-универсал, в котором, как вы сказали, уехала ваша жена, – тихо заговорил Гленн Брэнсон. – Рано утром он сгорел на Дитчлинг-Бикон, вероятно подожженный какими-то вандалами. Мы проверили номера шасси – он зарегистрирован на ваше имя.

– Сгорел? – Том замер, открыв рот.

– Боюсь, что да.

– А моя жена? – Том задрожал всем телом.

– В машине никого не было. Такое постоянно случается на уик-энды. Автомобиль угоняют, чтобы прокатиться, а потом поджигают для забавы или чтобы избавиться от отпечатков пальцев.

Тому понадобилось несколько минут, чтобы осмыслить услышанное.

– Жена отвозила домой няню, – сказал он. – Каким образом машину могли угнать?

Детектив-сержант не ответил.

47

У Брайтона и Хоува столько разных лиц, думал Грейс, и столько разных людей. Казалось, будто некоторые города разделены на разные этнические общины, но здесь общины были скорее социальными.

Обеспеченные пожилые люди жили в особняках или просторных квартирах, летом играя в крикет на Каунти-Граунд, гоняя шары на лужайках Хоува, сидя в шезлонгах на набережной или на пляже, а зиму проводя в Испании или на Канарах. Старики же победнее мерзли всю зиму – а иногда и половину лета – в сырых муниципальных квартирах.

Состоятельный средний класс обитал в шикарных домах района Хоув-4 или на побережье. Те же, кто поскромнее – вроде Грейса, – жили в западной части вплоть до пригорода Саутуика, за торговым портом Шорэмская гавань и в других районах, тянущихся вплоть до Даунса.

Яркость и оживленность придавали Брайтону и Хоуву бросающееся в глаза сообщество геев, а также студенты из Суссекского и Брайтонского университетов и других колледжей, колонизировавшие целые районы. Даже преступники разделялись на более видимых – наркоторговцев, прячущихся в темных уголках при малейших признаках полицейской машины, – и куда менее заметных их боссов, живущих за высокими оградами в роскошных домах Дайк-роуд-авеню и примыкающих к ней улиц.

Муниципальные застройки обрамляли город – два самых крупных квартала, Маулскомб и Уайтхок, давно пользовались дурной репутацией, хотя, по мнению Грейса, не особенно заслуженной. Преступлений и насилия хватало во всем городе, поэтому многие утешались, тыча пальцем в эти кварталы, словно там обитали другие подвиды Homo sapiens, а не обычные, в основном вполне достойные люди, которым просто не хватало денег на более респектабельное жилье.

Существовали и деклассированные элементы. Несмотря на регулярные попытки убрать их с улиц, как только наступало тепло, бомжи и пьяницы появлялись на тротуарах,

автобусных остановках и у магазинов. Это плохо отражалось на туризме, а еще хуже – на совести остальных жителей города.

С приходом весны и началом фестиваля в мае столики и стулья появлялись снаружи каждого кафе, бара и ресторана, после чего улицы сразу оживали. В эти дни, думал Грейс, иногда чувствуешь себя где-то на Средиземноморье. Но затем с ЛаМанша начинал дуть холодный юго-западный ветер, принося дождь, барабанящий по пустым столикам и окнам бутиков, где красовались манекены в купальных костюмах, словно смеясь над каждым, кто осмеливался притворяться, будто в Англии когда-нибудь бывает лето.

Центр города, через который они сейчас проезжали, занимал около квадратной мили неподалеку от Дворцового пирса. Здесь находились дома Кемптауна, построенные в эпоху Регентства, в одном из которых жила Джейни Стреттон, аллеи с антикварными магазинами и район Норт-Лейнс с его маленькими бутиками и такими же маленькими жилыми домами, среди которых было переделанное фабричное здание, где проживала Клио Мори.

Ник Николл сидел за рулем «форда-мондео» без опознавательных полицейских знаков. Грейс поместился рядом с ним, а Норман Поттинг устроился на заднем сиденье. Они ехали по Лондон-роуд в центре Брайтона. В любое другое время дня и ночи им пришлось бы пробираться сквозь транспортные заторы, но ранним воскресным утром дорога была пуста, если не считать пары автобусов.

Грейс посматривал на часы в надежде, что разговор с Реджи д'Этом не займет много времени и ему удастся выкроить пару часов для своей крестницы, сводив ее если не к жирафам, то хотя бы на ленч.

Они проехали мимо Королевского павильона с правой стороны – наиболее импозантного сооружения в городе, – но никто из трех мужчин даже не взглянул на него. К таким местам настолько привыкаешь, что они становятся практически невидимыми.

Украшенное башнями и минаретами здание в стиле индийского дворца было сооружено по заказу Георга IV – тогда еще принца Уэльского – в качестве приморского жилища для его любовницы, Марии Фицхерберт, в конце XVIII века. Вероятно, с тех пор во всем мире с аналогичной целью не было построено ничего подобного.

Автомобиль остановился у разворота на перекрестке с набережной, напротив Дворцового пирса. Длинноногая блондинка в юбке, едва прикрывающей ягодицы, не спеша перешла дорогу впереди, бросив кокетливый взгляд на сидящих в машине и бодро помахивая сумочкой.

– Наклонись, куколка, – пробормотал Поттинг. – Покажи нам свою попку!

Ник Николл повернул налево.

– Она что надо! – сказал Поттинг, обернувшись, чтобы посмотреть на блондинку в заднее стекло.

– Если не считать того, что это не она, а он, – поправил Ник Николл.

– Мужик! – ахнул Поттинг.

– Вот именно, – подтвердил детектив-констебль.

Они проехали по Военно-морскому плацу, мимо кучи битого стекла и коробок из-под пиццы у ночного клуба, роскошного многоквартирного дома «Ван Аллен» и черно-белых фасадов импозантного полумесяца Суссекс-сквер, где, как Гленн Брэнсон тысячу раз говорил Грейсу, когда-то жил Лоренс Оливье[26].

– Ты порешь чушь, – заявил Поттинг. – Она клевая баба.

– Только кадык у нее здоровенный, – усмехнулся детектив-констебль.

– Таким ублюдкам нельзя позволять свободно расхаживать по улицам!

– Тебя могут привлечь за оскорбление, Норман, – обернулся к нему Грейс.

– Знаю, Рой, но для меня оскорбителен один вид гомика, – отозвался Поттинг. – Никогда не мог их понять.

– Поскольку Брайтон – столица геев Соединенного Королевства, – с раздражением заметил Грейс, – то, если у тебя с этим проблемы, ты выбрал либо не тот город, либо не ту работу. – «И не ту машину», – едва не добавил он, шаря в кармане в поисках парацетамола.

Слева от них проплывали одна за другой террасы белых домов периода Регентства, а справа виднелись паруса дюжины яхт, отправляющихся на воскресные гонки.

– А этот парень, Реджиналд д'Эт, с которым мы собираемся поболтать, тоже один из них? – осведомился Норман Поттинг.

– Нет, – ответил Ник Николл. – Он просто не любит девочек старше четырех лет.

– Вот этого я уж вовсе не понимаю, – сказал Поттинг.

«Наконец-то у нас нашлось хоть что-то общее», – мрачно подумал Грейс, доставая таблетку из пакетика.

Они поднялись на крутой холм позади Роттингдина, проехали мимо игрового поля начальной школы с площадкой для крикета в центре и свернули на улицу с коттеджами по обеим сторонам. Это был тихий район.

Хороший выбор безопасного места, подумал Грейс, за исключением одной детали, которую, вероятно, упустили из виду. Кто в здравом уме мог поселить педофила в нескольких ярдах от школьного игрового поля? Он недовольно покачал головой. О чем они думали?

– Мистер д'Эт нас ожидает? – спросил Николл.

– Полагаю, с утренним кофе и сундуком девочек, не достигших восьмилетнего возраста, – ухмыльнулся Норман.

Грейс ответил, игнорируя жутковатую шутку:

– Женщина из отдела защиты свидетелей, с которой я разговаривал, сказала, что для него оставили сообщение.

Они остановились у дома номер 29. Коттедж 50-х годов выглядел чуть более ветхим, чем остальные, и явно нуждался в ремонте. Передний садик также пребывал в скверном состоянии, напомнив Грейсу, что он собирался в этот уик-энд косить лужайку, а сегодня как раз подходящий день. Когда ему теперь подвернется шанс?

Он велел Норману Поттингу ждать на улице на случай, если Реджиналд д'Эт не получил сообщение об их визите и попытается бежать, после чего в сопровождении детектива-констебля Николла поднялся к входной двери. Ему не нравилось, что портьеры на окнах передней комнаты были задернуты без четверти одиннадцать. Хотя, возможно, мистер д'Эт привык вставать поздно. Грейс нажал кнопку звонка. Внутри послышалось негромкое звяканье, и вновь наступила тишина.

Подождав, он позвонил снова. Ответа не последовало.

Открыв щель почтового ящика, Грейс присел на корточки и крикнул:

– Мистер д'Эт, это детектив-суперинтендент Грейс из брайтонской уголовной полиции!

Опять никакого ответа.

Сопровождаемый Николлом, Грейс обошел дом сбоку, протиснувшись в узкую щель между мусорными ящиками, и открыл высокую деревянную калитку. Задний сад был в гораздо худшем состоянии, чем передний, – лужайка заросла сорняками, а на газонах царило буйство вьюнков и крапивы. Перешагнув через опрокинутую лейку, Грейс подошел к кухонной двери с панелями из матового стекла, одна из которых была разбита. Осколки валялись на вымощенной кирпичом дорожке.

Бросив взгляд на Ника Николла, чья нахмуренная физиономия отражала его беспокойные мысли, Грейс повернул ручку, и дверь сразу открылась.

Они вошли в потрепанную временем кухню с древним холодильником «Лек» и столиком с пластиковой крышкой, на котором стояли тостер и чайник. На другом столике находились остатки пищи – тарелка с недоеденными яйцами и фасолью и выпитая до половины кружка чая, – а также журнал, открытый на развороте с фотографиями голых детей.

– Фу! – С отвращением посмотрев на журнал, Грейс окунул палец в чай, который оказался ледяным. Вытерев палец о кухонное полотенце, висевшее на полке, Грейс снова окликнул: – Реджиналд д'Эт, это полиция Суссекса! Вы можете спокойно выйти – мы пришли поговорить с вами! Нам нужна ваша помощь в расследовании!

Молчание.

По коже у Грейса забегали мурашки. Помимо тишины, ему не нравился запах – не затхлый запах старой кухни, а более едкий и знакомый. Грейс не мог вспомнить его источник, но что-то говорило ему, что запах привнесен в дом извне.

Ему срочно нужно было поговорить с д'Этом о том, что тот видел на своем компьютере. Грейс знал от Джона Рая, что Реджи д'Эт следовал тем же линиям связи, что и Том Брайс, и не сомневался, что педофил располагает информацией о том, что видел Том Брайс.

Это была их лучшая нить в деле об убийстве Джейни Стреттон, которая могла не только продвинуть расследование, но и спасти его карьеру.

Он должен добиться успеха!

Грейс кивком подал знак Нику Николлу начать осмотр дома. Детектив-констебль вышел из кухни, и Грейс последовал за ним в маленькую гостиную, где запах ощущался еще сильнее. Здесь находились дешевый мебельный гарнитур из трех предметов, старый телевизор, пара скверно окантованных репродукций Тернера[27] и одинокая фотография в рамке на полке над электрокамином.

Грейс посмотрел на изображенную на снимке пару в чопорной позе – мужчину лет тридцати пяти с безвольным детским лицом, в сером костюме с ярким галстуком и слишком высоким воротничком рубашки, обнимавшего за талию упрямую на вид блондинку у входа в здание, напоминающее брачную контору.

Внезапно он услышал крик:

– Боже мой, Рой!..

Выбежав из комнаты, Грейс увидел в коридоре Николла. Тот лежал перед распахнутой дверью, закрыв лицо рукой и кашляя.

Когда он подбежал к нему, едкий запах защекотал горло. Задержав дыхание, Грейс шагнул мимо детектива-констебля в ванную цвета авокадо и увидел сквозь удушливую пелену Реджи д'Эта.

По крайней мере, то, что от него осталось.

48

Теперь Грейс точно знал, что это за запах. В голове у него мелькнул тошнотворный стишок, который заставлял всех зубрить учитель химии в школе.

Лежит и не дышит бедняга Джо

В своей одинокой квартире.

То, что он принял за H_2O,

Было H_2SO_4.

У Грейса горело лицо и щипало в глазах. В помещении было опасно оставаться больше нескольких секунд, но их оказалось достаточно, чтобы увидеть все необходимое.

Реджи д'Эт лежал в ванне, погруженный по шею в жидкость, которая выглядела как вода. Но в действительности это была серная кислота. Она уже разъела большую часть его

кожи, мышц и внутренних органов ниже шеи, оставив чистый, частично разложившийся скелет, с которого еще кое-где свисали остатки мускульной ткани.

Металлический обод вокруг шеи был прикреплен к полке для полотенец сверху. Лицо д'Эта покрывали волдыри.

Грейс вышел из ванной, пятясь задом, и столкнулся с Николлом. Двое мужчин уставились друг на друга.

– Мне нужен воздух, – задыхаясь, вымолвил Грейс, нетвердым шагом направившись к входной двери в сад.

Николл последовал за ним.

– Все в порядке? – спросил Норман Поттинг, прислонившись к машине и попыхивая трубкой.

– Не совсем, – ответил Грейс.

Он несколько раз глубоко вдохнул свежий воздух. Мысли и зрение постепенно прояснялись. Невдалеке на улице какой-то мужчина мыл автомобиль. Где-то урчала газонокосилка. Николл снова закашлялся.

Грейс достал из кармана мобильник новой модели и посмотрел на кнопки – он практиковался с ним несколько раз, но еще не использовал функцию фотокамеры. Прижав к носу платок, он вернулся в дом, подошел к ванной, набрал за дверью воздух в легкие, шагнул внутрь, быстро сделал несколько снимков и вышел.

В коридоре стоял Ник Николл.

– Все о'кей, шеф?

– Лучше не бывает. – Грейс шумно выдохнул и спрятал мобильник.

Снова сделав глубокий вдох, он нырнул в ванную, сорвал с вешалки полотенце, обмотал им голову Реджи д'Эта и с силой дернул на себя.

После нескольких рывков голова вместе с частью спинного хребта выскользнула из ошейника. Удивляясь ее тяжести и все еще задерживая дыхание, Грейс вынес ее в коридор и положил на пол.

Молодой детектив-констебль, бросив взгляд на голову, согнулся пополам, ударившись о стену. Его тут же вырвало.

Припомнив кое-что из тренировок по оказанию первой помощи, Грейс побежал в кухню, нашел в шкафу миску, наполнил ее холодной водой, вернулся в коридор и вылил воду на лицо д'Эта, пытаясь смыть кислоту. Если там оставались какие-то улики, их нужно было сохранить, да и в любом случае это помогло бы идентификации. От запаха рвоты детектива-констебля его тоже затошнило, и, поспешив назад в кухню вновь наполнить миску, он едва не последовал примеру подчиненного.

Снова вернувшись в кухню, Грейс затребовал по рации подкрепление для охраны места происшествия и опроса соседей. Разговаривая, он заметил телефон без проводов, лежащий под журналом, который д'Эт, очевидно, читал за едой.

Закончив разговор, Грейс подобрал телефон, используя носовой платок, потом поднес его к уху и нажал кнопку повторного набора. На дисплее появился местный номер, потом телефон зазвонил. После двух звонков послышался почти подобострастно вежливый мужской голос:

– Доброе утро. Агентство Добсона слушает. Чем можем вам помочь?

– Это детектив-суперинтендент Грейс из брайтонской уголовной полиции. Кажется, некий мистер Реджинальд д'Эт звонил вам недавно. Можете сообщить, по какому поводу?

– Очень сожалею, – отозвался вежливый голос, – но имя мне незнакомо. Возможно, с ним говорил кто-то из моих коллег.

– А что у вас за заведение?

– Похоронное бюро.

Поблагодарив, Грейс отключил связь и набрал 1471. Вскоре послышался голос автоответчика:

– К сожалению, звонивший не указал свой номер.

Итак, последний звонок д'Эта был в похоронное бюро, где его не зафиксировали. Может быть, телефонный номер оставил убийца в качестве злой шутки?

Погруженный в раздумье, Грейс вышел и позвал в дом Нормана Поттинга. Казалось несправедливым оставлять его на солнце, с наслаждением попыхивающего трубкой.

Прошел почти час, прежде чем прибыли первые полицейские, включая весьма недовольного Джо Тиндалла, который все больше разочаровывался в Рое Грейсе.

– Это становится твоей регулярной воскресной привычкой, Рой?

– Мне, между прочим, тоже полагается выходной, – огрызнулся в ответ Грейс, испытывая недостаток чувства юмора.

Тиндалл покачал головой.

– До моей отставки остается всего пятнадцать лет, восемь месяцев и семь дней, и я считаю каждую секунду.

Грейс проводил Тиндалла по коридору к ванной, и представившееся зрелище отнюдь не улучшило настроение последнего.

Выйдя из дома, Грейс нырнул под полицейскую ленту оцепления и стал пробираться через быстро увеличивающуюся толпу любопытных соседей, сознавая, что уже больше часа не думал о Клио Мори. На улице стояло полдюжины полицейских автомобилей.

Два полисмена в униформе стучали в дверь соседнего дома, готовые начать опрос.

Отойдя подальше, Грейс набрал номер Сомерсов и извинился перед Джей за то, что поход в зоопарк придется отложить снова. Разочарование в голосе девочки подействовало на него удручающе. Он обещал, что они пойдут к жирафам через неделю, но, судя по ее голосу, она не слишком ему верила.

Потом Грейс позвонил Клио, но услышал автоответчик.

– Привет, – сказал он. – Я звоню поблагодарить тебя за вчерашнюю встречу. Позвони, когда сможешь. Надеюсь, ты сегодня не на дежурстве – у меня на руках очень неприятный труп.

Головная боль, похмелье и дурное настроение навалились с удвоенной силой, а горло казалось вычищенным наждаком. Нехотя вернувшись к дому, Грейс подошел к Николлу и Поттингу, которые стояли снаружи и болтали с охранниками.

– Кто-нибудь хочет выпить? Лично я чертовски в этом нуждаюсь.

– Только не воду из ванны мистера д'Эта, – ответил Поттинг.

Грейс почти улыбнулся.

49

Келли пыталась шевельнуться, но боль в руках усиливалась при каждой попытке – веревка, проволока или что-то еще, связывающее их, все глубже вонзалось в плоть. А когда она пробовала кричать, глубокий звук заставлял лицо вибрировать.

– Ммммммнннннннннууууууг!

Келли ничего не видела и даже не могла открыть глаза. Она ничего не слышала, кроме стука крови в ушах – звука собственного страха.

Ее трясло от ужаса и холода. И от отсутствия алкоголя. Пересохшее горло отчаянно требовала глотка водки. Или хотя бы воды.

В промежности ощущались холод и зуд. Она некоторое время назад наконец помочилась, будучи не в силах сдерживаться. На несколько минут стало тепло, но потом холод вернулся. В нос ударил плесневелый ледяной запах погреба.

Келли понятия не имела, сколько сейчас времени и где она находится. Холод и страх сковывали ее, не позволяя ясно мыслить.

Лишь иногда ей казалось, что она слышит отдаленные звуки транспорта и даже сирены. Может быть, к ней пришли на помощь?

Слезы наполняли заклеенные глаза. Ей хотелось слышать голоса Тома, Джессики и Макса, чувствовать их руки, обнимающие ее. Келли с трудом пыталась вспомнить происшедшее.

Она отвезла Мэнди Моррисон, остановилась у дома ее родителей в современном испанском стиле на Тонгдин-Лейн, на крутом холме возле Уитдинского стадиона, и сидела в машине, слушая музыку по радио и ожидая, пока Мэнди войдет в дом.

Мэнди открыла дверь, шагнула через порог, повернулась, помахала рукой и закрыла за собой дверь.

Потом передняя и задняя дверцы открылись и рука, крепкая как сталь, потянула ее назад за шею. Что-то мокрое и едкое прижалось к носу, и наступил провал.

Келли очнулась, дрожа на холодном полу.

Она снова попыталась пошевелить руками, но боль стала нестерпимой. Тогда она попробовала двигать ногами, но они казались зацементированными. Ее дыхание становилось чаще, грудь сдавило.

Внезапно Келли почувствовала свет. Тьма за ее веками превратилась в красную пелену.

Издав крик боли, когда пластырь сорвали с глаз, она быстро заморгала, на момент ослепленная светом. Над ней стоял толстый коренастый мужчина с самодовольной ухмылкой на лице, вьющимися серебристыми волосами, собранными в хвостик на затылке, и в мешковатой рубашке, расстегнутой до пупка.

Сначала Келли почувствовала облегчение, подумав, что этот человек пришел ей на помощь. Она попыталась заговорить с ним, но из горла вырвалось только бульканье.

Мужчина молча разглядывал ее с задумчивым видом. Наконец он улыбнулся, и сердце Келли радостно подпрыгнуло. Он пришел забрать ее отсюда, увезти домой к Тому, Джессике и Максу!

Внезапно его язык, прищелкнув, быстро облизнул губы, напомнив змеиное жало.

– Ты выглядишь как баба, которой можно вставить до самой задницы, – заговорил он с американским акцентом.

Мужчина сунул руку в карман, и Келли услышала звяканье металла. Скованная страхом, проникшим в каждую клеточку ее тела, она увидела в пальцах незнакомца тонкую серебряную цепочку.

– Я принес тебе подарок, Келли, – продолжал он тоном лучшего друга, придвинув к ее лицу свисающий с цепочки брелок.

При тусклом свете она не могла толком разглядеть выгравированный на нем рисунок – он показался ей похожим на какого-то жука.

– Можешь расслабиться, – сказал мужчина. – Мы просто сделаем несколько снимков для вашего семейного альбома.

– Грнннгвг, – отозвалась она.

– Если будешь хорошей девочкой и сделаешь то, что я скажу, я, может быть, позволю тебе выпить «Столичной». Это твоя любимая водка, не так ли?

В другой руке незнакомец держал бутылку.

– Не хочу, чтобы ты умерла от жажды. Это была бы ненужная потеря.

50

– Подходящая у него фамилия, – заметил Норман Поттинг. – Д'Эт. Произносится как смерть[28].

Грейс, Поттинг и Николл сидели в отделанном дубом баре-салоне «Черный лев» в Роттингдине – перед каждым стояло пиво. Грейс сделал глоток, поднеся ободок кружки к носу и вдыхая аромат хмеля в попытке избавиться от тошнотворного запаха серной кислоты.

Он чувствовал, как дрожит его рука. С похмелья или из-за увиденного сегодня утром?

Грейс вспомнил, как в начале своей карьеры, когда он патрулировал ночные улицы в полицейском автомобиле, его вызвали к месту самоубийства на железнодорожной линии Лондон–Брайтон. Мужчина лег на рельсы у въезда в туннель, и колеса прошлись по его шее. Грейсу пришлось искать голову в стороне от путей.

Он так и не смог забыть сюрреалистическое зрелище лежащей на земле и освещенной лучом фонаря головы, почти без всякого кровотечения, отрезанной с хирургической аккуратностью. Мертвецу было около пятидесяти; у него был здоровый румяный цвет лица. Грейс подобрал голову за всклокоченные рыжеватые волосы и удивился ее тяжести. Голова д'Эта была такой же тяжелой.

Он наблюдал за калейдоскопом огоньков в игральном автомате, которым никто не пользовался, слыша сопровождавшую их тихую мелодию. Было еще рано, и в баре находилось только несколько человек. У камина расположился щеголеватый мужчина, похожий на журналиста. Он потягивал нечто вроде «Кровавой Мэри» и читал «Обсервер». Пожилая пара сидела в паре столиков от него, молча склонившись над стаканами.

Думая о повестке дня, нарушенной убийством д'Эта, Грейс беспокоился из-за встречи Ника Николла с инспектором, расследовавшим убийство в Уимблдоне, где два месяца назад нашли обезглавленную молодую женщину с браслетом, к которому была прикреплена подвеска в виде скарабея. Может, лучше поехать самому, а не посылать младшего члена команды?

– Когда ты встречаешься с инспектором, занимавшимся убийством в Уимблдоне? – спросил Грейс, повернувшись к Николлу.

– Он должен позвонить мне во второй половине дня. У него брат в Брайтоне, и он приезжает сходить с ним на ленч.

– Дай мне знать, и я поеду с тобой.

– Да, сэр.

Несмотря на то, что ему было уже под тридцать, в Нике еще оставалось многое от застенчивого юнца. Он все еще не мог заставить себя называть шефа по имени, о чем Грейс просил всех членов своей команды.

Грейс проверял растущее количество записей на дисплее своего «блэкберри». Запах жареного мяса из кухни вызывал у него тошноту. Пройдет немало времени, прежде чем он сможет проглотить хотя бы кусочек пищи. Грейс даже не был уверен, что поступает разумно, употребляя алкоголь после такого количества парацетамола. Но это был один из тех моментов, когда он нуждался в выпивке – на службе или нет.

Грейс достал из кармана мобильник проверить, не отключился ли случайно телефон и не пропустил ли он звонок от Клио.

Он слегка беспокоился о том, как дела у Гленна Брэнсона. Под крутой внешностью вышибалы из ночного клуба скрывалась добрая и мягкая душа, даже слишком мягкая для такой работы.

– Серная кислота, – задумчиво промолвил Поттинг, подняв стакан и сделав большой глоток.

Грейс посмотрел на него. Бедняга не обладал привлекательной внешностью – фактически он находился на грани уродства. Несмотря на старческие слабости детектива, Грейс внезапно ощутил жалость к своему коллеге, чья бравада скрывала печаль и одиночество.

Поставив стакан на стол, Поттинг сунул руку в карман, достал трубку, вставил ее в рот и вынул из другого кармана коробок спичек. Ник Николл молча наблюдал за ним.

– Ты когда-нибудь курил, парень? – спросил Поттинг.

Молодой детектив-констебль покачал головой.

– Так я и думал – ты не похож на курильщика. Сохраняешь форму?

– Пытаюсь. – Николл глотнул пиво. – Мой папа курил и умер в сорок восемь лет от рака легких.

– Сигареты?

– Двадцать штук в день.

Поттинг самодовольно взмахнул трубкой.

– Это совсем другое дело.

– Ник хороший бегун, – вмешался Грейс. – Хочу переманить его в свою команду регби этой осенью.

– Сейчас Суссексу нужны хорошие бегуны, – отозвался Поттинг. – Вчера «Хорлики» играли с чертовым Сурреем и промазали трижды из десяти! – Он чиркнул спичкой и зажег трубку, выпустив облачко сладковатого дыма, который вился вокруг Грейса.

Поттинг попыхивал трубкой, пока содержимое чашки не засветилось немигающим красноватым сиянием.

Обычно Грейсу нравился запах трубочного дыма, но не сегодня утром. Он отмахнулся от дыма, наблюдая, как тот лениво поднимается к разрисованному никотином потолку. Конечно, убийство Реджи д'Эта могло быть всего лишь совпадением. Этот человек был главным свидетелем в процессе над членами крупной международной организации педофилов. У многих имелись веские причины желать, чтобы он умолк навсегда.

Тем не менее то, что обнаружили в двух компьютерах, скорее указывало на другую возможность. Брайса предупреждали, чтобы он не вступал в контакт с полицией. Он игнорировал предупреждение – и правильно поступил! Полицейское обследование компьютера Брайса связало его с компьютером д'Эта. Менее чем через сутки д'Эт был убит.

Игральный автомат раздражающе позвякивал, как ксилофон. Поттинг и Николл беседовали о крикете, и Грейс все глубже погружался в свои мысли. Когда они вернулись в машину, он продолжал напряженно думать и едва отметил информацию, которую сообщил Норман Поттинг, переключившись с крикета на Реджи д'Эта.

51

Ветеринар, представившаяся как Дон – мужеподобная австралийка лет тридцати пяти, – опустилась на колени рядом со все еще сонной Леди, приподняла левое веко овчарки и обследовала глаз при свете фонарика. Макс и Джессика с тревогой наблюдали. Том стоял, обнимая их за плечи.

Детектив Гленн Брэнсон вышел позвонить.

Том смотрел на собаку, думая о своем. Вчера утром он пошел в полицию, игнорируя предупреждение, полученное по электронной почте. А теперь Келли исчезла, и машину сожгли…

«Господи, дорогая, где же ты?»

Стоя на улице при ярком свете утреннего солнца, Брэнсон прижимал к уху мобильник и разговаривал с констеблем Линдой Бакли из отдела семейных проблем, прося ее приехать в дом Брайсов.

Сразу же после окончания разговора телефон зазвонил. Это оказался констебль Дадли Бантинг из транспортной полиции, ответивший на вызов Брэнсона. Гленн сообщил ему, что именно ищет, добавив, что это очень срочно. Бантинг обещал перезвонить, как только сможет.

– Мне это нужно сегодня, а не через три недели, – сказал Брэнсон.

– Но сегодня воскресенье, – неуверенно отозвался Бантинг.

– Знаю. Мне следовало быть в церкви, а я сейчас у бедняги, который собирался провести день с женой, и двух ребятишек, которые собирались провести его с матерью, но ее, похоже, кто-то похитил среди ночи. Может, ты пожертвуешь воскресным обедом с тестем и тещей и пошевелишь для меня своим гребаным пальцем?

Бантинг заверил, что использует палец на полную катушку.

Когда Брэнсон закончил разговор, на дисплее мобильника появился сигнал сообщения, сопровождаемый резким бибиканьем.

Детектив уставился на вывеску спортзалала по другую сторону дороги. «Джим и тоник» – недурное название. Он попробовал кулаком мышцы живота. Они все еще крепкие, но скоро ему понадобится спортзал. Было время, когда он ходил туда каждый день, а сейчас дай бог дважды в неделю.

Но кое-что другое вызвало у него куда большее чувство вины, когда он посмотрел на ясное голубое небо и ощутил тепло солнца на лице.

Эри, его жена, и его дети.

Сэмми было восемь, а Рэми только три, и он тосковал по обоим каждую минуту, когда не был с ними. А последние дни работа отнимала все время.

Брэнсон нажал кнопку приема сообщений и стал слушать устное послание Эри, зачитанное саркастическим тоном:

«Гленн, я собираюсь на пляж с Сэмми и Рэми. Было бы неплохо, если бы ты присоединился к нам, как обещал. Дети хотели бы видеть своего отца хотя бы час на уик-энд. Может быть, ты позвонишь мне? Если ты забыл, меня зовут Эри, и я твоя жена».

Гленн тяжело вздохнул. Они ссорились все чаще из-за его работы. Эри, казалось, уже забыла, что весь прошлый уик-энд он посвятил поездке в Солихалл на тридцатилетний юбилей ее сестры, свалив все дела на широкие плечи Грейса.

Проблема Гленна Брэнсона состояла в том, что он был честолюбив и жаждал повышения по службе, которого добился Рой Грейс. Но это означало долгие часы работы в течение ближайших двадцати лет.

У многих его коллег служба скверно отражалась на семейной жизни. Похоже, счастливы в браке были только полицейские, женатые на других полицейских. Когда-нибудь ему придется принять важное решение: работа или семья.

Впрочем, иронии тут тоже хватало. Вскоре после рождения Сэмми, когда Гленн Брэнсон работал вышибалой в ночном клубе, он решил сделать карьеру, которой бы гордился его сын, и поступил в суссекскую полицию.

Брэнсон уже собирался позвонить Эри, когда его отвлек голос позади. Это был Том Брайс, который выглядел скверно – лицо бледное, глаза испуганные.

– Могу я поговорить с вами наедине, сержант Брэнсон? – спросил он.

– Конечно.

Они влезли в «мондео» Брэнсона и закрыли двери.

– Я хочу спросить: считаете ли вы, что нам грозит опасность? Не должен ли я увезти куда-нибудь детей? Уйти в укрытие?

Детектив не знал, что ответить. Некоторое время он молчал, думая о жестоком убийстве Джейни Стреттон, предупреждении, полученном Брайсом по электронной почте, и его исчезнувшей жене. Для ответа ему не хватало информации. Но что, если бы такое случилось с ним и Эри исчезла? Мог ли он честно посмотреть Тому Брайсу в глаза и посоветовать ему не беспокоиться?

Но была ли альтернатива? Круглосуточная полицейская охрана? Он сомневался, что ее можно обеспечить без достаточных доказательств, которые убедили бы Элисон Воспер пойти на такие расходы. Перевезти их в безопасное место? Полчаса назад ему позвонил Рой Грейс, сообщив о Реджи д'Эте. Вот вам и безопасное место!

– Думаю, мы должны учитывать возможность, что вашу жену похитили, мистер Брайс.

Этого и боялся Том, хотя одна мысль внушала ему сомнение. В голове у него вертелись слова Джессики: «Она, наверно, просто захочет выпить водки. Я видела, как она это делала. Я обещала не говорить».

– Я договорился со служащей из семейного отдела, – продолжал детектив. – Она очень компетентный сотрудник и побудет здесь, если вы согласитесь. Они с коллегой организуют посменное дежурство, чтобы обеспечить вам и вашим детям круглосуточную защиту.

– Вы бы поступили так на моем месте, сержант?

– Да, – неуверенно ответил Брэнсон. – По крайней мере, сейчас. Посмотрим, что мы узнаем сегодня.

Гленн Брэнсон опустил взгляд, чтобы не смотреть в глаза бедняге. «Хотел бы я, чтобы Сэмми и Рэми оставались дома при таких обстоятельствах?» – спрашивал он себя и не находил ответа.

52

– Картофель, – внезапно сказал Норман Поттинг.

Трое полисменов ехали в автомобиле – Ник Николл сидел за рулем, – возвращаясь из паба в Роттингдине в Суссекс-Хаус. Кружка пива после парацетамола и выпивки накануне погрузила Грейса в дремоту.

– Картофель? – переспросил Николл.

– Я рос на ферме, – объяснил Поттинг. – Мой отец всегда опрыскивал картофель серной кислотой. Конечно, разведенной – она не причиняла никакого вреда.

– Серной кислотой? Ты серьезно?

Слова «серная кислота» привлекли внимание Грейса.

– Я всегда говорю серьезно, – отозвался Поттинг. – Кислота уничтожает побеги и облегчает сбор урожая.

– А также уничтожает всякого, кто ест картофель! – усмехнулся Грейс.

– Чепуха, – заявил Поттинг. – От небольшого количества пестицидов ничего плохого не бывает. Посмотри на меня!

– Смотрю, – сказал Николл, глядя в зеркало заднего вида.

– Я ни разу в жизни не болел!

«Ты просто постоянно болен», – подумал Грейс.

– В умелых руках это безвредная штука, – продолжал Поттинг.

– Не думаю, чтобы Реджи д'Эт с тобой согласился, – заметил Грейс.

– Ты бы дал своим детям картофель, опрысканный серной кислотой? – спросил Николл.

– Без проблем, – отозвался Поттинг.

– А у меня возникли бы проблемы, – сказал молодой детектив-констебль.

– Сколько у тебя детей? – осведомился Поттинг после короткой паузы.

– Первый появится со дня на день, – ответил Николл. – А у тебя?

– Двое от первого брака, один от второго и еще двое от третьего. У малышки Сузи синдром Дауна. Правда, я не часто их вижу, – с тоской добавил Поттинг.

Эти слова явно произвели впечатление на Николла.

– Синдром Дауна? – переспросил он.

Поттинг кивнул.

– Очень жаль, – вздохнул Николл.

Поттинг пожал плечами.

– Что поделаешь. Она славная девчушка – всегда всем довольна. В каждой семье свои беды.

– Ты все еще женат? На своей третьей?

Лицо Поттинга вытянулось.

– Нет. – Он поджал губы. – Я холост и свободен, как суперинтендент Грейс. Поверь мне, парень, это куда лучше.

– Вообще-то я вполне счастлив в браке, – сказал Ник Николл.

– Тебе повезло.

– Значит, если нам нужен человек, у которого достаточно серной кислоты, чтобы наполнить ванну, мы должны искать фермера, который сажает картофель? – спросил Грейс, обернувшись.

– Или кого-то, кто снабжает таких фермеров, – ответил Поттинг. – Или фармацевтические компании. Или производителей лимонных и молочных кислот, пищевого масла, пластырей, взрывчатки, синтетической резины, древесной массы, дубленой кожи, автомобильных батарей…

– Похоже, ты специалист по серной кислоте, – сказал Николл.

– Несколько лет назад я участвовал в одном деле. Парень в Кройдоне плеснул кислотой в лицо подружке, которая его бросила. Очевидно, это обычная практика в африканских странах.

– Симпатичный парень, – усмехнулся Николл.

– Просто очаровашка. Вот что бывает, когда имеешь дело с черными.

Грейс вышел из себя:

– Должно быть, ты обратил внимание, Норман, что один из членов нашей команды черный? Если ты сделаешь еще одно расистское или гомофобское замечание, я добьюсь, чтобы тебя понизили в звании. Понятно?

– Прости, Рой, – после длительной паузы извинился Поттинг. – С моей стороны это не слишком тактично. Детектив-сержант Брэнсон хороший человек.

«Хотя и черный?» – подмывало спросить Грейса. Вместо этого он сказал:

– Чтобы наполнить ванну, нужно несколько галлонов кислоты. Соседи должны были что-то заметить. Для тебя два поручения, Норман. Сначала узнай у полицейских, проводивших

опрос, не видел ли кто за последние несколько дней на улице какой-нибудь незнакомый транспорт. А потом выясни, имеются ли в районе поставщики или пользователи серной кислоты в больших количествах.

– До или после того, как я закончу с книгами эскортного агентства «БКЭ-247 лтд.», шеф?

– Тебе придется выполнять несколько заданий одновременно, как и всем нам, Норман.

Два громких сигнала мобильника сообщили Грейсу о входящем тексте. Он посмотрел на дисплей и увидел, что текст прислала Клио. Его настроение сразу же поднялось, но после знакомства с сообщением упало снова – хотя и не до плинтуса.

53

Просмотровый зал был крошечной каморкой без окон. При наличии только Гленна Брэнсона и Тома Брайса он казался битком набитым. С точки зрения Брэнсона, бывавшего здесь весьма редко, это был еще один пример плохо продуманной переделки здания.

Том Брайс сидел за столом с монитором и аппаратурой для видео и компакт-дисков. Машина была загружена пленками кабельного телевидения из двух камер на железнодорожной станции Престон-парк, первой остановки к северу от Брайтона, часто используемой пассажирами из-за близости к городским окраинам и свободной парковки на близлежащих улицах. На этой станции сошел Увалень, находившийся рядом с ним в поезде вечером в прошлый вторник и оставивший компакт-диск.

Констебль Бантинг отлично поработал. Через два часа после звонка Гленна в транспортную полицию он предъявил пленки с платформы Престон-парка, откуда поезда следуют в южном направлении, отснятые во время прибытия поезда Тома.

Том старался сосредоточиться, но ему мешало беспокойство о Келли. Его знобило, так как он весь день ничего не ел и пил слишком много кофе. Желудок казался набитым колючей проволокой.

Внезапно раздался звонок мобильника. Том посмотрел на дисплей, но не узнал номер.

– Лучше я отвечу, – сказал он.

Брэнсон ободряюще кивнул.

Звонила Линн Коттслоу – лучшая подруга Келли, также живущая в Брайтоне, – она спрашивала, есть ли какие-нибудь новости и чем она и ее муж в состоянии помочь. Может быть, привезти продукты или посидеть с детьми? Том поблагодарил и сказал, что в доме организовано дежурство полицейских. Линн попросила позвонить, как только появятся новости. Том обещал это сделать и вернулся к своей задаче.

Первая камера демонстрировала всю платформу с высоты. Какой-то поезд отходил от станции. Счетчик в верхнем правом углу показывал 19.09.

– Этот состав следует до вокзала Лондон-Бридж, – информировал Тома Гленн Брэнсон. – Ваш подойдет через пару минут.

Том увеличил скорость демонстрации и снова замедлил ее, когда появился новый поезд. Двери открылись, и человек тридцать вышли на платформу. Он нажал кнопку стоп-кадра и внимательно рассмотрел каждого.

Никого похожего на Увальня.

– Это тот поезд? – спросил Том.

– Конечно. Скорый, отошедший в 18.10 от вокзала Виктория, на который вы, по вашим словам, сели, – ответил Брэнсон. – Прокрутите еще немного – может, не все вышли.

Том нажал кнопку, и люди на мониторе сразу ожили. Он изучал двери поезда, многие из которых уже закрылись, пытаясь найти свой вагон – по-видимому, четвертый спереди.

И тогда Том увидел Увальня.

Крупный мужчина с детским лицом, в рубашке стиля «сафари» навыпуск и бесформенных слаксах, с маленьким портпледом в руке, сошел на перрон и внимательно огляделся, словно убеждаясь, что путь свободен.

«Свободен от чего?» – спрашивал себя Том, нажимая стоп-кадр.

Мужчина застыл на полушаге, с левой ногой в воздухе и лицом, полуобращенным к камере, на котором был четко заметен сильный испуг.

Том снова нажал кнопку просмотра – страх исчез с лица мужчины, и он почти весело зашагал к выходу.

– Это он, – сказал Том, опять остановив пленку.

Брэнсон удивленно поглядел на монитор.

– Покажите увеличенное изображение его лица.

Том повозился с клавиатурой, и весь экран заняло лицо Увальня.

– Вы абсолютно уверены?

Том кивнул:

– Да. Это он.

– Вы не могли ошибиться?

– Нет.

– Очень интересно, – протянул детектив-сержант.

– Вы знаете, кто это?

– Да, – мрачно ответил Брэнсон. – Знаем.

54

Незадолго до пяти сержант Джон Рай сидел за своим столом, все еще работая над компьютером Тома Брайса, когда зазвонил внутренний телефон. Он снял трубку.

– Джон Рай слушает.

– Привет. Это Том Брайс. Я сейчас в вашем здании – в просмотровом зале… Просто интересуюсь, готов ли мой компьютер… Я мог бы заскочить к вам и забрать его… Вечером мне нужно поработать… Я… я должен подготовиться к завтрашней важной встрече. Как у вас дела?

«Тебе нужно поработать, а мне – идти домой и спасать мой брак», – подумал Джон Рай. Во всем отделе оставались только он и Энди Гидни, сидящий неподалеку. А ведь воскресенье уже подходит к концу!

Гидни, как всегда в наушниках плеера, сгорбился над клавиатурой. Его стол был завален пустыми банками из-под кока-колы и пластиковыми кофейными чашками из торговых автоматов. Он, не переставая, щелкал клавишами, пытаясь раскрыть код, над которым трудился всю неделю.

Рай беспокоился о товарище – тот казался ему одиноким. Когда Рай уходил с работы, у него, по крайней мере, был дом, куда можно было вернуться. Может быть, Надин иногда брюзжала, но его ждали обед на столе и дети, с которыми он мог поболтать. А у Гидни была какая-нибудь нормальная жизнь?

Хотя у кого из работающих здесь, включая его самого, может быть нормальная жизнь? Большую часть их рабочего времени занимали просмотры порносайтов на конфискованных компьютерах. Причем их содержание отнюдь не было приятно возбуждающим, как вклейки «Плейбоя», – в основном там фигурировали мужчины среднего возраста с двухлетними детьми. Рай просто не мог понять, как это может доставлять удовольствие. Как может сорокалетний мужчина заниматься сексом с младенцем, а потом жить с сознанием того, что вытворял?

Рай твердо знал, что сделал бы, поймав кого-то за подобными занятиями с собственными детьми. Это включало бритву и паяльную лампу.

Внезапно послышалось электронное звяканье, которое всегда действовало на него раздражающе, – звонок мобильника Гидни. Сняв наушники плеера, Гидни ответил на звонок голосом, лишенным каких-либо эмоций.

Рай приблизительно знал, где живет Гидни – неподалеку от ипподрома, в районе, напичканном викторианскими и эдвардианскими террасными домами, предназначавшимися для мастеровых, но ныне монополизированными в основном студентами и молодыми одиночками. Что ожидало Гидни дома? Банка фасоли? Экран еще одного компьютера? Газета «Гардиан», которую он постоянно таскал под мышкой, но никогда не читал на работе, и пачка технических журналов?

– Мне нужно еще полчаса, – ответил Рай Тому Брайсу. – Вы могли бы подождать или хотите, чтобы я забросил вам компьютер по дороге домой?

– Да… У меня дети – я должен вернуться… Если бы вы завезли мне компьютер, я был бы очень вам признателен…

– О'кей, у меня есть ваш адрес. Приеду, как только смогу. – Рай посмотрел на часы, убеждаясь, что успеет домой к единственной телепередаче, которую смотрел за всю неделю, – автомобильной программе «Коробка скоростей». Хотя Рай уже несколько лет не работал транспортным копом, он оставался заядлым автомобилистом.

Положив трубку, Рай увидел, как Гидни в куртке и с рюкзаком направляется к двери, даже не попрощавшись. Никакого понятия о вежливости!

Раю понадобилось больше времени на обследование компьютера, чем он рассчитывал. Прошло более полутора часов после телефонного разговора с Томом Брайсом, когда он наконец закрыл его ноутбук и поднялся. В этот момент зазвонил телефон.

– Отдел высоких технологий? Говорит телефонист из Мэллинг-Хаус. – В этом здании располагалось полицейское отделение, куда обращались с вызовами не первой важности.

Рай глубоко вздохнул, борясь с искушением ответить, что звонивший ошибся номером.

– Сержант Рай слушает.

– Мне звонил человек, который жалуется, что кто-то пользуется его беспроводным Интернетом без разрешения.

– Вот как? – Рай едва не взорвался – у него не было времени этим заниматься. – Если у него есть беспроводной Интернет, то для его защиты достаточно просто активировать код.

– Вы не могли бы поговорить с ним, сэр? – попросил телефонист. – Это уже третий звонок, который мы получаем от него за последний месяц. Он немного возбужден.

«Я тоже», – подумал Рай.

– Ладно, соединяйте, – нехотя сказал он.

Вскоре в трубке послышался пожилой мужской голос с гортанным немецким акцентом.

– Здравствуйте, меня зовут Андреас Зайлер. Я инженер – строил мосты, но сейчас на пенсии.

Голос умолк. Молчание нарушали только помехи.

– Вы говорите с сержантом Раем, – сказал Рай, дабы убедиться, что связь не прервалась. – Чем могу вам помочь? – Его одолевало искушение добавить, что мост ему не слишком необходим.

– Кто-то ворует мой Интернет.

Рай посмотрел на часы на экране компьютера. Без двадцати пяти семь. Ему хотелось поскорее закончить разговор и пойти домой. Телефонист мог бы упомянуть, что этот тип едва говорит по-английски.

– Ворует ваш Интернет? Не вполне уверен, что понял вас, сэр.

– Я загружаю в компьютер чертеж от коллеги из моей бывшей компании для моста, который они сооружают в гавани Куала-Лумпура. Но Интернет так медленно работает, что чертеж не загружается. Такое случалось и раньше.

– Думаю, у вас проблема либо с вашим провайдером, либо с компьютером, сэр, – сказал Рай. – Для начала вам следует связаться со службой технической поддержки.

– Я это уже сделал. И проверил компьютер. Нигде никаких проблем. По-моему, это человек в белом фургоне.

Теперь Рай был не только раздражен потерей времени, но и озадачен.

– Человек в белом фургоне замедляет вашу связь с Интернетом?

– Да-да.

– Простите, мистер… – Рай заглянул в свои записи, – мистер Зайлер, но я в некотором недоумении. Где вы находитесь?

– Я из Швейцарии, но сейчас живу в Брайтоне.

– Где именно в Брайтоне, сэр?

– На Фрешфилд-роуд.

– О'кей. – Рай хорошо знал этот район. Широкая улица на холме с двух- и трехэтажными кирпичными домами, переделанными в многоквартирные. – Вы подключены к беспроводной сети?

– Вы имеете в виду Wi-Fi?

– Да, сэр.

– Да, подключен.

Рай усмехнулся про себя, понимая, в чем проблема.

– Ваша сеть закодирована?

– Закодирована? – неуверенно переспросил швейцарец. – Не думаю. Понимаете, я живу в квартире сына и пользуюсь его компьютером…

– И вам не приходится даже вводить пароль?

– Нет.

Любой обладающий картой беспроводного Интернета в ноутбуке мог пользоваться чужой беспроводной сетью, не имеющей пароля. Рай сам случайно проделывал такое пару раз, сидя с ноутбуком в патрульной машине. И, виновато подумал он, до сих пор не побеспокоился о защите собственного беспроводного Интернета дома.

– Фургон все еще снаружи?

– Да.

– Можете разобрать его номер?

Швейцарский инженер продиктовал номер, и Рай записал его без особых на то причин.

– Советую вам активировать код, и это преградит дорогу вашему вору.

– Я поговорю с сыном.

– Хорошая мысль, сэр.

Рай положил трубку. Подумав, что коллегам следует знать о его пребывании на работе в воскресенье без двадцати семь вечера, он решил зафиксировать звонок как официальный инцидент на экране служебного компьютера.

Напечатав свои имя и отдел, Рай ввел в компьютер номер и неопределенное описание фургона, добавив: «Провоцирование войны. Сержант Рай разобрался во всем по телефону».

Он понимал, что это детская выходка, но она значительно улучшила его настроение.

55

– Я нашла в морозильнике лазанью, – сообщила женщина-полицейский из отдела семейных проблем, когда Том вошел в кухню. Джессика повисла на одной штанине его брюк, а Макс на другой, словно они боялись, что он исчезнет, как их мать. – Хотите, я приготовлю ее вам на ужин?

Том недоуменно уставился на констебля Бакли – мысль об ужине не приходила ему в голову. Все, о чем он мог сейчас думать, было выражение лица детектива-сержанта Брэнсона, когда он указал на Увальня, сошедшего с поезда на экране монитора, о странно коротком ответе на его вопрос, знает ли он, кто этот человек, и об отказе сообщить что-либо еще.

– Да, благодарю вас, – рассеянно отозвался Том.

– В холодильнике лежат овощи – помидоры, латук, редиска. Я могу сделать салат.

– Отлично.

Леди подбежала к Тому и тявкнула, виляя хвостом как ни в чем не бывало.

– Проголодалась? – спросил Том.

Собака тявкнула снова и выжидательно посмотрела на него.

– Я не люблю салат! – возразил Макс.

– А я люблю только мамин салат! – из солидарности заявила Джессика.

– Это и есть мамин, – сказал Том. – Она купила овощи.

– Но ведь не она его сделает? – заметил Макс.

– Вместо мамы салат сделает эта приятная леди. – Том подобрал собачью миску и насыпал в нее сухое печенье, потом открыл банку собачьих консервов.

Ветеринар не смогла определить, что произошло с овчаркой, – возможно, действительно вирус, предположила она. Детектив Брэнсон спросил, не могли ли дать собаке снотворное, и ветеринар ответила, что это не исключено. Она предложила взять у Леди кровь и отправить в лабораторию на анализ, предупредив, что результат поступит через несколько дней. Брэнсон попросил ее сделать это.

– Я нашла в морозильнике очень вкусное лимонное мороженое, – весело сказала констебль Бакли.

– Я хочу мамино мороженое, – запротестовал Макс.

– А я хочу шоколадное или клубничное, – подхватила Джессика.

Том обменялся взглядом с констеблем. На вид женщине было лет тридцать пять, у нее были короткие светлые волосы и приятное открытое лицо. Казалось, она способна справиться с любой семейной ситуацией. Пожав плечами, Том поставил миску и повернулся к Максу.

– Это мамино мороженое. Понятно?

Макс смотрел на него большими круглыми глазами, лишенными какого-либо выражения. Том не мог определить, что чувствуют его сын и дочь. Да и что чувствует он сам, если на то пошло.

Ему отчаянно хотелось расспросить Джессику о водке, которую, по ее словам, пила Келли. Что все это значит?

– Мне не нравится лимонное мороженое, – сказала девочка.

Том присел на корточки и обнял ее.

– Другого у нас нет. Завтра я куплю шоколадное или клубничное, ладно?

Дочь никак не прореагировала.

– Обними папу, дорогая. Мне это нужно.

– Когда вернется мама?

Он колебался, не зная, что ответить. Правду? Или ложь? Последнее было легче.

– Скоро. Пора мыться?

– Я хочу, чтобы мама меня выкупала.

– Она может не вернуться допоздна, поэтому сегодня тебя выкупает папа. Договорились?

Джессика мрачно отвернулась. Из гостиной доносились звуки телевизора – музыка, скрежет автомобильных покрышек, протестующие голоса. Макс смотрит «Симпсонов». Отлично – это займет его до ужина. А может, его тоже выкупать?

Внезапно Том осознал, как мало ему известно о детском графике и вообще о домашнем хозяйстве. Внутри поселились холод и страх. Завтра утром ему предстоит провести презентацию для компании «Лендровер». Их директор по маркетингу говорил о крупномасштабном контракте. Если Келли не вернется до ночи, он не знает, как сможет с этим справиться.

«Пожалуйста, вернись, дорогая. Я так люблю тебя».

Том отнес Джессику в спальню, закрыл дверь, усадил ее на кровать и сел рядом.

– Джессика, может папа спросить тебя о том, что ты говорила утром про маму? Я сказал, что мы спросим у мамы, когда она вернется, что она хочет сегодня делать, а ты ответила: «Она, наверно, захочет выпить водки». Помнишь?

Девочка молча смотрела перед собой.

– Ты помнишь это, дорогая?

– Ты тоже пьешь водку, – надула губы Джессика.

– Да. Но почему ты так сказала?

Внизу внезапно залаяла Леди. Потом позвонили в дверь. Том услышал крик Макса:

– Мама! Мама вернулась!

С колотящимся сердцем Том сбежал по ступенькам. Макс уже открывал дверь.

На пороге стоял Джон Рай с ноутбуком.

56

Рой Грейс, сидя за рабочим столом вместе с большей частью своей команды, просматривал рапорты на экране компьютера. Было без четверти восемь воскресного вечера, и хотя он еще не чувствовал голода, но ощущал озноб от недостатка сахара, избытка кофеина или того и другого, поэтому с трудом сосредотачивался на работе.

К тому же каждые несколько минут его мысли возвращались к утреннему сообщению Клио Мори.

Грейс проверял позднейшие данные о Реджи д'Эте, когда его хлопнули по спине.

– Угощайся, старина!

Грейс обернулся. Брэнсон, не так давно выскользнувший из комнаты, вернулся с большой коробкой пончиков из супермаркета с другой стороны улицы и раздавал по одному каждому члену команды.

Взяв пончик, Грейс отошел от стола размять ноги. Брэнсон вышел в коридор вместе с ним.

– Ты в порядке, старина? Выглядишь паршиво.

Грейс откусил пончик, слизнув сахар с губ.

– Спасибо.

Брэнсон понизил голос:

– Маленькая птичка шепнула мне, что ты и Клио Мори недурно провели время вчера вечером в «Латино».

Грейс удивленно уставился на него.

– Неужели? Этот город слишком маленький.

– Не город, а планета.

– Откуда ты узнал, где я был?

Детектив-сержант постучал пальцем по крышке стола.

– Ты научил меня одному из правил хорошего детектива – обзаводиться собственной сетью информаторов.

Грейс покачал головой.

– Это было до того, как правила изменились. Стерильные коридоры и так далее.

– Ты когда-нибудь видел фильм «Полиция»? Жерар Депардье играет копа, который с помощью информаторов уничтожает организацию наркодилеров. Отличное кино!

– Не видел.

– Он напомнил мне тебя. Хотя нос у него побольше.

– Я похож на Жерара Депардье?

– Скорее на Брюса Уиллиса.

– Это уже лучше.

– Ты выглядишь как его менее удачливый брат. Или, может быть, отец.

– Ты знаешь, как внушить человеку уверенность в себе. Сам-то ты выглядишь, как…

– Как кто? Как Уилл Смит?[29]

– В твоих гребаных снах.

– Ладно, расскажи о тебе и миссис Мори.

– Рассказывать нечего. Мы обедали.

– Деловой обед, разумеется?

– Сугубо деловой.

– А на заднем сиденье такси? – допытывался Брэнсон.

– Господи, неужели каждый таксист Брайтона и Хоува твой информатор?

– Нет, только пара. Да и те не информаторы – просто держат глаза открытыми.

Грейс не знал, гордиться ему своим протеже, ставшим таким опытным детективом, или сердиться на него.

– Так ей понравились твои новые шмотки? – прервал Брэнсон его мысли.

– Она сказала, что мне нужен новый костюмер и что ты полное дерьмо.

Брэнсон выглядел таким обиженным, что Грейс сжалился над ним:

– Не волнуйся – она никак не комментировала мое облачение.

– Черт, это еще хуже!

– У нас на руках два убийства и пропавшая женщина. Не можем мы сменить тему?

– Еще чего! Клио Мори – классная штучка! Не будь я счастливо женат… Но как подумаешь, чем она занимается… Как ты мог об этом забыть?

– Она не притащила в ресторан ни один из своих трупов, так что это не составило труда.

Брэнсон покачал головой, сдерживая усмешку.

– Ну, выкладывай. Глава и стих. Только без утайки.

– Мне нечего утаивать. У нее есть бойфренд – даже жених. Правда, она позабыла о нем упомянуть.

– Не пудри мне мозги!

Грейс достал из кармана мобильник и показал Брэнсону текст, полученный утром:

«Сейчас не могу разговаривать. Только что объявился мой жених. Позвоню позже. Три поцелуя».

– Он уже в прошлом, – заявил Брэнсон после паузы.

– Сообщение пришло в середине дня. С тех пор она не звонила.

– Три поцелуя!.. Поверь мне – о женихе можно не беспокоиться.

Грейс запихнул в рот остаток пончика. Он был такой вкусный, что Грейс не возражал бы против второго, несмотря на отсутствие аппетита.

– Это еще одна из твоих догадок?

Детектив-сержант покосился на него.

– Они не всегда бывают неверными.

Сегодня Клио не работала. Иначе Грейс посетил бы патологоанатомическое исследование останков Реджи д'Эта, хотя не был обязан присутствовать, так как это дело поручили другому детективу.

– Посмотрим, – сказал он.

Грейс помнил любимое выражение своей матери: «Время покажет». Она истово верила в судьбу, но он никогда полностью не разделял эту веру, которая так помогала матери переносить смертельный недуг. Если вы верите, что для вас все предначертано высшей силой, вам повезло. Глубоко религиозные люди могут во всем положиться на Бога. Несмотря на тягу к сверхъестественному, Грейс никогда не мог поверить в Бога, который все планирует за него.

Он вернулся в комнату. На белой доске висела фотография Реджи д'Эта в ванной, сделанная утром, и фотография Келли Брайс, которую Брэнсон разослал в газеты и во все полицейские участки и порты Соединенного Королевства.

Завтра утром детектив-инспектор Кэссиан Пью – высокомерный говнюк из Столичной полиции – начнет работать с ним над нераскрытыми делами. И если Грейс в ближайшее время не представит замначальнику полиции Суссекса Элисон Воспер какие-нибудь результаты по делу Джейни Стреттон, она позволит Пью наступать ему на пятки.

Повернувшись к Брэнсону, Грейс спросил:

– Насколько ты уверен, Гленн, что Том Брайс не убил свою жену?

Когда женщина исчезает при подозрительных обстоятельствах, главными подозреваемыми всегда являются муж или бойфренд, пока их не удается исключить.

– Как я говорил тебе на инструктаже час назад, вполне уверен. Я опрашивал его здесь до просмотра пленок камер слежения и могу отправить магнитофонную запись на анализ, но не думаю, что это нужно. Ему бы пришлось оставить детей дома одних среди ночи, убить жену, отвезти куда-нибудь ее тело, потом поехать на Дитчлинг-Бикон, поджечь машину и пройти пешком пять миль назад до дома. Сомневаюсь в этом.

– Тогда где она? Думаешь, она могла сбежать с любовником?

– В таком случае она взяла бы сумку, какую-нибудь одежду и не стала бы поджигать машину.

– Поджог может быть хорошим прикрытием.

– Нет, – упорствовал Брэнсон.

– Я бы хотел повидать этого мистера Брайса. Давай съездим к нему.

– Сейчас? На ночь глядя? Он и так расстроен – пытается справиться с детьми. С ним констебль из семейного отдела. Предпочитаю поехать завтра утром – если его миссис не объявится.

– Ты говорил с родителями няни?

– Да. Они уже легли спать, когда их дочь вернулась. Она крикнула им, что приехала, около без четверти два. Они услышали, как отъезжает машина, – вот и все.

– А их соседи?

– Там соседей не так уж много. Я опросил их – никто ничего не видел и не слышал.

– Ты проверил все дорожные камеры слежения?

– Жду результатов – просматривают пленки, отснятые начиная с часа ночи. Пока ничего не обнаружено.

– А ты что-нибудь разузнал о них как о супругах?

– Говорил с соседями – пожилой парой. Муж ростом около десяти футов, а жена так курит, что я едва мог разглядеть ее в комнате. Вроде бы она дружит с Келли – миссис Брайс. Сидит с детьми в случае надобности и так далее. По ее словам, у них денежные затруднения.

Грейс заинтересованно поднял брови.

– Вот как?

– По их дому этого не скажешь. Шикарный гриль – должно быть, стоит тысячи, – отличная кухня, плазменный телик и прочее.

– Вероятно, поэтому у них проблемы с деньгами, – сказал Грейс. – Не могла она поджечь машину ради страховки?

Брэнсон нахмурился:

– Я об этом не подумал. Разве кто-нибудь зарабатывает на страховании автомобиля?

– Стоит узнать, принадлежала им машина или была взята напрокат. Не пытались ли они продать ее недавно? В отделе высоких технологий есть копия жесткого диска его ноутбука. Пусть проверят, не помещал ли он в Интернете объявление о своем автомобиле. Возможно, они вдвоем спланировали исчезновение.

Денежные затруднения, думал Грейс, все больше возбуждаясь. Возможно, это ложный след, но надо в этом убедиться. Иногда люди проделывают фантастические трюки, чтобы уменьшить свои долги. Он посмотрел на остальных. Глазурь с пончика Беллы Мой потекла на клавиатуру ее компьютера. Ник Николл висел на телефоне. Норман Поттинг тоже разговаривал по телефону, уточняя список клиентов «БКЭ-247 лтд.» – несомненно, внося смятение, злорадно подумал Грейс. Не то чтобы Грейс взирал на проституцию с высоты своих моральных устоев – за последние девять лет он сам иногда пользовался услугами девушек по вызову, но каждый раз ощущал за своим плечом тень Сэнди.

То же самое происходило с ним во время краткого курортного романа на греческом острове Паксос, куда он единственный раз отправился на каникулы.

В дверях появилась веселая физиономия Тони Кейса, старшины службы содействия полиции.

– Решил узнать, не нужно ли тебе что-нибудь, Рой, – сказал он.

– Спасибо, Тони. Пока справляемся. Можешь наслаждаться остатком уик-энда.

Тони Кейс посмотрел на часы:

– Целых четыре часа? Это почти забавно, Рой.

Когда Тони зашагал по коридору, Грейс уставился на экран, изучая последние данные расследования убийства д'Эта. Один из бдительных соседей заметил белый фургон, стоявший

у дома Реджи вчера около семи вечера. Сосед предусмотрительно записал номер. Опрашивавший его констебль выяснил, что в полицейских досье номер не значится. Расследование убийства д'Эта было поручено детективу-суперинтенденту Дэйву Гейлору, который был куда более опытным полисменом, чем Грейс. Несомненно, команда Гейлора отыщет фургон.

Подошел Николл и остановился рядом с ним.

– Рой, мне только что позвонил администратор бара «Карма» в Марине. Они просматривали пленки камер слежения двухнедельной давности – пытались разрешить проблему с парой наркодилеров, орудующих в заведении, – и он узнал на одной из пленок Джейни Стреттон.

Грейс почувствовал прилив сил.

– Как скоро мы можем получить эти пленки?

– Администратор предпочитает, чтобы я приехал туда, – пленки ему нужны. Он сказал, что я смогу сразу же их просмотреть.

– Сейчас?

– Да.

Грейс задумался. Ник Николл не так давно поступил в уголовную полицию и еще должен был многому научиться. Конечно, молодой детектив-констебль был достаточно смышленым, но он мог что-то упустить, а это обещало стать первой нитью в деле. Было важно собрать все возможные сведения.

– Принеси ее фотографии, – сказал Грейс. – Я поеду с тобой. – Он повернулся к Брэнсону: – Мы повидаем мистера Брайса, как только я вернусь.

– Для него это будет поздновато. – Гленн Брэнсон понимал, что это непрофессионально, но не мог не думать об остатках своего воскресного вечера. Ему хотелось побыть с детьми хоть пять минут, прежде чем они лягут спать.

– Гленн, если мистер Брайс не убивал свою жену и не проделал вместе с ней какую-то аферу, можешь мне поверить, что он не будет спать всю ночь.

Брэнсон нехотя кивнул, понимая, что Грейс прав, и посмотрел на часы. Грейс будет отсутствовать минимум час, а может, и больше. Когда он вернется и они поедут в дом Брайсов, будет самое меньшее одиннадцать. Он не боялся столкнуться с полудюжиной размахивающих ножами громил в темном переулке Брайтона, но иногда испытывал жуткий страх перед женой и сейчас не мог решиться позвонить Эри с сообщением, что вряд ли придет домой до полуночи.

Грейсу так не терпелось просмотреть пленки в баре «Карма», что он, пробегая глазами рапорты, перескочил через сообщение сержанта Джона Рая, сделанное часом раньше, не обратив на него внимания.

57

Том почитал Джессике несколько страниц «Груффало», но не вкладывал в это душу, и она почти не слушала. С Максом ему повезло не больше.

Должно быть, он никудышный отец, думал Том. Дети тосковали по матери, что было вполне понятно, но он начинал чувствовать себя неадекватным дублером. Казалось, они предпочитают даже компанию Линды Бакли. Констебль сидела внизу, ожидая прибытия ночной смены.

Том отложил книжку, пожелал сыну доброй ночи, закрыл за собой дверь, пошел в кабинет и сделал несколько телефонных звонков – родителям Келли, которые звонили почти

каждый час, всем ее друзьям и встревоженной сестре в Шотландию. Никто не получал от нее известий.

Пройдя в спальню, Том открыл верхний ящик викторианского комода, где Келли хранила свою одежду, порылся в свитерах, вдыхая ее запах, но ничего не обнаружил. Тогда он открыл ящик внизу, набитый нижним бельем, и его рука наткнулась на что-то твердое и круглое.

Это была запечатанная бутылка водки «Теско».

Потом он нашел вторую бутылку – тоже запечатанную – и третью, наполовину пустую.

Том опустился на кровать. Три бутылки водки в ящике с нижним бельем?

«Она, наверно, просто захочет выпить водки. Я видела, как она это делала, но обещала не говорить».

О боже!..

Том снова посмотрел на бутылки. Должен ли он позвонить детективу-сержанту Брэнсону и рассказать ему?

И что будет тогда? Детектив может потерять интерес к делу, решив, что Келли чокнутая и просто отправилась на какую-нибудь попойку.

Но Том знал ее лучше. По крайней мере, до нескольких минут назад.

Он снова порылся в ящиках, но больше ничего не нашел. Положив бутылки назад, он закрыл ящик и спустился вниз.

Линда Бакли сидела в гостиной, смотря по телевизору полицейский сериал 60-х годов. Участковый сержант предлагал сигарету испуганной женщине с волосами, собранными в пучок.

– Вам нравятся полицейские фильмы? – спросил Том, пытаясь завязать разговор.

– Только старые, – ответила Линда Бакли. – Современные я терпеть не могу. Там столько ошибок, что они сводят меня с ума.

Том сел, думая, стоит ли ей довериться.

– Вы должны что-нибудь поесть, мистер Брайс. Поставить лазанью в микроволновку? – спросила Линда Бакли, прежде чем он успел что-то сказать.

Том поблагодарил ее, хотя ему хотелось только выпить чего-нибудь покрепче. Женщина встала и вышла на кухню. Он тупо уставился на экран, думая о бутылках водки и о том, почему Келли держала тайный запас. Как давно она пила? И что еще важнее – почему?

Объясняет ли это ее исчезновение?

Он так не думал – во всяком случае, не хотел думать.

Полицейский сериал сменили девятичасовые новости. Из кухни доносился запах мяса, вызывая тошноту, – у Тома не было аппетита. Тони Блэр обменивался рукопожатием с Джорджем Бушем. Том не доверял обоим, но сейчас едва замечал их. Он посмотрел репортаж из Ирака, потом фотографию хорошенькой десятилетней девочки, изнасилованной и задушенной около Ньюкасла, за которой последовало обращение неуклюжего старшего инспектора со стрижкой как у дикобраза, явно не имевшего опыта выступлений по телевидению.

– Еда на столе! – окликнула констебль Бакли.

Том покорно приплелся на кухню и сел за стол. Там тоже работал телевизор, показывая те же новости. Том съел пару кусков лазаньи, потом сказал:

– Думаю, мы должны повесить записку на входной двери с просьбой, чтобы ваш коллега не звонил. Не хочу, чтобы дети думали, будто их мать вернулась.

– Хорошая мысль, – одобрила женщина, доставая лист бумаги из сумки и идя к двери. – Но чтобы к моему возвращению тарелка была пуста!

– Слушаюсь, босс, – отозвался Том, изобразив усмешку и заставив себя положить в рот еще один кусок.

Когда Линда Бакли вышла, по телевизору сообщили очередную новость:

«Полиция Суссекса расследует убийство осужденного ранее педофила Реджиналда д'Эта, которого нашли мертвым сегодня утром в его доме в деревне Роттингдин в Восточном Суссексе».

На экране появилась фотография д'Эта, и Том от изумления уронил вилку.

Это был Увалень из поезда.

58

Брайтонскую Марину строили, как припоминал Рой Грейс, еще в его детстве. Она продолжала строиться и теперь и, как иногда думал он, возможно, будет строиться вечно. На огороженном обширном участке стояли два подъемных крана, шагающий экскаватор и гусеничная землеройная машина.

Грейс так и не решил, нравится ему будущее сооружение или нет. Оно было расположено у подножия высоких белых утесов на восточной окраине города и включало внешнюю и внутреннюю бухту для яхт, вокруг которой продолжала расти деревня Марина. Она состояла из нескольких особняков, имитирующих стиль Регентства, жилых кварталов, ресторанов, кафе, пабов и баров, пары магазинов оборудования для яхт, многочисленных бутиков, массивного супермаркета, боулинга, кинотеатра, отеля и казино.

Но все это казалось Грейсу слегка похожим на исполинскую версию игрушечного города, собранного ребенком из конструктора «Лего». Даже спустя тридцать лет все выглядело абсолютно новым и несколько безжизненным. Ему нравилась только та часть, по которой сейчас шли он и Ник Николл, – деревянная пешеходная аллея, сооруженная всего несколько лет назад и тянущаяся вдоль берега.

Теплым воскресным вечером люди всех возрастов сидели снаружи кафе и ресторанов, наблюдая за яхтами, возвращающимися к своим причалам, слушая музыку и крики чаек.

Грейс, чьи человеческие чувства обострились после сладкого пончика, испытал сердечную боль при виде молодой влюбленной пары, которая сидела за наружным столиком, глядя друг другу в глаза.

Почему Клио не упомянула, что обручена? Почему он не догадался спросить, есть ли у нее мужчина?

Долгий поцелуй в такси не подходил женщине, влюбленной в своего жениха, – даже учитывая воздействие алкоголя.

При солнце, клонящемся к горизонту, но все еще стоящем достаточно высоко, Грейс наблюдал за удлиняющимися тенями его и Николла на деревянном настиле. Детектив-констебль, держа руки в карманах, а конверт с фотографиями Джейни Стреттон под мышкой, шел слегка сутулясь, словно стыдился своих шести футов и шести дюймов роста. По дороге он был, как всегда, молчалив, за что Грейс был ему благодарен, так как этим вечером пребывал в неподходящем для болтовни настроении.

Пройдя мимо шикарного отеля «Сиэтл», они подошли к бару «Карма» с его огороженным участком для наружных столиков, все из которых были заняты.

Грейс последовал за Николлом внутрь. За последнюю пару лет он бывал здесь несколько раз по настоянию друзей, утверждавших, что это самое подходящее место в Брайтоне, где мужчина его возраста может познакомиться с женщиной. Экзотический интерьер не имел аналогов в городе – восточные фонари, подушки, разбросанные среди банкеток в нишах, длинная барная стойка, казалось, прибыли из Индии, Марокко и Дальнего Востока.

Ник Николл направился к хорошенькой девушке за стойкой.

– Привет, – поздоровался он. – Я ищу Рики.

Она огляделась.

– Думаю, он в офисе. Он вас ожидает?

– Да. Можете сообщить ему, что пришли детектив-констебль Николл и детектив-суперинтендент Грейс?

Девушка отправилась на поиски администратора.

– Завтра мы увидим этого Дикинсона из Столичной полиции, который расследовал убийство в Уимблдоне девушки с браслетом со скарабеем? – спросил Грейс у Ника.

– Да.

– Поскольку он, вероятно, не захотел встречаться с нами сегодня, я не думаю, что мы пришлись ему по душе.

Оба прислонились к стойке. Звучала песня Джосс Стоун.

– Мне она нравится, – сказал Грейс.

Николл пожал плечами:

– Я равнодушен к кантри и вестернам.

– А кто нравится тебе?

– Джонни Кэш. Мы с Рейчел занимались танцами, но должны были прекратить, когда она забеременела.

– Дети меняют всю жизнь – во всяком случае, так мне говорили, – промолвил Грейс, уставясь на пачку журналов «Абсолют Брайтон» рядом с пепельницей.

– Предродовые курсы не так забавны, – вздохнул детектив-констебль.

Через пару минут барменша вернулась и проводила их вверх по лестнице в комфортабельный кабинет с сугубо функциональной мебелью, резко контрастирующий с баром. В помещении находились письменный стол, за которым сидел молодой человек с волосами торчком, в футболке и джинсах, диван, два кресла, дорогая стереосистема и ряд черно-белых мониторов, передающих изображение снаружи и внутри бара.

Молодой человек поднялся с дружелюбной улыбкой и шагнул им навстречу.

– Рад познакомиться, мистер Николл, – сказал он, обмениваясь рукопожатием с. детективом-констеблем. Посмотрев на Грейса, он добавил: – Я Рики – администратор. Читал о вас в «Аргусе» – кажется, вчера.

– Вполне возможно.

– По-моему, они были слишком грубы. Могу я предложить вам выпить?

– Я бы хотел минеральной воды, если можно.

– А мне диетическую кока-колу, – сказал Ник Николл.

Администратор снял телефонную трубку и заказал напитки, потом подал им знак сесть. Они опустились на диван, и Рики придвинул себе стул.

– У меня хорошая память на лица, – сказал он, постучав себя по голове. – Здесь это необходимо, чтобы запоминать нарушителей порядка. Как я говорил по телефону, я уверен, что девушка, которую вы искали, приходила сюда неделю с лишним назад – в пятницу вечером, с парнем. Вам повезло – пленки обычно стирают спустя неделю, но у нас тут были неприятности… Надеюсь, вы не собираетесь нас разорить?

Грейс усмехнулся:

– Разорять вас мне незачем. Я только хочу найти убийцу Джейни Стреттон.

– Тогда все о'кей. – Рики внезапно нахмурился. – Что такое я читал о каком-то жуке-скарабее?

– Это не важно, – ответил Грейс более резко, чем намеревался.

– Мне просто интересно, так как у нас есть один бронзовый скарабей – на полке в зале для ВИП-персон. Катит перед собой шарик бронзового дерьма.

– Где вы его взяли? – спросил Грейс.

– За оформление отвечал декоратор. – Рики поднял пульт и нажал кнопку. – Следите за монитором в центре.

Изображение на экране начало мелькать, потом остановилось, демонстрируя панораму переполненного бара с датой и временем в правом нижнем углу.

– Смотрите на дверь! – Голос Рики звучал возбужденно.

Грейс увидел мускулистого мужчину лет тридцати пяти, на худощавом лице которого застыло злобное выражение короля джунглей. Он вошел в бар, ведя за собой девушку с длинными волосами в плотно облегающей мини-юбке. Несомненно, это была Джейни Стреттон.

Грейс внимательно наблюдал за ее спутником в майке и слаксах, чья пружинистая походка напомнила ему походку десантников, готовых в любой момент отразить нападение. Волосы мужчины были коротко подстрижены ежиком, на шее болталась толстая цепь. Не отпуская руку Джейни Стреттон, он направился через толпу к стойке. Камера потеряла их из вида.

Спустя несколько минут они вновь появились на экране. Мужчина держал кружку пива, а девушка – какой-то коктейль. Чокнувшись с ней, мужчина свободной рукой схватил ее за волосы, оттянул голову назад и грубо поцеловал в шею.

На коленях у Ника Николла лежали фотографии Джейни Стреттон, и он переводил взгляд с них на экран.

– Это она, – сказал он.

– Безусловно, – подтвердил Грейс и повернулся к администратору: – А кто ее спутник?

– Никогда не видел его раньше.

– Вы уверены?

– Не на сто процентов – у нас множество посетителей. Но думаю, что не видел.

Мобильник Грейса зазвонил. Не отрывая глаз от экрана, он вынул его из кармана и покосился на дисплей. Это была Клио Мори.

Извинившись, Грейс нажал кнопку ответа и вышел из офиса.

Голос Клио звучал робко и ласково:

– Я просто звоню узнать, не заглянешь ли ты ко мне выпить сегодня вечером.

При звуках ее голоса Грейс сразу растаял.

– С удовольствием. Но у меня еще работы на добрых два часа.

– Тогда приходи после.

– Мм… – Это было не время и не место для подобного разговора.

– У меня есть вино, пиво, водка.

– А виски? – поддразнил Грейс.

– По странному совпадению я сегодня как раз купила бутылку «Гленфиддиша».

– Действительно странно. – Грейс старался, чтобы его голос не выдавал его чувств, но не преуспел в этом.

59

Линду Бакли сменил худощавый и вежливый молодой констебль лет двадцати пяти по имени Крис Уиллингем. В руке он держал маленький чемоданчик, в котором было все для ночного бдения, и через несколько минут водворился в гостиной с наушниками и «Путеводителем по Хорватии» на коленях.

Гленн Брэнсон сообщил по телефону, что снова зайдет через час. Тома интересовало, не появилась ли у него какая-нибудь информация. Он также решил спросить детектива, почему тот не сказал ему, что узнал в Увальне из поезда Реджиналда д'Эта.

Оставив Криса Уиллингема с черным кофе и тарелкой шоколадного печенья, Том вернулся в кабинет к «Санди таймс», которую еще не открывал. Обычно в воскресенье вечером он и Келли располагались на диване в гостиной, разложив все секции «Санди таймс» и «Мейл он санди» на ковре. Том всегда начинал с деловых страниц, ища преуспевающие компании в качестве потенциальных клиентов. Келли начинала с журнала «Мейлс ю».

Но читать газету сегодня было тратой времени, так как буквы расплывались перед глазами. Том чувствовал себя одиноким и испуганным. Его терзал страх за Келли.

Реджиналд д'Эт – Увалень из поезда, оставивший компакт-диск, – найден убитым в своем доме. Задушенным в собственной ванне.

Кем?

Теми же людьми, которые угрожали убить семью Тома? В новостях сообщили, что д'Эт – сменивший имя на Рон Докинс – заключил сделку с обвинителями в предстоящем процессе педофилов. Выходит, это «профессиональное» убийство? Или месть родителя изнасилованного им ребенка?

Или же, думал Том, это наказание за потерю диска? Такое же наказание, каким угрожали ему и его семье за то, что он нашел этот диск?

Двадцать четыре часа тому назад они пили шампанское в гостиной дома Филипа Ангелидиса. Не бог весть какой вечер, но, по крайней мере, жизнь была нормальной. Теперь же Том просто не знал, что делать. Он пытался думать о завтрашнем дне – понедельнике, – но был не в состоянии заглянуть вперед даже на несколько минут. Том не мог отменить презентацию для «Лендровера», значит, ему придется послать вместо себя кого-то из своей команды. Это означало выплату этому человеку комиссионных, если дело выгорит, и уменьшение его доли. Но сейчас это казалось наименьшим из зол.

Внезапно он ощутил приступ гнева на Келли. Он понимал, что это чувство иррационально, но ничего не мог с ним поделать. «Как она могла так поступить со мной в такое время?»

Почти сразу же гнев сменили угрызения совести.

«Господи, дорогая, где же ты?»

Том закрыл лицо руками, пытаясь ясно мыслить в этом ночном кошмаре и ненавидя себя за собственную беспомощность.

Через час с небольшим голубой седан подъехал к дому. Выглянув из окна кабинета, Том увидел Гленна Брэнсона, вылезающего из водительской двери, и другого мужчину – белого, лет под сорок, с коротко стриженными волосами – копа с головы до ног.

Он сбежал вниз, чтобы не дать им позвонить и взбудоражить детей, и открыл дверь. Леди выбежала в прихожую, но Том смог успокоить ее, не позволив ей лаять. Очевидно, она полностью оправилась от болезни – или от отравления.

– Еще раз добрый вечер, мистер Брайс. Простите, что беспокоим вас.

– Что вы! Я рад вас видеть.

– Это детектив-суперинтендент Грейс, который руководит расследованием, – представил Роя Брэнсон.

Брайс посмотрел на суперинтендента, удивляясь, что тот так небрежно одет, но все, что он знал о полиции, было почерпнуто из сериалов, где детективы также нередко появлялись

одетыми небрежно. У суперинтендента было приятное лицо с проницательными голубыми глазами и властным выражением.

– Спасибо, что приехали, – сказал Том Брайс, впуская их и провожая в кухню.

– Никаких новостей, мистер Брайс? – спросил Гленн Брэнсон, придвигая стул к столу.

– Одна, но думаю, вы ее уже знаете. Человек в поезде был педофилом, которого сегодня нашли убитым. Реджиналд д'Эт – я узнал его лицо в теленовостях.

Грейс окинул взглядом кухню с детскими рисунками на стенах, холодильником с встроенным телевизором, дорогим оборудованием и сел, глядя на Тома.

– Мне очень жаль, что такое случилось с вашей женой, мистер Брайс. Я просто хотел задать вам несколько вопросов, которые могли бы помочь нам в поисках.

– Конечно.

– Не могли бы вы сообщить, – продолжал он, внимательно наблюдая за Томом, – когда вы купили «ауди», который сожгли?

Глаза Брайса тотчас же скользнули вправо.

– В марте.

– У местного продавца?

Взгляд снова двинулся вправо – значит, память располагалась в правой стороне его мозга. Таким образом, если перед ответом глаза скользнут влево, то их обладатель обращается к творческой стороне мозга, намереваясь солгать. Но сейчас он говорит правду.

– Да, у Каффинса.

Грейс достал записную книжку.

– Я бы хотел уточнить хронологию. Не могли бы мы пробежаться по событиям, предшествующим исчезновению вашей жены?

– Разумеется. Хотите что-нибудь выпить? Чай или кофе?

Суперинтендент выбрал черный кофе, а Гленн Брэнсон – стакан воды из-под крана. Том включил чайник и начал описывать детали вчерашнего вечера.

Когда он закончил, Грейс осведомился:

– Вы не ссорились с женой перед выходом из дому или по дороге домой?

– Нет, – ответил Том, снова передвинув глаза вправо.

Он думал о поездке домой от Ангелидисов. Келли была в немного странном настроении, но такое часто случалось раньше, и она после этого не исчезала.

– Могу я задать довольно личный вопрос?

– Задавайте.

– У вас счастливый брак? В ваших отношениях были какие-нибудь проблемы?

Том Брайс покачал головой:

– У нас был не просто счастливый, а великолепный брак.

Чайник начал кипеть. Том приподнялся, но следующий вопрос Грейса пригвоздил его к стулу:

– С вашими финансами все в порядке, мистер Брайс?

По выражению глаз, похожих на лазеры, Том понял, что Грейсу кое-что известно о его проблемах.

– Откровенно говоря, их великолепными не назовешь.

– Миссис Брайс застраховала свою жизнь?

Том сердито выпрямился:

– К чему вы клоните?

– Боюсь, мне придется задать вам несколько весьма личных вопросов, мистер Брайс. Если вы не хотите отвечать на них в отсутствии вашего адвоката, это ваше право.

Когда чайник отключился, Том откинулся на спинку стула.

– Я не нуждаюсь ни в чьем присутствии.

– Благодарю вас. Итак, у вас имеется страховой полис, выписанный на миссис Брайс?

Глаза опять метнулись вправо.

– Нет. Я застраховал нас обоих – ради детей, – но потом был вынужден аннулировать страховку из-за ее стоимости.

Том встал, чтобы приготовить кофе и налить стакан воды для Брэнсона. Грейс ждал, пока он снова сядет, чтобы видеть лицо.

– За последние месяцы вы замечали какие-нибудь перемены в поведении миссис Брайс?

Теперь Грейс заметил неуверенность в глазах Брайса, которые устремились влево. Он собирался солгать.

– Нет, никаких.

Произнеся это, Том сразу же подумал, не пора ли рассказать им о водке и о странностях Келли? Но он боялся, что они могут потерять интерес к делу.

Грейс поднял чашку с кофе, но тут же поставил ее, не поднеся к губам.

– Вы боитесь, что у жены может быть связь на стороне? – спросил он, снова глядя Брайсу в глаза.

На сей раз глаза сдвинулись вправо.

– Вовсе нет. У нас крепкий брак.

Рой Грейс задавал вопросы еще полчаса, и Тому казалось, что детектив-суперинтендент опытно и тщательно его препарирует.

Он чувствовал себя вконец измотанным, когда почти в одиннадцать наконец закрыл за ними дверь. По вопросам суперинтендента и по его реакции на ответы казалось, что Том является для полиции главным подозреваемым. Это нужно было срочно изменить, так как, подозревая его, они сосредотачивают энергию в ошибочном направлении. Том вспомнил, что забыл спросить сержанта Брэнсона, почему он скрыл от него личность Увальня.

Просунув голову в дверь гостиной, Том увидел полисмена из отдела семейных проблем, погруженного в книгу. Он сказал Уиллингему, чтобы тот брал в кухне, что захочет, и извинился за отсутствие свободной кровати. Детектив-констебль ответил, что поспал днем и не собирается ложиться всю ночь.

Потом Том поднялся в кабинет, слишком возбужденный, чтобы спать. Ему нужно было отправить по электронной почте несколько писем насчет утренней презентации и найти силы сосредоточиться на них.

Том включил ноутбук и нажал клавишу приема почты. Вскоре на экране появились письма. Двадцать, тридцать, сорок… Фильтр отсеял большинство, оставив полдюжины. Три письма были от друзей и, несомненно, шутливого содержания. Одно было от Оливии – его сверхкомпетентной секретарши, – перечислявшее намеченные на будущую неделю встречи и напоминавшее, что утром он должен присутствовать на презентации. Еще одно пришло от «Айвенго» – медицинского веб-сайта, на который он подписался, но редко успевал его прочитывать.

Отправителем последнего был postmaster@scarab.tisana.al. Заголовок выглядел просто:

«Лично и конфиденциально».

Том дважды нажал на клавишу, чтобы прочитать письмо. Текст был кратким и неподписанным:

«У Келли есть для вас сообщение. Оставайтесь на линии».

60

В четверть двенадцатого ночи Эмма Джейн Бутвуд и Ник Николл все еще работали. Остальные члены команды ушли домой, один за другим, кроме Нормана Поттинга, который только что поднялся, поправил галстук и стал надевать пиджак.

Столы были завалены пустыми кофейными чашками, банками из-под безалкогольных напитков, картонными коробками для пищи, а мусорные корзины переполнены до краев. Утром в комнате всегда был свежий воздух, подумала Эмма Джейн, а к концу дня в ней пахло как в столовой какого-нибудь учреждения – карри, лапшой, картофельным супом, гамбургерами и кофе.

Поттинг зевнул и рыгнул.

– Прошу прощения – эта индийская дрянь всегда на меня так действует. – Не дождавшись никакой реакции, он добавил: – Ну, я пошел. – И не сдвинулся с места. – Никто не хочет выпить по дороге домой? Я знаю место, где нас обслужат.

Оба детектива покачали головами. Ник Николл был поглощен трудным личным разговором по мобильнику. По нескольким словам Эмма Джейн поняла, что он вроде бы пытается умиротворить свою жену, которая чем-то расстроена. Вероятно, тем, что муж все еще на работе так поздно в воскресенье. Хотя Эмме Джейн не хватало бойфренда – прошел уже год, как она порвала с Олли, – она чувствовала облегчение из-за того, что сейчас в ее жизни нет мужчины. Это позволяло полностью сосредоточиться на карьере.

Игнорируя тот факт, что Николл продолжает разговор, Поттинг наклонился к нему и спросил:

– Ты, случайно, не слышал, какой счет в крикете? Я не нашел его в Интернете.

Николл посмотрел на него, покачал головой и продолжил беседу.

Поколебавшись, Поттинг сунул руки в карманы брюк и повторил:

– Ну, я пошел.

Эмма Джейн помахала рукой:

– Пока. Желаю приятно провести вечер.

– Едва успею добраться домой, как снова придется тащиться на службу, – проворчал он. – Увидимся в половине девятого.

– Жду с нетерпением! – весело отозвалась Эмма Джейн.

Потягивая минералку из бутылки, она наблюдала, как бесформенный мужчина в мятом костюме идет к двери. Хотя Эмма Джейн находила Поттинга вульгарным, она жалела его, так как он казался таким отчаянно одиноким, и решила попытаться завтра быть с ним полюбезнее.

Привинтив крышку к бутылке, Эмма Джейн возобновила просмотр показаний соседей Реджи д'Эта, взятых ранее во время опроса. Она также пробовала найти побольше сведений о белом фургоне «форд-транзит», который один из соседей видел стоящим у дома Реджи накануне вечером.

Хотя убийство д'Эта расследовала другая команда, Грейс считал, что оно достаточно связано с операцией «Соловей», поэтому им следует быть в курсе всех его аспектов.

На ее столе лежала бумага с номером фургона GU03OAG. В качестве владельца была зарегистрирована компания «Борнхолт интернешнл лимитед» с адресом и почтовым индексом, которые было невозможно проверить до утра. Когда Эмма Джейн показала их Норману Поттингу, он сказал ей, что, по всей вероятности, это всего лишь адрес до востребования. Это походило на правду, так как ничего, связанного с подобным названием, в Интернете обнаружить не удалось.

Зазвонил один из телефонов. Ник все еще разговаривал по мобильнику, поэтому Эмма Джейн взяла трубку.

Голос на другом конце провода звучал торопливо, но вежливо:

– Привет, это Эдам Дейвис из Южного резервного центра. Не могли бы вы позвать к телефону детектива-суперинтендента Грейса? – Южный центр занимался ответом на звонки, не являющиеся особо срочными.

– Боюсь, сейчас его нет. Могу я вам помочь?

– Мне нужно поговорить с кем-нибудь, участвующим в операции «Соловей».

– Я детектив-констебль Бутвуд – член команды, проводящей эту операцию, – не без гордости ответила Эмма Джейн.

– У меня на линии джентльмен по имени мистер Зайлер – он звонит насчет белого фургона. Я проверил номер, который он мне назвал, и выяснил, что детектив-суперинтендент Грейс внес его в общенациональный полицейский компьютер. Поэтому я подумал, что он может захотеть побеседовать с этим джентльменом.

– Он владелец фургона?

– Нет. Очевидно, фургон стоит у его дома. Он жаловался на него сегодня вечером – жалоба зарегистрирована в 18.40.

– Вот как? – Эмма Джейн удивилась, что на жалобу никто не обратил внимания. – Пожалуйста, соедините меня с ним.

Вскоре она уже разговаривала с пожилым сердитым мужчиной с гортанным немецким акцентом.

– Алло! Вы не тот полисмен, с которым я говорил раньше?

Прижимая трубку к уху, Эмма Джейн быстро нажимала клавиши компьютера. Вскоре она нашла жалобу, принятую в 18.40 детективом-сержантом Джоном Раем из отдела высоких технологий.

«Провоцирование войны. Сержант Рай разобрался по телефону».

Что все это значит?

– К сожалению, сэр, сейчас воскресный вечер, и большинство сотрудников ушли домой.

– Но человек в белом фургоне снова у моего дома и ворует мой Интернет. Было бы неплохо, чтобы он тоже пошел домой.

«Ворует мой Интернет»… Что это может означать? Но сейчас ее больше интересовал фургон.

– Можете прочитать мне номер фургона, сэр?

После паузы мужчина произнес мучительно медленно:

– G – гольф, U – ухо, ноль, три, O – Оскар, A – альфа, G – гольф.

Она записала номер.

GU03OAG.

Эмма Джейн вскочила.

– Сэр, назовите мне ваш номер телефона, и я вам перезвоню. Ваш адрес – Фрешфилд-роуд, 138, квартира Д?

Мужчина ответил утвердительно и сообщил номер телефона, который Эмма Джейн ввела в свой мобильник.

– Пожалуйста, не выходите и не спугните его. Я положу трубку и позвоню вам через две минуты.

– Большое спасибо.

Ник все еще был поглощен своим разговором и игнорировал бешеную жестикуляцию Эммы Джейн. В отчаянии она оторвала мобильник от его уха.

– Пошли со мной! Немедленно!

61

Дрожащий от волнения Том сидел в своем кабинете со стаканом «Гленфиддиша», пытаясь сосредоточиться на сообщениях насчет презентации завтра утром, которые он должен был отправить своим подчиненным электронной почтой. Каждые две минуты он нажимал кнопку отправки и приема, после чего делал большой глоток виски.

В двадцать минут двенадцатого его стакан опустел, и он отправился на кухню. Констебль Уиллингем готовил себе кофе.

– Хотите чашечку, мистер Брайс? – спросил он.

– Спасибо, но мне нужно что-нибудь покрепче, – отозвался Том слегка заплетающимся голосом.

– Я вас не порицаю.

– Хотите виски? – предложил Том, откупоривая бутылку.

– На службе не могу, сэр, спасибо.

Пожав плечами, Том до краев наполнил стакан виски льдом и водой – но в основном виски – и снова поднялся в кабинет. Сев за стол, он обнаружил, что пришло еще одно послание от postmaster@scarab.tisana.al с дополнением. Заголовок гласил: «Сообщение от Келли».

Его рука так дрожала, что он едва смог удержать курсор на дополнении и дважды нажать клавишу.

Казалось, прошла вечность, прежде чем экран внезапно потемнел и на нем появилось лицо Келли.

Резко освещенная, как солист на сцене, она смотрела вперед из темноты. Все еще во вчерашнем вечернем платье, Келли была связана по рукам и ногам и привязана к стулу. Серебряный брелок, которого Том никогда не видел раньше, свисал с цепочки вокруг ее шеи. Ее губы распухли, а под правым глазом темнел большой синяк, словно от удара.

Келли заговорила сдавленным неестественным голосом, как будто читала свою роль наизусть.

Том уставился на нее, оцепенев от шока, как будто это была не реальность, а скверная шутка или дурной сон.

«Пожалуйста, Том, следи за мной и слушай меня внимательно, – говорила Келли. – Почему ты сделал это со мной? Почему игнорировал предупреждение не ходить в полицию? Теперь меня наказывают за твою глупость».

Она умолкла – по ее щекам текли слезы, смывая косметику. Камера приближалась к ее лицу и внезапно наклонилась к цепочке с брелоком, которая заполнила экран целиком.

Рисунок, выгравированный на брелоке, стал четко видимым. Это был жук-скарабей.

«Не говори полиции об этой пленке, дорогой. Просто делай то, что тебе скажут. Иначе следующим будет Макс, а потом Джессика. Не пытайся быть героем. Это… – Ее голос дрогнул. – Это единственный шанс для нас с тобой когда-нибудь увидеть друг друга снова. Пожалуйста, ничего не сообщай полиции. Эти люди узнают все…»

Голос Келли резал его душу как нож.

Экран почернел, и Том услышал звук, начавшийся как тихий жалобный вой и постепенно перешедший в пронзительный крик. Он понял, что это кричит Келли.

Потом наступила тишина.

Тома вырвало на ковер.

62

Ник Николл вывел «воксхолл» без полицейских опознавательных знаков за ворота Суссекс-Хаус и надавил на акселератор. Эмма Джейн давала указания телефонисту.

– Это Гольф-Танго-Джульетта-Эхо. Нам нужно подкрепление в районе Фрешфилд-роуд. Инцидент у дома 138, но я не хочу, чтобы кто-нибудь видел или слышал автомобиль, пока я не скажу. Понятно? – Она дрожала от волнения, понимая, что превышает свои полномочия, но у нее не было выбора. – Можете повторить?

– Гольф-Танго-Джульетта-Эхо, отправить подкрепление в район Фрешфилд-роуд. Требуется полная тишина и невидимость до дальнейших указаний.

Они спускались с крутого холма. Эмма Джейн посмотрела на спидометр. Свыше семидесяти миль в час. Она набрала номер, который дал ей мистер Зайлер. Вскоре он снял трубку.

– Мистер Зайлер? Это детектив-констебль Бутвуд. Мы уже выехали. Фургон все еще снаружи?

– Да. Хотите, чтобы я вышел и поговорил с водителем?

– Нет! – взмолилась Эмма Джейн. – Пожалуйста, не делайте этого! Просто наблюдайте за ним из окна. Я останусь на линии. Сообщайте мне о том, что увидите.

Вспышка камеры, контролирующей скорость, осветила машину. Не замедляя ход, детектив-констебль Николл продолжал спуск. Впереди был зеленый свет. Но проклятый светофор переключился на красный.

– Поезжай дальше! – велела Эмма Джейн.

Она затаила дыхание, когда он резко свернул направо перед носом автомобиля, который яростно загудел.

– Я все еще вижу белый фургон, – докладывал мистер Зайдер – Внутри сидит мужчина.

– Он там один?

Они ехали по дороге, где скорость ограничивалась сорока милями в час, в то время как их спидометр показывал девяносто.

– Я вижу только одного.

– Что он делает?

– Держит открытый ноутбук.

Камера контроля вспыхнула снова.

– Лучше убавим скорость, – шепнул Ник Николл. – Иначе у меня отберут права.

Мимо проносились уличные фонари. Автомобили, которые они обгоняли, сердито сигналили.

Игнорируя коллегу, Эмма Джейн целиком сосредоточилась на информаторе.

– Мы прибудем через пару минут.

– Хотите, чтобы я вышел?

– Нет! Пожалуйста, оставайтесь в квартире.

Снова проехав на красный свет, Ник Николл резко свернул налево и стал подниматься по Элм-Гроув – крутой широкой дороге с домами и магазинами по обеим сторонам. За окном промелькнула вывеска: «Ковры Хармони».

– Что вы видите сейчас, мистер Зайлер?

– Ничего не изменилось.

Внезапно заговорило радио:

– Гольф-Танго-Джульетта-Эхо, это констебль Годфри, Униформа-Дельта-Зебра-Браво. Мы приближаемся к Фрешфилд-роуд. Будем там через полминуты.

– Оставайтесь, где находитесь, – велела Эмма Джейн, чувствуя собственную важность и панически боясь осрамиться.

Они проехали брайтонскую больницу общего профиля, где ее бабушка в прошлом году умерла от рака, затем повернули на Фрешфилд-роуд.

Эмма Джейн смотрела на номера домов – 256… 254… 248…

– Ладно, уменьши скорость, – сказала она Нику Николлу – Впереди разворот, дом с другой стороны.

Когда они подъезжали, она внезапно увидела белый «фордтранзит» в двухстах ярдах впереди. Его задние огни мерцали красным светом, и ее сердце бешено заколотилось. Через несколько секунд она смогла прочитать номер: GU03OAG.

Эмма Джейн нажала кнопку рации:

– Униформа-Дельта-Зебра-Браво. От дома 138 по Фрешфилд-роуд отъезжает белый «форд-транзит». Пожалуйста, перехватите его.

Она повернулась к Нику Николлу и отстегнула ремень безопасности.

– Обгони его и блокируй!

Через несколько секунд они затормозили, преградив путь фургону. Прежде чем они остановились, Эмма Джейн выпрыгнула из машины и вцепилась в ручку водительской дверцы белого «форда-транзита».

Дверца была заперта.

Эмма Джейн услышала сирену и увидела голубую вспышку, скользящую над черным асфальтом. Мотор «форда-транзита» взревел, и фургон рванулся назад, едва не оторвав ей руку. Послышался скрежет металла и стекла. Фургон двинулся вперед, тараня «воксхолл». Воздух наполнился запахом горелой резины, а затем лязгом металла, когда «воксхолл» угрожающе накренился. Не выпуская ручку дверцы, Эмма Джейн услышала крик Ника:

– Стоять! Полиция!

Набиравший скорость фургон резко свернул налево, потом направо к ряду припаркованных машин. Ноги Эммы Джейн взметнулись в воздух, и она ощутила слепящий ужас и страшное давление, потом услышала хрустящий звук, похожий на недавний скрежет стекла и металла, и успела понять, что это хрустят ее кости. Ее руки выпустили ручку дверцы, и она упала в канаву, после чего все провалилось во тьму.

Ник увидел, как Эмма Джейн упала на дорогу, на момент заколебался и посмотрел в зеркало. Полицейская машина была далеко позади. Впереди исчезали задние огни «форда-транзита». Приняв решение, он последовал за фургоном, крикнув в свою рацию:

– У нас пострадавший! Нужна «скорая помощь»!

Быстро догоняя фургон, Ник перескочил через «лежачего полицейского». У подножия холма, на перекрестке с Истерн-роуд, горел красный свет. «Форд-транзит» должен был остановиться или хотя бы замедлить ход.

Он не сделал ни того, ни другого.

Когда фургон мчался через перекресток, Ник увидел свет фар, и в следующий момент такси «шкода» ударилась бортом о водительскую дверцу фургона. Он услышал глухой металлический лязг, словно два гигантских мусорных бака стукнулись друг о друга.

«Форд-транзит» повернулся, разбрызгивая бензин и воду и отчаянно сигналя, куски металла и стекла летели в разные стороны, одно колесо сплющилось почти параллельно земле.

«Шкода», проехав несколько ярдов, издала пронзительный скрежет, потом взлетела на тротуар, врезалась в стену дома и отскочила назад. Из-под ее капота шел пар.

Николл остановил машину, еще раз вызвал «скорую», потом выскочил и побежал к фургону. Но, добравшись до него, понял, что спешить было некуда. Ветровое стекло оказалось разбито и забрызгано кровью. Водитель склонился на бок с вывернутой шеей; его лицо было разрезано в нескольких местах, а глаза закрыты.

Ник Николл попытался открыть погнутую дверцу, но она по-прежнему была заперта. Он дергал ручку изо всех сил, боясь, что фургон загорится. Наконец дверца приоткрылась на несколько дюймов.

Краем глаза Ник видел двух человек у такси, открывающих дверцу водителя, и еще одного, сражающегося с задней пассажирской дверцей. Он снова дернул дверцу «форда-транзита» – она поддалась немного еще, и тогда он увидел свет под пассажирским сиденьем.

Ноутбук…

Протиснувшись внутрь, Ник посмотрел на лицо мужчины на сиденье водителя. Он еще дышал. Одним из главных усвоенных им уроков по оказанию первой помощи был никогда не передвигать жертву несчастного случая без крайней необходимости. Протянув руку, Ник выключил зажигание. Не ощутив запаха гари, он подошел к другой стороне фургона и вытащил ноутбук, предусмотрительно касаясь его через носовой платок.

Отчаянно беспокоясь об Эмме Джейн, Ник спросил по рации, где машины «скорой помощи», и тут же услышал сирену.

К его тревоге о коллеге примешивалась другая. Он понимал, что Рой Грейс не придет в восторг, узнав о происшедшем.

63

В половине двенадцатого Рой Грейс остановил «альфа-ромео» у неосвещенной витрины магазина, владелец которого специализировался на мебели XX века в стиле ретро.

Вылез, запер дверцу и остался стоять в оранжевом уличном свете перед железными коваными воротами перестроенного склада, где жила Клио. Несколько минут он молча смотрел на табло домофона, испытывая смешанные чувства. Отчасти он злился, отчасти нервничал из-за того, что она скажет, отчасти просто плохо себя чувствовал.

Впервые после исчезновения Сэнди он испытывал что-то к другой женщине. Просыпаясь на миг прошлой ночью и не думая об убийстве Джейни Стреттон, он действительно осмеливался мечтать о возможности начать новую жизнь. И вполне может быть, с Клио Мори.

Потом она сообщила, что у нее есть жених.

Что за чертовщина? Кто он такой? Какой-нибудь желторотый слюнтяй, выбранный мамочкой с папочкой? С «порше» и загородной усадьбой?

Почему она, скажите на милость, позабыла упомянуть, что помолвлена? И зачем пожелала сейчас с ним увидеться? Чтобы извиниться за вчерашний вечер, заверить, будто объятия и поцелуи на заднем сиденье такси были ужасающей пьяной ошибкой, которую они оба должны пережить, забыть и простить?

Зачем он явился сюда? Ему здесь делать нечего. Он должен либо сидеть за своим конторским столом в отделе тяжких преступлений, либо в столь поздний воскресный час возвращаться домой и ложиться в постель, чтобы отдохнуть перед утренним инструктажем и дальнейшим расследованием дела Джейни Стреттон. А также наблюдением за ходом судебного разбирательства дела Суреша Хоссейна.

Он мысленно вспомнил только что состоявшуюся беседу с Томом Брайсом. Во время переподготовки в последние годы Грейс посещал психологические курсы, хотя никогда не видел в том пользы. Возможно, они дают подсказки для выбора между тремя подозреваемыми, но ничто из услышанного не помогло ему в данный момент решить, разыгрывал ли Том Брайс горе и тревогу или по-настоящему переживал.

Впрочем, один раз он определенно соврал.

«Вы не замечали в последние месяцы каких-нибудь перемен в поведении миссис Брайс?»

«Никаких».

Что это значит? Брайс что-то скрывает. Может быть, подозревает, что у жены есть любовник? Или что она собирается его бросить? Несмотря на всю свою симпатию к этому человеку, Грейс заколебался из-за этой лжи, вселившей в него сомнения, которые не позволили нынче нажать на все кнопки для полномасштабных розысков Келли Брайс. Утром надо предложить Элисон Воспер поручить поиски пропавшей женщины Кэссиану Пью.

И если повезет, этот гнусный самонадеянный кусок дерьма на самом первом деле сплошь запачкает морду тухлым яичным желтком. Будет очень приятно.

Он смотрел на панель домофона, чуя порхающих в желудке бабочек. Держись, старик! Торчать на ступеньках, как жалкий подросток!.. Воскресным вечером в половине двенадцатого, черт побери!..

Внезапно навалилась усталость. Силы напрочь иссякли. В душе на мгновение вспыхнула злость – злость на Клио и на самого себя, явившегося сюда по слабости, – возникло искушение вернуться к автомобилю, уехать домой. Он повернулся, нащупывая в кармане ключи от машины, но, когда вытаскивал их, в домофоне послышался ее непривычно искаженный голос:

– Да?

И этот голос на него подействовал. Полностью активизировал.

– Доставка пиццы! – объявил он с плохим итальянским акцентом. – Пиццу заказывали?

Она рассмеялась.

– Входите во дворик, сверните направо. Шестая квартира в левом конце. Надеюсь, не забыли добавить анчоусов?

Замок с резким щелчком открылся. Он толкнул тяжелые ворота, порылся в кармане, вдруг вспомнив о жвачке, сунул в рот пластинку, шагая по безукоризненно чистому булыжнику, освещенному круглыми стеклянными фонарями. Подходя к ее двери, выплюнул жевательную резинку в фольгу, завернул, сунул обратно в карман.

Не успел прикоснуться к звонку, как дверь открылась. На пороге стояла Клио, босая, в обтягивающих джинсах, широкой синей блузе, с частично забранными под заколку, частично распущенными волосами. Лицо бледное, почти без косметики, но она выглядела красивей прежнего.

Приветствовала его робкой улыбкой и удивленным взглядом округлившихся глаз, как слегка нашаливший ребенок.

– Привет, – только и сказала, чуть-чуть передернув плечами.

Грейс тоже в ответ передернулся.

– Привет.

Последовало неловкое молчание, словно каждый от другого ждал поцелуя. Ничего подобного не последовало. Клио посторонилась, впустив его в дом и закрыв за ним дверь.

Он вошел в просторную открытую гостиную, залитую мягким светом десятка маленьких белых свечек и ультрасовременных потолочных светильников, где стоял сильный запах, чуть сладковатый, мускусный, женский, такой соблазнительный.

В комнате была хорошая атмосфера – Грейс сразу расслабился, чувствуя отпечаток Клио на каждом дюйме. Кремовые стены, пушистые ковры на полированном дубовом полу, два красных дивана, покрытая черным лаком мебель, броские абстрактные картины, дорогой телевизор, латиноамериканская песня, тихо, но настойчиво звучавшая из четырех мощных солидных динамиков.

Были там и пышные зеленые растения, в квадратном аквариуме на журнальном столике одинокая золотая рыбка плавала вокруг руин миниатюрного затонувшего греческого храма.

– По-прежнему предпочитаешь виски? – спросила Клио.

– Пожалуй, чуть выпью.

– Со льдом?

– И побольше.

– Водой разбавить?

– Немного.

Грейс подошел к аквариуму.

– Это рыбка, – сказала Клио. – Рыбка, это старший суперинтендент Рой Грейс.

– Привет, рыбка, – сказал Грейс и, повернувшись к Клио, добавил: – У меня тоже есть золотая рыбка.

– Я помню, ты рассказывал. Марлон, да?

– Хорошая память.

– Угу. Лучше, чем у золотых рыбок. Я читала, будто они помнят лишь то, что случилось в последние двадцать секунд. Я порой целый день могу припомнить.

Грейс рассмеялся – натужным вымученным смехом. Между ними возникла напряженность, как между боксерами на ринге в ожидании гонга перед первым раундом.

Клио вышла из комнаты, и он воспользовался возможностью как следует оглядеться. Подошел к фотографии в рамке, стоявшей на небольшом боковом столике вместе с каким-то каучуконосным растением. Снимок запечатлел симпатичного мужчину во фраке и в цилиндре, недавно перешагнувшего пятидесятилетний рубеж, рядом с прекрасно выглядевшей женщиной под пятьдесят, в широкополой шляпе и ошеломляюще элегантном наряде. Женщина отличалась поразительным сходством с Клио. На заднем фоне было множество людей, одетых в таком же стиле. Грейс прикинул, не сделан ли снимок на королевской трибуне в Аскоте[30], где сам он никогда не бывал.

Потом он побрел к битком набитым книжным полкам, тянувшимся от пола до потолка. Увидел выстроившиеся в ряд романы Грэма Грина, дневники Сэмюела Пеписа[31], несколько детективных романов Вэла Макдермида, Саймона Бретта, Йена Рэнкина, Марка Тимлина; книги Жаннет Уинтерсон, два романа Джеймса Герберта, произведения Элис Сиболд, Джонатана Францена, собрание сочинений Тома Вулфа, биографии Мэгги Тэтчер и Клинтона; эклектичную смесь элитарной литературы, а также старинное издание «Анатомии» Грея и, к своему удивлению, «Сокровенное» Колина Уилсона.

Клио вернулась с двумя стаканами, где позвякивали кубики льда.

– Много читаешь? – спросил он.

– Не очень, но жадно покупаю книги. А ты?

Грейс любил книги, помногу покупал каждый раз, как случалось заглядывать в книжные лавки, хотя редко дочитывал до конца.

– Хотелось бы иметь время на чтение, но приходится главным образом читать рапорты и донесения.

Клио протянула красивый высокий стакан – виски со льдом, – они одновременно сели на диван, держась друг от друга поодаль. Клио подняла свой бокал с белым вином.

– Спасибо, что пришел.

Он пожал плечами, гадая, что за бомбу она намерена взорвать.

Вместо этого Клио сказала:

– Не будь глухо, большое ухо.

– Что?

– Задавай вопрос, задранный нос!

Грейс нахмурился.

– Никогда не слышал?

– Нет.

– Не будь глухо, большое ухо, – повторила Клио. – Задавай вопрос, задранный нос. Не зевай, полицай, пошевеливай задницей! – И поднесла к губам бокал, сделала долгий глоток.

Рой, ошеломленно вертя головой, хлебнул виски – чертовски и опасно приятно.

– Что это значит?…

– Задавай вопрос, задранный нос… Не зевай, полицай, пошевеливай задницей…

Ничего не понимая, Грейс тряхнул головой.

– Просто поговорка, мне хотелось, чтоб ты ее знал.

Мельком покосившись на Клио, Грейс снова уткнулся в стакан, вновь хлебнул, сменил тему:

– Что ж, не расскажешь ли про… э-э-э… своего жениха?

Клио еще глотнула вина. Ему нравилось, как она пьет – полноценными, а не жеманными маленькими глотками.

– Про Ричарда?

– Вот как его зовут?

– Разве я не говорила, как его зовут? – удивленно переспросила она.

– Фактически нет. Наверно, позабыла о нем вчера вечером. И в наше прошлое свидание.

Клио пристально разглядывала бокал с вином, как древние руины.

– Но ведь о нем все – *все* – знают. То есть я думала, что и ты знаешь.

– Видимо, я не такой, как *все*.

– Он уже несколько месяцев насмерть сводит с ума всю бригаду патологоанатомов в морге.

Грейс со звоном поболтал в стакане кубики льда.

– Не уверен, что мы с тобой едем в одном автобусе.

– В сороке втором, – уточнила она. – Ищешь смысл? Тебе требуется «Галактический справочник для голосующих на дороге»?

– Да, – подтвердил он. На миг показалось, что Клио пьяна, хоть она и не походила на пьяную, даже на слегка наклюкавшуюся. – Прости. Ничего не пойму. Твой жених всех с ума сводит?

– Я думала, ты знаешь, – вдруг смутилась она. – Черт возьми, неужели ничего не слышал?

– Ничего.

Клио осушила бокал.

– О господи! – Она наклонила стакан, как бы собирая еще несколько капель драгоценного спиртного, и опять пожала плечами. – Собственно, тут совсем нечего поминать Господа.

– Не хочешь меня просветить?

– Загрузить все сведения о Ричарде?

– Может быть, для начала неплохо.

– Он барристер[32], мы с ним познакомились года три назад. Защищал убийцу, явился в морг осмотреть тело жертвы. – Клио с надеждой подняла бокал, разочарованно осознав, что

там пусто. – Понравился мне, и мы стали встречаться; родителям тоже понравился, мои брат с сестрой признали его очень милым; где-то через полтора года мы обручились. Приблизительно в то же самое время я обнаружила, что у меня есть серьезный соперник – Бог.

– Бог?

Она кивнула:

– Он нашел Бога. Или Бог его нашел. Без разницы.

– Повезло Ричарду, – заметил Грейс.

– Еще как, – согласилась Клио с оттенком сарказма. – Я завидую каждому, кто нашел Бога: чрезвычайно приятно переложить на Него всю ответственность. – Она неожиданно встала. – Хочешь еще виски?

Грейс заглянул в свой стакан, на три четверти полный.

– Я за рулем, спасибо.

Клио вышла, вернулась с полным бокалом вина, села на этот раз гораздо ближе.

– Он начал водить меня в харизматическую церковь, – продолжала она. – Только это не для меня. Я старалась, потому что в то время любила его, но мы лишь отдалялись друг от друга.

– А он все усердней молился?

– Точно. Слушай, для легавого ты чересчур проницателен!

Грейс выразительно посмотрел на Клио, но не сдержал усмешки:

– Большое спасибо.

Она с ним чокнулась.

– Заставлял меня стоять рядом с ним на коленях, часами молиться, просить Бога скрепить нашу связь. Я вскоре не выдержала.

– Почему?

– Да просто потому, что не верю.

– Ни во что?

– Я целыми днями кромсаю трупы, как тебе отлично известно. И души ни в одном ни разу не обнаружила. – Она снова выпила. – А ты веришь?

– Верю в существование после смерти. Но у меня проблемы с религией.

– Значит, мы едем в одном автобусе, – заключила она.

– Я видел у тебя на книжной полке «Сокровенное» Колина Уилсона.

– Меня интересуют подобные вещи. Я знаю – тебя тоже, и это прекрасно. Можно верить в привидения, в некий мир духов, но в какого-то единого Бога вовсе не обязательно. Правда?

Грейс кивнул.

– Я полгода назад порвала с Ричардом, он с этим так и не смирился. Уверен, что Бог все между нами уладит. И карьера его пострадала. Он тратит время не на изучение дел, а на молитвы Богу с просьбами помочь их выиграть. Страшно жалко… Я смотрю, какое дерьмо творится на свете, и вижу, что в основном это дело рук тех, кто имеет свое иллюзорное представление о Боге. Мне иногда кажется, что одержимость Ричарда недалеко ушла от фанатизма мусульманина-самоубийцы, обвешанного взрывчаткой. Одна и та же проклятая система веры – важна не эта жизнь, а будущая. Бредовая идея! Может быть, сменим тему?

Грейс отхлебнул виски.

– О чем тебе хотелось бы поговорить?

Клио поставила свой бокал, взяла у него стакан, тоже поставила. Обняла его за шею, шепнула:

– Давай пока ни о чем не будем говорить.

И прижалась к его губам мягкими губами – немыслимо мягкими. Он вдыхал мускусный запах, запах свежевымытых волос, чувствовал во рту нежный сладкий язык, чувствовал, как она вбирает его в себя, глубже, глубже, словно собирая в комок отрез шелка.

И вот, слившись телами, не отрывая губ, они стали взбираться по крутым ступенькам – один пролет, второй, он не считал, – шаркая ногами сначала по натертому деревянному полу, потом по пушистому ковру. По-прежнему звучала латиноамериканская музыка – теперь тихий джаз. Угасали расставленные вдоль стен свечи, она целовала его, проводя языком по зубам, по нёбу.

Он почувствовал – Боже милостивый – вспыхнувшее в низу живота пламя.

Живот прострелил электрический ток, тело пронзали крошечные чудесные искры. Он открыл глаза, увидел в голубых глазах ответную улыбку. Она расстегнула на нем рубашку, неожиданно поцеловала по очереди в глаза, нежно, влажно – электрическое напряжение подскочило, – в лоб, в щеку, вновь в губы. И опять все сначала.

Приятно до боли.

Всего несколько раз за последние девять лет он набирал номера, указанные в «Аргусе» в объявлениях о знакомстве, оказываясь в конце концов в жалких брайтонских трущобах. Однажды толстая испанка ублажала его руками. В другой раз был оральный секс с тайской девушкой. В третий – постыдный – он едва смог ответить тощей местной девчонке с хриплым голосом и плоской грудью.

Возможно, потому, что в его памяти стояла Сэнди.

Сейчас ее не было.

Тонкие пальцы Клио теребили брючный ремень. Очередной поцелуй пришелся прямо под подбородком. Звякнула пряжка. Еще поцелуй, чуть ниже. Потом вдруг открылась ширинка, рука влезла в трусы, теплая и в то же время невероятно и сладко холодная.

– О боже.

Он сощурился почти в безумном возбужденном опьянении, Решительно желая, чтобы оно длилось долго-долго.

Клио улыбнулась такой откровенной, почти порочной улыбкой, какой он еще никогда в жизни не видел. Потом вновь принялась поочередно расстегивать пуговицы рубашки.

Прижалась губами к правому соску, и он решил, что сейчас умрет от счастья.

Она двигалась медленно, мучительно медленно. Ущипнула пальцами левый сосок, твердо взглянула в глаза, улыбнулась коварной, прекрасной, немыслимой… совершенно немыслимой… хитрой улыбкой…

А он так возбудился, что не мог больше стерпеть ни секунды.

Она глубоко сунула в пупок язык, спуская с него брюки и трусы до щиколоток.

А потом взяла *его* в рот.

Воздух вырвался из легких, из таких глубин, о существовании которых Грейс даже не подозревал, думая, что они давно мертвы. Его руки залезли под блузу, чувствуя мягкую плоть на боках, медленно и настойчиво потянули ткань вверх – возникло желание, чтобы это мгновение никогда не кончалось, чтобы блуза не снялась окончательно, чтобы это длилось вечно: дни, часы, секунды, наносекунды. Чтобы время застыло.

Потом он прикоснулся к груди. Без лифчика. Груди большие, гораздо больше, чем можно было подумать, крепкие, круглые… Она застонала от прикосновения и снова взяла его в рот, глубже, глубже.

Несколько минут – он по-прежнему в ботинках, в спущенных трусах и брюках – они лежали на застилавшем кровать леопардовом покрывале, молча глядя друг на друга. Он

провел ладонью по плечу, по сильным лопаткам, контурам спины, гладил теплую кожу, безуспешно стараясь не думать, что все подругому, чем с Сэнди. Не лучше, но по-другому.

Ожила память, возникли сравнения. Сэнди была ниже ростом, полнее, не столь загорелая, груди у нее были меньше, другой формы, соски крупней, розовее. У Клио они маленькие, вроде алых бутонов. Волосы на лобке у Сэнди были темные, густые, курчавые, а у Клио пшеничные, аккуратно подстриженные. Она обхватила его руками, ногами, сильными и красивыми, как у великолепной породистой лошади, двигалась и шептала:

– Ты чудо, Рой. Боже мой, как давно я этого хотела… Давай займемся любовью.

Он прижал ее к себе, неспособный насытиться, словно попал в какую-то волшебную сказку и там затерялся. Она пыталась с ним слиться, но он был еще не готов, пока нет. Этого так давно не было, что пришлось вспоминать, как сдержаться, – непременно надо вспомнить.

Первым делом замедлить темп. Первым делом доставить ей удовольствие. Этого тайного правила он всегда придерживался с Сэнди и с немногими подружками, с которыми спал после нее.

Двигался вниз, лаская губами груди, живот, пробежался языком по пшеничным завиткам волос, добрался до влажного местечка, вдыхая неслыханный запах, смакуя невероятный вкус, опьяняющий сильней мускусного аромата духов.

Она застонала.

Ох, боже, как вкусно, как сладко, как дьявольски сладко…

И в тот самый момент зазвонил телефон.

Она расхохоталась. Мобильник трезвонил настойчиво. А потом замолчал. Он поцеловал ее крепче, глубже.

– Рой… – бормотала она. – Рой! Ох, Рой… Ох, Рой, боже мой…

Проклятый телефон издал два резких писка. Пришло сообщение.

Глубоко наплевать.

64

Крис Уиллингем не сводил глаз с истеричного мужчины в футболке, запачканной спереди рвотой, стоявшего в дверях гостиной и оравшего на него, безнадежно стараясь припомнить, что его учили делать в таких ситуациях.

– Вы должны что-то сделать! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Помогите мне найти жену!

Надо говорить спокойно, вспомнил он. Это первое. И поэтому мягко спросил:

– Что именно случилось?

– Она дико кричала. Испугана до смерти, черт побери, ясно? – Том Брайс влетел в комнату, схватил его за плечи. – Ты должен что-нибудь *сделать*, мать твою!

Молодой офицер из отдела семейных проблем задохнулся от запаха рвоты. Стараясь говорить потише, повторил:

– Расскажите мне, мистер Брайс, что именно случилось.

Том Брайс повернулся, выходя из комнаты.

– Пойдите, пойдите и посмотрите. Оно у меня в компьютере!

Констебль последовал за Томом вверх по лестнице в маленькую комнатку, заставленную книжными полками со снимками его жены и детей в рамках. Увидел на письменном столе ноутбук с поднятой крышкой, молочно-белым монитором. Том Брайс застучал по клавиатуре, открывая электронную почту.

Здесь запах рвоты слышался еще сильнее, поэтому Уиллингем, глядя на монитор, старался держаться подальше от лужи на полу. Брайс сел, уставился на экран, нахмурился, продолжая поиск.

– Было тут, – пробормотал он. – Проклятое сообщение с прикрепленным файлом. Господи, где ж оно, мать твою?

Уиллингем ничего не сказал. Брайс на секунду вроде утих, потом вновь всполошился:

– Оно тут было!

Том недоверчиво таращил глаза. Чертово сообщение испарилось. Он одно за другим набирал, как пароль, каждое слово, запомнившееся из того самого сообщения. Ничего. Он склонился к столу, уронил голову на руки, всхлипнул.

– Пожалуйста, помогите мне… Ох, пожалуйста, сделайте что-нибудь, отыщите ее, пожалуйста, *что-нибудь* сделайте. Ох, боже, если б вы слышали…

– Вы слышали свою жену в компьютере?

Том кивнул.

– А теперь все исчезло?

– Да-а-а!..

Уиллингем призадумался, не потерял ли мужчина рассудок. Не привиделось ли ему все это? Не свихнулся ли он от нестерпимых переживаний?

– Давайте начнем с самого начала.

Стараясь сохранять спокойствие, Том точно пересказал то, что видел и что сказала Келли.

– Если вы получили сообщение по электронной почте, – заметил констебль, – оно должно где-то остаться в компьютере.

Том обыскал «корзину», где хранится удаленная информация, «макулатурную» папку с рекламой и прочей белибердой, все остальные папки электронной почты. Ничего.

И сам на секунду задумался, не показалось ли все это.

Но такой вопль не может показаться. Ни в коем случае.

Он повернулся к констеблю:

– Наверно, вы думаете, будто мне показалось. Нет – я его *действительно* видел. Кем бы ни были те люди, они хорошо разбираются в технике. Такое уже было: я на этой неделе получал сообщения по электронной почте, которые исчезали, полностью уничтожая мою базу данных.

Уиллингем просто стоял, не зная, чему верить, что делать. Мужчина явно в плохом состоянии, хотя вроде бы не сумасшедший, просто находится в полном шоке. Что-то в самом деле случилось, но, согласно его ограниченным сведениям о компьютерах, электронные сообщения не исчезают. Попадают куда-нибудь в другие папки: с ним такое бывало.

– Давайте еще раз попробуем, сэр. Просмотрите все файлы по очереди.

Закончили уже после полуночи. Все равно ничего не нашли.

Том поднял на Уиллингема глаза:

– Что будем делать?

Офицер из отдела семейных проблем призадумался.

– Можно было бы обратиться в отдел высоких технологий, да я сомневаюсь, есть ли там кто-нибудь в такое время ночи в воскресенье. Может быть, запросить техническую поддержку у вашего провайдера в Интернете – наверно, они работают круглосуточно. – Он внезапно нахмурился. – Что же касается меня… я… э-э-э… должен переговорить сначала с суперинтендентом Грейсом.

– Давайте я просто попробую, – нетерпеливо бросил Том, нашел номер, набрал.

Автомат держал его на линии. Десять минут звучала ужасная музыка, наконец откликнулся человеческий голос с индийским акцентом, сочувственный и готовый помочь. Еще через десять минут, показавшихся десятью часами, голос вернулся с известием, что не обнаружил никаких признаков электронного сообщения или контактного адреса.

Том в ярости швырнул трубку.

Тоном, свидетельствовавшим о нарастающем скептицизме, Уиллингем спросил:

– А что именно вам сообщила жена? Поточнее?

Отчаянно стараясь трезво мыслить, Том с максимальной точностью повторил то, что помнил:

– Она сказала: «Не обращайся в полицию. Делай только то, что они тебе говорят, иначе следующим будет Макс, потом Джессика. Пожалуйста, делай то, что тебе говорят. Не сообщай в полицию – они узнают».

– Кто «они»?

– Не знаю, – беспомощно пробормотал Том.

Уиллингем вытащил цифровое радио. Том мгновенно перехватил его руку.

– Нет!

Они долго молчали. Поступило еще несколько электронных сообщений; «макулатурный» фильтр их отсеял. Том снова просмотрел папки. Ничего.

Наконец Уиллингем сказал:

– Пожалуй, я должен доложить.

– Нет! – опять крикнул Том.

– Это абсолютно безопасно, сэр. Я свяжусь с полицейской системой.

– Нет!!!

Огорошенный его упрямством, констебль поднял руки.

– Ладно, сэр, нет проблем. – Он поморщился. – Может, я заварю нам чаю или кофе, и подумаем, что делать дальше.

– Кофе, – решил Том. – Лучше кофе, спасибо. Черный, без сахара.

Констебль вышел из комнаты. Том по-прежнему смотрел на экран, за которым где-то лежала вся его жизнь.

Пришло новое сообщение. С обратным адресом postmaster &scarab.tisana.al. Он мгновенно кликнул мышкой.

«Поздравляю, быстро учитесь! Теперь выходите из дома, садитесь в машину Келли, поезжайте на север по лондонскому шоссе А-23, ждите ее звонка. Мне не нравится, что вы проигнорировали указание не связываться с полицией. Если скажете хоть слово своему новому лучшему другу, своей новой горничной – хоть ОДНО слово, – то, друг мой, больше никогда не увидите свою жену живой. Не пытайтесь ответить на сообщение. И не трудитесь искать скрытую камеру – она на вас смотрит».

65

Клио улыбалась. Лицо нежное и прекрасное в свете свечей. Играл неторопливый джаз. Рой Грейс чувствовал на щеке теплое сладкое дыхание, смотрел на пряди спутанных волос.

– Неплохо, – шепнула она.

– Для легавого?

Клио игриво толкнула его кулачком, обхватила лицо ладонями, поцеловала в губы. В постели с ней было так уютно, так хорошо, будто Грейс знал ее долгие годы, словно они были лучшими любовниками на всем белом свете.

Он ее поглаживал, чувствуя в глубине своего существа горящий уголек, чувствуя полный и абсолютный покой. Хотя бы на один мимолетный момент оказался в том самом пространстве, куда уже не надеялся попасть до конца своей жизни. Потом вспомнил про телефонный звонок, про сигналы о поступлении сообщения, игнорировать которое не следовало; взглянул на часы на тумбочке у кровати, испускавшие слабое голубоватое свечение.

1.15.

Проклятие!

Грейс скатился с кровати, прошлепал по полу, нашел телефон, поднес к уху, нажал кнопку повтора.

Гленн просил перезвонить, если шеф получит сообщение до полуночи, а если не получит, обождать до утра. Он с облегчением положил телефон.

– Хорошо, что ты пришел, – пробормотала Клио.

– Клюнул на приманку: на «Гленфиддиш». Не мог устоять.

– Значит, вы такой мелочный, суперинтендент Рой Грейс? – поддразнила она его. – На все готовы за дармовую выпивку?

– Угу. И может быть, чуточку любопытствовал насчет твоего жениха. Это тоже мелочность? – Он резко выдохнул, когда она вдруг вцепилась в мошонку.

– Знаете, как говорится, суперинтендент? – Клио легонько сжала пальцы.

Задыхаясь от наслаждения – и совсем легкой боли, – он прошептал:

– Как?

– Держа в руках мужские яйца, держишь сердце и разум мужчины.

Он снова с силой выдохнул, она слегка ослабила хватку.

– Тогда скажи, какие у тебя планы на остаток ночи? – снова шепотом спросил он.

Она опять стиснула пальцы и поцеловала его.

– Ты не в том положении, чтоб торговаться, какими бы мои планы ни были.

– Кто торгуется?

– Тебе не кажется, будто ты?

Клио отдернула руку, спрыгнула с кровати, зашагала по комнате. Он смотрел, как стройное обнаженное тело, длинные ноги, крепкие круглые белые груди, пышные ягодицы исчезают в дверях. Потом лег на мягкую подушку, заложил руки за голову и крикнул:

– Льда побольше!

Клио вернулась через несколько минут с двумя позвякивавшими высокими стаканами. Один протянула ему. Забралась в постель рядом, чокнулась, тряхнула головой, проговорила:

– Не будь глухо, большое ухо. Задавай вопрос, задранный нос. Не зевай, полицай, пошевеливай задницей! – И выпила одним махом полстакана.

Грейс поднял свой стакан, повторив в ответ:

– Не будь глухо, большое ухо, – и сделал долгий глоток. До завтра миллион миль.

Клио смотрела на него сверкавшими глазами.

– Значит, вы пришли исключительно для того, чтоб разузнать о моем женихе. Только по этой причине, суперинтендент Рой Грейс?

– Перестань меня так называть!

– А как мне тебя называть? Трахальщиком до конца света?

– Было бы здорово, – ухмыльнулся он. – Впрочем, просто Рой тоже неплохо.

Клио поднесла стакан к губам, потом потянулась, поцеловала его, втолкнув в рот кубик льда со вкусом виски.

– Рой! Великолепное имя. Почему родители назвали тебя Роем?

– Я никогда не спрашивал.

– Почему?

Он пожал плечами:

– Просто в голову не приходило.

– И это называется детектив? Я думала, ты обо всем расспрашиваешь.

– Почему твои родители назвали тебя Клио?

– Потому что… – Она фыркнула. – По правде сказать, стыдно признаться. Дело в том, что «Александрийский квартет» – один из любимых романов моей матери. Меня и назвали в честь Клиа. Только отец неправильно записал имя в церковной книге. Поставил на конце «о» вместо «а», так и осталось.

– Никогда не слышал про «Александрийский квартет».

– Быть не может! Наверняка читал.

– Видно, в детстве я был лишен родительского внимания и заботы.

– Или ты его потратил впустую.

– А ты умела играть в покер в двенадцать лет?

– Вот это и я имею в виду. Боже мой, надо тебя просвещать! «Александрийский квартет» – это четыре романа, написанные Лоренсом Даррелом. Чудесные взаимосвязанные истории. «Жюстина», «Балтасар», «Маунтолив» и «Клиа».

– Видно, чудесные, если…

– Что «если»?

– Если ты похожа на их героиню.

Снова зазвонил телефон. На сей раз Грейс ответил – с большой неохотой.

И через две минуты – с немыслимой неохотой, – поспешно поднявшись с кровати, неуклюже натягивал носки.

66

– Тебя ведь легко напугать, правда, Келли?

Ослепленная бившим в глаза светом Келли, щурясь, разглядывала связывавшие ее веревки, пытаясь сдвинуться назад вместе со стулом, шарахаясь от шевелившихся ножек безобразного черного жука, которого подносил к ее лицу жирный приземистый американец.

– Не-е-е-ет! Пожалуйста, не-е-е-ет!

– Одно из моих домашних животных, – ухмыльнулся он.

– Чего вы от меня хотите? Что вам нужно?

Он внезапно отдернул жука, взял за горлышко бутылку водки.

– Выпьешь?

Келли отвернулась, трясясь от ужаса, голода и похмелья. По щекам текли слезы.

– Знаю, хочешь выпить. Давай. Легче станет.

Она отчаянно жаждала выпить эту бутылку: взять в рот горлышко и высосать до дна. Но решила не доставлять удовольствия гаду. Краем глаза в сияющем свете по-прежнему видела дергавшиеся лапки.

– Ну, глоточек.

– Я хочу к детям.

– По-моему, сильней хочешь водки.

– Пошел в задницу!

Перед ней мелькнула тень, потом она получила крепкую пощечину и вскрикнула от боли.

– Не стану слушать никакого дерьма от маленькой сучки, понятно?

– Пошел в задницу!

Следующий удар оказался столь сильным, что свалил Келли вместе со стулом. Она рухнула на каменно-жесткий пол. Боль прострелила руку, плечо, все тело. Келли разразилась слезами.

– Чего вы от меня хотите? Что вам нужно?

– Чтоб ты меня немножко послушалась.

Толстяк поднес жука так близко к лицу, что слышался кислый навозный запах. Лапки защекотали кожу.

– Не-е-е-е-е-ет! – Келли извернулась, покатилась по полу вместе со стулом, с грохотом переворачиваясь, на что-то натыкаясь. Все кости ныли от боли. – Нет… нет… нет! – Она все быстрее дышала, хватая ртом воздух в истерике, чувствуя неожиданно накатившую злобу на Тома. Где он? Почему не ищет ее, не приходит на помощь? Потом замерла неподвижно, измученная, глядя на слепящий свет, в темноту. – Пожалуйста, – взмолилась она. – Я вас не знаю. Просто хочу к детям, к мужу. Пожалуйста, отпустите меня.

Видно, все это как-то связано с сообщением по электронной почте, которое видел Том и с которым наверняка отправился в полицию.

– Зачем вы меня здесь держите? – спросила Келли, как бы желая получить подтверждение.

Нет ответа.

– Вы на меня злитесь? – всхлипнула она.

Мужчина сказал неожиданно мягко:

– Только потому, что ты плохо ведешь себя, Келли. Я хочу, чтоб ты мне помогла.

– Тогда развяжите меня, черт побери!

– Думаю, это в данный момент невозможно.

Она закрыла глаза, отчаянно стараясь что-то сообразить, перебороть жуткую тягу к спиртному. Всего один глоточек «Столичной». Только нельзя доставлять удовольствие жирному гаду. Никогда, ни за что, черт возьми, никогда, никогда, никогда.

Потом жажда все-таки взяла верх.

– Пожалуйста, можно мне сейчас выпить?

Через несколько секунд горлышко было у нее в губах, она жадно глотала спиртное. Последовал почти мгновенный эффект. Боже, как хорошо. Может, она ошиблась в этом человеке, может быть, он, в конце концов, добрый.

– Хорошо, Келли! Пей. Хорошо, правда?

Она благодарно кивнула.

– Слушай! Я не хочу причинять тебе зло. Будешь слушаться, я тебя не обижу. Понятно?

Она тряхнула головой и вдруг страшно расстроилась, когда толстяк рывком отдернул бутылку.

Внезапно в голове прояснилось, одновременно в памяти закрутились все когда-либо просмотренные фильмы ужасов. Что это за тип, черт возьми? Маньяк-убийца? Что он с ней собирается сделать? Страх метался в душе, как выпущенный на волю дикий зверь. Изнасилует? Будет пытать?

«Я умру здесь, в темноте, и больше никогда не увижу Джессику, Макса и Тома».

Как вести себя с таким типом? Пленники в кино пытаются наладить взаимоотношения, установить связь с похитителями. Когда они с тобой слегка познакомятся, им гораздо трудней тебя мучить.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– По-моему, это тебя интересовать не должно.

– Мне хочется знать.

– Я тебя сейчас ненадолго оставлю. Если чуточку повезет, скоро с тобой рядышком окажется муж.

– Том?

– Угадала!

– Том едет?

– Том едет. Ты же не хочешь, чтобы он увидел, как ты тут на полу валяешься?

Келли отчаянно затрясла головой.

– Давай я тебя посажу. Будешь хорошо выглядеть перед камерой.

– Перед камерой?

– Угу.

Чувствуя легкое опьянение, Келли вымолвила заплетающимся языком:

– П-перед к-какой камерой?

– Ты у нас станешь кинозвездой!

67

В 1.25 в спальне Гленна Брэнсона неожиданно завопил Джей-Зи, заменявший звонок мобильного телефона. Он поспешно выбросил руку, чтобы ответить, заглушить проклятую штуку, пока та не разбудила Эри, и свалил с тумбочки стакан с водой. Телефон и будильник тоже грохнулись на пол.

Гленн, туго соображая, в темноте вскочил с кровати, пошарил под стулом, куда улетел телефон, который пел, как назло, все громче. Наконец нащупал, нажал кнопку.

– Сержант Брэнсон, – проговорил он как можно тише, пригнувшись, словно при этом голос звучал совсем неслышно.

Звонил Том Брайс. В ужасном состоянии.

– Сержант Брэнсон, извините за поздний звонок.

– Ничего страшного, Том… Обождите минуточку…

– Господи помилуй! – пробормотала Эри. – Явился домой за полночь, разбудил меня, теперь снова будишь. По-моему, нам надо спать в разных спальнях. – И выразительно отвернулась от мужа.

Прекрасное начало недели, мрачно думал Брэнсон, выходя из комнаты и направляясь с телефоном в ярко-оранжевую ванную.

– Прошу прощения. Слушаю, – сказал он, присаживаясь голышом на сиденье унитаза за неимением лучшего. – Рассказывайте.

В ванной пахло свежим цементным раствором. Гленн осмотрел сверкавшую новым стеклом душевую кабину, установленную только на прошлой неделе, умопомрачительные кафельные плитки в тигровых полосах, выбранные Эри, которые плиточник закончил укладывать в пятницу. Они переехали в этот дом три месяца назад. Место хорошее – недалеко и до моря, и до сельской местности, хотя в данный момент, по сведениям Эри, вся округа стоит на ушах: меньше чем в миле отсюда было обнаружено тело Джейни Стреттон.

– Я должен убедиться, что линия не прослушивается, – объявил Том Брайс, находясь на грани истерики. Слышался гул, словно он ехал в машине.

Брэнсон взглянул на дисплей: звонок с мобильного телефона. Он постарался его успокоить:

– Вы звоните на мой полицейский мобильник. На нем все сигналы шифруются. Абсолютно надежно. – Гленн решил не разъяснять, что телефон самого Тома, скорее всего обычный, доступен любому настроившемуся на соответствующую частоту. – Где вы, Том?

– Не хочу говорить.

– Ладно. Не дома?

– Нет. Из дома говорить опасно, там все кругом прослушивается.

– Хотите со мной где-нибудь встретиться?

– Да. Нет. Да… я хочу сказать… мне нужна ваша помощь.

– Это мой долг.

– Откуда мне знать, что вам можно доверять? Дело конфиденциальное.

Брэнсон нахмурился:

– Какие вам требуются заверения?

Последовало долгое молчание.

– Алло! Мистер Брайс! Том, вы слушаете?

– Да, – слабо ответил тот.

– Слышали мой вопрос?

– Не знаю… имею ли я право… Не могу рисковать.

Телефон замолчал намертво.

Гленн Брэнсон набрал на дисплее номер Тома, сразу попал на голосовую почту, оставил сообщение, что перезвонит, выждал пару минут, полностью проснувшись, со стремительно летевшими в голове мыслями, желая, чтоб Эри лучше его понимала. Жизнь, конечно, тяжелая, но хочется побольше сочувствия. Он передернулся. Черт возьми. Может быть, надо все-таки прочитать книжку, которую она купила ему к Рождеству: «Мужчины с Марса, женщины с Венеры». По ее утверждению, книжка ему поможет понять женщин. Хотя он вряд ли когда-нибудь по-настоящему поймет, чего хотят женщины. Мужчины и женщины не с разных планет, а из разных вселенных.

Брэнсон снова набрал номер мобильника Брайса, снова попал на голосовую почту. Потом принялся набирать домашний номер, неожиданно чувствуя жуткий страх, причину которого так и не понял.

– Исчез? – переспросил Рой Грейс, стоя рядом с Брэнсоном в прихожей дома Тома Брайса в десять минут третьего ночи, в изумленном гневе тараща глаза на молодого офицера из отдела семейных проблем. – Что значит – исчез, черт возьми?

– Я заглянул проведать, а его нет.

– Том Брайс, его четырехлетняя дочь и семилетний сын покинули дом, а ты ничего не заметил, будь я проклят?

– Я… э-э-э… – беспомощно промямлил Крис Уиллингем.

– Заснул на посту, мать твою, да?

– Н-нет… я…

Грейс, жуя резинку, чтобы заглушить запах спиртного, испепелял взглядом юного офицера.

– Ты должен был за ними присматривать. И не спускать глаз с *него*, как с главного подозреваемого, черт побери! А сам позволил им улизнуть от тебя?

Офицер рассказал обоим детективам о событиях нескольких последних часов, в том числе о сообщении, полученном Томом Брайсом, по его утверждению, по электронной почте и намертво исчезнувшем из компьютера.

Грейс приехал прямо из Королевской больницы графства Суссекс, где на аппаратах жизнеобеспечения лежала его молодая сотрудница, констебль Эмма Джейн Бутвуд, на которую он возлагал большие надежды. Ее вот-вот должны были везти в операционную. Придется взять на себя скорбный труд звонить родителям, сообщать ужасную новость: доктора не надеются, что их дочь выживет.

Он ушел от Клио неохотно, в приподнятом расположении духа, но полномасштабные сведения о ранениях Эммы Джейн начисто стерли из памяти – по крайней мере, на время – воспоминания о прошедшей ночи. Теперь Грейс был подавлен и мрачен, отчаянно беспокоясь за Эмму Джейн.

Водитель фургона, до сих пор не опознанный, по-прежнему лежал без сознания в палате интенсивной терапии в той же самой больнице. Грейс приказал поставить у койки круглосуточную полицейскую охрану, наказав констеблю арестовать мужчину, как только тот очнется, за покушение на офицера полиции. Остается надеяться, что обвинение не придется переквалифицировать в убийство.

Тем временем констебль Ник Николл ждет его возвращения в отдел, желая показать ноутбук, тогда как ловкач Том Брайс улизнул в лунном свете с двумя ребятишками. И что все это значит?

Неделя началась чуть больше двух часов назад. Грейс обратился к Брэнсону:

– Говоришь, голос у него был странный, когда он тебе звонил? Испуганный?

– Еще как, – кивнул Брэнсон.

Суперинтендент на минуту задумался.

– Ты вчера велел ему заполнить официальный бланк заявления о пропаже жены?

Брэнсон кивнул.

– Внес в компьютер?

– Да.

– Звякни Нику – он сейчас в отделе, – попроси просмотреть. Там должны быть указаны адреса близких родственников и друзей миссис Брайс. Перепуганный мужчина с двумя маленькими детьми среди ночи далеко не поедет. Описание его машины есть?

Крис Уиллингем и Гленн Брэнсон тупо на него уставились. Им это явно в голову не приходило.

– Вы хоть что-нибудь соображаете, черт побери?

Гленн попытался его успокоить:

– Рой, я просто не знал, какие у нас полномочия. Крис должен был ему помочь пережить неприятности и обеспечить защиту.

– Да, а если разослать описание распроклятой машины, то мы защитим его лучше, силами каждой патрульной машины на выезде. – Грейс знал, что в такой ночной час их немного.

– Приказать Нику вызвать всех членов бригады?

Грейс минутку подумал. Искушение вытащить из постели Нормана Поттинга было почти непреодолимым, но у него возникло предчувствие, что день предстоит очень долгий. Надо дать людям выспаться, чтобы, по крайней мере, на инструктаже в половине девятого у него были свежие, отдохнувшие подчиненные, готовые к работе.

Следует подыскать замену Эмме Джейн, вспомнил он. Как отреагирует Элисон Воспер на очередное дорожно-транспортное происшествие в ходе полицейской погони? Водитель такси

в больнице с разнообразными несерьезными травмами; у его пассажира, который не был пристегнут ремнем безопасности, сломана нога. Репортер из «Аргуса» уже на месте, и все остальные примчатся, как только история получит огласку.

Черт, черт, черт…

– Одна проблема: я не знаю регистрационного номера его машины, – признался Гленн Брэнсон.

– Ну, нетрудно узнать. Где-нибудь в доме есть формуляр.

Предоставив Брэнсону звонки, а констеблю поиски сведений об автомобиле, Грейс поднялся наверх к детским спальням и к хозяйской с неразобранной постелью. Ничего. Кабинет Тома Брайса обещал гораздо больше. Он оглядел письменный стол, заваленный высокими стопками деловых папок, с веб-камерой на подставке. Морща нос от запаха рвоты, порылся в ящиках стола, не нашел ничего интересного, повернулся к высокому металлическому архивному шкафу.

Нужная информация содержалась в папке с надписью «Автомобили».

Не для всякой полицейской работы требуется ученая степень по ракетостроению.

Через пятнадцать минут Грейс с Брэнсоном стояли в грязном лифте многоэтажной муниципальной башни микрорайона Уайтхок, с похабными граффити, набрызганными на каждой стене из баллончиков с красками, и с лужей мочи в углу.

Вышли на седьмом этаже, прошагали по коридору, позвонили в дверь квартиры 72.

Через некоторое время женский голос крикнул:

– Кто там?

– Полиция! – объявил Грейс.

Дверь открыла усталая, встревоженная женщина лет пятидесяти с небольшим, в халате и тапках с помпонами. Видно, в молодости она была привлекательной, но теперь кожа загрубела, покрылась сетками морщин, бесформенно подстриженные светлые волосы поседели. Зубы сплошь в пятнах – от никотина, рассудил Грейс, слыша крепкий запах табака. В квартире где-то у нее за спиной плакал ребенок. В воздухе стояло слабое зловоние от подгоревшего жира.

Он предъявил удостоверение:

– Суперинтендент Грейс из уголовной полиции и сержант Брэнсон. Миссис Маргарет Стивенсон?

Она кивнула.

– Мать миссис Келли Брайс?

После секундного колебания женщина подтвердила:

– Да. Только тут ее нету. Вы Тома ищете? И его тоже нет.

– А где он, не знаете?

– А вы знаете, где моя дочка?

– Нет. Пытаемся найти.

– Она не сбежала, детей бы не бросила. Вообще не может с ними расставаться. Даже с нами не оставляет. Том где-то с час назад привез ребят сюда. Просто звякнул в звонок, втолкнул их и умчался.

– Сказал, куда направляется?

– Нет. Потом обещал позвонить.

Плач за спиной женщины усилился. Она беспокойно оглянулась.

Грейс выудил из кармана визитную карточку, протянул ей.

– Пожалуйста, если он вдруг объявится, сообщите мне. Это номер мобильного телефона.

Женщина взяла карточку и спросила:

– Зайти не хотите? Чаю выпить? Я Джессику должна успокоить, чтобы муж поспал. У него Паркинсон, ему нужен покой.

– Извините за беспокойство, – сказал Грейс. – Мистер Брайс вообще ничего не сказал?

– Ничего.

– Не объяснил, почему привез к вам детей среди ночи?

– Сказал, ради их безопасности. Вот и все.

– Какая же им угрожает опасность?

– Не знаю. Где Келли? Как думаете?

– Это нам неизвестно, миссис Стивенсон, – ответил Гленн Брэнсон. – Как только мы ее найдем, сразу вам сообщим. Мистер Брайс действительно не сказал, куда едет?

– Сказал, едет Келли искать.

– Куда?

Женщина безнадежно тряхнула головой. Плач стал еще громче. Грейс с Брэнсоном вопросительно переглянулись и пожали плечами.

– Простите, что потревожили, – еще раз извинился Грейс и улыбнулся, стараясь подбодрить мать Келли. – Мы найдем вашу дочь.

68

Медленно ведя «эспейс» Келли к северу от Брайтона, Том весь дрожал. В руке у него был мобильный телефон. Дорога пустовала, лишь время от времени впереди появлялся свет фар, приближался и проносился мимо.

В голове пролетали неясные мысли. Тело напряженно сжалось. С перехваченным от страха желудком Том склонялся к рулю, вглядываясь в переднее стекло, бросая в зеркало заднего вида быстрые нервные взгляды.

«Ох, боже мой! Милая, где ты?»

Неясно, что он тут делает, на что надеется. Мозг заблокирован, невозможно думать ни о чем, кроме слов на экране компьютера.

Том мысленно видел ту самую девушку, Джейни Стреттон, которую мужчина в капюшоне кромсал стилетом в ее комнате. Только теперь это была не Джейни Стреттон, а Келли.

Невозможно представить, где она, о чем думает. Надо до нее добраться, чего бы это ни стоило, любой ценой.

Деньги. Вот что им нужно, смутно заподозрил он. Похитители Келли хотят получить деньги. Должны поверить, что денег у него немного, но он отдаст им все, что имеет. *Все*.

Замаячил дорожный знак: Кауфолд. Хейвордс-Хит.

Вдруг засветился дисплей мобильника и раздался звонок: «Вызов с частного номера». Том нервно нажал на кнопку.

– Алло!

– Мистер Брайс?

Сержант Брэнсон. Проклятие! Том отключился.

Через несколько секунд телефон дважды пискнул, извещая о принятом сообщении.

Он просмотрел. Опять сержант Брэнсон, в третий раз просит перезвонить.

«Келли, девочка, позвони, ради бога!»

В зеркале загорелись огни. Хотя Том ехал всего на сорока по двухполосному шоссе, они на этот раз держались позади, прямо у него на хвосте. Он сбросил скорость до тридцати. Фары остались сзади. У него перехватило горло.

Телефон опять зазвонил. Незнакомый номер на дисплее. Том осторожно ответил дрожавшим голосом:

– Алло?…

– Как дела, мистер Брайс? – спросил мужской голос с гортанным восточноевропейским акцентом.

– Кто… кто это? – с трудом выдавил он.

Огни сзади манили, дразнили.

– Ваша жена хочет вас видеть.

Том едва видел перед собой дорогу.

– С ней все в порядке? Где она?

– С ней все в полном порядке. Прекрасно себя чувствует. Вас ждет.

– Кто вы такой?

– Через полмили придорожная стоянка. Сверните туда, выключите мотор. Сидите в машине, не оглядывайтесь. – Телефон замолчал.

Том не знал, что делать. Смотрел вперед, вниз по длинному уклону с указателем к садовому центру слева; вдали фары высветили синий знак стоянки.

Потом он ее увидел.

Сердце колотилось в грудной клетке обезумевшей птицей, во рту пересохло от страха. Он отчаянно старался разумно и логично мыслить. Один внутренний голос криком кричал, приказывал не сворачивать, ехать дальше, звонить Брэнсону, пусть полиция разбирается. А другой, гораздо спокойней, гораздо логичней, внушал, что если он не свернет на стоянку, то Келли умрет.

В ушах звенел полный ужаса вопль, прозвучавший в компьютере.

Такой крик не подделаешь.

Женщина на экране того же компьютера, изрезанная стилетом в прошлый вторник, тоже была настоящей.

Том включил левый поворотник, замедлил ход, въехал на стоянку.

Фары следовали за ним.

Он нажал на тормоза, заглушил мотор и остался сидеть неподвижно, глядя перед собой, окоченев от страха, но решившись любой ценой продержаться.

Огни в зеркале заднего вида исчезли. Темнота. Тишина. Посвистывал мотор. Вроде бы шевельнулись какие-то тени. Сзади мелькнули крошечные иголочки света и стали расти. Мимо прогрохотал грузовик, сотрясая его машину. Том проследил, как красные хвостовые огни медленно исчезают вдали.

Потом обе задние дверцы «эспейса» одновременно распахнулись, рука змеей обвила шею, влажная тряпка с резким кислым запахом прижалась ко рту и носу. Том на секунду почувствовал резкую головную боль, словно в череп врезался проволочный нож для сыра.

Перед глазами все померкло, как выключенный экран телевизора: крошечные пятна света быстро гасли, сменяясь чернотой.

69

Следующим офицером суссекской полиции, услышавшим ранний звонок, был сержант Джон Рай из отдела высоких технологий. Будильник показывал 2.43, когда зазвонил мобильник, и он обругал себя, что не выключил чертову тарахтелку.

Жена заворочалась, но ничего не сказала. Быстро вскинувшись, он включил свет у кровати, взглянул на дисплей и увидел там только одно: *«Вызов с частного номера».*

Почти наверняка с работы, решил он.

Звонил руководитель следственной бригады, занимавшейся делом Джейни Стреттон. Рай бросил взгляд на жену, попросил Роя Грейса обождать минутку, набросил халат, побежал вниз на кухню, закрыл за собой дверь.

– Прошу прощения, сэр, – извинился он.

– Простите за беспокойство, – сказал суперинтендент. – У меня неотложный вопрос. Вчера вечером вы вводили в систему данные об инциденте… под кодовым названием «Провоцирование войны».

Вот дерьмо, мрачно подумал Джон Рай. Занес проклятый телефонный звонок инженера-швейцарца просто из упрямства. Фактически больше в шутку. Скажи кому-нибудь слово, и оно вернется, свалится тебе на голову.

– Вы зарегистрировали данные на белый фургон «форд-транзит». В прошлый раз этот фургон находился неподалеку от места преступления, а вчера попал в аварию при погоне.

– Ясно, – буркнул глава отдела высоких технологий.

– Никогда не слышал такого выражения: «провоцирование войны». Что это значит?

Рай объяснил.

А когда закончил, Грейс сказал:

– Ладно. Если я правильно понял, вы говорите, что обладатели Wi-Fi – беспроводной системы интернет-связи – способны проникнуть в чужую систему, которая не защищена паролем?

– Совершенно верно, сэр. Беспроводной маршрутизатор – небольшая железка стоимостью около пятидесяти фунтов – посылает сигнал, и любой обладатель Wi-Fi, находящийся в пределах досягаемости, может войти таким образом в Интернет, если вход не заблокирован паролем.

– Значит, при этом обеспечен бесплатный высокоскоростной доступ в Интернет?

– Совершенно верно, сэр.

– К чему такие хлопоты?

– Просто очень удобно получать и отправлять с дороги сообщения. Мне самому доводилось.

Рай, полностью проснувшись, шагнул к чайнику, заглянул, проверил, налита ли вода, и включил, решив выпить чашку чаю.

– Как это?

– Однажды меня подвозили в Брайтон, машина остановились у светофора, я сидел на пассажирском сиденье с открытым ноутбуком и вдруг вышел в онлайн – мой Wi-Fi принял сигнал беспроводного маршрутизатора. За несколько секунд можно отправить и перекачать кучу сообщений, включая веб-страницы.

Грейс минуту молчал, усваивая услышанное.

– Значит, мистер Зайлер жаловался на мужчину в белом фургоне, стоявшем возле его дома, который через свой Wi-Fi подключился к его беспроводному маршрутизатору?

– Что-то вроде того, сэр.

– Чем же недоволен мистер Зайлер? Разве это имеет последствия?

– Имеет. Если он попытается скачать или загрузить информацию в особо крупные файлы, скорость связи уменьшится. – Рай поискал аналогию. – Представьте, что дома вы

одновременно открыли все краны. Вода из каждого потечет медленнее, чем из единственного открытого. Конечно, не совсем идеальный пример.

– Значит, мужчина в фургоне знал, что отыскал удачное место для подключения к сети?

– Видимо. Хороший способ бесплатно ею пользоваться.

Суперинтендент помолчал.

– Но ведь плата сейчас относительно невысокая. Есть другая причина?

Чайник шумел, закипая. На дворе темно – глаз выколи. На дверце холодильника красовался нарисованный карандашом человечек в фуражке, в квадратной крошечной машине с четырьмя кривыми колесами, с подписью внизу: «ПАПА». Его нарисовала дочка Бекки добрых десять лет назад, когда Рай служил в дорожной полиции, а ей было лет девять. «Странно, что с нами делает усталость, – подумал он. – Похоже, лет пять не обращал внимания на этот рисунок».

– Другая причина? – повторил он. – Да. Если надо послать или принять сообщение так, чтобы не оставить практически никаких следов.

– Спасибо, – поблагодарил Грейс. – Вы очень мне помогли.

– Без проблем. Моя информация по поводу ноутбука вашего мистера Брайса пригодилась?

– Как ни удивительно, да.

– Хорошо. Мы еще над ним работаем.

– Может быть, побеседуем нынче попозже.

– Я вам позвоню, если найдем еще что-нибудь. – Рай улавливал торопливую озабоченность в тоне суперинтендента, словно руководитель следственной бригады спешил закончить разговор, как бы отрывавший его от других, более желанных и более срочных дел, чем этот звонок, разбудивший весь дом и загубивший ко всем чертям оставшуюся часть ночи.

70

Сидя за рабочим столом, Грейс положил трубку и глотнул крепкого сладкого кофе с молоком, который только что сам себе приготовил. Видно, после его ухода здесь побывали уборщицы: нигде ни пятнышка, запах еды сменился легким металлическим запахом политуры, мусорные корзинки опустели. С ним рядом расположился Ник Николл, тоже закончивший телефонный разговор.

– Из больницы ничего нового, – доложил сержант.

В данном случае, подумал Грейс, отсутствие новостей – хорошая новость. Отсутствие новостей означает, что Эмма Джейн жива.

– Хорошо, – кивнул он и взглянул на ноутбук, изъятый Ником Николлом из фургона, который стоял теперь перед ним в пластиковом мешке для вещественных доказательств. – Мне хотелось бы просмотреть все входящие и исходящие сообщения.

Грейс покосился на свой монитор, быстро проглядев данные о ночных происшествиях на настоящий момент. Не считая их собственной суетливой деятельности, ночь выдалась спокойная, типично воскресная. Придет четверг, пятница – событий будет в десять раз больше.

Констебль натянул латексные перчатки, вытащил ноутбук из пакета, поднял крышку. Компьютер был еще заряжен, но тихо спал. В течение нескольких секунд процессор загружался, производил проверку, потом открылась программа электронной почты, которая, по предположению Николла, работала, когда полиция добралась до фургона.

Брэнсон, сидевший напротив, спросил:

– Джон Рай помог?

– Больше, чем я помог бы любому в такой час, – буркнул Грейс, помешивая кофе, чтобы остыл.

– Да ведь он же работал в дорожной полиции. Пускай получит сдачу. Один из этих гадов – вполне возможно, он самый – достал меня лет десять назад.

– Мочу взял на анализ? В пробирку заставил дышать? – усмехнулся Грейс.

– Просто тормознул за превышение скорости. Дорога пустая, чтоб мне провалиться, не так уж я и превысил. А он, сволочь, штраф выписал.

– Угу, меня тоже три года назад остановили за превышение скорости, – признался Грейс. – Машина без опознавательных знаков, в самом начале А-23. Я говорю, что я из полиции, – еще хуже. Им доставляет садистское наслаждение прищучивать своих.

– Знаешь старую шутку? – спросил Брэнсон. – Какая разница между дикобразом и машиной дорожной полиции?

Грейс кивнул.

– Я не знаю, – сказал Николл.

– В патрульной машине иголки внутри.

Сержант на секунду нахмурился, словно перегруженные мозги ничего не усвоили. Потом усмехнулся.

– И правда! Смешно, – кивнул он, разворачивая ноутбук, чтобы шеф хорошо видел экран.

– Начнем с входящих, – решил Грейс. – Все, что пришло после… – он заглянул в свои записи, уточняя время загрузки, проделанной Джоном Раем, – после шести тридцати вчерашнего вечера.

В папке было всего одно электронное сообщение с объемистым прикрепленным файлом под именем SC5wl2. Символ указывал, что сообщение и прикрепленный файл предназначены для дальнейшей передачи. Адрес отправителя: postmaster&scarab.tisana.al. Увидев слово «скарабей», Грейс почувствовал прилив адреналина.

– Мы сорвали джекпот, черт возьми!

– Точка-ал, – недоумевал Брэнсон, стоя теперь у них за спиной и читая через плечо. – Что это за страна на «ал»?

– Албания, – подсказал Ник Николл.

Грейс взглянул на него:

– Точно.

– Точно.

– Ты что, парень, тайком помешан на компьютерах? – восхищенно спросил Брэнсон. – Откуда знаешь?

Детектив на него оглянулся со смущенной усмешкой:

– Это был ответ на вопрос местной вечерней викторины несколько недель назад.

– А я ни на одной не был, – посетовал Брэнсон. – Может, надо сходить как-нибудь с Эри, набраться общих знаний.

А еще важней, думал он, поискать возможность поправить совместную жизнь. Найти, чем вместе заняться, вместо того чтоб скандалить.

Грейс снова взглянул на адрес.

– «Тисана», – повторил он. – В твоей викторине не было такого слова?

Николл покачал головой.

– Попробуем сунуть в «Гугл».

Сержант запустил программу поиска, получив только итальянский веб-сайт с переводом. Щелкнул мышкой. Через мгновение перед ними возник длинный список болезней и растений. Прыщи, читал Грейс, морковь, растворимые витамины «Тисана», зерновой зародыш, огуречное масло, лопух. Дальше шло то, что больше заинтересовало его в такой поздний – или ранний – час: усталость, женьшень, гуарана, элеутерококк, витамины и минералы «Тисана», соевый лецитин…

– Может, он на здоровье помешан? – предположил Брэнсон.

Николл проигнорировал замечание, слишком утомившись для шуток в данный момент.

– Открывай исходящие на электронной почте, – велел Грейс.

Николл снова щелкнул мышкой. В папке находилось одно сообщение – то же самое, с тем же прикрепленным файлом.

– Кому отправлено? – спросил Грейс.

– Странно, – пробормотал Ник Николл. – Адресат не указан.

Он дважды кликнул мышкой, и причина сразу стала очевидной. Получателей были сотни и сотни, сообщение рассылалось вслепую, все электронные адреса состояли из ряда цифр в сочетании с «тисаной».

Грейс рассмотрел первый: 110897@tisana.al. И следующий: 224651@tisana.al.

– Первая часть похожа на имя, явно зашифрованное, – объявил Ник Николл. – А «тисана», видимо, имя провайдера.

– Почему тогда поиск его не выдал? – спросил Грейс.

– По-моему, потому, что кто-то этого не хочет.

Суперинтендент кивнул.

– Заглянем в прикрепленный файл. Посмотрим, что он нам скажет.

Он пристально смотрел на экран, пока Ник Николл подводил курсор к прикрепленному файлу и дважды щелкал. После чего в конце концов сильно пожалел о своем предложении.

Трое мужчин онемели при виде того, что им пришлось наблюдать в течение следующих четырех минут.

71

В 6.30 Рой Грейс позвонил домой Дэннису Пондсу, старшему офицеру по связям с общественностью, извинился, что разбудил, и попросил явиться к нему во временный кабинет в четверть девятого.

Умудрился урвать два часа беспокойного сна, скорчившись в двух составленных креслах в комнате для допросов, прежде чем вскоре после шести вернуться к своему рабочему столу. Брэнсон устроился лучше, на диване в кабинете старшего суперинтендента. Николл на пару часов отправился домой, беспокоясь, что слишком надолго оставил беременную жену.

В двадцать минут восьмого Грейс стоял у входа в супермаркет через дорогу и, когда двери в 7.30 открылись, стал первым покупателем. Купил пачку бритвенных лезвий, крем для бритья, белую рубашку, семь банок «Ред булл» и две пачки кофеиновых таблеток «ПроПлюс».

В восемь позвонил Клио, попал прямо на голосовую почту, оставил короткое сообщение:

«Привет, это Рой. Извини, что пришлось убежать. Ты чудо! Позвони, когда сможешь. Крепко обнимаю».

Ровно в 8.15, когда Дэннис Пондс входил в маленький тихий кабинет напротив дверей оперативного штаба № 1, Грейс чувствовал себя грандиозно. Мытье, бритье, смена рубашки освежили его, две банки «Ред булл» и четыре таблетки «ПроПлюс» сработали. Только спину саднило – Клио здорово ободрала ее ногтями. Он глазам своим не верил, стоя в мужском туалете, разглядывая через плечо длинные свежие красные царапины. Но ухмыльнулся. Дело

того стоит. Жжение в спине – ничто по сравнению с пылавшим в животе огнем при мысли о ней. Боже, в постели она сумасшедшая.

– Доброе утро, Рой, – поздоровался Пондс.

Сегодня он больше прежнего смахивал на городского хлыща, со смазанными гелем волосами, в кричащем костюме в меловую полоску, розовой рубашке без воротника, с синим галстуком, сшитом как бы из змеиной кожи.

Грей пожал ему руку, и оба уселись.

– Прости, что так рано тебе позвонил.

– Какие проблемы, – отмахнулся Пондс. – Я постоянно встаю с петухами: два ребенка, три собаки. – Он пожал плечами. – Ну что?

– Мне надо, чтобы ты поприсутствовал на нашем инструктаже в половине девятого. У нас там видеозапись, которую я должен тебе показать.

Несколько неуверенно на него глядя, Пондс пробормотал:

– Ну… у меня нынче утром довольно плотное расписание… организация пресс-конференции насчет Джейни Стреттон…

– Дело с ней непосредственно связано, – перебил его Грейс. – И еще кое с чем. Может, ты еще не слышал, что автомобиль, который моя бригада преследовала вчера поздно вечером, столкнулся с такси в Кейптауне.

У Пондса вытянулась физиономия.

– Не слышал.

– В результате попытки догнать фургон, пока он не скрылся, одна из моих лучших молодых офицеров лежит в больнице графства на аппаратах жизнеобеспечения. Я только что туда звонил. Она перенесла пятичасовую операцию, но по-прежнему в критическом состоянии. Рискнула жизнью, чтобы остановить проклятый фургон «форд-транзит». Слышишь, Дэннис, жизнью рискнула, будь я проклят. Ей двадцать четыре года, я редко встречал в своей жизни такую сообразительную и отважную девушку. Прицепилась сбоку к машине, а мешок дерьма, который ее вел, размазал ее о припаркованный автомобиль. Она пыталась делать свое дело, блюсти закон. Слышишь?

Пондс нерешительно кивнул.

– У меня офицер подключен к аппаратам. У меня подозреваемый мешок дерьма без сознания. У меня невинный пассажир такси со сломанной ногой.

– Не совсем понимаю, к чему ты клонишь, – проворчал Пондс.

Грейс понял, что излишек кофеина привел к излишней агрессивности.

– Я к тому клоню, Дэннис, что редактор «Аргуса» и редакторы прочих газет, радио- и телерепортеры, подхватившие эту историю, должны проявить ко мне снисхождение. Не хочу иметь дело с полным залом воющих стервятников, которые трезвонят о никчемной и бесшабашной полиции, угрожающей людям и обществу, тогда как мы на самом деле стараемся спасать чужие жизни, рискуя своими.

– Понял, – кивнул Пондс. – Но это нелегко.

– Поэтому ты и пойдешь на инструктаж. Я покажу тебе то, что сам уже утром видел. Потом выдам копию. По-моему, ты согласишься, что это сильно облегчит дело. – И он послал Пондсу почти демоническую усмешку.

Они прошли несколько ярдов по коридору к конференц-залу, который быстро заполняли члены бригады Грейса и новой команды, которую собрал вчера суперинтендент Дэйв Гейлор для расследования убийства Реджи д'Эта – оба случая кое в чем пересекались.

Грейс решил провести инструктаж в конференц-зале, а не в оперативном штабе № 1, отчасти потому, что зал просторней, но главным образом из-за большого плазменного экрана

на стене, к которому сержант Джон Рай, которого он тоже вызвал, уже подключал ноутбук, найденный сержантом Николлом в разбитом фургоне.

Сидя перед дугообразным дисплеем, Грейс на миг побоялся, вдруг его команде не удастся прервать кровавую череду смертей, и угрюмо вспомнил, что Кэссиан Пью заступает сегодня на службу. Хорошо бы перебраться в Ньюкасл вместе с Клио. Уехать на другой конец страны, ко всем чертям, за триста миль. Иначе по уши нажрешься дерьма.

Предстоящий четырехминутный просмотр никому удовольствия, конечно же, не доставит. Начинать неделю с самого жуткого фильма ужасов, какого никто из них в жизни не видел, – не самое лучшее утреннее угощение для понедельника. Грейс понимал, что применяет шоковую терапию, друзей ему это не принесет. Впрочем, в данный момент старание завести друзей стояло в самом конце списка приоритетов. Грейс начал инструктаж, как всегда.

– Сейчас 8.30, понедельник, 6 июня. Это наш шестой инструктаж в ходе операции «Соловей» по расследованию убийства Джейн Сьюзен Аманды Стреттон, известной под именем Джейни, на пятый день после обнаружения ее останков. Кратко перечислю события, произошедшие после того.

Несколько минут он излагал обстоятельства, окружавшие смерть Джейни Стреттон, главным образом для новеньких из команды суперинтендента Гейлора, рассказывал о следствии, о предпринятых соответственно действиях, главных событиях. Упомянул о краже компьютерного диска, очевидно позволившего Тому Брайсу наблюдать за смертью Джейни Стреттон; об открытии, что Джейни Стреттон пополняла заработок практикантки-юристки, занимаясь проституцией; об обнаружении связи между компьютером Тома Брайса и компьютером Реджи д'Эта; об исчезновении Келли Брайс; о вчерашней находке ноутбука в разбитом фургоне, о его содержимом, которое все только что видели.

Потом посмотрел на часы:

– О любых других планах работы на ближайшие тридцать шесть часов и сорок пять минут прошу забыть. В конце инструктажа поймете почему. Хорошо. Теперь слушаю вас, каждого в отдельности.

Сначала взгляд на Нормана Поттинга.

– Можно спросить, есть какие-то новости об Эмме Джейн? – спросил Поттинг.

– Нет, она по-прежнему на аппаратах, – кратко ответил Грейс. – Я приказал послать в больницу цветы от нашей бригады. Что нового о двух агентствах знакомств, в которых была зарегистрирована мисс Стреттон?

– Вчера вечером в 19.30 я снимал официальные показания с мисс Клэр Портер, совладелицы агентства. Он нее почти столько же пользы, как от чашки шоколада. Ничего не узнал.

– А от ее клиентов?

– Я как раз действовал через клиентов и девушек, – объяснил Поттинг.

Еще бы, грязный ходок, мысленно хмыкнул Грейс, видя по выражению лиц некоторых других коллег, включая двух сотрудниц отдела семейных проблем, Мэгги Кемпбелл и Ванессы Ритчи, приставленных к Дереку Стреттону, что не он один придерживается подобного мнения.

– Пока ничего.

– А во втором агентстве?

– Джейни там только что зарегистрировалась, к ней еще не посылали клиентов.

Грейс заглянул в свои заметки:

– А мужчина по имени Антон, который четырежды встречался с Джейни Стреттон через агентство Клэр?

– Я проверил телефонный номер. Одноразовая карта с повременной оплатой, которую можно купить в любом магазине, на бензоколонке. Покупатель не регистрируется, тут мы никаких сведений не получим.

Грейс раздал членам обеих бригад десяток фотографий Джейни Стреттон с клиентом в баре «Карма». Изображения распечатали с камеры видеонаблюдения, отпечатки невысокого качества, но лицо девушки и физиономия ее мускулистого спутника с торчавшими, как иголки, волосами вышли вполне четко.

– Это было снято в пятницу, 27 мая, на третьем вечернем свидании мисс Стреттон с тем самым Антоном. По-моему, можно предположить, что это он. Я велю разослать их в каждый полицейский участок в стране, и мы постараемся показать снимки вечером в среду в «Криминальном дозоре». Кто-нибудь должен его узнать. – Грейс знал, что в будущем могут возникнуть проблемы с идентификацией, но ему уже доводилось преодолевать их в суде. – Он обратился к Мэгги Кемпбелл и Ванессе Ритчи: – Вы говорите, отец мисс Стреттон подумывает о денежном вознаграждении?

– Он подтвердил это вчера вечером, – кивнула Мэгги. – Сто тысяч фунтов за сведения, которые помогут арестовать и обвинить убийцу.

– Хорошо, – сказал Грейс. – Это полезно. Позволит кое-кого проверить на искренность и честность. – Он взглянул на двух новых офицеров, рекрутированных из команды Дэйва Гейлора: Дона Баркера, который ему нравился, крепко сбитого сержанта лет тридцати пяти, с бычьей шеей и буйной копной светлых волос, одетого в голубую рубашку, на которой трещали пуговицы; и на слишком самоуверенного констебля гораздо моложе, которого раньше никогда не видел. – Что нового насчет владельца белого фургона?

Отвечал Альфонсо Дзаффероне, державшийся дерзко и самонадеянно, отчего Грейс почти сразу его невзлюбил. Констебль всем своим видом показывал, что скроен для важных дел – мелочь, вроде проверки фургонов, ниже его достоинства.

– Как нам уже известно, он принадлежит некой компании. Ее адрес – лондонский почтовый ящик. Я проверил, в Торговой палате компания не зарегистрирована.

– Что это значит? – спросил Грейс.

Дзаффероне пожал плечами.

Проявляя от усталости меньше терпимости, чем обычно, Грейс рявкнул на него, нарочно исковеркав фамилию, – один из лучших способов, усвоенный за долгие годы практики, эффективно поставить любого на место.

– Расследуется убийство, констебль Забальоне. Мы тут не пожимаем плечами, а отвечаем словесно. Попробуйте еще раз.

Юный констебль испепелил его взглядом, словно собираясь ответить в том же тоне, но потом передумал. И несколько покорней сказал:

– Это значит, сэр, что компания либо зарегистрирована за границей, либо название фальшивое.

– Спасибо. К следующему инструктажу я хочу знать, какой вариант соответствует истине.

Дзаффероне мрачно кивнул.

Недалеко пойдешь, сынок, подумал Грейс. Кто-нибудь обязательно дернет цепочку и смоет тебя в унитаз, полный дерьма.

– Что насчет личности водителя фургона?

– Он начал приходить в себя минут десять назад, Рой, – доложил Дон Баркер. – Ни в карманах, ни в фургоне никаких документов. Не похож на англичанина, скорее из Центральной Европы. Я отправлюсь к нему сразу же после инструктажа.

– Хорошо, – кивнул Грейс и снова обратился к Поттингу: – Норман, тебе на сегодня другая задача. Заканчивай обход оптовых поставщиков серной кислоты в округе.

– Закончу, – пообещал Поттинг.

Грейс повернулся к Нику Николлу:

– Ник, напомни, во сколько мы просматривали базу данных из Уимблдона?

– В половине двенадцатого, сэр.

– Ты вылавливаешь прочие случаи по всей стране, где на месте убийства оказывались жуки-скарабеи?

– Да, сэр, я над этим работаю.

– Перестань величать меня сэром, черт побери!

Сержант вспыхнул.

Грейс устыдился, что окрысился на него. Ни на кого не надо орать. Следует сдерживать пар под крышкой. Он с улыбкой осмотрел свою команду.

– Хорошо, теперь посмотрим короткое кино. Извините, попкорна не будет.

Суперинтендент хрипло посмеялся.

После того, что вы сейчас увидите, вам не захочется никакого попкорна. Хорошо еще, если завтрак обратно не вылетит, думал он, кивая сержанту Раю, чтобы тот опустил жалюзи и включил видео.

Когда Рай закрыл жалюзи, Грейс сказал:

– Видеоклип обнаружен в ноутбуке, изъятом вчера вечером из фургона «форд-транзит». Мы вытащили жесткий диск, который теперь хранится в отделе высоких технологий как вещественное доказательство. Вы увидите копию.

Джон Рай застучал по клавиатуре, пустил запись, Грейс притушил свет.

На экране появились титры:

«Скарабпродакшн»
Специальный подарок для наших клиентов
«ВАННА ДЛЯ РЕДЖИ»
Герой – убежденный педофил
Приятного просмотра!

Через мгновение слегка дрожащая ручная камера показала в широком ракурсе маленькую, довольно старомодную ванную цвета авокадо, любовно запечатлела саму ванну. Потом в дверь с трудом втиснулся человек в полном костюме химической защиты, в перчатках, сапогах, с дыхательным аппаратом и в маске, держа что-то в руках.

Через секунду стало видно, что это голые мужские ноги, туго связанные веревкой.

Второй человек, точно в таком же защитном костюме, лицо которого скрывало темное стекло маски, держал за плечи голого мужчину – Реджи д'Эта.

Его положили в пустую ванну.

Крупный мужчина с младенческой физиономией, редевшими волосами и дряблым телом дергался в ванне, как вытащенная из воды рыба. Лицо превратилось в маску страха, но сказать он ничего не мог – рот был заклеен липкой лентой. Руки привязаны вдоль тела. Он мог только извиваться, отталкиваясь ягодицами, бешено вертясь и вращая выпученными глазами. Маленький тоненький пенис болтался между безволосой мошонкой и неопрятным кустиком лобковых волос.

Мужчины вышли и вернулись с большим черным пластиковым химическим бачком емкостью галлонов в десять, по прикидке Грейса. Никаких этикеток и надписей на нем не было.

Реджи д'Эт забился так сильно, что на миг показалось, будто он действительно выпрыгнет из ванной.

Мужчины поставили бак. Один придержал д'Эта, другой вытащил моток проволоки, дважды обернул вокруг его шеи, прикрепил конец к вешалке для полотенец, висевшей высоко на стене, и крепко затянул.

Глаза д'Эта выпучились еще сильнее. Через несколько секунд движения его стали другими – он уже не трепыхался, а судорожно подергивался.

Мужчины слегка его приподняли, так что он теперь скорей полусидел, чем лежал плашмя. Петлю на шее перевязали так, чтобы она его просто удерживала в очень неудобном положении, врезаясь в шею, но уже не удушая.

Невидимая рука бросила на грудь д'Эта ворочавшегося жука-скарабея, который почти комично перевернулся на спину, приземлился на гениталиях, начал выправляться, но было уже поздно.

Мужчины, не тратя зря времени, подняли химический бачок, осторожно отошли от камеры, чтобы не закрывать обзор, и вылили на гениталии д'Эта добрый галлон жидкости, которая, как уже было известно Грейсу, представляла собой серную кислоту.

Пошел дым.

Грейс никогда в жизни не видел, чтобы человеческое тело так сотрясалось и корчилось. Голова дергалась в разные стороны, словно д'Эт старался перерезать проволокой сонную артерию; глаза совсем вылезли на лоб. Грейс с максимальной осторожностью огляделся, проверяя реакцию коллег. Пондс зажимал рот руками. Все остальные окаменели, потеряв дар речи.

Он снова повернулся к экрану. Мужчины продолжали лить жидкость, полностью опустошив бачок. Через несколько секунд тело д'Эта перестало шевелиться. Ванная комната медленно наполнялась химической дымкой.

Пленка потемнела. Потом появилась надпись:

«Дорогие, любимые клиенты! Надеемся, вам понравился наш небольшой подарок. Не забудьте включиться во вторник в 21.15 в следующий грандиозный аттракцион с участием супружеской пары – мужа и жены. Наше первое двойное убийство!»

Грейс включил свет.

72

По пергаментному цвету лица Альфонсо Дзафферone Грейс догадался, что в ближайшее время ему не придется сбивать спесь с молоденького констебля. Он не мог припомнить, чтобы за всю свою карьеру бывал в таком тихом зале, полном народу.

Дэннис Пондс вперил в пространство рассеянный взгляд выпученных глаз, словно ему сейчас сообщили, что следующим бросят в ванну его.

Молчание в конце концов прервал Норман Поттинг. Кашлянул, прочистил горло.

– Мы считаем, что снято реальное убийство, Рой?

– Не для семейного альбома, будь я проклят, – бросил Гленн Брэнсон.

Не послышалось ни шепота, ни смеха. Ничего. Одна наборщица смотрела в стол, словно боялась поднять глаза – вдруг еще чего-нибудь покажут.

– Дэннис, – сказал Грейс, – я хочу загрузить в твой ноутбук копию, чтобы ты передал ее редактору «Аргуса». Всего ему не показывай, просто пусть знает, с чем мы тут дело имеем. Пусть поместит фотографии мистера и миссис Брайс на первой странице нынешнего дневного

выпуска своей газеты. У нас есть полтора дня на поиски этих людей. Все поняли? Их собираются убить перед видеокамерой.

Брэнсон глубоко вдохнул, шумно выдохнул.

– Слушайте, кто смотрит это дерьмо?

– Множество самых обыкновенных людей со свихнутыми мозгами, – объяснил Грейс. – Это может быть любой из нас, сидящих в этом зале, наш сосед, врач, слесарь, викарий, ипотечный брокер. Те же самые люди, что притормаживают и выворачивают шею, разглядывая место автомобильной аварии. Наблюдатели. В каждом из нас чуть-чуть этого есть.

– Только не во мне, – заявил Брэнсон. – Не могу смотреть такой дикий бред.

– Вы утверждаете, что мы все потенциальные убийцы? – спросил Ник Николл.

Грейс вспомнил, как психолог-профилировщик, читавший в Штатах на конференции по убийствам лекцию о кино, сказал ему позже вечером в баре: «Мы все способны на убийство, но лишь малый процент способен жить, совершив убийство. Однако многие из нас любопытны, нам нравится переживать убийство через посредника. Жестокие фильмы позволяют это делать – испробовать, что значит убить человека. Подумайте об этом, – посоветовал он. – Нормальный человек просто не имеет возможности кого-нибудь убить».

– Я бы с радостью убил свою тещу, – вставил Поттинг.

– Спасибо, Норман, – перебил его Грейс, не давая развить эту мысль, и обратился к Гленну Брэнсону: – Том Брайс уехал из дома среди ночи в «рено-эспейс». На дороге большого движения не было. Мы не знаем, куда он направился. Не знаем, сколько было в машине горючего. Я хочу, чтобы вы отложили поиски головы Джейни Стреттон и отправили каждого офицера, все дополнительные силы для просмотра всех камер наблюдения – полицейских, городских, на заправочных станциях, на стоянках – в радиусе тридцати миль от города. Прямо сейчас. – Потом он повернулся к сержанту Баркеру: – Дон, пусть кто-нибудь просмотрит все личные бумаги Реджи д'Эта – банковские счета, кредитные карты…

– Этим уже занимаются.

– Хорошо.

Грейс взглянул на часы. В 9.30 он должен быть у Элисон Воспер и каким-то образом успеть на встречу, назначенную на десять на другом конце города.

– Встретимся с вами здесь в 18.30. Все знают, кто что должен делать? Еще есть вопросы?

Зазвонил телефон. Ответил секретарь и через несколько секунд протянул трубку Гленну Брэнсону. Все смотрели на него, словно чувствуя, что пришли важные новости.

Брэнсон попросил звонившего минутку обождать, прикрыл рукой микрофон и сообщил:

– «Рено-эстейт» Брайсов найден на деревенской дороге рядом с шоссе А-23 возле Болни.

– Пустой? – спросил Грейс, зная ответ.

– Сгоревший.

73

Элисон Воспер, как всегда, была в начальственном наряде, когда он вошел к ней в кабинет ровно в 9.30. В животе у него, как всегда, запорхали бабочки. Она пугает его, он с этим ничего не может поделать. На него действуют язвительные манеры проклятой бабы, власть, которую она над ним проявляет. Не помогает и то, что он знает – она собирается достать его с помощью своего нового секретного оружия, *суперинтендента* Кэссиана Пью.

Элисон сидела за необъятным письменным столом, источая пикантный, но не сексуальный аромат духов, в черном пиджаке, отчего плечи казались массивными, в блузе

цвета слоновой кости, с кружевным воротником. Ожидая грома и молнии, Грейс удивился – заместитель начальника полиции приветствовала его почти милой улыбкой и, открутив крышку бутылки с минеральной водой, сделала довольно жеманный глоток.

– Доброе утро, Рой, – проговорила она еще более сердечным тоном, чем улыбка и указала на красивое резное георгианское кресло перед столом: – Садись.

Столь добрый знак, недоумевал он. Ему редко предлагалось сесть на таких встречах. Или это, наоборот, очень дурной знак?

По-прежнему улыбаясь – определенно сладко, не кисло, – Элисон Воспер заключила:

– Итак, операция «Соловей» пока терпит фиаско?

– Я бы не сказал…

Она махнула рукой, прерывая возражения:

– У вас по-прежнему нет подозреваемого. Голова жертвы не найдена. Один потенциальный свидетель убит, а два других исчезли. Вчера вечером ваша бригада вновь ввязалась в погоню с превышением скорости, что привело к серьезной аварии.

Каким-то чудом Элисон все улыбалась, только тепло исчезло, сменившись откровенным удивлением. Грейс кивнул:

– Все идет не так, как нам хотелось бы. Нужен удачный прорыв.

Элисон закрутила крышечкой бутылку. На дворе стояло прекрасное утро, а в кабинете было сумрачно, тягостно.

– Вы отвлекаете огромные ресурсы. Если бы дали мне результат – одно дело, а пока я вижу лишь осложнения. Что мы имеем?

Грейс просветил ее на большой скорости. Закончив, ждал, заранее зная, что будет: в лучшем случае она поручит дело Кэссиану Пью вместе с ним, в худшем – уберет его, поставив вместо него Пью. К его изумлению, начальница не сделала ни того, ни другого.

Вытащила из аммонитовой подставки на столе тонкую черную ручку, задумчиво постучала по блокноту.

– Реально вам не управиться до четверти десятого завтрашнего вечера, правда? Если эти люди задумали убить мистера и миссис Брайс, а потом продемонстрировать это своим клиентам, кем бы те ни были, они вполне могут отснять убийство заранее. Может быть, Брайсы уже мертвы.

– Знаю.

Последовало недолгое молчание. Грейс смотрел в пол, чувствуя на себе взгляд Воспер. Подняв глаза, увидел в нем понимание. Несмотря на ее к нему антипатию, она хотя бы обладает достаточным профессионализмом, чтоб понять и признать: далеко не все проблемы, с которыми он сталкивается в этом деле, возникли по его вине. Но странно, что еще не упомянуто имя Кэссиана Пью. Чего она медлит?

И он спросил весьма нерешительно:

– Э-э-э… Наша встреча с Кэссианом состоится? Ты хотела, чтоб я повидался с ним нынче утром…

– Нет. Фактически не состоится, – объявила Воспер, сильней и быстрее постукивая по бумаге авторучкой, сама того не сознавая.

– Хорошо, – кивнул он, чувствуя облегчение и одновременно гадая, что заставило ее передумать.

И тут все прояснилось.

– Суперинтендент Пью прошлым вечером попал в аварию. Лежит в больнице со сломанной ногой.

Грейс не только с трудом верил собственным ушам, но и не мог поверить собственным глазам. Элисон вновь улыбалась. По правде сказать, почти незаметной улыбкой, но все же улыбкой. Улыбалась, словно сообщала, что ее пострадавший при столкновении протеже находится не в самом лучшем расположении духа.

– Мне очень жаль, – пробормотал Грейс. – Как это случилось?

– Вчера поздно вечером он сел в такси в центре Брайтона. Такси столкнулось с белым фургоном, который преследовала полиция.

Грейс тоже улыбнулся, не сумев сдержаться. Юмор висельника. Со временем он заражает всех работающих в полиции.

Отъезжая от офиса Элисон Воспер, он позвонил в Королевскую больницу графства Суссекс, узнать, пришел ли в себя доставленный вчера водитель фургона. В данный момент это сулило надежду добраться до похитителей Брайсов.

Почти единственная надежда, черт побери.

Кроме одного плана с дальним прицелом.

Он подъехал к дому Брайсов, где сержант Линда Бакли только что сменила сержанта Уиллингема. Она спросила, есть ли смысл ей оставаться в доме. В конце концов, делать тут нечего, разве что собаку кормить. Грейс предложил обождать еще несколько часов на случай, вдруг Том Брайс вернется, мрачно думая о малой вероятности такого события.

Он поднялся наверх, зашел в спальню Брайсов, поспешно сбежал вниз. Немецкая овчарка стояла в прихожей, глядя на него странным взглядом, словно знала, что этот человек может вернуть домой хозяина и хозяйку.

Несмотря на спешку, Грейс на миг задержался, опустился рядом с ней на колени, погладил по голове.

– Привет, – сказал он. – Не волнуйся. Я их привезу. Как-нибудь. Ладно? – Он смотрел в большие коричневые собачьи глаза, мимолетно почувствовав, что прекрасное существо действительно понимает его слова.

То ли усталость, то ли напряжение, то ли что-то другое надавило ему на мозги, но, когда он отъезжал от дома, торопясь на восточную окраину города, собачья морда стояла перед глазами, преследовала его. Какой грустный, доверчивый взгляд… Теперь он старается не только ради мистера и миссис Брайс, не только ради их детей. Он старается и для их собаки.

74

Том очнулся с ослепляющей головной болью и отчаянной потребностью помочиться. Потом он решил, что вырубилось электричество. Обычно такой темноты никогда не бывает, уличные фонари испускают неоновое сияние, окрашивая спальню оранжевым цветом.

И на чем он лежит, черт возьми? На чем-то жестком, как камень…

Желудок как будто залит холодной водой. Он смутно припомнил что-то очень плохое. Абсолютно дерьмовое.

Правая рука болела. Он попробовал ее поднять – рука не двигалась. Наверно, отлежал во сне, решил Том. Опять попытался. И понял, что левая тоже не шевелится.

И ноги.

Что-то вонзалось в правую щиколотку. Челюсть ныла, во рту пересохло. Он хотел что-то сказать и с ошеломлением обнаружил, что не может. Слышался только глухой стон, чувствовалось, как вибрирует нёбо. Рот заклеен какой-то повязкой, туго затянутой на голове, отчего щеки ввалились. Вдруг его охватила дрожь – вспомнились слова, появившиеся на экране компьютера прошлым вечером и почему-то запомнившиеся:

«…выходите из дома, садитесь в машину Келли, поезжайте на север по лондонскому шоссе А-23, ждите ее звонка…»

Именно так он и сделал. Память вернулась. Да, он ехал по А-23. Ему по телефону велели свернуть на стоянку…

И вот он здесь.

О Господи, Боже милостивый, где? Где Келли? Что он сделал, черт побери? Кто тот проклятый…

Внезапно появился свет, вертикальный желтый прямоугольник где-то вдалеке. Сквозь него прошла фигура с мощным фонарем, луч которого сверкал, как зеркало.

Том затаил дыхание, наблюдая за приближавшейся фигурой. В качавшемся луче фонаря он разглядел, что находится в каком-то складском помещении, заставленном массивными пластиковыми и металлическими цилиндрами, в которых, похоже, хранится горючее или химикаты.

Когда фигура подошла ближе, Том увидел сильно разжиревшего мужчину в свободной рубашке без воротничка, с зачесанными назад и смазанными гелем волосами, забранными в короткий поросячий хвостик. На шее висел на цепочке крупный медальон. Лица четко не разглядеть в слабом свете, но по прикидке ему около шестидесяти.

Потом яростный луч ударил прямо в лицо, обжег слизистую, и Том крепко зажмурился.

Мужчина спросил с тягучим луизианским акцентом и с искренним любопытством, словно ждал честного ответа на честный вопрос:

– Значит, считаете себя героем, мистер Брайс?

Не зная, что ответить, и, в любом случае, не имея возможности говорить, Том молчал.

Почувствовав, что луч ушел в сторону, открыл глаза. Мужчина присел перед ним на корточки, протянул руки, дотронулся до лица, сделал резкий жест. Том взвизгнул от небывалой боли, уверенный, что с половины лица начисто содрана кожа.

Перед его глазами болтался длинный кусок липкой ленты. Челюсть снова зашевелилась, рот открылся и заговорил.

– Где моя жена? – спросил Том. – Где Келли? Пожалуйста, скажите, где она!

Мужчина осветил фонариком помещение. Сердце чуть не разорвалось, когда Том увидел неподалеку, по первому впечатлению, нечто вроде свернутого в рулон ковра, а потом понял, что это Келли. Она лежала на полу, связанная, с наручником на щиколотке, прикрепленным цепью к вделанному в стену кольцу, с заклеенным пластырем ртом, умоляюще на него глядя.

Сначала он собирался бешено завопить на жирного ублюдка, но как-то умудрился сдержать себя, стараясь трезво и разумно мыслить, понять происходящее, разобраться в адском кошмаре.

– Кто вы? – спросил он.

– Вы задаете слишком много вопросов, – решительно объявил толстяк. – Пить хотите?

– Я хочу знать, почему оказался здесь. Почему сюда попала моя жена.

Вместо ответа, мужчина повернулся, ушел в тень.

– Келли! – окликнул ее Том. – Как ты, Келли?

Больше он ее не видел, не слышал.

– Келли, дорогая!..

– Заткнись, мать твою, – буркнул толстяк.

«Нет, не заткнусь!» – чуть не выкрикнул Том. Внутренности на секунду сжались от страха, потом на него нахлынула слепая злоба. Как этот сукин сын посмел связать Келли? И его тоже.

«Утром у меня самая важная презентация во всей моей карьере. Я могу спасти свой бизнес. И если лишусь этого шанса из-за тебя, жирный ублюдок…»

Утром?

Сейчас уже утро?

Картина складывалась кусками, беспорядочно, словно он пытался уложить на прежнее место бумаги, развеянные порывом ветра по комнате.

Келли исчезла. Ее машину сожгли. Потом он получил электронное сообщение. Теперь она лежит на полу, связанная по рукам и ногам…

Том вспомнил молодую женщину в вечернем платье на мониторе компьютера, мужчину в глухом капюшоне, лезвие стилета…

Мочевой пузырь пронзила жгучая боль.

– Прошу вас, – пробормотал он, – мне надо помочиться.

– Никто вам не препятствует, – сказал американец из тени.

Том перевернулся с боку на бок. Мужчина наклонился над Келли, сорвал с губ пластырь. Том сморщился, слыша липкий треск.

Она сразу же завопила:

– Чтоб ты сдох, сволочь, ублюдок!..

– Ведите себя как леди. Люди хотят видеть настоящую леди. Не желаете еще чуточку водки?

– Пошел в задницу!

Ох, Келли, боже мой… Как хорошо слышать ее голос, знать, что она жива, с ней все в полном порядке, она за себя борется. Впрочем, это не поможет справиться с ситуацией.

Том крепко сжал ноги, напряг мышцы живота, стараясь перебороть приступы боли в мочевом пузыре. Неужели этот гад хочет, чтоб он обмочился на месте?

– Келли, детка! – окликнул он.

– Заставь этого хренова сукиного сына выпустить нас отсюда. Я хочу видеть Макса и Джессику. Хочу вернуться к своим детям. Освободи меня, черт побери!

– Желаете, чтобы я снова заклеил вам рот, миссис Брайс?

Келли перекатилась на живот, замерла в неподвижности, истерически всхлипывая. Том чувствовал себя беспомощным, бесполезным калекой, абсолютно, абсолютно никчемным. Наверняка можно что-нибудь сделать. Что-нибудь. Господи, хоть что-нибудь!..

От боли в мочевом пузыре он уже не мог связно думать, голова раскалывалась пополам. Луч фонаря передвинулся, и Том при этом разглядел сотни цилиндров темного цвета, составленных от пола до потолка, огромные безобразные баки. На многих этикетки: «Опасно!» В помещении было холодно. В ледяном воздухе стоял легкий кислый запах.

«Где мы, черт возьми?»

– Ох, Том, пожалуйста, сделай что-нибудь! – взвизгнула Келли.

– Вам нужны деньги? – крикнул Том мужчине. – Этого вы хотите? Я наскребу, сколько смогу.

– То есть желаете подписаться?

– Подписаться? – переспросил Том, радуясь, что в конце концов получил хоть какой-то ответ на вопрос.

Надо вовлечь гада в беседу, урезонить, постараться выяснить…

– Хотите подписаться на просмотр фильма о себе и своей жене? – Американец рассмеялся. – Богатая мысль!

Том чуть-чуть воспрянул духом.

– Да. Все, что угодно, сколько скажете!

Луч вновь посветил ему прямо в глаза.

– Ничего не понял, дерьмовая задница, да? Как собираешься на себя смотреть?

– Я… не знаю…

– Ты еще глупей, чем я думал. Хочешь заплатить деньги, чтобы посмотреть, как вместе со своей пустоголовой сучкой-женой превращаешься в хладный труп?

75

Рой Грейс, ведя свою «альфу», висел на телефоне в режиме нон-стоп, делая один звонок за другим: справился об Эмме Джейн, опросил о продвижении дела каждого члена команды по очереди, подгоняя их до предела возможности.

Он ехал на восток по прибрежной дороге, оставив позади изящные фасады эпохи Регентства в Кемптауне, сменившиеся открытыми полями; держась высоко над утесами, проехал мимо огромной неоготической громады Роудин-скул[33], мимо приюта Святого Дунстана для слепых в стиле ар-деко.

Завтра вечером в 21.15.

Время лазером пронизывало сознание, присутствуя в каждой мысли, приходившей в голову. Сейчас понедельник, 10.15. До трансляции всего тридцать пять часов – хотя Брайсов могут убить гораздо раньше. Насколько раньше?

Джейни Стреттон задержалась с котом у ветеринара, опоздав на вечернее свидание в половине седьмого, и вышла из клиники как минимум без двадцати восемь. Между семью сорока и приблизительно четвертью десятого, когда Том Брайс, по его утверждению, видел ее на экране компьютера, она была убита, и видеозапись убийства демонстрировалась клиентам. Если убийцы придерживаются такого же расписания, возможно, возьмутся за дело завтра вечером около половины восьмого. Остается чуть больше тридцати трех часов.

И пока никаких живых ниток.

Тридцать три часа – вообще не время, черт побери.

Тут он позволил себе на миг усмехнуться, вспомнив про Кэссиана Пью в больнице. Ирония судьбы. Невероятная случайность. Тот факт, что это позабавило Элисон Воспер, показывает ее с неожиданной стороны – с *человеческой*. А еще один факт – конечно, нехороший, но уж тут ничего не поделаешь – заключается в том, что он сам ничуточки не огорчен и совсем бедняге не сочувствует.

Жалко ни в чем не повинного водителя такси, но не маленький кусок дерьма по имени Кэссиан Пью, приехавший в Брайтон, получив повышение, с решительным намерением отнять у него кусок хлеба. Проблема окончательно не разрешилась, но, по крайней мере, отсрочилась при такой травме.

Грейс проехал через красивый исторический пригород Роттингдин на скалистой вершине утеса, вдоль по серпантину, вверх, вниз, снова вверх, мимо беспорядочно расползшегося во все стороны послевоенного пригорода Солтдин, добрался до Писхейвена неподалеку от дома Гленна Брэнсона и места обнаружения трупа Джейни Стреттон.

Свернул с берегового шоссе в лабиринт крутых улиц, тесно застроенных маленькими, отдельно стоящими домиками и бунгало, тормознул рядом с одним из них – крошечным, убогим, возле которого находился старый обшарпанный фургон-автоприцеп.

Напоследок позвонил Норману Поттингу, который, похоже, сильно продвинулся в поисках поставщиков серной кислоты; высосал еще две банки «Ред булл», проглотил еще две таблетки «ПроПлюс», пошел по короткой дорожке, обрамленной садовыми гномами, поднялся на веранду мимо неподвижных ветряных колокольчиков, нажал кнопку звонка.

Крошечный жилистый мужчина далеко за семьдесят, отличавшийся вовсе не отдаленным сходством с вышеупомянутыми гномами, отворил дверь. У него была козлиная бородка, длинные седые волосы, забранные в конский хвост. Одет в восточный халат, грубые хлопчатобумажные штаны, на шее на золотой цепочке египетский амулет «ангх». Он многословно приветствовал Грейса писклявым тонким голосом, переполненный кипучей энергией, схватил его за руку, радостно глядя, как на давно пропавшего друга.

– Суперинтендент Грейс! Как рад вновь видеть тебя так скоро!

– И я тоже, друг мой. Извини за опоздание. – Всего неделю назад Грейс в последний раз обращался к его услугам.

Тогда Фрейм, без сомнения, помог спасти жизнь невинного человека.

Гарри Фрейм пожал ему руку с силой, не соответствующей ни его возрасту, ни размерам, и уставился на него пронзительными зелеными глазами.

– Чему на сей раз обязан таким удовольствием? Заходи!

Грейс вошел следом за Фреймом в узкий коридор, освещенный маломощной лампочкой в абажуре с морскими мотивами, а оттуда в гостиную с полками, заставленными моделями судов в бутылках. Жилище состояло из трех мрачных смежных комнаток, обставленных мягкой мебелью с салфетками на спинках, с выключенным телевизором, круглым дубовым столом у окна, окруженным четырьмя деревянными стульями. Грейс, как при каждом визите, обратил внимание на старомодную гравюру с изображением коттеджа Энн Хэтауэй[34] и на афоризм в рамке, гласивший:

«Разум, однажды расцветший, не вернется более к изначальному ничтожеству».

– Чаю?

– Нет, спасибо, – отказался Грейс, хотя с удовольствием выпил бы чашку. – Страшно тороплюсь.

– Жизнь не скачки, дорогой суперинтендент, а танец, – заявил Гарри Фрейм слегка укоризненным тоном.

– Запомню, – усмехнулся Грейс. – На летнем балу приглашу тебя на медленный вальс. – И уселся за стол.

– Итак? – спросил Гарри, сев напротив. – Ты, случайно, явился сюда не по поводу несчастной молодой женщины, на прошлой неделе найденной мертвой в Писхейвене?

Гарри Фрейм был медиумом и ясновидящим, отыскивал предметы при помощи своего «маятника» – грузика на леске. Грейс не раз с ним встречался. Порой он был немыслимо точен, в других случаях – абсолютно бессилен.

Суперинтендент полез в карман, вытащил три небольших пластиковых пакетика с вещественными доказательствами, выложил их на стол перед Фреймом. Сначала указал на перстень с печаткой, который забрал из спальни Джейми Стреттон.

– Что можешь сказать о владельце?

Фрейм взял перстень, зажал в кулаке, закрыл глаза. Просидел неподвижно добрую минуту, сосредоточенно сморщив иссохшее лицо.

В комнате стоял запах старой мебели, старого ковра, старого человека.

Наконец Гарри Фрейм покачал головой:

– Извини, Рой. Ничего. Сегодня у меня плохой день. Никаких контактов с духами.

– Кольцо вообще ни о чем не говорит?

– Извини. Может быть, завтра заедешь? Можно снова попробовать.

Грейс забрал кольцо, сунул в пакет, положил в карман. Потом перешел к серебряным запонкам, найденным в ящике комода в спальне Брайсов, и к серебряному браслету из шкатулки Келли Брайс.

– Я должен найти их владельцев. И должен найти их сегодня. Не знаю, где они, но полагаю, что где-то в пределах Брайтона и Хоува.

Медиум вышел из комнаты и быстро вернулся с крупномасштабной картой района Брайтон и Хоув. Отодвинув в сторону свечу в стеклянном подсвечнике, расстелил ее на столе, вытащил из кармана свинцовый грузик на леске.

– Посмотрим, что нам удастся выяснить, – пробормотал он. – В самом деле, давайте посмотрим.

Взял в левую руку запонки и браслет, поставил на стол локти, наклонился над картой и принялся распевать про себя:

– Ур-р-р-р… Ур-р-р… Бр-р-р… Ур-р-р…

Потом выпрямился, словно штык проглотил, держа грузик над картой большим и указательным пальцами, раскачивая его, словно маятник, и, сосредоточенно выпятив губы, принялся энергично описывать им небольшие круги, проходя всю карту дюйм за дюймом.

– Телскомб? – спрашивал он. – Пиддинго? Овингдин? Кемптаун? Брайтон? Хоув? Портслейд? Саутуик? Шорэм? – Потом покачал головой. – Нет, в этих районах мне ничего не открылось, прости.

– Может, возьмем масштаб покрупнее? – предложил Грейс.

Фрейм опять вышел, вернувшись с картой всего Восточного и Западного Суссекса. Но снова, через несколько минут сосредоточенных поисков с грузиком, не получил результата.

Грейсу хотелось схватить его и встряхнуть. Дьявольская неудача.

– *Совсем* ничего, Гарри?

Медиум покачал головой.

– Если я их не найду, они будут мертвы.

Гарри Фрейм протянул ему запонки и браслет:

– Позже можно еще раз попробовать. Извини. Мне очень жаль.

– Сегодня во второй половине дня?

Фрейм кивнул.

– Может быть, ты мне оставишь вещи? Целый день буду с ними работать.

– Спасибо, я очень ценю твою помощь, – ответил Грейс, понимая, что цепляется за соломинку, и ушел с тяжелым сердцем.

76

После инструктажа в половине девятого Джон Рай провел два часа сорок пять минут, работая с ноутбуком, изъятым из разбитого фургона «форд-транзит». И потерпел поражение.

В двадцать минут двенадцатого он, измотанный и безнадежно расстроенный, вышел из отдела за кофе, потом вернулся, глубоко погруженный в раздумья. Обычно в любом компьютере он мог взломать любую защиту, обойти любой пароль, применяя программу, позволяющую войти через черный ход и полностью просмотреть историю связей с Интернетом. А с этой машиной полный ноль.

Он чиркнул карточкой по щели электронного замка на дверях отдела высоких технологий, вошел, миновал помещение, которое шуточно окрестили клеткой для хомяков: зарешеченный закуток, где работала следственная бригада по делу о детской порнографии – «Операция Глазго», кивнул одному-другому из шести сотрудников, склонившихся над мониторами и оглянувшихся на него, прошел дальше к себе в отдел.

Энди Гидни и прочие члены команды сидели за своими столами, погрузившись в работу. Он уселся за свой стол. Сам ноутбук хранился в камере вещественных доказательств, а скопированный жесткий диск был загружен в его компьютер.

Хотя Рай уже три года возглавлял бригаду, ему хватало ума признавать ограниченность своих возможностей. Он проходил переподготовку после службы в дорожной полиции, а некоторые члены команды были настоящими технарями, имели университетские дипломы, с колыбели жили и дышали компьютерами. Самый лучший из всех – Энди Гидни. Если здесь есть человек, способный уговорить ноутбук открыть свои секреты, то это именно он.

Рай вытащил из процессора скопированный жесткий диск, встал и направился к рабочему столу Гидни. Тот все пытался взломать код доступа, которым пользовался некий банковский мошенник.

– Энди, прошу тебя на несколько часов все бросить и помочь мне вот с этим. На карте стоят две жизни.

– М-м-м, – промычал Гидни. – Видишь ли, я совсем уже близко.

– Энди, на это мне глубоко наплевать.

– Если сейчас брошу, упущу всю последовательность! – Гидни повернулся к Раю в вертящемся кресле с горящими от возбуждения глазами. – По-моему, осталась всего одна цифра!

– Долго еще будешь искать?

– М-м-м, да-да-да, м-м-м… – задумчиво промычал он, закрыл глаза, снова забормотал энергично: – М-м-м… м-м-м… – Открыл глаза и уставился в пол. – Надеюсь к концу недели найти.

– Извини, – решительно сказал Рой, – придется отложить. Ты мне нужен немедленно.

– М-м-м… Дело в том, что в отделе нас целых девять, правда, Джон?

– Ну и что? – нерешительно буркнул Рай.

– Почему именно я? – спросил Гидни, упорно глядя в пол.

Рай задумался, не поможет ли лесть.

– Потому что ты лучший. Понятно?

Гидни раздраженно развернулся в кресле и, сидя спиной к сержанту, поднял руку, сердито буркнув:

– Ладно, давай сюда.

– Надо просмотреть файлы на сервере под рабочим номером 340.

– Что именно искать?

Не хотелось показывать подчиненному свое невежество, но Рай усвоил из опыта, что затевать игру нет смысла, лучше уж потакать человеку, если хочешь, чтобы он показал себя в полной красе.

– Адреса отправителей и получателей сообщений, номера телефонов, адреса электронной почты. Все, что может нам подсказать, где находятся супруги Брайс – Том и Келли Брайс.

– Сделаю все, что смогу.

– Спасибо тебе, Энди.

Рай вернулся к своему столу, и его почти сразу окликнул с дальнего конца кабинета другой коллега, сержант Джон Шоу, высокий симпатичный молодой человек лет тридцати, который ему очень нравился. Шоу был необычайно смышленым, с университетским образованием, как и Гидни, но во всем прочем представлял ему полную противоположность.

Шоу работал над особенно жутким фотоальбомом на жестком диске, изъятом во время обыска у предполагаемого педофила. Он подметил обычай мужчины избивать детей, прежде чем заняться сексом, фотографируясь с ними при этом. Было сходство с другим недавно расследовавшимся случаем, и он хотел спросить мнение Рая.

Через десять минут Рай, глубоко задумавшись, вернулся за рабочий стол. Видя всякую дрянь на экране компьютера, он сумел притерпеться к жестокости и пороку, но истязание детей до сих пор выводило его из себя. Всякий раз. Проходя мимо рабочего стола Гидни, он не заметил отсутствия парня.

Вскоре, ненадолго оторвавшись от электронной почты, Рой оглянулся через плечо и разозлился – с учетом срочности дела, – что Гидни еще не вернулся.

Встал, подошел к его столу. На экране увидел:

«Метеорологическая служба. Судоходный прогноз. По заказу министерства морского флота и береговой охраны 0555, понедельник 6 июня 2005 г.

Общий обзор 0000.

Область пониженного давления на западе Франции 1014 Распространится на юго-восток Англии 1010 к 1300. Область пониженного давления постепенно сдвигается от Роколла 1010 на юго-восток. Область высокого давления в Фастнете 1010 рассеивается».

Чем это он, черт возьми, занимается, просматривая судоходный прогноз, когда у них чрезвычайное положение? И куда он к чертям подевался? Пропал добрых двадцать минут назад, если не больше.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем Рай ясно понял, что Энди Гидни исчез.

А вскоре он обнаружил, что парень тайком стер все данные с сервера, прихватил с собой ноутбук и скопированный жесткий диск.

77

Отъезжая от дома Гарри Фрейма, Рой Грейс вдруг почувствовал полный упадок духа и страшную усталость, несмотря на последнюю банку «Ред булл» и таблетки кофеина, проглоченные меньше получаса назад. Больше так скоро нельзя принимать. Он чертовски надеялся, что ясновидящего вдруг осенит вспышка вдохновения.

Зазвонил телефон, Рой с надеждой ответил. Это был Брэнсон, как всегда веселый.

– Держишься, старый бродяга?

– На последнем пределе, – признался Грейс. – Что нового?

– Кто-то из ребят Гейлора просматривал бумаги Реджи д'Эта. Нашли поручение о ежемесячном перечислении сумм с его «Баркли-кард» на счет компании под названием «Скараб энтертейнмент». Сумма составляет тысячу фунтов.

– Тысячу? В месяц?

– Угу.

– Откуда же у такого субъекта, как д'Эт, столько денег?

– Побочный бизнес: поставлял богатым клиентам детишек.

– Где эта компания зарегистрирована? – спросил Грейс.

– Плохая новость – в Панаме.

Грейс на секунду задумался. Есть в мире страны, где закон гарантирует любой компании полную безопасность. Панама относится к их числу.

– В ближайшей перспективе эта информация нам не слишком поможет. *Тысячу* в месяц?

– Крупный бизнес, – согласился Брэнсон. – Нельзя ли получить судебное предписание всем компаниям кредиток сообщить нам, кто еще платит «Скараб энтертейнмент» по тысяче в месяц?

– Можно, когда на кону стоит жизнь двух человек, только это ничего не даст. Получим от какой-нибудь панамской юридической фирмы список номинальных директоров, потом она пошлет нас в задницу, как только мы к ним на шаг подойдем.

Сколько у них подписчиков? Для солидных доходов слишком много не требуется. Требуется один с очень длинной рукой, способный обеспечить прикрытие.

«Дорогие, любимые клиенты! Надеемся, вам понравился наш небольшой подарок. Не забудьте включиться во вторник в 21.15 в следующий грандиозный аттракцион с участием супружеской пары – мужа и жены. Наше первое двойное убийство!»

За тысячу в месяц охотно бросишь даровую подачку, не правда ли? Просто окуни́ случайно попавшего под руку педофила в ванну с серной кислотой.

– Слушаешь меня, бродяга?

– Слушаю. Что еще?

– На видеокамере нашли одно изображение мистера Брайса в «эспейсе». Вскоре после полуночи он заправлялся на бензоколонке «Тексако» в Пайкомбе.

– Другие машины есть на пленке?

– Нет.

– В «эспейсе» ничего?

– Эксперты обшаривают. Пока ничего.

– Я возвращаюсь в отдел, – предупредил Грейс. – Буду приблизительно через двадцать минут.

– Позабочусь приготовить кофе.

– Мне нужен четверной эспрессо.

– Мне тоже.

Он ехал дальше, свернул с прибрежного шоссе, продолжая путь по верхней дороге через Кемптаун, мимо шикарной девичьей школы, муниципалитета Сент-Мэри, Королевской больницы графства Суссекс, викторианского готического фасада совместной школы, брайтонского колледжа. Впереди слева неподалеку увидел мускулистого мужчину, резво и бодро направлявшегося к газетному киоску. Что-то в нем показалось знакомым, но сейчас вспоминать было некогда.

Впрочем, и мимолетного воспоминания оказалось достаточно, чтобы Грейс развернулся дугой, остановился на противоположной стороне улицы, заглушил мотор и принялся наблюдать.

Не больше чем через минуту мужчина вышел из киоска с сигаретой в зубах, с пластиковым пакетом, битком набитым торчавшими из него газетами, и направился к черному автомобилю «фольксваген-гольф», стоявшему двумя колесами на тротуаре с включенной аварийной сигнализацией.

Грейс пристально вглядывался в переднее стекло. Походка решительно своеобразная, размашистая, развалистая, вроде походки крутых свихнувшихся армейских вояк, которым как будто принадлежит тротуар.

У мужчины в майке, белых джинсах и белых мокасинах были короткие волосы, смазанные гелем, торчавшие иглами, и массивная золотая цепочка на шее. Проклятие, где он мог его раньше видеть? Почти фотографическая – время от времени – память щелкнула, и Грейс точно вспомнил, где и когда его видел. Вчера вечером. На видеозаписи из бара «Карма».

На свидании с Джейни Стреттон!

Сердце гулко заколотилось. «Фольксваген» отъехал. Запечатлев в памяти номер, Грейс дал мужчине пару-тройку секунд, пропустив перед собой такси и фургон «Бритиш телеком», потом подал назад, вновь круто развернулся и поехал за ним, набирая на мобильнике номер отдела тяжких преступлений. На первый же звонок ответила Дениз Вудс, очень серьезная и толковая молодая женщина.

– Привет, это Грейс. Мне надо быстро навести справки. Я преследую автомобиль. «Фольксваген-гольф», регистрационный номер папа – лима – заяц – тройка – фокстрот – дельта – оскар.

Дениз обещала сразу же перезвонить.

«Фольксваген», по-прежнему державшийся неподалеку, перед такси и фургоном, остановился на красный свет.

Когда загорелся зеленый, «фольксваген» свернул влево на Нижние Рок-Гарденз, направляясь к побережью. Две другие машины поехали прямо. Грейс секунду помедлил, потом тоже свернул налево, держась как можно дальше. Давай, Дениз!

Внизу, на пересечении с бульваром Приморский парад, горел зеленый светофор, и «фольксваген» свернул вправо на прибрежное шоссе. Грейс проскочил на желтый, не смея приближаться к «фольксвагену», пропустив вперед «форд-фокус», а потом и старый «порше», но не теряя его из виду.

Когда «фольксваген» преодолел кольцевую развязку перед пирсом, у суперинтендента зазвонил телефон. Это была Дениз. Официально машина принадлежит компании под названием «Бурнхолт интернешнл лимитед» с адресом на почтовом ящике в Брайтоне. Не сообщалось ни о ее пропаже, ни об угоне, поэтому в полиции нет о ней ничего интересного.

– «Бурнхолт интернешнл лимитед», – пробормотал Грейс. – Знакомое название. – Потом вспомнил, почему знакомое. – Дениз, быстро проверь регистрацию фургона, разбившегося вчера вечером. Жду.

«Фольксваген» двигался дальше на запад вдоль берега моря, мимо недавно перекрашенного фасада отеля «Ройял Альбион», а поблизости от отеля «Олд шип» занял крайнюю полосу, мигая красным поворотником.

К облегчению Грейса, синий «мерседес» тоже сигналил о повороте вправо. Он пристроился за его внушительным корпусом, видя впереди «фольксваген», проехавший сначала мимо отеля, а потом свернувший направо на огромную подземную стоянку на Сивик-сквер. То же самое сделал и «мерседес». Грейс держался прямо у него на хвосте, притормозив на пандусе.

Дениз снова сказала в трубку:

– То же самое, Рой. «Бурнхолт интернешнл лимитед».

Грейс восторженно сжал кулаки:

– Превосходно!

Открылся автоматический шлагбаум. Грейс подвел машину, обождал билетика из автомата, схватил его, воскликнув:

– Отлично!

Но сигнала не последовало.

Когда барьер вновь поднялся, он провел «альфу», и в тот самый момент с места стронулся БМВ, загородив дорогу.

Пятился он медленно, нервный водитель полз дюйм за дюймом.

– Давай! – завопил Грейс.

Кажется, через целую вечность БМВ подался вперед, свернув на въездной пандус. Грейс нажал на акселератор. На том уровне все места были заняты, и он спустился ниже. Там тоже полно. Он рванулся на следующий, но поперек встал «форд-гэлакси», набитый детьми, с неуравновешенной матерью за рулем.

Боже мой, женщина, прочь с дороги!

Кроме ожидания, выбора не оставалось. Он ждал и ждал.

Наконец, попав на четвертый уровень, увидел несколько свободных мест. Прибавил скорость, высматривая «фольксваген», и наконец увидел. Стоит в «кармане».

Водитель исчез.

Грейс тормознул, сыпля проклятиями.

Сзади взревел гудок, в зеркале заднего вида маячил «ренджровер». Он поднял палец, продвинулся на несколько ярдов, свернул на первое пустое место, попавшееся на глаза, выключил мотор и выскочил из машины. Помчался к выходу, прыгая через две ступеньки, выбежал на просторную открытую площадь с японским ресторанчиком посередине, отелем «Сисл» с одной стороны и торговыми рядами с двух других.

Никаких следов мужчины с походкой вразвалку и торчащими волосами.

Есть еще три выхода, через которые он мог уйти. Грейс пробежался вокруг, осмотрев каждый. Мужчина исчез.

Он ругался, отчаянно соображая, стоя у первого выхода, ближайшего к «фольксвагену» и к его машине. Вряд ли водитель заметил за собой слежку. Но когда вернется, можно только гадать – через пять минут или через пять часов.

Тут возникла идея.

Грейс набрал номер своей прежней конторы, попросив соединить его со старым приятелем, инспектором Майком Хопкерком, и с огромным облегчением услышал, что тот на месте.

Хопкерк – мудрый филин с многолетним служебным стажем, весьма уважаемый и любимый коллегами и подчиненными. Грейс очень тщательно выбирал, кому звонить в подобной ситуации. Только Хопкерк – если согласится – сможет раскочегарить людей до необходимой суперинтенденту степени.

– Рой! Как поживаешь? Постоянно вижу твое имя в прессе. Рад, что перевод в Суссекс-Хаус не отбил у тебя охоты всех заставлять кипятком писать!

– Очень остроумно. Стой, потом поболтаем. Я прошу об огромной услуге, которая мне требуется прямо сейчас. Речь идет о двух человеческих жизнях – у нас есть основания думать, что люди похищены, им грозит гибель в ближайшее время.

– Том и Келли Брайс? – догадался Хопкерк, к удивлению Грейса.

– Откуда ты знаешь, черт побери? – Он уже позабыл о редкостной сообразительности Хопкерка.

Ответ заглушил рев проезжавшего грузовика. Заткнув одно ухо и крепко прижав к другому телефон, Грейс заорал:

– Не слышу! Повтори!..

– Они красуются на первой странице чертова «Аргуса»!

Значит, офицер по связям с общественностью сумел обстряпать дело. Блестяще!

– Хорошо. Слушай, Майк, мне надо, чтобы ты на час перекрыл Сивик-сквер, дав мне время обыскать машину.

В ответ послышался шумный вдох.

– Перекрыть Сивик-сквер?

– На час.

– Там стоянка, крупнейшая в Брайтоне, а сейчас середина дня. Перекрыть Сивик-сквер – ты рехнулся?

– Нет. Прошу сделать это сию же минуту, немедленно.

– На каких основаниях, Рой?

– Заложенная бомба. Звонок террористов.

– Что за хреновина? Ты серьезно?

– Слушай, нынче понедельник, тихое утро. Поднимай войска!

– А если накроемся?

– Сам отвечу.

– Ответишь не ты, а я, Рой, как тебе отлично известно.

– Сделаешь?

– Перекрою ли Сивик-сквер?

– Сивик-сквер.

– Ладно, – сдался Хопкерк, хоть сомнения не оставили его. – Проваливай ко всем чертям с моего телефона, он мне сейчас понадобится.

Грейсу тоже. Он позвонил в Суссекс-Хаус, срочно вызвав на место бригаду в сопровождении какого-нибудь представителя дорожной полиции, способного вскрыть замки и отключить сигнализацию «фольксвагена-гольф».

Потом звякнул инспектору Биллу Анкрему, возглавлявшему местную службу прослушивания и наблюдения. По редкостной удаче у Анкрема были хорошие вести.

– Мы сегодня вели одного типа в центре Брайтона и быстро управились. Я как раз готовился снимать ребят, посвятить остаток дня повышению квалификации.

– Быстро смогут накрыть автостоянку на Сивик-сквер? – спросил Грейс.

– В течение часа. Мы неподалеку.

Он дал подробные указания, сообщил регистрационный номер и точное местонахождение «фольксвагена». Связался с отделом тяжких преступлений, приказав отправить Анкрему по факсу и по электронной почте фотографию водителя.

Поговорил с Николлом, сказав, что, в конце концов, хотел бы лично встретиться с офицером из Столичной полиции. Во время этого разговора раздался оглушительный вой.

Возникло впечатление, будто все машины экстренных служб Брайтона и Хоува одновременно включили сирены.

78

Келли пугала Тома. Казалось, что он заперт в темном помещении с абсолютно незнакомым, чужим человеком. Полностью непредсказуемым. Долгие периоды молчания сменялись оскорбительными визгливыми воплями в его адрес. Сейчас она снова кричала надломленным и охрипшим от напряжения голосом:

– Дурак, сукин сын! Идиот! Ты нас в это втравил! Если б оставил чертов диск в поезде, ничего подобного не было бы! Они нас никогда не отпустят… Это ты виноват, мать твою, понимаешь, тупая скотина, хренов недотепа?! – И разразилась рыданиями.

У Тома все перевернулось в душе. Ужасно, прискорбно слышать ее плач. Но никаких его слов она в расчет не принимает. После ухода толстяка он с ней без конца разговаривал. Старался приободрить, успокоить.

Старался всеми силами отвлечься от смертных болей в мочевом пузыре, от мучительной жажды, голода, страха.

Не выпитая ли водка повлияла на поведение Келли? Или, наоборот, невыпитая? Неужели она дошла до того же предела, на каком находилась в течение нескольких месяцев после рождения Джессики, и поэтому готова броситься вниз головой с утеса?

Что означал тот вопль по электронной почте – предупреждение или мольбу о помощи, на которую он не смог ответить?

– Кретин, неудачник долбаный! – кричала она.

Том поморщился. *Неудачник*. Вот кем она его считает! Правильно. Он потерпел неудачу в бизнесе, а теперь терпит неудачу в самом важном деле – в защите своей семьи.

Том крепко-накрепко зажмурился на несколько секунд, молясь Богу, которому на протяжении двадцати пяти лет не говорил ни слова. Потом снова открыл глаза, хоть это никакой разницы не составляло – кругом по-прежнему полная тьма.

Туго связанные ноги затекли. Он перевернулся, но сделал всего один оборот, после чего цепь на щиколотке натянулась, наручник, кандалы, или что там такое, врезались в тело, и Том вскрикнул от боли.

«Думай, – приказал он себе. – *Думай!*»

Стена и пол рядом с ним гладкие; надо бы раздобыть что-то острое, перерезать веревки. Под рукой нет ничего, черт возьми, черт возьми, черт возьми, ничего!

– Слышишь меня, мать твою, недотепа, дурак, неудачник!

Глаза наполнились слезами.

«Ох, милая моя Келли. Не надо. Я очень тебя люблю».

Чего хочет жирный ублюдок? Кто он такой, черт возьми? Как с ним сговориться? Хотя глубоко в душе Том знал, кто такой этот тип и зачем они здесь.

Когда мысли прояснились, страх еще больше усилился. Недавно ночью он забросил детишек к родителям Келли. Мать вполне крепкая; отец, бедняга, абсолютно беспомощный. Неужели толстяк собирается детей тоже похитить? Вдруг он или его громилы явятся в отсутствие матери Келли?

Том снова в отчаянии перекатился, цепь натянулась. Он дернулся, превозмогая боль. Задержав дыхание, дергался, дергался, дергался.

Цепь не поддавалась.

Он немного полежал неподвижно. И тут у него возникла идея.

Одновременно снова открылся светлый прямоугольник двери вдалеке. Вошли двое, оба с фонарями. Пульс участился, горло перехватило. Том напрягся, приготовился к бою любым возможным способом.

Один направился к Келли, другой к нему. Келли молчала. В следующую секунду его ослепил луч, словно глаза залило ртутью. Потом свет ушел в сторону, высветив на полу бумажный стаканчик с водой и батон.

– Ешь тебе, – сказал на ломаном английском грубый голос.

На неопытный слух Тома, акцент был восточноевропейский.

– Мне нужно помочиться, – выдавил Том.

– Давай дуй в портки, как все! – крикнула Келли.

– Тебе не мочиться! – ответил мужчина.

– Мне надо выйти, – взмолился Том. – Пожалуйста, отведите меня в туалет!

Мужчина был высоким, тощим, лет тридцати; одет в черное, с суровым лицом, с короткой модной стрижкой. Теперь удалось разглядеть его черты, но, что еще важнее, рассмотреть, что находится у него за спиной.

Ближайший ряд химических баков.

– Ешь, – повторил мужчина, удаляясь вместе с компаньоном.

Через несколько секунд они вышли, прямоугольник света погас. Том с Келли вновь остались в полной темноте.

– Милая, – окликнул он.

Молчание.

– Детка, послушай, пожалуйста.

– Почему они не принесли мне выпить? – захныкала Келли.

– Принесли воду.

– Я вовсе не о том, черт возьми.

Интересно, задумался Том, давно она пьет? Долго ли он этого не замечал?

– Как же я буду пить со связанными руками? Может быть, объяснишь, умный муж?

Том медленно повернул голову к воде и хлебу, ткнулся носом в стаканчик, молча проклял постыдное положение, в которое его поставили. Осторожно обхватил край стакана губами, отчаянно стараясь не пролить ни одной драгоценной капли, наконец вцепился зубами, наклонил стакан, жадно выпил.

Потом, как слепое ночное животное, водил носом, пока не добрался до хлеба. Аппетита не было, но Том заставил себя откусить кусок. С трудом прожевал, проглотил. И еще один кусочек.

– По-моему, нам пора ехать домой, – объявила Келли. – Как думаешь, нас снабдят чемоданами, полными всякого добра?

Впервые за два последних дня он улыбнулся.

Может, она успокоилась.

– Пока я не слишком высокого мнения об их гостеприимстве, – сказал Том, стараясь ответить шуткой на шутку.

Но слова его канули в черную тишину.

Вода и хлеб чуть-чуть его оживили, придали сил. Он решил сделать свой ход.

Перекатываясь и извиваясь, медленно, страдальчески двигался по полу влево, в том направлении, которое запомнил несколько минут назад в луче фонаря.

К шеренге круглых химических баков.

Вдруг ударился в панику – цепь натянулась на щиколотке до предела. Пожалуйста, еще чуть-чуть, всего только малую чуточку! Рванулся, дернулся, цепь впилась в ногу, Том вскрикнул от боли.

– Что с тобой? Милый!

Слава богу, она уже спокойна.

– Ничего, – прошипел он, вдруг забеспокоившись, что их подслушивают. – Все в порядке.

Потом во что-то уткнулся лицом. Только бы не в стену!.. Холодный круглый пластик. Бак.

Том попробовал приподняться повыше. Бак покачнулся, и он соскользнул. Перевернулся на живот, подтянул ноги с адской болью в щиколотке, рванулся вверх раз, другой. Наконец, сделав глубокий вдох, выдох, одновременно изо всех сил толкаясь, добился своего – зацепился за край подбородком.

Потрясающе острый зазубренный край. Медленно поводя подбородком, Том тянул к себе бак, тяжелый, гораздо тяжелей, чем можно было подумать. Внезапно бак опрокинулся, рухнул на пол с громким гулким стуком.

– Том! – воскликнула Келли.

– Все в порядке.

– Что ты делаешь?

– Ничего.

Действуя как можно быстрее, Том подполз к острому краю, чувствуя в темноте, в каком месте веревкой привязаны руки к бокам, и принялся тереться о зазубренный ободок.

Через несколько минут – с облегчением и почти с таким же удивлением от удачи – сумел оторвать руки от тела. Конечно, всего один крошечный шаг, но кажется, будто он только что покорил Эверест. Нахлынула волна облегчения. Удалось!

Теперь Том шарил в темноте руками, еще связанными по запястьям, нащупывая ободок. Нашел, начал лихорадочно пилить веревку. Медленно и упорно трудясь, почувствовал, что волокна поддаются, веревка слабеет. И вот руки свободны. Он стряхнул с запястий последние клочки, поднялся, размял, растер руки, восстанавливая кровообращение.

– Мы здесь умрем? – всхлипнула Келли.

– Нет. Не умрем.

– Мама с папой не смогут детей вырастить. Мы об этом никогда не думали, правда?

– Мы не умрем.

– Я так тебя люблю, Том.

Слыша это, он чуть не заплакал. В голосе Келли столько нежности, любви, тепла…

– И я люблю тебя больше всего на свете, дорогая.

Том наклонился вперед, ощупал связывавшие ноги веревки, пока не наткнулся на узел.

Узел завязан невероятно крепко. Но он возился с ним без устали, и тот вскоре начал ослабевать. Неожиданно ноги освободились! Кроме прикованной щиколотки. Том все время помнил, что, если сейчас войдет толстяк, расплата будет суровой. Но надо было рискнуть.

Опустившись на колени, он схватил бак за край, встал, поднял его, поставил, ощупал сверху, ища крышку, быстро нашел, обхватил обеими руками, стараясь сообразить, как она открывается, впервые в жизни получив представление, что значит быть слепым.

Гнутая проволока заклеена бумажной полоской. Он сунул пальцы под проволоку, дернул. Она врезалась в плоть. Покопавшись в кармане, вытащил носовой платок, обмотал руку, снова попробовал.

Проволока щелкнула.

– Зачем нас здесь держат, Том? – жалобно спросила Келли. – Кто этот разжиревший подонок?

– Не знаю.

– Что он имел в виду, когда говорил про «хладные трупы»

– Просто пытался нас запугать. – Том старался говорить убедительным тоном, пытаясь открыть крышку, слыша, что его голос звучит гораздо тоньше обычного, чувствуя, как в голове складывается смутный, неясный план.

Крышка стала медленно поворачиваться. Потребовалось пять или шесть полных витков, прежде чем она оказалась у него в руке. В ту же секунду в ноздри ударил сильный жгучий запах кислоты. Задохнувшись, он шарахнулся назад, выронил крышку, которая покатилась в темноту.

– Что случилось? – тревожно вскрикнула Келли.

Том все кашлял, легкие горели огнем. Он старался припомнить школьные уроки химии, которую считал полной белибердой. В химической лаборатории стояли бутыли с кислотами. Серную и соляную кислоту он распознал бы сразу. Может быть, эта штука, чем бы она ни была, разъест цепь на щиколотке?

Как вылить ее из бака в такой темноте? Если бак упадет, то выплеснувшаяся жидкость дотечет до Келли. Или они задохнутся.

Тут у него остановилось сердце. Краешком глаза он заметил луч света. Прямоугольник вдали. Кто-то идет.

На четвертом уровне стоянки на Сивик-сквер кучка офицеров полиции столпилась у черного «фольксвагена-гольф». Снаружи полиция перекрыла все входы и выходы. Больше во всем строении не было ни души.

– Хозяин не должен знать, что мы тут поработали, – предупредил Грейс молодого сержанта из дорожной полиции, стоявшего на коленях у водительской дверцы, держа в одной руке огромную связку отмычек, а в другой нечто вроде радиопередатчика.

– Не беспокойтесь. Сумею обратно закрыть. Никто ничего не узнает.

Джо Тиндалл, в белом защитном костюме, жевал рядом с Грейсом жвачку, пребывая в более раздражительном настроении, чем обычно.

– Мало тебе испортить мне выходной, Рой? – бурчал он. – Хочешь наверняка всю неделю изгадить, как только об этом слух разнесется?

Раздался громкий щелчок, дверца «фольксвагена» открылась. Сразу загудела сигнализация, оглушительно, гулко – бип-бип-бип-бип…

Констебль из дорожной полиции откинул капот и нырнул под него. Через пару секунд писк прекратился. Он захлопнул капот, повернулся к Тиндаллу и Грейсу:

– Все в вашем распоряжении.

Грейс, тоже в белом защитном костюме и перчатках, пропустил вперед Тиндалла и стоял, наблюдая за ним. Быстро взглянув на часы, подсчитал, что после закрытия стоянки прошло двадцать пять минут. Снаружи царил полный хаос: полицейские автомобили, машины «скорой помощи», пожарные, десятки блокированных покупателей, деловых людей, посетителей. Сногсшибательный эффект довершало перекрытое почти везде в центре Брайтона дорожное движение.

Если из этого ничего не выйдет, в физиономию суперинтендента полетит куча тухлых яиц.

Грейс следил, как Тиндалл первым делом посыпал порошком для снятия отпечатков пальцев наиболее вероятные места: зеркало в кабине, рукоятку переключения скоростей, клаксон, внутренние и наружные ручки на дверцах. Покончив с этим, снял пинцетом волосок с подголовника водительского сиденья и опустил в пакетик. Потом пинцетом же вытащил из пепельницы один окурок и положил в другой пакет.

Через пять минут он вылез из машины, вид у него при этом был значительно веселее, чем в момент прибытия на место.

– Есть несколько хороших отпечатков, Рой. Сейчас же отправлюсь назад и попрошу ребят пропустить через систему.

Имелась в виду Национальная автоматическая система дактилоскопической информации.

– Я и сам сейчас туда поеду, – сказал Грейс. – Встретимся минут через десять.

– Буду ждать с результатами.

– Ценю.

– Собственно, мне глубоко плевать, черт возьми, ценишь ты или нет, – отрезал Тиндалл, сурово глядя на суперинтендента.

Иногда Грейс с трудом понимал, когда Джо Тиндалл говорит серьезно, а когда шутит; у него было весьма своеобразное чувство юмора – трудно уловимое.

– Ладно, – сказал Грейс, стараясь умилостивить коллегу. – Восхищаюсь твоим хладнокровным профессионализмом!

– Хладнокровная задница! – буркнул Тиндалл. – Я это делаю потому, что мне платят. Мне не нужны никакие оценки с восторгами. – Он снял защитную одежду, сунул в сумку и направился к лестнице.

Грейс и констебль из дорожной полиции переглянулись.

– Сердитый типчик!

– Зато глаз – алмаз… – заметил констебль.

Грейс заглянул внутрь машины, осмотрелся, открыл бардачок, где ничего не было, кроме руководства для пользователя, проверил кармашки на дверцах – пустые. Полез под оба передних сиденья, снял чехол с заднего, посмотрел, что под ним, – ничего. Абсолютно ничто в машине не говорило о личности водителя; скорей, похожа на прокатную, чем на собственную.

Наконец открыл багажник. Чистый, без единого пятнышка. Только набор инструментов, запаска и светоотражающий предупредительный знак-треугольник, предположительно входящие в комплект. Он заполз под машину. Ни грязи, ничего необычного.

Поднявшись, Грейс велел констеблю запирать машину и включать сигнализацию, а сам направился к собственному автомобилю, торопясь вернуться в Суссекс-Хаус. Он отчаянно надеялся, что строптивый, но блистательный Джо Тиндалл добьется результата с отпечатками.

А уж группа наблюдения не упустит из виду «фольксваген».

Бесполезная остановка жизни в Брайтоне вряд ли повысит мнение Элисон Воспер о суперинтенденте Грейсе. Равно как и его шансы избежать ссылки в Ньюкасл. Независимо от Кэссиана Пью.

Тут он вдруг вспомнил Клио. Двадцать минут третьего. Она так и не перезвонила.

80

Том бросился на пол, лихорадочно шаря руками по твердому камню в поисках веревок. Темноту пронзил луч фонаря, на миг он упал на Келли, потом на его лицо, скользнул по стене, осветил ряд химических баков. В том числе тот, что без крышки.

Черт, черт, черт, черт.

Том лежал на боку, неподвижно, задерживая дыхание, крепко прижав к бокам руки, стиснув ноги, обливаясь потом. Слушал приближавшиеся шаги. Сердце колотилось, в ушах шумел поток крови, стремительно бежавшей в венах. В горле стоял желчный комок страха.

Момент приближается. И наступит, как только он будет разоблачен. Господи, может быть, снова свалял дурака? Глупо уехал из дома, глупо позволил затащить себя в машину. А теперь глупо, немыслимо глупо пытался освободиться.

Келли была совершенно права, называя его неудачником.

Он на секунду закрыл глаза, помолился, борясь с тошнотой. Вот так все и кончится? Все мечты? Никогда больше он не увидит детей? Никогда…

Раздался грохот. Что-то покатилось по полу. Что б это ни было, оно ударило его в висок. Предмет твердый, но легкий.

Том перевернулся, не забывая держаться как бы в связанном положении. Луч на секунду ударил прямо в глаза, ослепил. Потом он услышал ту же ломаную английскую речь:

– На мочу. Не на дерьмо.

Луч фонаря скользнул с его лица на предмет, лежавший на боку всего в нескольких футах. Это было оранжевое пластмассовое ведерко.

Шаги удалялись. Том оглянулся, наблюдая, как луч пляшет по полу, пока мужчина идет к далекому светлому прямоугольнику. Он мельком подумал, что тому, видно, в голову не пришло, как можно воспользоваться ведерком, если руки привязаны к туловищу.

Послышался стук тяжелой металлической двери.

И вновь наступила полнейшая тьма.

– Ты что, совсем рехнулся, мать твою? – заорал Карл Веннер. Его физиономия приобрела красновато-коричневый цвет, в тон рубашке с натянутыми на животе пуговицами. На висках вздулись вены. Царапины, полученные от девчонки во время последней встречи с нынешним визитером, еще были очень заметны. – О чем думал, явившись сюда? Тебе было сказано, никогда, никогда, никогда не являться без вызова! Чего тут, черт возьми, непонятного, Джон?

Энди Гидни уставился в дешевый бежевый ковер, сосредоточившись на одном квадрате, стараясь подсчитать, сколько в нем волокон.

Веннер сунул в рот указательный палец и принялся обгрызать кожу вокруг ногтя. Сигара дымилась в пепельнице на металлическом столе на верхнем этаже склада.

– И кстати, где ты шлялся? Я целый час пытался дозвониться.

– М-м-м… Сюда добирался.

– Почему не отвечал по своему чертову телефону?

– Потому что вы мне велели никогда его сюда не приносить.

К тихому удовлетворению Прогноза, Веннер после этого ненадолго заткнулся, продолжая грызть палец. Потом осмотрел его и куснул еще пару раз.

– У нас колоссальная неприятность, вот зачем я тебе звонил.

Фактически две, мысленно поправил Прогноз. О другой ты пока не знаешь. Плевать. Пусть у Карла Веннера будет тысяча неприятностей – наплевать. Он продолжал считать волокна.

Веннер схватил сигару, сунул в рот, раскурил, выпустил из угла губ дым.

– Чертовская неприятность, ясно?

– В Кромарти и Фортиз юго-западный ветер сменяется северным, четыре-пять футов в секунду; в Северном Атшире порывы до шести, – уведомил он Веннера, по-прежнему глядя в пол. – Временами дождь. От умеренного до сильного.

– За каким хреном мне этот чертов прогноз погоды?

– М-м-м, фактически… м-м-м… это судоходный прогноз.

Веннер вытаращил на него глаза. Действительно, этот чокнутый выше его понимания.

– Джон, беда в том, что у нашего парня был с собой ноутбук, через который он рассылал клиентам наши последние предложения. Полиция его забрала. Мы должны его вернуть.

– Он у меня, – сказал Прогноз. – И копия, которую сняли с жесткого диска в отделе высоких технологий.

Веннер опешил:

– У тебя?

– М-м-м… Да. Точно.

– Ты привез ноутбук?

Прогноз кивнул.

Поведение толстяка полностью изменилось. Он поднялся, крепко пожал руку удивленному парню.

– До чего же ты умная задница! – Потом снова сел, как бы выдохшись от усилия, снова сунул сигару в рот, жадно протянув руку, как ожиревший школьник, выпрашивающий конфетку. – Ну, давай! Он у тебя в рюкзаке?

– М-м-м… Нет, там у меня сандвич.

В помещение вошел один из двух молчаливых русских, одетый, как всегда, в черный пиджак поверх черной футболки. Встал в нескольких футах позади Веннера, молча, без улыбки.

Прогноз снова уставился на квадрат ковра, игнорируя протянутую руку, стараясь набраться храбрости, чтобы сказать то, что пришел сказать. Снова вспомнил Кью из «Стар трек», пробормотав про себя: «Если боишься, что тебе могут расквасить нос, лучше сиди дома под кроватью. Здесь небезопасно, зато хватает сокровищ, чтобы удовлетворить любые желания: от скромных до огромных. Но робким тут не место».

Неробкий Прогноз глубоко вдохнул, покраснел и выпалил с запинкой:

– Фактически я их с собой не принес.

Физиономия Веннера омрачилась.

– А *фактически* где они у тебя?

Прогноз почуял у себя за спиной почти неслышный шаг. Заметил на ковре почти незаметную тень. Веннер собирал команду для устрашения – впереди русский, за ним албанец. Но сегодня он – Неробкий Мужчина.

Настоит на своем.

Прогноз дрожал, лицо пылало, пот тек ручьями под белой рубашкой. Но он не отступит.

– Они в надежном месте.

– *Действительно* в надежном? – холодно уточнил Веннер.

– В очень надежном.

– Хорошо. Разумно.

– Если хотите получить обратно, заплатите, сколько обещали. И… и… и… я… – невнятно заикался он, – не хочу больше делать тисаны. – И снова уткнулся в ковер, глотая ртом воздух.

– Правда, Джон? – спокойно спросил Веннер. – Больше не хочешь работать в нашей команде?

– М-м-м… Нет.

– Я страшно расстроен! Мне казалось, мы отлично сработались. Знаешь, Джон, я думал, что мы с тобой стали настоящими хорошими приятелями. Я очень огорчен. Конечно, если хочешь уйти, хочешь получить свои деньги, это совершенно справедливо.

Прогноз молчал, не ожидая подобной реакции. Ждал, что Веннер взорвется.

– Так где именно то надежное место, куда ты поместил ноутбук и диск?

Парень с гордой улыбкой поднял глаза:

– Ни за что не поверите. Туда никто не заглянет, никто не найдет их за тысячу лет.

– Вот как?

Прогноз возбужденно кивнул.

– Даже полиция?

– Никогда!

Веннер радостно и лучисто ему улыбнулся, потом резко махнул левой рукой.

Этот жест озадачил Прогноза. Похоже на какой-то кодовый знак. Впрочем, долго гадать не пришлось.

– Снимай пташку! – крикнул Веннер.

Прогноз все больше недоумевал. Стоявший рядом с Веннером русский вскинул маленькую видеокамеру.

Албанец за спиной сделал два быстрых шага, и один резкий удар ребром ладони перерубил пополам шею Энди Гидни.

82

Дактилоскопический отдел занимал одно из самых больших помещений в Суссекс-Хаус. На первом этаже, неподалеку от отдела высоких технологий, постоянно, как в улье, шла тихая кропотливая деятельность, и Грейс, заходя туда, каждый раз слышал в воздухе лишь самый слабый чернильный запах.

Дерри Блейн, один из старших офицеров-дактилоскопистов, сидел у рабочего стола, установленного более или менее в центре лабиринта остальных столов и машин. На экране его компьютера красовался лучший отпечаток, снятый Джо Тиндаллом в «фольксвагене» с зеркала. Грейс с Тиндаллом стояли у него за спиной, глядя через плечо на монитор.

Блейн, лысеющий мужчина в очках, отличался добродушной внешностью и спокойными манерами, внушая доверие. Он стукнул по клавиатуре, и на экране возник полный набор из десяти отпечатков. Снова стукнул, и у Грейса замерло сердце. На мониторе появился полицейский снимок того, кто ему нужен. И фамилия. Водитель «фольксвагена». Встречавшийся с Джейни Стреттон в баре «Карма».

– Повезло нам, – сказал Дерри Блейн. – Я пропустил его через систему, и выяснилось, что чуть больше года назад с него сняли отпечатки после скандала и драки в брайтонском ночном клубе «Искейп». Отпустили с предупреждением. Его зовут Мик Лювич. Албанец, правонарушений не зарегистрировано.

– Что у нас еще есть на него? – спросил Грейс.

– Вот. – Блейн опять застучал по клавишам. – Стоит тут на нем пометочка в национальной базе данных: подлежит наблюдению по просьбе Интерпола.

Грейс разволновался еще больше.

– Поэтому я пропустил полный набор его отпечатков через международную поисковую систему – для этого нужен полный набор, – и от нашего красавчика потянулась ниточка.

Блейн нажал пару клавиш, и через секунду на экране возникла голова и торс очень толстого мужчины. Маленькая по сравнению с тушей голова с седыми, смазанными гелем волосами, стянутыми сзади в поросячий хвостик.

– Карл Веннер. Также известный под именем Джонас Смит. История у него интересная, – продолжал Блейн. – Служил в армии США. Начинал пилотом вертолета во Вьетнаме. Заработал медаль «Пурпурное сердце» за ранение в бою, потом перестал летать по каким-то причинам, связанным со здоровьем, стал радистом. Получил повышение в войсках связи. А потом был замешан в скандале. Может, помните – военного оператора и пару фотографов обвинили в съемках пыток и казней вьетконговцев и в тайной торговле пленками.

– С реальными убийствами? – уточнил Грейс.

– Именно. Веннеру удалось отвертеться. Он остался в армии, был переведен в разведку в Германию. Когда начались дела в Боснии, его отправили туда. Там произошло то же самое, что во Вьетнаме. Со временем его отдали под трибунал за съемки казней пленных и распространение пленок на международном рынке.

– С настоящими убийствами? – переспросил Грейс.

– Абсолютно. Такого подонка свет еще не видел. Полный мерзавец. Ловкий адвокат снял с него обвинения, но вылезло столько грязи, что его вычистили из армии. Потом его имя всплыло в связи с международной сетью детской порнографии, базирующейся в Атланте. Там снимали не только мужчин, занимавшихся сексом с детьми, но и убийство детей. Главным образом азиатов, индейцев, но и нескольких белых тоже.

– Ты действительно выбираешь только самых лучших, правда, Рой? – с улыбкой вставил Тиндалл со свойственным ему черным юмором.

– Такой уж я есть. Приходи как-нибудь ко мне обедать.

– Я все ждал приглашения.

– Ну и что с ним стало? – расспрашивал Грейс, снова обращаясь к Блейну.

– Похоже, пустился в бега. Исчез с радаров ФБР. Потом… три года назад объявился в Турции. Потом в Афинах. Потом в Париже. Там связалась прелестная маленькая киносеть. Французская полиция совершила налет на квартиру в парижском 16-м округе. Нашли кучу всякой аппаратуры, задержали кучку людей, заявивших, что сетью заправляет Веннер. С тех пор его никто не видел.

– Какая связь с Лювичем?

– У Интерпола есть дежурный в Лондоне, которому об этом известно. Я раздобыл его телефон. Сержант Барри Фарьер.

– Спасибо, Дерри, вы сделали грандиозное дело. И невероятно быстро!

По забитым дорогам Грейс вернулся в управление на двадцать минут позже, чем рассчитывал. Но и у Джо Тиндалла наверняка были те же проблемы. Блейн получил отпечатки не раньше чем пятнадцать минут назад.

Поднявшись в личный кабинет напротив оперативного штаба № 1, Грейс сначала связался с группой наблюдения, следившей за «фольксвагеном». Водитель пока не появлялся. Он уже собрался звонить сержанту Барри Фарьеру, как зазвонил его собственный телефон. Ответив, он узнал тонкий захлебывающийся голос Гарри Фрейма.

– Что-то получил? – спросил Грейс ясновидящего.

– Ну, не знаю, скажет ли это тебе что-нибудь, но я видел часы.

– Часы? – переспросил Грейс. – Наручные?

– Правильно! – Фрейм преисполнился энтузиазма. – Наручные часы! Тут есть что-то очень существенное. Часы приведут тебя к чему-то весьма существенному для дела, над которым ты сейчас работаешь.

– Уточнить можешь? – спросил озадаченный Грейс.

– Нет, я… Это все. Не знаю, имеет ли это значение…

– Какая-нибудь конкретная особенность?

– Нет. Думаю, что часы дорогие.

– Дорогие?

– Да.

– Мужские или женские?

– Мужские. И кажется, не одни.

Грейс затряс головой, изо всех сил соображая. В данный момент это действительно ровно ничего не значило.

– Хорошо, – сказал он. – Спасибо, Гарри. Дай знать, если еще что-то появится.

– Обязательно, не беспокойся.

Грейс закончил разговор и немедленно набрал лондонский номер Интерпола. Ему пришлось ждать две минуты, пока Фарьер договаривал с кем-то по телефону, слушая бесконечно крутившиеся «Зеленые рукава»[35]. Наконец раздался резкий акцент кокни[36].

– Сержант Фарьер, чем могу помочь?

Грейс представился. Фарьер сразу заволновался.

– Я знаю детективов в Греции, Турции, Швейцарии и Париже, которым сильно хотелось бы потолковать с мистером Лювичем.

– Мне известно, где стоит его машина, – сообщил Грейс. – Что у вас есть на Карла Веннера?

– Полный ноль. Три года на глаза не попадался. А ведь мимо него не пройдешь, слишком жирный стервец.

Стукнув в дверь, вошел Норман Поттинг, держа лист бумаги. Грейс махнул рукой, указывая, что он занят. Поттинг затоптался на пороге.

– Меня очень заинтересует все, что вы раскопаете насчет Веннера, – сказал Фарьер. – Памятки на него у меня на руке до плеча не уместятся. Ровно по всей Европе.

– Он может быть в Англии?

– Раз Лювич тут, есть такой шанс.

– Что еще можете рассказать о Лювиче?

– Албанец. Тридцать два года. Головастый малый. Изучал высокие технологии в тамошнем университете, вдобавок стал чемпионом по кикбоксингу, занимался боксом без перчаток. Типично для его поколения – безработный с университетским дипломом. Связался с кучкой студентов, клепавших для забавы компьютерные вирусы, должно быть со скуки. Потом с другой шайкой, которая шантажировала крупные компании.

– Шантажировала?

– Крупный бизнес. Возьмем наши спортивные события вроде Дерби. Прямо за несколько дней ведущим букмекерам угрожают запустить вирус в компьютеры, вырубив их на двадцать четыре часа в самый день Дерби. Если не заплатят. Они и платят: выходит дешевле.

– Об этом я слышал, – подтвердил Грейс.

– Угу, время пиковое. Как бы там ни было, Лювич как-то попал на крючок к Веннеру. Может, тот его нанял на службу. Они точно вместе работали с французской сетью. И оба разом исчезли. Я вам могу все досье перекинуть по электронной почте.

– Буду очень признателен.

– Не берите в голову. Прямо сейчас и сброшу. Одно скажу. Видел я кое-какое кино. Попадись только мне в руки Веннер с Лювичем ночью в темном проулке… Всего на пять минут.

– Я вас хорошо понимаю. Скажите мне вот что, говорит ли вам что-нибудь скарабей в связи с этой парочкой?

– Скарабей? Жук-скарабей?

– Угу.

Немного помолчав, Барри Фарьер сказал:

– Когда они проворачивали делишки во Франции… там где-нибудь на снимках и в фильмах обязательно было одно насекомое – скорпион.

– Живой или мертвый?

– Дохлый. Можно полюбопытствовать, почему вы спросили?

– Похоже, он слишком увлечен энтомологией, – объяснил Грейс. – Если это тот самый тип, то теперь он использует скарабеев – навозных жуков.

– Похоже на то.

Грейс поблагодарил сержанта Фарьера, пообещал всецело держать в курсе дела и разъединился. Норман Поттинг сразу прошагал к столу, выложив перед ним лист бумаги.

– Серная кислота, Рой. Я получил, по-моему, вполне исчерпывающий перечень ее поставщиков в Соединенном Королевстве. Пять на юге, двое рядом с нами – в Ньюхейвене и Портслейде.

Грейс, еще переваривая информацию, полученную от Барри Фарьера, схватил бумажку, быстро просмотрел фамилии и адреса, остановившись на двух местных.

Дверь вдруг распахнулась, влетел Гленн Брэнсон с возбужденно пылавшим лицом.

– Есть результат! – выдохнул он прямо в ухо своему начальнику.

– Выкладывай!

Брэнсон триумфально шлепнул на стол фотографию водителя «фольксвагена-гольф».

– Мне только что позвонил мой приятель-таксист.

– Не тот ли, – фривольно уточнил Грейс без всякой основательной причины, – которого ты увел у нас с Клио?

– Тот самый, – ухмыльнулся Брэнсон и на полном подъеме продолжил: – Я это фото кругом разослал. Он мне только что звякнул. Говорит, двадцать минут назад отвез пассажира, точную копию этого парня, в центр Брайтона. Точно уверен, что это он. Высадил у какого-то склада в Портслейде. Вот по этому адресу. – Гленн сунул боссу адрес, нацарапанный от руки на клочке бумаги.

Грейс прочел. Потом снова посмотрел на список, который только что принес Поттинг. На адрес поставщика серной кислоты в Портслейде.

Адрес был тот же самый.

83

Том кое-что вспомнил. Мобильника у него с собой нет, но есть нечто другое. Лежа, он время от времени чувствовал под собой твердый предмет. Черт возьми, почему раньше не сообразил?

Он сунул руку в брючный карман и вытащил наладонник, выполняющий функции личного электронного секретаря. Нажал одну из четырех кнопок внизу, и дисплей сразу вспыхнул. В тот момент свечение показалось ему ярче тысячи фонарей.

Теперь можно видеть!

– Что это? – спросила Келли.

– Мой наладонник!

Он ее видел, действительно видел ее лицо!

– Как… как тебе удается двигаться? – прошептала она.

– Освободил руки.

Свет шел недалеко, лучик был широкий, короткий, но Том впервые смог сориентироваться. Они находились в огромном складском помещении с потолком высотой, должно быть, футов двадцать, сплошь заставленном штабелями химических баков – сотнями, если не тысячами. Пол бетонный, окон нет, лучик не доходит до двери. Судя по температуре и полному отсутствию света, он предположил, что склад находится глубоко под землей.

Здесь должна быть достаточно большая дверь, чтобы в нее прошел подъемник с баками, рассуждал Том. И почти наверняка есть лифт.

Он рассмотрел наручник на щиколотке. Похож на полицейский для преступников, какие бывают в кино: защелкивающийся широкий металлический зажим, от которого идет цепочка, закрепленная в металлическом кольце на стене. Келли неподалеку прикована другой цепью. Ее цепь натянута во всю длину. Том шагнул к ней, но, когда его цепь натянулась до предела, между ними все равно осталось расстояние футов в десять.

– С твоей этой штуки ни с кем нельзя связаться? – спросила Келли.

– Нет.

– А послать электронное сообщение?

– Можно, если б был телефон.

Том помочился в обретенное несколько минут назад оранжевое ведро с таким облегчением, которое несколько мимолетных мгновений граничило с блаженством.

– Не забывай натягивать цепь, – напомнила Келли.

Он усмехнулся, неожиданно восхитившись ее храбростью. Если можешь еще улыбаться, не падаешь духом – переживешь любые невзгоды.

– Не забуду. И крышку закручу обратно.

Том сделал несколько шагов к открытому баку – цепь это позволяла, – осветил его сбоку, отыскивая этикетку, которую раньше нащупал в темноте.

Она была белая, рядом с ней находился черно-желтый предупредительный знак: «Опасно!» На белой бумажке значилось:

«H_2SO_4
Концентрированная
25 литров»

Том снова изо всех сил попытался припомнить школьные уроки химии. Разъест эта штука металл? Сколько времени для этого потребуется?

Есть лишь один способ выяснить.

Он положил на пол наладонник, взял ведерко, и в тот самый момент дисплей погас. Сердце на секунду упало при мысли, что кончилась батарейка, но тут он догадался, что через две минуты напряжение автоматически падает, и быстро перевел дисплей в постоянный режим. Схватил ведро, выплеснул содержимое как можно дальше от себя и от Келли. И принялся внимательно рассматривать бак. Крышку он уже открутил и потому, приблизившись к баку, учуял сильный запах кислоты. Глубоко вдохнул, обхватил бак как можно крепче, очень осторожно, хорошо зная и опасаясь возможных последствий, и принялся его наклонять. Налитая доверху жидкость выплеснулась рядом с ведром на пол.

– Проклятье!

С пола поднимался дымок. Кислота с чем-то реагировала – добрый знак.

– Что ты делаешь?

– Ставлю эксперимент.

– Что? Что ставишь? – переспросила Келли до жалости сдавленным голосом.

Скудные сведения о химии, оставшиеся в памяти, говорили, что некоторые кислоты не растворяют ни металл, ни пластик. Тот факт, что баки пластиковые, убеждал, что ведерко не растворится.

Вонь жгучей кислоты усиливалась, Том чувствовал ее в горле. Шагнул назад, глубоко вдохнул, поднял бак на несколько дюймов и снова попробовал. На этот раз кислота полилась в ведро. Он налил его приблизительно до половины, поставил бак, подобрал наладонник, тщательно осмотрел ведро, убеждаясь, что ни на ручку, ни в другие места, к которым можно прикоснуться, не попало ни капли.

Плеснул немного на звенья цепи.

Ничего. С пола, где лежала цепь, поднимались струйки зловонного дыма, но со сталью не происходило никакой заметной реакции.

Том смотрел на пол в смертельном отчаянии и проклинал все на свете. С таким же успехом можно поливать цепь водой.

84

Карл Веннер расхаживал взад-вперед по конторе, зажав в зубах зажженную сигару, и попеременно срывал зло то на Лювиче, жевавшем жвачку и одновременно курившем травку, то на русском.

– Ребята, дело плохо. Просто *очень* плохо.

Он поднес к губам руку, вытащил сигару и снова начал обкусывать указательный палец, прямо-таки вгрызаясь в него. Редко говоривший русский сказал:

– Надо Юрия вытащить из больницы, пока не очнулся.

– Либо вытащить, либо заставить молчать, – уточнил Веннер.

– Я не убью своего брата, – мрачно заявил русский.

– Ты работаешь на меня, Роман, и сделаешь то, что я прикажу, черт возьми.

– Тогда я больше на тебя не работаю.

Веннер метнулся к нему:

– Слушай, кусок дерьма. Если б не я, ты до сих пор был бы долбаным трактористом на Украине, так что никогда не угрожай уйти от меня, потому что я просто выкину тебя пинком под зад, и что ты тогда будешь делать, мать твою?

Русский насупился, но промолчал. Лювич рубанул ладонью себе по шее:

– Я все устрою.

Русский шагнул к албанцу, твердо встал перед ним, будучи на голову выше бывшего боксера.

– Если убьешь моего брата, я тебя убью.

Албанец насмешливо смотрел мимо него, жуя жвачку. Дважды быстро перебросил в губах самокрутку, сделал две быстрые затяжки, глубоко вдыхая и выпуская дым, потом сказал:

– Сделаю то, что прикажет мне мистер Смит. Я повинуюсь мистеру Смиту.

– У нас есть более неотложное дело, – вмешался Веннер. – Этот трахнутый придурок Джон Фрост – Энди Гидни, – с его проклятыми прогнозами погоды… составил, черт его побери, один неверный прогноз!

Мужчины вопросительно на него посмотрели.

– Кислотный дождь! Нынче выдался плохой день для его шевелюры.

Русский усмехнулся; албанец, лишенный чувства юмора, ничего не понял. Он, как всегда, бросит тело Прогноза в цистерну с серной кислотой, а через пару дней перенесет кости в цистерну с соляной кислотой. После чего от придурка не останется никаких следов.

– Наша проблема в том, – продолжал Веннер, – что мы не знаем, что он сделал, что кому сказал. А про телефон соврал, правда?

Албанец кивнул:

– Он у него в машине, включенный.

– Мы понимаем, что это значит, да? – спросил Веннер.

Оба его наемника кивнули.

– Полиция может связаться с телефонной компанией, установить все его маршруты по Брайтону и Хоуву – точное время и место. Боюсь, джентльмены, нам нужен залог. Придется убираться отсюда на базу в Албании, пока шум не уляжется.

– Предпочитаю остаться здесь, – сказал русский.

Веннер стукнул себя в грудь:

– Мне пятьдесят девять лет. Думаешь, я добровольно провел бы оставшуюся часть своей жизни в стране, больше похожей на выгребную яму? Там даже женщины самые безобразные в мире. Мы живем здесь, потому что нам здесь нравится. Но вы, ребята, облажались.

– Как? – рассердился русский.

– Как? – переспросил Веннер, словно удивленный вопросом. – За Миком следили откуда-то из Кейптауна до автостоянки в центре Брайтона…

– Да, – перебил его албанец, – но я от них ушел на парковке.

– Да… А твой чертов «фольксваген» и прочее?

– Все верну.

Проигнорировав его, Веннер гневно обрушился на русского:

– А твой идиот братец привлек внимание полиции, потом разбил машину, после чего в лапы полиции попал ноутбук с нашим фильмом про д'Эта… Тебе не кажется, что это полная хренотень?

Русский молчал.

– Вот что мы сделаем, – сказал Веннер уже более доверительным тоном. – Прямо сейчас снимем мистера и миссис Брайс и избавимся от них. А потом будем смываться отсюда. Сегодня же днем отправимся в Париж. А оттуда уж дальше. О'кей?

Двое молчавших мужчин неохотно кивнули. Потом албанец спросил:

– А где будем снимать?

– Здесь, – решил Веннер. – В этой самой комнате. У меня есть несколько творческих идей. Мистер Брайс причинил нам много неприятностей: пусть пострадает. И хотелось бы мне посмотреть, как ему понравится то, что мы проделаем сначала с миссис Брайс. – Он взглянул на русского: – Роман, тащи их сюда. Развяжи ноги, склей пластырем – люблю его срывать.

И Карл Веннер, неожиданно возбудившись при мысли о том, что он сейчас сделает с Брайсами, замычал песню без слов.

85

– Том!

Услышав настойчивый приглушенный голос Келли, Том поднял глаза. Проклятие! В дальнем конце помещения вновь появился светлый прямоугольник. Кто-то входил – высокий худой мужчина в черном. Восточноевропеец.

Том рухнул на пол, прикрыв телом светившийся наладонник. Быстро нашарил его руками, нащупал кнопку питания, нажал, выключил. Зачем пришел? Ведро вынести? – не совсем к месту подумал он. Крепко прижал к бокам руки, плотно сдвинул ноги, стараясь как можно лучше изобразить то самое положение, в котором лежал связанный. Луч фонаря приближался.

Потом свет ударил в лицо.

– Мистер Брайс, я сейчас поведу вас наверх. Мы сделаем вас с миссис Брайс кинозвездами!

Содрогаясь от ужаса, Том подумал, что теперь в любую секунду мужчина увидит на полу обрывки веревки. *Должен* увидеть, если не слепой.

– Что значит «кинозвездами»? – спросила Келли надтреснутым от страха голосом.

Мужчина посветил на нее фонариком.

– Хватит болтать! Хочешь быстренько трахнуться? Мистер Брайс, не желаете посмотреть, как мы с вашей женой перепихнемся?

Ужас сразу превратился в ярость.

– Только тронь ее, и я тебя убью! – крикнул Том.

Мужчина повернулся к нему, угрожающе рявкнул:

– Хватит болтать, я сказал! – Наставил фонарь прямо Тому в лицо. – Заткнись. Ты еще будешь мне угрожать!

И опустился на колени. Том услышал треск оторванной липкой ленты, зная, что будет дальше. Сильно щурясь, увидел наклонившегося над ним мужчину. Почуял запах одеколона, острый, пряный, мужской.

Окаменел, понимая, что может нанести только один удар, и все. Досконально не продумал, просто должен был нанести.

Мужчина держал в руках широкую липкую ленту.

– Закрой рот, – велел он.

– Можно высморкаться? – спросил Том.

– Нет!

– Я сейчас чихну!

Тут он почуял легкое замешательство: мужчина заколебался на долю секунды. Этого было достаточно.

Том метнулся в сторону, перевернулся, схватил ведро обеими руками, поднял, повернулся, подставив лицо прямо под луч фонаря. Келли была в безопасности слева, в полной недосягаемости. И он с силой выплеснул содержимое ведерка прямо в горевший фонарь.

Почуял на своих руках несколько жалящих болезненных уколов кислоты, но едва их заметил, оглушенный чудовищным пронзительным смертным воплем.

Фонарь упал на пол. Том только видел, как мужчина пятится назад, закрывая руками лицо. Его надо схватить! Надо схватить, пока не скрылся!

Надо.

Том рванулся вперед, как хороший регбист, помня, что кислота наверняка разлилась по полу, но наплевав на это. У него был единственный шанс. Чуть не вывернув из суставов руки, он умудрился схватить мужчину за правую ногу, прежде чем цепь натянулась до предела. И с силой, которой в себе даже не подозревал, рванул ногу назад.

Мужчина упал на него, корчась, визжа, жалобно воя, хватаясь за лицо руками. Келли тоже вопила:

– Том! Том! Том!..

– Помогите! – вопил русский. – Помогите, помогите, пожалуйста, помогите… – Потом начал просто реветь в агонии, вцепившись в лицо, стараясь вырваться из рук Тома.

Раз он пришел за ними, сообразил Том, у него должны быть ключи от наручников. Он схватил фонарь, изо всех сил ударил мужчину в затылок. Зазвенело стекло, свет погас. Мужчина умолк и остался лежать неподвижно. Одну секунду в помещении слышалось только призрачное шипение, исходившее из его головы, сопровождавшееся зловонным запахом горелого мяса и волос. Том срыгнул: кислота наполнила воздух невидимой каустической дымкой. Келли тоже закашлялась.

Он нашел наладонник, включил, принялся рыться в пиджачных карманах мужчины. Почти сразу нащупал маленькую цепочку всего с двумя ключами и выхватил. Встал, трясясь от шока и страха, не зная, не появится ли еще кто-то в любую секунду, упал на колени, отыскал замок в свете наладонника. Рука так тряслась, что ключ никак не попадал в скважину.

Господи, ну давай же, давай!

Наконец ключ вошел. Только не повернулся. Должно быть, другой, решил Том. Другой каким-то чудом удалось вставить сразу, замок открылся, и через несколько секунд он уже хромал к Келли. Руки теперь жгло по-настоящему, хотя думать об этом не было времени.

Присев рядом, Том поцеловал жену, прошептал:

– Я люблю тебя.

Келли смотрела на него широко открытыми глазами, почти парализованная от потрясения. Он открыл замок у нее на ноге, начал трудиться над тугим узлом веревки, связывавшей ноги. У него снова тряслись руки: крепкий узел, дьявольски крепкий. Не поддается. Том пробовал снова и снова.

– Как ты, милая?

Келли молчала.

– Детка?

Нет ответа.

Потом Келли тихо вымолвила таким тоном, что у него по всей коже побежали мурашки:

– Том, сюда кто-то вошел.

Он поднял глаза. И наткнулся прямо на луч фонаря, светившего из дверей. Услышал укоризненный голос страдавшего ожирением американца:

– А вы глупый мальчик, мистер Брайс. Поистине очень глупый.

Луч, оторвавшись от лица Тома, пробежал по помещению. Через пару секунд он высветит русского на полу. Том, с натянутыми до последнего предела нервами, принял внезапное решение, не имея понятия о возможном исходе, но это было все равно лучше, чем лежать, скорчившись на полу, выжидая, когда американец приблизится.

Он вскочил и рванулся к дверям, целясь прямо в стоявшего в них мужчину в красно-коричневой рубашке. Просто бежал, опустив голову и вопя во весь голос:

– Ты-ы-ы пога-а-аный у-у-ублюдок…

Он смутно видел, как мужчина старается что-то вытащить из кармана. Что-то черное, металлическое. Пистолет.

А потом на бегу врезался головой в живот американца. Все равно что в большую подушку. Услышал шумный выдох, почувствовал в собственной шее острую резкую боль, на мгновение погрузился во тьму. Американец пошатнулся, упал на спину. Том упал вместе с ним, ударившись головой об пол.

Потом его сзади за шею схватила рука, холодная, твердая, больше похожая на железные клещи, чем на человеческую плоть. Выпустив шею, через долю секунды вцепилась в волосы, больно запрокинула голову, перевалила на спину, стукнув об пол затылком, пригвоздила на месте.

Том взглянул прямо в короткое пистолетное дуло и в ледяные глаза за ним.

Мужчина был плотный, мускулистый, со смазанными гелем короткими светлыми волосами, которые торчали иголками, и густо покрытыми татуировкой предплечьями. Он был в белой майке, с золотым медальоном на цепочке, который почти касался лица Тома; от него несло потом. Бесстрастно глядя сверху вниз, он жевал жвачку, перемалывая ее маленькими, на редкость белыми резцами, напоминавшими зубы пираньи.

Американец с трудом поднимался.

– Хотите, я его убью?

– Нет, – выдохнул американец, хрипло отдуваясь. – О нет. Мы ему не позволим так легко отделаться…

Поблизости вдруг послышался шум. Мужской голос крикнул:

– Полиция! Бросьте оружие!

Том почувствовал, как рука, державшая его за волосы, разжалась. Увидел, как противник в ошеломлении оглянулся, потом без колебаний вскинул пистолет, быстро произвел подряд несколько выстрелов. Шум был оглушительный, Том на секунду лишился слуха, ноздри забил запах пороха. Потом стрелявший и американец исчезли.

В следующее мгновение он услышал, как какой-то мужчина крикнул:

– Я ранен! Ох, Господи, меня подстрелили!..

86

Выскочив из большого лифта, Грейс ворвался в приоткрытую дверь с крупной предупредительной черно-желтой табличкой: «Дальше проход без защитных костюмов запрещен». Гленн Брэнсон, первым выбежавший из лифта, завернул за угол. Грейс услышал, как он крикнул:

– Полиция! Бросьте оружие!

Через несколько мгновений раздалась быстрая очередь из пяти выстрелов. Потом Гленн вскрикнул.

Добежав до угла, Грейс увидел на полу коллегу, схватившегося за живот окровавленными руками, с закатившимися глазами, и заорал в рацию:

– Суперинтендент Грейс… У нас раненый! Нужна «скорая»! Немедленно высылайте вооруженную группу…

Он споткнулся, на миг разрываясь между стремлением остаться с товарищем и схватить стрелявшего. Возле склада у него стояли в ожидании два фургона с полицейскими в форме, штурмовая бригада оперативников, бригада охраны общественного порядка, вооруженная дубинками и щитами, и родная бригада.

Оглянувшись на Ника Николла и Нормана Поттинга, следовавших за ним по пятам, он крикнул:

– Норман, останься с Гленном! – и побежал, видя, как впереди закрывается тяжелая металлическая дверь с табличкой «Запасный выход». Едва успев туда нырнуть, он полетел вверх по каменной лестнице, прыгая сразу через две ступеньки, слыша за спиной топот Николла, завернул за угол, потом за другой.

Поворачивая за третий, мельком заметил мужчину в майке и джинсах, с короткими торчавшими волосами, в котором Дерри Блейн из дактилоскопического отдела опознал Мика Лювича.

– Стой! Полиция! – прокричал Грейс.

Мужчина остановился, оглянулся, наставил на него оружие. Грейс распластался на стене, удержал Ника Николла, видя вылетевшую из дула вспышку, слыша свист пролетевшей пули, чувствуя брызнувшие в лицо осколки цемента. Мужчина скрылся из вида.

Грейс выждал несколько минут, снова помчался вверх по ступеням, абсолютно забыв об опасности, чувствуя одну злость, решимость достать сукиного сына, схватить и голыми руками разорвать на клочки. Обогнул очередной угол, остановился. Никаких признаков Лювича. Взлетел еще на один пролет с колотившимся сердцем, вновь свернул за угол, вновь помедлил, осторожно продвигаясь вперед дюйм за дюймом. Ничего.

Должно быть, они почти добрались до самого верха.

Снова ступеньки, снова угол. Еще ступеньки. Еще угол. Перед ними наглухо захлопнулась железная дверь с большой красной табличкой «Выход». Грейс подбежал, запыхавшись, оглянулся на Николла:

– Осторожно…

Юный констебль кивнул.

Послышался рев мотора, грохот роторов. Этот же вертолет, который он видел на крыше, догадался Грейс.

Он толчком распахнул створку. Чудовищно разжиревший мужчина с волосами, собранными в поросячий хвостик, в котором Грейс по фотографии, раздобытой Дерри Блейном, мгновенно опознал Карла Веннера, сидел в пилотском кресле черного вертолета.

Это был маленький четырехместный «робинсон». Лювич отвязывал крепежный трос, прикреплявший полоз к металлической стойке. Выскочив из дверей, Грейс завопил:

– Стоять! Полиция!

Албанец вскинул пистолет. Видя вспышку, Грейс резко пригнулся. Дул сильный ветер, усугублявшийся потоками воздуха от вращавшихся винтовых лопастей вертолета. Укрывшись от ветра и от пистолета албанца за ближайшей надстройкой, предположительно верхней шахтой лифта, он услышал свист совсем рядом с ухом.

Подсчитал: семь выстрелов. Сколько еще в обойме?

Крепежный трос упал. Лювич побежал к вертолету с другой стороны. Грейс оглянулся на Николла, крикнув:

– Подальше держись! – И пополз вперед на животе, оглядываясь по сторонам в поисках прикрытия.

Неподалеку справа от себя заметил мешки с цементом и штабель кирпичей. Мужчина с торчавшими волосами в это время отвязывал другой трос. Грейс вскочил, бросился к нему.

Лювич снова поднял пистолет. Грейс рванулся в сторону, заметив вылетевшую из дула вспышку, чертовски жалея, что ему не хватило ума надеть бронежилет. Через секунду раздался щелчок. Лювич снова нажал на спусковой крючок. Ничего.

Тогда Грейс кинулся на него. Нога албанца взметнулась, ударила под подбородок. Он грохнулся на спину на скат крыши, перевернулся и онемел, оглушенный.

Двигатель вертолета взревел громче. Грейс сделал очередной кульбит, прищурился с еще затуманенным взором, неясно различая крыши, одиночную высокую каминную трубу вдали, в том месте, где когда-то находилась шорэмская электростанция, чувствуя усиливавшиеся порывы ветра. Лювич был уже на борту. Полозья отрывались от крыши.

Грейс в отчаянии бросился к штабелю кирпичей. И вдруг увидел перед собой длинную крепежную стойку от строительных лесов. Схватил, изо всех сил широко размахнулся, целясь в хвостовой винт.

Лесина на секунду зависла в воздухе, как в замедленной съемке. Он решил, что слишком широко размахнулся, но, к его удивлению, палка угодила в цель.

Послышался металлический скрежет, посыпались искры. Вертолет завалился на бок.

Потом показалось, что он все же ошибся, – машина резко взмыла на несколько футов и вдруг завертелась вокруг своей оси. Грейс увидел, что хвостовой винт совсем развалился.

Вертолет повернулся раз, другой, третий; на третьем витке затрясся, летя прямо на Грейса, с воющим двигателем. Пришлось плашмя распластаться на крыше, чтобы не попасть под полозья. Ветер чуть не срывал одежду со спины и волосы с головы. Послышался страшный удар, посыпались дождем осколки камней и металла, вертолет сбоку врезался в надстройку шахты лифта. Словно крупное насекомое, ошалевшее от разбрызганного инсектицида, он шарахался в стороны, лопасти центрального винта крутились в нескольких дюймах от Грейса, который катался из стороны в сторону, стараясь не подвернуться под них.

Он мельком разглядел за штурвалом и приборной доской Веннера в красно-коричневой рубашке, который с перепуганной физиономией пытался выправить машину; побелевшего, застывшего в ужасе Лювича.

Вертолет накренился, пару раз перевернулся, падая к краю крыши, напоминая дешевые игрушки уличных разносчиков в Брайтоне, которые вращаются по инерции под тяжестью своего веса.

В воздухе вдруг разлился запах авиационного бензина.

Подбитая машина вторично ударилась об надстройку, завалилась, рухнула на бок, поползла, все еще работая, пока кабина не свесилась с крыши. Вертолету не давал упасть вниз только хвост, зацепившийся за основание шахты лифта.

Мотор заглох.

Грейс поднялся и побежал.

Машина раскачивалась вверх-вниз. Потерявший сознание Лювич лежал вверх ногами на стеклянной крыше перевернутой кабины. Веннер, тоже в положении вниз головой, пытался выпутаться из застегнутых ремней. Вертолет в любой момент мог упасть.

– Помогите! – взмолился мужчина с поросячьим хвостиком, протягивая руку из открытой болтающейся дверцы. – Ради бога, помогите, пожалуйста!..

Грейс, не совсем хорошо себя чувствовавший на высоте, посмотрел на автомобильную стоянку далеко внизу, стоя на ветру, грозившем смести его с крыши… Потом схватил мужчину за запястье, жирное, словно окорок.

Вертолет покачнулся. Страшно пахло бензином. Он чувствовал в ладони что-то твердое и колючее. Часы. Перехватил пухлую руку повыше, взглянул в крошечные перепуганные глаза мужчины, умоляюще смотревшие на него.

– Помогите! Вытащите меня! – Медальон раскачивался над головой.

Вертолет вновь тряхнуло. Грейса бросило вперед. Еще несколько дюймов, и он свалится с крыши. Лихорадочно соображая, он крикнул:

– Ремни! Отстегните ремни!

Толстяк в панике не понимал ничего, лишь вопил:

– Помогите!..

– Отстегни ремни, черт побери! – рявкнул Грейс.

Раздался скрежет. Вертолет сползал с крыши. Остались считаные секунды.

– Отстегни ремни!..

Рука чуть не выскочила из суставов. Грейс изо всех сил цеплялся за жизнь. Бесполезно. Но все-таки он цеплялся, цеплялся.

Снова взглянул в маленькие глазки, полные безнадежности.

Вдруг рядом оказался Ник Николл. Послышался легкий щелчок. Потом, как во сне, вертолет перевернулся, удаляясь от Грейса, как гигантская игрушка. И рухнул на землю, пробив крыши черного «мерседеса» и маленького белого «фиата». Почти моментально взлетел огромный огненный шар.

Внизу, под Грейсом, за краем крыши висел мертвым грузом окаменевший, дергавшийся Веннер, которого они с Николлом удерживали за руки. Металлический браслет часов больно впивался в ладонь.

Веннер что-то долго и неразборчиво бормотал. Жар опалил лицо Грейса. Веннер выскальзывал. Надо его удержать. Надо, чтобы подонок остался в живых, смерть для него слишком счастливый исход, черт возьми. И вдруг, неизвестно откуда, суперинтендент нашел в себе силы; похоже, это удалось и Николлу в тот же самый момент. В следующую секунду толстяк с поросячьим хвостиком, как гигантская жирная рыба, был вздернут на безопасную крышу.

Веннер лежал на спине, подвывая от страха, на ширинке расплылось темное пятно – он обмочился. Грейс, не тратя зря времени, грубо перевернул его лицом вниз, заломил руки за спину и защелкнул наручники. Вонь стояла ужасная – гад еще и обделался, но Грейс почти этого не заметил, переключившись на автопилот.

Крикнув Николлу, чтоб он завел толстяка в здание, Грейс побежал к пожарной лестнице и дальше по лестничным пролетам к подвалу. Норман Поттинг, к которому присоединились

теперь два констебля в штатском, стоял на коленях рядом с Гленном Брэнсоном – тот, кажется, находился в полубессознательном состоянии.

– Здесь сейчас все на воздух взлетит, черт возьми! – крикнул Грейс. – Выносим его!

Он подхватил друга снизу под плечи, констебль поддерживал за поясницу, Поттинг и другой констебль взялись за ноги. Они протащили Гленна вверх по лестнице, и выскочили через пожарный выход на стоянку, где жарко пылали машины и вертолет, стоял удушливый запах горелой краски и резины, гремела какофония сирен.

Тащили Брэнсона как можно дальше от огня, насколько сил хватало, пока Грейс не увидел летевшую к ним «скорую».

Они остановились. Он взглянул на Брэнсона, наклонился к нему:

– Как ты?

– Помнишь, как Джона Уэйна подстрелили в том фильме… – слабо прошептал Брэнсон.

– Он жив остался? – перебил его Грейс.

– А как же…

– Значит, ты тоже?

– Угу.

Грейс поцеловал друга в лоб, не мог удержаться: он любил этого парня.

Потом отошел в сторону, когда за дело взялись санитары, и внезапно почувствовал что-то в руке. Посмотрел и увидел часы с голубым стеклом на сломанном металлическом браслете. Запачканные кровью. Его собственной.

Это часы с руки мужчины с поросячьим хвостиком, сообразил Грейс. Черт возьми, каким образом…

И вспомнил телефонный звонок ясновидящего Гарри Фрейма часа два назад.

«– Я видел часы.

– Часы? Наручные?

– Правильно! Наручные часы! Тут есть что-то очень существенное. Часы приведут тебя к чему-то весьма существенному для дела, над которым ты сейчас работаешь.

– Уточнить можешь?

– Нет, я… Это все. Не знаю, имеет ли это значение…

– Какая-нибудь конкретная особенность?

– Нет. Думаю, что часы дорогие».

Посасывая ладонь, чтобы остановить кровь, Грейс подошел к Нику Николлу, захлопнувшему за Веннером дверцу полицейского автомобиля.

– Ты в наручных часах разбираешься?

Его сотрудник был бел как мел, его била сильная дрожь. Нехорошо. Тяжелый шок.

– Не очень. А что?

Грейс показал часы, которые держал в руке:

– Что скажешь?

Норман Поттинг сунулся посмотреть.

– Это «брейтлинг».

– Что тебе о них известно?

– Только то, что я их себе никогда позволить не смогу. Дорогие.

К ним подбежал озабоченный испуганный констебль:

– Пожалуйста, поскорей уходите. Мы опасаемся, что здание взорвется, там полно химикатов.

Грейса вдруг охватила паника.

– Господи боже, а где, черт возьми, мистер и миссис Брайс?!

– Все в порядке, сэр, – успокоил его констебль. – «Скорая» везет их в больницу.

– Молодец.

87

Через пять минут, как раз когда подкатила первая пожарная машина, склад взорвался. От взрыва выбило стекла в радиусе четверти мили. Только через два дня температура упала настолько, что на место смогла явиться следственная бригада для выполнения своей невеселой задачи.

Со временем были обнаружены останки трех человек. Одного через пару недель опознал его брат, по-прежнему лежавший в больнице под охраной полиции, по частично расплавившемуся медальону на шее. От другого остался лишь череп, который, как выяснилось по карточке дантиста, принадлежал Джейни Стреттон. В третьем, тоже по зубам, опознали Энди Гидни.

Высокая температура горения не позволила установить по немногим остаткам костей точную причину его смерти. И никто не сумел объяснить, что вообще он там делал.

Через пару месяцев сержант Джон Рай из отдела высоких технологий представил доклад коронерскому суду. При отсутствии вещественных доказательств коронеру ничего не оставалось, кроме как вынести открытый вердикт. Короткий, но не столь информативный, как судоходный прогноз.

В половине пятого Рой Грейс наконец покинул пожарище, далеко еще не локализованное и не взятое под контроль. Он поехал прямо в Королевскую больницу графства Суссекс, чтобы навестить в реанимации Гленна Брэнсона.

Хорошенькая жена Гленна, Эри, была уже там. Она никогда не питала к Грейсу особенно теплых чувств, обвиняя, по его догадкам, в том, что он слишком часто уводит мужа из дому. И сегодня она ничуть не оттаяла. Гленну повезло. В него попала всего одна пуля, прошла сквозь брюшину в полудюйме от позвоночника. Немножечко поболит, но он наверняка будет с большим удовольствием долго выздоравливать, глядя фильмы с ранеными и выжившими экранными героями.

Потом Грейс встретился в отделении интенсивной терапии с родителями Эммы Джейн. Мать, привлекательная женщина сорока с лишним лет, приветствовала его стоической улыбкой, а притихший отец сидел, не выпуская из рук желтый теннисный мячик, словно от этого зависела жизнь его дочери. Кажется, Эмме Джейн лучше – вот все, что они могли сказать.

Грейс покинул больницу в унынии, спрашивая себя, что он за руководитель, если позволил двум членам собственной команды очутиться так близко к смерти. Остановившись у рабочего кафе, он зашел, съел солидную порцию жаркого, выпил чашку крепкого кофе.

Покончив с едой и почувствовав себя значительно лучше, он облокотился, сгорбившись, на пластиковый столик и сделал ряд телефонных звонков. А когда встал, собравшись уходить, зазвонил его мобильник. Ник Николл осведомился о его самочувствии, потом сказал, что до сих пор не имел возможности доложить о своей встрече с офицером Столичной полиции по поводу девушки в браслете со скарабеем, найденной мертвой на Уимблдонской пустоши. Оказывается, это ложный след. Совпадение. Ее дружок сознался в убийстве. Белла Мой, работавшая над выявлением других случаев, не обнаружила, чтобы на месте прочих убийств присутствовал бы скарабей.

«Может быть, нам повезло, мы их рано застукали, – предположил Грейс. – Хотя недостаточно рано для бедной Джейни Стреттон».

Он велел молодому констеблю идти домой, обнять жену, которая должна родить со дня на день, и сказать ей, что он ее любит. Николл удивленно поблагодарил. В данный момент Грейс был именно в таком настроении. Жизнь драгоценна. И полна опасностей. Никогда не знаешь, что ждет за углом. Цени то, что есть, пока оно есть.

Когда он садился в машину, позвонила Клио, радостная и бодрая.

– Привет! – сказала она. – Извини, что так долго не перезванивала. Можешь говорить?

– Абсолютно свободно.

– Хорошо. У меня выдался просто дьявольский день. Четыре трупа – знаешь, как бывает после выходных?

– Знаю.

– Один на мотоцикле разбился, пятидесятилетний мужчина упал с приставной лестницы, и еще две старушки. Не говоря уже о мужской голове, которую вчера доставили; от нее мало чего осталось, но ты о ней, по-моему, знаешь.

– Слышал немного.

– Потом пришлось в обеденный перерыв ехать в торговый центр за подарком старикам на годовщину.

– Каким старикам?

– Моим родителям!

– А.

– И моя машина застряла на стоянке на Сивик-сквер. Кто-то будто бы сообщил о заложенной бомбе – можешь поверить в эту чертовщину?

– Да что ты?

– Когда я наконец добралась до машины, весь чертов город был перекрыт!

– Что-то слышал, – сказал Грейс.

– Ну а у тебя что? – спросила Клио.

– Да знаешь, как всегда, обычный день.

– Никаких особенных волнений?

– Нет.

На несколько секунд между ними воцарилось странное, но приятное молчание. Потом Клио сказала:

– Мне целый день страшно хотелось с тобой поговорить. Только лучше это сделать в свободное время. Без спешки – привет, классная была ночка, пока!

Грейс рассмеялся. И вдруг подумал, что ужасно давно не смеялся. Долгие-долгие дни.

Позже, гораздо позже, после многих часов, проведенных в кабинете за подготовкой горы бумаг, Грейс оказался в квартире Клио.

В ту ночь любви он заснул в ее объятиях, как младенец. И спал мертвым сном, не испытывая никакого страха перед жизнью.

88

В четверг утром Том Брайс со сплошь забинтованными руками, еще адски болевшими от кислотных ожогов, на пару часов заглянул к себе в офис.

Судя по восторженным приветствиям сотрудников и высившимся на письменном столе грудам вырезок с первых газетных полос, где красовались они с Келли – национальные герои двух последних дней, – события не причинили «Брайс–Райт промоушинал мерчандайз» никакого вреда. Два конторских коммивояжера, Питер Чард и Саймон Вонг, были на седьмом небе – они не помнили, когда в последний раз получали столько заказов от прежних и потенциальных клиентов.

– Ох, – добавил Чард, поднявшись из-за своего стола, – еще одна хорошая новость: мы доставили «ролексы» Рону Спэксу. Все двадцать пять штук. Маржа дьявольски невероятная!

– Я так и не видел окончательный вариант, – сказал Том, вдруг немного встревожившись. Если в гравировке на двадцати пяти «ролексах» что-то не так, разразится финансовая катастрофа.

– Не волнуйтесь! Я ему вчера звонил, спрашивал, все ли в порядке. Он счастлив, как жаворонок.

– Пожалуйста, дайте мне документы на них.

Через пару минут Чард выложил папку на стол. Том открыл ее и вытаращил глаза на бланк заказа. Маржа и вправду фантастическая – прибыль с каждой штуки составляет тысячу четыреста фунтов! Помножим на двадцать пять, получится тридцать пять тысяч… Никогда у него еще не было такого выгодного заказа, никогда в жизни!

Потом восторги померкли. Келли согласилась лечь в клинику, лечиться от алкоголизма. После этого они начнут жизнь сначала. Но хорошая лечебница стоит целого состояния. В тех, что возглавляют список, требуется пара тысяч в неделю, помноженная на несколько месяцев. Если действительно хочешь получить результат, это обойдется в добрых тридцать-сорок тысяч. И еще надо оплачивать уход за детьми, пока она там.

Ну, по крайней мере, этот заказ хоть что-то покроет, а за шесть лет делового сотрудничества Рон Спэкс всегда платил вовремя. Через неделю после доставки. Ни днем позже.

Просматривая бумаги, Том спросил:

– Когда их доставили?

– Вчера.

– Быстро управились, – заметил он. – Я принял заказ только…

– В четверг, – подсказал Питер Чард. – Ну, я отыскал поставщика, у которого имелся запас, а наш гравер работал всю ночь.

– Я не видел рисунка, Спэкс только обещал его прислать.

Чард перевернул несколько листов бумаги, ткнул пальцем в ксерокопию:

– Большое увеличение. На самом деле микроскопическая точка, невидимая невооруженным глазом.

Опустив глаза, Том увидел графическое изображение жука, красивого, но несколько зловещего насекомого, с непонятными отметинами на спинке и торчавшим на голове рогом. Он нахмурился.

– Жук-скарабей, – подсказал Чард. – У древних египтян считался священным.

– Правда?

– Угу. Омерзительное существо. Его еще называют навозным жуком.

– Зачем ему нужна такая гравировка на часах?

Чард пожал плечами:

– Спэкс ведь торгует лазерными дисками…

– Да, и в крупном масштабе.

– Может, есть какая-нибудь запись под таким названием. – Чард вновь передернул плечами. – Он ваш клиент, я думал, вы знаете…

Тома вдруг прохватила холодная дрожь. Может быть, надо рассказать об этом суперинтенденту Грейсу при следующей встрече – посмеяться над совпадением, ничего больше.

Впрочем, он решил обождать. Пусть сперва Рон Спэкс расплатится.

Примечания

1

eBay – международный интернет-рынок, позволяющий любому желающему вести торговые операции в режиме онлайн. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

«Груффало» – популярная стихотворная сказка о приключениях храброго и находчивого мышонка.

3

Наладонник – карманный персональный компьютер.

4

Стоун – старинная английская мера веса, равная 14 фунтам или 6,35 кг.

5

Леди Брэкнелл – персонаж пьесы О. Уайльда «Как важно быть серьезным».

6

См. роман Питера Джеймса «Убийственно просто».

7

«Стар трек» («Звездный путь») – американский научно-фантастический телесериал, очень популярный среди подростков.

8

Граучо Маркс – участник очень популярного в начале прошлого века квартета комиков «Братья Маркс».

9

«Куки» – от англ. «cookie» (печенье) – своего рода маркер для создания комфортабельных условий работы с конкретным интернет-сайтом. Используется хакерами для сбора информации о запросах того или иного пользователя.

10

Пондс – пруды (англ.).

11

Рельефный шрифт для слепых, разработанный французом Луи Брайлем (прим. ред. FB2)

12

Холистический (от греч. «holos» (целое) – согласно мистико-философской традиции, основанный на принципе подчинения всех частей чего-либо единому целому.

13

Столичная полиция – официальное название сил охраны правопорядка Лондона, за исключением Сити, где есть собственная полиция.

14

День отца – общенациональный праздник США и Великобритании, отмечается в третье воскресенье июня.

15

«Скраббл» – игра в слова (фишками с буквами на разграфленной доске).

16

Данная теория изложена в романе Питера Джеймса «Убийственно просто», см. цитату ниже. (прим. ред. FB2)

Мозг человека делится на левое и правое полушария. Одно полушарие – вместилище долгосрочной памяти, а в другом происходят творческие процессы. Когда человеку задают

вопрос, его зрачки почти всегда смещаются в сторону полушария, задействованного для ответа. У некоторых памятью заведует правое полушарие, а у некоторых – левое; творческое полушарие – и другое.

Когда человек говорит правду, его зрачки смещаются в сторону полушария памяти; когда он лжет – в сторону творческого.

17

«Код да Винчи» – бестселлер американского писателя Дэна Брауна.

18

Спирз, Бритни – американская поп-певица, активно эксплуатирующая китчевый имидж разбитной школьницы. Весьма популярна у девочек-подростков.

19

Чон-цзе (Чжуань-цзы) (ок. 370–301 до н. э.) – китайский философ.

20

«Нэшнл траст» – общественная организация, основанная в 1895 г. британскими филантропами для охраны природы и недвижимости.

21

То есть периода царствования английской королевы Елизаветы I (1533–1603, на троне с 1558 г.).

22

«Грэнд нэшнл» – крупнейшие бега в Англии.

23

Баркер Ронни (1929–2005) – британский актер-комик.

24

Мур Майкл (р. 1954) – американский кинорежиссер.

25

Ньюмен Пол (р. 1925) – американский актер.

26

Оливье Лоренс (1907–1989) – английский актер.

27

Тернер Уильям (1775–1851) – английский художник.

28

Фамилия д'Эт (D'Eath) созвучно слову death – смерть (англ.).

29

Смит Уилл (р. 1970) – американский актер и музыкант.

30

Аскот – ипподром близ Виндзора, где с 1711 г. ежегодно в июне проходят четырехдневные скачки, на которых присутствует английская аристократия.

31

Пепис Сэмюел (1633—1703) — командующий британским флотом, в дневниках которого дана красочная картина жизни официальных и великосветских лондонских кругов в эпоху Реставрации.

32

Барристер – адвокат, имеющий право выступать в высших судах.

33

Роудин-скул – одна из известнейших частных привилегированных женских школ близ Брайтона.

34

Хэтауэй Энн – жена Уильяма Шекспира, дом которой сохранился и ныне превращен в музей.

35

«Зеленые рукава» – популярная народная песня, известная с XVI в.

36

Кокни – просторечный выговор коренных лондонцев.
